www.devec.ru

Развитие и экономика

5

март 2013

Гармония – это не отсутствие противоречий,
а превращение их в движущую силу

Афон – уникальное духовное и культурное достояние человечества

Международная конференция

Белград, Сербия
23-26 июня, 2013 г.

Конференция проводится при участии международных обществ **«Друзья Афона»** и организационной поддержке Мирового общественного форума **«Диалог цивилизаций»**. Подробная информация содержится на сайте www.holy-mount-athos.org.

Проведенные конференции:

«Вклад Святой Горы Афон в европейскую духовную и интеллектуальную традиции»
Зальцбург (Австрия) 8-9 июля 2011 г.

«Афон – уникальное духовное и культурное достояние современного мира»
Веймар (Германия) 23-25 июня 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

март 2013 | №5

редакционная колонка

4 Д.А. Андреев
Смысловая геостратегия

интервью

8 М.Ю. Байдаков:
«Правильно осознанная общность – и позитивного, и негативного – может дать более прочную основу для межгосударственных альянсов, нежели только экономический интерес»
Интервью председателя правления «Миллениум Банка»

документ

17 **Миланский меморандум**

форум

18 Ф. Бассанини
Необходимо вернуться к планированию роста в долгосрочном периоде

21 Л. Сенн
Инфраструктура, развитие и политика совместного участия

23 Э. Ревильо
При реализации долгосрочных проектов необходимо задействовать разные финансовые инструменты

26 В.И. Якунин
Необходимо создавать точки реального роста

теория развития

30 В.М. Симчера
Евразийскому союзу – евразийскую статистику

42 В.Е. Лепский
Чтобы в России заработала демократия, надо научиться управлять сложностью

52 С.Н. Белкин
«Цель утрачена – и сил как не бывало». Философствование о целях, ценностях и базисах единения стран и народов

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Главный редактор: **Сергей Белкин**
Первый заместитель главного редактора: **Дмитрий Андреев**
Заместитель главного редактора: **Вадим Прозоров**
Арт-директор: **Олег Фирсов**
Секретарь редакции: **Екатерина Певзнер**

Адрес:
129010, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.
Тел.: +7 (495) 788-98-68
Факс : +7 (495) 788-98-69
www.devec.ru
info@devec.ru

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Печать: «Немецкая фабрика печати»
Тираж: 2500 экз.
Дата выхода в свет: 31 марта 2013

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции.
При использовании материалов альманаха «Развитие и экономика» в любой форме ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой рассылкой по собственной базе данных, а также на форумах, конференциях, круглых столах и т.п. Заявку на включение в список рассылки направлять в редакцию. Оформить заявку можно на сайте www.devec.ru

Партнер: Международный общественный форум «Диалог цивилизаций»

Россия и Европа

70 А.А. Громыко
Пространства Европы: фрагменты или части целого?

74 В.В. Трухачев
Вацлав Клаус: геополитические игры строптивого чешского евроатлантиста

82 Е.Г. Пономарева
Балканы как зона (дез)интеграции

98 О.В. Солопова
Двойное гражданство по зову сердца

106 А.П. Савельева
«Кто знает край, где небо блещет неизъяснимой синевой…»

Россия и Азия

116 Ю.В. Тавровский
Третье дыхание для Сибири и Дальнего Востока

124 О.И. Ибраимов
Россия: технология притягательности

130 А.В. Власов
Евразийская интеграция: взгляд из Казахстана

136 В.И. Юртаев
Иран в Евразии: вызовы «исламского пробуждения»

154 Л.Ф. Адилова
Дилеммы политического ребрендинга на пространстве СНГ

Россия и Россия

162 А.И. Неклесса
Преодоление Евразии. Заметки о борьбе за пространство и будущее

проектный подход

176 А.Н. Белкин
Карманный Виньола. О градостроительной культуре современной Москвы

юбилей как аналитика

182 В.Т. Третьяков:
«Честность в журналистике – очень опасная вещь»
Интервью декана Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова

annotated table of contents

204 **Аннотированное оглавление на английском языке**

анонс

208 **Итоги и перспективы**

редакционная колонка

Дмитрий Александрович Андреев –
первый заместитель главного редактора
альманаха «Развитие и экономика»

Смысловая геостратегия

Тема представляемого номера – смысловые, культурные, цивилизационные факторы, влияющие – в положительном или в отрицательном отношениях – на интеграционные процессы в Евразии. В каком-то смысле можно считать, что это – новый заход «Развития и экономики» на тот же самый проблемный комплекс, который рассматривался во втором номере альманаха. Но такое впечатление справедливо лишь отчасти. Второй номер стал реакцией на вполне конкретный политический проект, заявленный лидерами трех постсоветских государств, – Евразийский союз. Соответственно материалы второго номера представляли собой в большей степени именно ситуативный отклик на подобную инициативу. Причем реакцию главным образом прикладную. По мере разворачивания дискуссии вокруг Евразийского союза становился все более очевидным факт, что конструирование евразийских интеграционных моделей нуждается в серьезной теоретической проработке с точки зрения своего рода смысловой геостратегии. Вот такой геостратегии и посвящен настоящий номер альманаха.

Номер открывает интервью Михаила Юрьевича Байдакова, которое помогает понять, откуда вообще появилась потребность нового взгляда на евразийскую интеграцию. Учредитель альманаха называет два фактора, которые предопределили повышенное внимание к вопросам именно нематериального, культурно-смыслового сшивания Евразии. Первый фактор – это вызванная мировым кризисом задача иначе взглянуть на экономику и увидеть в ней не цель, а инструмент. Причем инструмент обеспечения не только материального благосостояния, но и динамичного развития, включающего в себя в качестве определяющих такие направления, как культурное строительство, образование, наука. Второй фактор – продолжающееся на протяжении нескольких лет сотрудничество российских экспертов и представителей деловых кругов с их западными коллегами в сфере формулирования иного взгляда на экономику. В ноябре прошлого года в Милане прошла очередная встреча представителей этого сообщества, на которой был принят совместный документ, который помещен сразу после интервью.

Интервью М.Ю. Байдакова закономерным образом дополняется подборкой выдержек из четырех выступлений на конференции в Милане, на которой в ноябре прошлого годакак раз и обсуждались актуальные проблемы развития евразийской экономики (да и не только экономики). Среди публикуемых участников конференции три представителя итальянских деловых кругов – Франко Бассанини, Ланфранко Сенн и Эдуардо Ревильо, – а также глава ОАО «РЖД» Владимир Иванович Якунин. Сквозная идея всех четырех текстов сводится к ответу на вопрос, как заставить экономику перестать быть виртуально-спекулятивной и снова вернуть ей функции эффективного инструмента для обеспечения развития. Среди предлагаемых мер называются и возврат к практике долгосрочного инвестирования, и разворачивание крупных инфраструктурных международных проектов, и многое другое. Примечательно, что о такой повестке дня говорят не представители общественности и не кабинетные ученые, а практики, люди дела, способные в достаточно оперативном режиме конвертировать высказанные идеи в конкретные проекты.

На первый взгляд статья Василия Михайловича Симчеры несколько выбивается из общего проблемного ряда материалов номера своей предельной конкретностью. Однако статистика, о которой рассуждает автор, просто не может не быть конкретной, она перестает выполнять свои функции, если утрачивает однозначность и четкость показателей и скатывается к рассуждениям «по поводу». Если евразийская интеграция выстраивается на экономической основе – а иного фундамента у нее просто не может быть, – то ей никак не обойтись без унификации статистических приемов и без создания надгосударственных статистических институтов, которые бы стали разрабатывать подобные приемы и внедрять их в практику. Автор наглядно – на примере целого ряда данных – показывает, как нестыковки в принципах статистического учета препятствуют интеграции экономик стран формирующегося Евразийского союза. Внимательное изучение приводимых в статье таблиц подводит к выводу о том, что процессы создания такого надгосударственного объединения потребуют значительного времени.

Статья Владимира Евгеньевича Лепского также может показаться несоответствующей теме номера. Автор размышляет над такой фундаментальной темой, как совершенствование демократии в России. В статье предлагается нетривиальный рецепт – подойти к решению этой проблемы через социальные технологии, которые позволяют управлять сложностью, переформатировать сложность в ресурс развития. Думается, что указанная проблема удачно вписывается и в евразийский контекст. Демократия все больше начинает восприниматься как некая вывеска, обеспечивающая легитимацию подчас прямо противоположных – антидемократических – механизмов управления. Наконец, зазор между демократией как неким брендом и потребностями развития становится все более очевидным. Такой зазор ощущается сегодня и на Востоке, и на Западе. Поэтому развернутая в материале программа овладения сложностью ради превращения демократии в инструмент развития может иметь и международное приложение.

Сергей Николаевич Белкин обращается к теме номера сквозь оптику проблемы, которую можно назвать сквозной в его публикациях как в альманахе «Развитие и экономика», так и в иных работах. Эта оптика емко описывается тремя понятиями – «цели», «ценности» и «развитие». Возможные альянсы России в Евразии оцениваются автором с точки зрения того, насколько они адекватны исторически предопределенным целям существования нашей страны, сформировавшемуся за многие столетия ее истории ценностному базису. Наконец, ключевым критерием необходимости встраивания России в те или иные интеграционные модели является соответствие таких моделей задачам ее развития. Автор разбирает с этой позиции те интеграционные модели, которые чаще всего упоминаются в пространстве публичной дискуссии. Текст, с одной стороны, предельно субъективен и категоричен, однако с другой стороны, именно в силу подобных характеристик он обладает мощным аргументационным зарядом, заставляющим воспринимать заявленную тему номера критически – как материал к размышлению.

В материале Алексея Анатольевича Громыко анализируется интеграционный опыт Европы. Автор, безусловно, отдает себе отчет в том, что такой опыт не может быть автоматически транслирован в те интеграционные образования, в которые встроена Россия. Вместе с тем этот опыт способен стать чрезвычайно поучительным с точки зрения оценки тех рисков и вызовов, которые возникают на пути нашего обращения к примерам европейских интеграций, тем более что проектируемый в настоящее время Евразийский союз принято сравнивать с Европейским союзом. Автор практически конспективно, однако содержательно и с доводами анализирует европейскую ситуацию и делает прогнозы относительно ее перспектив, в том числе и с позиции соотнесения с ней тех или иных интересов России. Авторское ви́дение будущего Европы как пространства развития в целом оптимистично, хотя с этой точки зрения, как представляется, на сегодняшний день имеется слишком много свидетельств, заставляющих говорить об усугубляющемся кризисе этой территории именно как очага развития.

Вадим Вадимович Трухачев оценивает политику теперь уже бывшего президента Чехии Вацлава Клауса, считавшегося – во всяком случае, в последние годы – «тяжеловесом» не только восточноевропейской, но и европейской политики, непосредственно своей осмотрительной и осторожной деятельностью влиявшим на темпы интеграции внутри того образования, которое именуется Западом. Скандальный уход Клауса со своей должности – устроенный ему импичмент буквально перед самым вступлением в должность его преемника – акт бессмысленный, но именно в силу этого знаковый, преднамеренно символичный. Он чем-то напоминает шумиху вокруг якобы украденной Клаусом ручки во время подписания договоренностей с президентом Чили. Как в одном, так

и в другом случае отделить черный пиар от того, что было на самом деле, вряд ли возможно, особенно по свежим следам. Ясно одно: у политика, имевшего собственный взгляд на то, какой должна быть единая Европа, по определению должно быть много недоброжелателей.

Елена Георгиевна Пономарева обращается к региону, который на протяжении только одного минувшего столетия несколько раз разрушал те или иные проекты европейского единства, – к Балканам. С этой точки зрения удачным представляется уже само название статьи. Действительно, история наглядно показывает, что попытки реализации интеграционных проектов внутри Балкан приводили к мощным дезинтеграционным ответным реакциям, выплескивавшимся подчас далеко за пределы полуострова. Несмотря на то, что материал статьи обращен преимущественно в прошлое – к фактам истории, он подталкивает к размышлениям о том, какой может стать роль Балкан при очередной попытке выстраивания единой Европы, какие этот регион содержит в себе угрозы для тех или иных общеевропейских начинаний. Наконец, что представляется, пожалуй, наиболее важным, статья подводит к мысли о том, насколько осмотрительной должна быть Россия, учитывая «балканский фактор» в своих интеграционных проектах. Уроки истории в этом смысле не должны забываться.

Несмотря на то, что Беларусь является равноправной участницей Евразийского союза, о ней в данном контексте говорят неизмеримо меньше, чем о Казахстане и России. Что, может быть, и объяснимо, если принимать в расчет экономические потенциалы и территории последних. Но игнорировать белорусскую проблематику при серьезном подходе к евразийской интеграции никак нельзя. В настоящем номере заход на белорусскую тему сделан с несколько неожиданной стороны. Оксана Вячеславовна Солопова анализирует своего рода «анклавную Беларусь» – белорусскую диаспору в России. Казалось бы, странно – в последнее время диаспоры, их активность в России и на постсоветском пространстве рассматриваются, как правило, в контексте теневой экономики или криминала. Деятельность российской белорусской диаспоры, о которой говорится в статье, заставляет иначе взглянуть на эту проблему и убедительно свидетельствует о том, что институты диаспор в состоянии быть мощными стимуляторами взаимовыгодной межгосударственной интеграции.

В интервью М.Ю. Байдакова отмечается та исключительная роль, которую играют Италия, ее деловые круги, эксперты и интеллектуалы самого широкого профиля деятельности в выстраивании Трансъевразийского пояса, о котором шла речь на миланском форуме в ноябре прошлого года. Да и само место форума также выглядит явно неслучайным. В связи с этим у редакции возникла задумка поместить именно в этом номере альманаха материал, который бы в концентрированном виде отвечал на вопрос: что значит Италия для России? И такая статья по заказу редакции была написана. Ее автор – Александра Павловна Савельева – рассматривает тему даже несколько шире, чем первоначально предполагалось. В материале речь идет не только об итальянских архитекторах и итальянских же стажировках русских художников – что первое приходит на ум при ответе на поставленный вопрос. В статье Италия представлена как некая мечта, своего рода идеал, репродуцировавшийся в русской культуре на протяжении нескольких веков и получивший в последние десятилетия неожиданную интерпретацию.

Юрий Вадимович Тавровский рассуждает на тему, которая в последнее время приковывает к себе все большее внимание, – о том, угрожает ли стремительное развитие Китая суверенитету России. Автор отрицательно отвечает на этот вопрос, хотя вместе с тем подробно рассматривает все острые углы во взаимоотношениях обеих держав. В статье показано, что актуализация темы «китайской угрозы» является главным образом следствием обострения публичной дискуссии внутри российского экспертного сообщества. В частности, приводится пример одной из таких полемик, продолжением которой следует считать и настоящую публикацию. В материале изложена мысль, что соседство Китая с Сибирью и Дальним Востоком способно оказаться одним из возможных ресурсов развития этих территорий. Причем автор видит угрозу для них не в укреплении там китайского влияния, а в усилении конфронтации между Китаем и США. Большое внимание в статье уделяется прошлому взаимоотношений России и Китая.

Статья Осмонакуна Ибраимовича Ибраимова важна для темы номера вдвойне. Во-первых, в ней как раз рассматриваются те незримые и на первый взгляд неочевидные связи, которые не позволяют межгосударственным взаимоотношениям в рамках постсоветского пространства окончательно свестись к взаиморасчетам, взаимозачетам и прочим утряскам материальных интересов. Автор прямо говорит о политической значимости такого, к сожалению, часто забываемого лидерами великих держав понятия, как имидж притягательности их государств. Более того, разбирается своего рода морфология такой притягательности, определяются ее составные части. А уже из этого делается вывод о том, какое Россия производит впечатление на своих ближайших соседей, какие здесь у нашей страны имеются сильные стороны и в чем заключаются ее недоработки. А во-вторых, ценность статьи заключается еще и в том, что в ней изложен взгляд на Россию со стороны – из Центральной Азии. То есть из региона, без которого единое евразийское пространство вряд ли состоится.

В статье Алексея Викторовича Власова анализируется ситуация в Казахстане – государстве, от которого непосредственно зависит судьба создаваемого Евразийского союза. Автор подробно прослеживает динамику высказываний Нурсултана Назарбаева по поводу участия Казахстана в совместных с Россией интеграционных проектах. В качестве своеобразной точки отсчета берется середина 90-х, когда президент Казахстана, выступая в Московском университете, первым из постсоветских лидеров заявил о необходимости интеграции на новом уровне бывших советских республик и даже произнес слово «конфедерация». Однако впоследствии риторика казахстанского лидера становилась все боле осторожной. В основе такой осторожности, как показано в статье, две причины. Во-первых, это опасения казахстанского чиновничества по поводу возможного нового вассалитета от Москвы. А во-вторых – присущая абсолютно всем постсоветским чиновничьим корпорациям манера действовать с оглядкой на оппозицию. Поэтому «эпоха после Назарбаева» не представляется автору чем-то предопределенным.

Владимир Иванович Юртаев рассматривает современный Иран как еще один узел интеграционных евразийских проектов. Представленный в этом материале взгляд на Иран существенно отличается от расхожих оценок, которые отталкиваются главным образом от того или иного ответа на вопрос: отважатся ли Соединенные Штаты на войну с Ираном? Автор не отрицает такого развития событий, но все-таки преимущественное внимание уделено в статье совсем другому – вызовам модернизации, с которыми сталкивается Иран, и тем специфическим ходам, которые предпринимает руководство этого государства, отвечая на подобные вызовы. В статье много сказано о доктринальном обеспечении модернизации по-ирански. И если говорить о каком-то прогностическом значении данного текста, то его исключительная ценность состоит как раз в том, что его автор оценивает перспективы Ирана как значимого регионального игрока именно сквозь призму того, какой сценарий модернизации будет им принят на обозримую перспективу.

Постсоветскому пространству уже более двадцати лет. И на сегодняшний день ясно, что бывшие советские республики в большинстве своем не разбежались слишком далеко ни друг от друга, ни от России. Хотя в самом начале 90-х казалось, что окончательное растаскивание фрагментов бывшего Советского Союза по разным геополитическим «углам» – всего лишь вопрос времени, причем довольно скорого. Эта сложная и неравномерная в разных своих частях интегрия будет еще долго оставаться реальностью, во многом делающей погоду в Евразии. А потому ребрендинг постсоветских политических режимов – процесс, который следует анализировать именно в контексте всего СНГ. Этой проблеме посвящена статья Людмилы Федоровны Адиловой. Автор разбирает специфику транзита персоналистских постсоветских режимов, особенности их трансформации в направлении того политического устройства, которое на Западе считается эталонным. Названные процессы непосредственно влияют не только на материальные, но и на нематериальные мотивы интеграции.

Так как тема настоящего номера представляет собой очередной заход на проблемы евразийской целостности, то выглядит оправданным группирование материалов по двум разделам – Россия и европейский контекст, а также Россия и азиатский контекст. В этом смысле особняком стоит статья Александра Ивановича Неклессы, которая уже одним своим названием – «Преодоление Евразии» – выбивается из такой систематизации. Автор предлагает отказаться от подобного – евразийского – понимания сущности России и выводит совершенно иную формулу складывания ее цивилизационного пространства – формулу, позволяющую понять русскую идентичность, ее историю и возможные проекции в будущее. Причем увеличение цивилизационного пространства России показано в статье через такое, казалось бы, сугубо прикладное и инструментальное направление развития страны, как железнодорожное строительство. Автор подчеркивает геополитическое, геоэкономическое и геокультурное значение крупнейших железнодорожных проектов, реализованных в Российской империи.

Альманах продолжает публиковать размышления об архитектуре и градостроительстве Александра Николаевича Белкина. Не сопрягаясь непосредственно с евразийской тематикой настоящего номера, статья – как, впрочем, и все прежние публикации автора в «Развитии и экономике» – тем не менее напрямую связана со сквозной проблематикой издания, которой является развитие как таковое. Развитие во всех его многообразных проявлениях, из которых аспекты художественные, архитектурно-градостроительные представляют собой значимые и очень точные индикаторы состояния общества, его возможности совершенствоваться, двигаться по восходящей. В статье не просто критикуется нынешняя столичная градостроительная политика, не только приводятся характерные примеры архитектурных несуразностей постсоветской эпохи, но и объясняются те законы, которыми следует руководствоваться зодчему, вписывающему новое сооружение в уже существующую рукотворную среду и природный ландшафт. Автор называет и удачные – с этой точки зрения – решения, однако все они относятся к прежним эпохам.

Завершает номер интервью Виталия Товиевича Третьякова. Интервью было записано в начале текущего года – сразу после 60-летнего юбилея интервьюируемого. Оно получилось очень объемным, поэтому редакция публикует лишь часть беседы. Целиком она будет выставлена на портале «Развитие и экономика» (www.devec.ru). В том фрагменте интервью, который помещен в настоящем номере, журналист и декан Высшей школы телевидения Московского университета вспоминает о начале своего пути в журналистике в АПН, о работе в «Московских новостях» под руководством Егора Яковлева в годы перестройки. В беседе затрагивается и то, что собой представляла «кухня» этого издания, ставшего одним из рупоров перемен и мощным средством формирования общественного мнения. Значительная часть интервью посвящена «Независимой газете», ее истории и месту в медийных и политических конфигурациях 90-х – начала «нулевых», ее новизне на фоне тогдашней общественно-политической периодики. Некоторые факты приводятся в интервью впервые.

Номер по традиции завершается написанным главным редактором анонсом следующего выпуска альманаха и его основных тем.

М.Ю. Байдаков:

«Правильно осознанная общность – и позитивного, и негативного – может дать более прочную основу для межгосударственных альянсов, нежели только экономический интерес»

Интервью председателя правления «Миллениум Банка» **Михаила Юрьевича Байдакова** главному редактору альманаха «Развитие и экономика» С.Н. Белкину

– Михаил, первый вопрос в нашем разговоре – о предложенной тобой условной теме номера: социокультурное единство евразийского пространства. Проблеме Евразийского союза мы посвятили второй номер альманаха. Теперь мы к ней вновь возвращаемся или, вернее сказать, идем вглубь?

– Не только вглубь, но и вширь – в буквальном смысле. Потому что я считаю важным рассмотреть взаимодействие не только стран, сегодня называемых Евразийским союзом, но и всего человеческого сообщества, находящегося на пространстве, называемом нами евразийским. Причем рассмотреть это не столько на общепринятом уровне торгово-экономических и политических связей, сколько с позиций общего культурно-исторического и духовного базиса, на котором де-факто это пространство существует. И постараться понять: что из этого базиса способствует единению, совместным проектам, а что препятствует, разъединяет. Мы все очень глубоко взаимосвязаны в пространстве культуры, духовных ценностей, религий. Наша страна – Россия – многонациональная. Разные ее составляющие тяготеют как к европейским, так и к азиатским культурам, религиям, традициям. Русская культура – по преимуществу культура европейская, хотя и мусульманство – да и другие религии – для нас, как и для Европы в целом, являются исторической частью нашей жизни. У нас с остальными европейцами общие корни и в музыке, и в архитектуре, и в живописи, у нас общая религиозная основа – христианство, мы вместе создавали то, что сегодня является общемировой наукой, все основные общественно-политические концепции и теории – тоже общие. Даже противостояния у нас общие, включая, к несчастью, взаимоистребительные войны. Правильно осознанная общность – и позитивного, и негативного – может дать более прочную основу для межгосударственных альянсов, нежели только экономический интерес.

– Мы уже много лет проводим совместную с итальянскими партнерами исследовательскую работу в области геоэкономики. В связи с этим у меня есть вопросы о наших с ними многолетних взаимодействиях. Но сперва: почему именно Италия, а не другая из многих, быть может, в чем-то более близких стран?

– Италия – это страна, имеющая прочный исторический христианский базис – ценностный базис, направленный на созидание. Каждая поездка по Италии лично мне добавляет оптимизм в мыслях о возможностях развития человечества: каждый город – действующий музей результатов труда многих поколений, включая сегодняшнее. В экономике страны главная основа – малый и средний бизнес, реализующий конкретные бизнес-идеи, вплоть до фактического создания малых транснациональных корпораций, а ведь это показатель ментальной нацеленности общества на то, что только труд дает будущее. Как следствие – возникло интенсивное взаимодействие с итальянцами на основе близкого понимания мировых проблем экспертами обеих сторон – понимания, подкрепленного готовностью и взаимным стремлением к постоянному сотрудничеству. Так, в 2008 году мы пришли к идее проведения совместного форума в Модене, где родилась ставшая известной «Моденская декларация». Но не забудем, что этому предшествовала незаметная, тихая, но весьма важная работа по собиранию сил, формированию круга экспертов, ученых, аналитиков, заинтересованных в совместном обсуждении проблем.

– Пожалуй, конференция в Модене подтвердила эффективность этой тихой работы, поскольку тогда мы, оттолкнувшись от некоего общего понимания вызовов развитию цивилизации, вышли на проблемы и решения буквально мирового масштаба. В каком направлении продолжается эта тихая работа?

– Действительно, в 2008 году в Модене были сделаны прорывы в понимании развития мировой экономической, да и не только экономической, ситуации. Напомню нашим читателям, что за несколько месяцев до общепризнанного начала кризиса мы заявили о том, что предстоит пережить миру в области экономики и финансов, предъявили экспертному сообщест-

Необходимо совершенно новое пространство – пространство совместного созидания вместо пространства совместной спекуляции.

ву ви́дение причин кризиса. Это было важным и глубоким результатом, демонстрирующим интеллектуальные, аналитические возможности созданной нами международной экспертной группы. Но сейчас просто деклараций уже мало. О том, что с мировой экономикой не все в порядке, говорят сегодня уже очень многие. Но понимать это, говорить об этом, фиксировать симптомы болезни – явно недостаточно. Болезнь надо лечить. И если оставаться в рамках подобной медицинской образности, то я бы позволил себе такое сравнение: если «Моденская декларация» – это верно поставленный диагноз, то последующая деятельность – поиск терапии.

Если возводить финансы в абсолют, поклоняться им, то они перестанут быть именно самими собой – инструментами. Они перестанут выполнять свои главные функции – регулировать экономику.

– Позволю от себя добавить для читателей альманаха, что «Моденская декларация» была не просто констатаций фактов и выявлением негативных явлений в мировой финансовой системе. Она была частью целой серии исследований, дискуссионных круглых столов, конференций, в которых углубленно анализировались проблемы не только и не столько экономики как таковой, но и гораздо менее материальных сфер человеческой жизни – таких как целеполагание, мотивация, морально-этические вопросы.

– Да, «Моденская декларация» – это в основном симптоматика тяжкого системного заболевания общества потребления, поэтому мы продолжили поиск причин, корней мирового кризиса. Проведенный нами в 2010 году круглый стол в Абхазии на тему «Неосознанное влияние экономики и окружающей среды» позволил не только обсудить актуальные вопросы, но и сформировать междисциплинарное направление дискурса, в который вовлечены ведущие специалисты из разных областей. Мы пришли к общему пониманию того, что экономика – при всей ее исключительной значимости – вещь вторичная, прикладная. Ведь, собственно, и тогда, накануне кризиса, мы говорили преимущественно об этом. Мы говорили о том, что мир ушел в область потребления. О том, что итогом этого ухода от производства к потреблению стала неимоверная раздутость финансовых деривативных активов, которые тогда почти в девять раз, а теперь существенно больше превышают реальные экономики в мире. Важно отметить, что эта тема постоянно звучит и на мероприятиях, проводимых Мировым общественным форумом «Диалог цивилизаций», возглавляемым Владимиром Ивановичем Якуниным. То направление анализа, которое мы ведем в рамках нашего проекта «Диалог Запад–Восток: интеграция и развитие», является тесно связанной частью грандиозного по своему охвату и глубине дискуссионно-аналитического и организационно-практического массива. Такой массив создан якунинским духовным кластером, состоящим из «Диалога цивилизаций», Фонда святого всехвального апостола Андрея Первозванного, Центра национальной славы России и других структур и начинаний. В духовном альянсе с ними находится и наш альманах «Развитие и экономика». Это важно не забывать для более полного и правильного понимания содержания нашей деятельности и направленности интересов. Так что все, что мы делаем, является в целостном смысле частью нашего общего дела, нашего поиска пути развития России. А для этого надо заниматься в том числе и диагностикой заболеваний, и поиском надлежащей терапии.

– Позволю себе добавить, что и ежегодные форумы на Родосе, и «Моденская декларация», и круглый стол в Абхазии, и регулярные выпуски альманаха «Развитие и экономика», и одноименный портал, который посещают десятки тысяч читателей, фактически бросают вызов обществу потребления, ясно демонстрируя, откуда произрастают корни мирового кризиса и к чему это приведет, если болезнь не лечить.

– Экономика потребления привела к серьезным изменениям ментальности и производителей, и экономистов, и финансистов. Еще исторически недавно, когда произносились слова «народ», «население», в первую очередь имелись в виду производители, трудовая сила страны. Теперь же – исключительно так называемые потребители и объекты социальной защиты. После расслабляющего многолетнего приумножения денег из денег важно вернуть не столько капитал и капиталистов обратно в производство. Гораздо более значимая проблема – развернуть ментальность простого человека от понимания жизни как процесса потребления к процессу участия в мировом труде, пониманию, что базой созидательного труда во имя собственного будущего и будущего детей являются основополагающие исторические ценности человечества, требующие сегодня защиты. Эта проблема сложна во всех отношениях.

– Можно ли говорить о попытке российских и итальянских единомышленников вернуть в экономику высокие нравственные смыслы, превратить финансовую сферу из смысла жизни в то, чем она и должна быть, – в инструмент развития?

– Большинство аналитиков понимают, что если возводить финансы в абсолют, поклоняться им, то они перестанут быть именно самими собой – инструментами. Они перестанут выполнять свои главные функции – регулировать экономику. Ведь что происходит? Долгосрочные инвестиции, предназначенные для долгосрочных проектов, должны что-то финансировать. Должно появиться поле деятельности, на котором это работает. Сегодня этого нет: ни длинных денег, ни международных инфраструктурных проектов, служащих созданию нового базиса развития человечества. Нынешняя, условно говоря, американо-британская система их в должном количестве и качестве не производит. К тому же мир все сильнее чувствует необеспеченность доллара. Или лучше сказать так: обеспеченность доллара только военной мощью Соединенных Штатов Америки. И наконец, все многочисленные совещания, встречи на самом высоком уровне ведут не к появлению созидательной программы выхода из кризиса, а только к складыванию неких новых правил работы на прежних полях. И для всех тех, которые заняты реальной практикой, ясно, что, как минимум, мы никуда не движемся. Если не сказать, что мы движемся в некий тупик. Появившийся недавно европейский Клуб долгосрочных инвесторов, идея которого зародилась как раз у финансистов Италии и развилась по всей Европе, нам показывает, что реальные экономисты, реальные финансисты об этом не только думают, но и делают конкретные шаги.

– И где же выход из этого тупика? И есть ли он вообще в рамках существующей мировой финансово-экономической системы? Многие экономисты говорят как о чем-то само собой разумеющемся, что сначала нужен полный демонтаж долларовой системы как фундамента, на котором основана мировая экономика. Что необходим новый фундамент – или фундаменты. Ясно также, что замене фундамента предшествует снос дома, поэтому катастрофических путей выхода из кризиса названо уже достаточно. Существуют ли иные – некатастрофические – пути выхода из кризиса?

– Возможный выход из положения, в котором оказалась мировая экономика, подсказывает в первую очередь история. Человечество должно сосредоточиться на новых крупных инфраструктурных проектах, должен появиться новый полюс производства общественного богатства, основанный на новых знаниях, на новых территориях. Где это может быть? Мы видим громадный Евразийский материк, который ждет своего развития. Есть ли для этого объективные и субъективные факторы? Безусловно, есть. Мы понимаем, что сегодня центр экономической силы переходит постепенно в Юго-Восточную Азию. Мы видим Европу, которая заинтересована в дальнейшем толчке развития. Она заинтересована даже просто потому, что обладает тысячелетним менталитетом людей, постоянно движущихся вперед, умением любое знание и опыт превратить в точку накопления богатства, точку накопления развития. Мы видим громадное пространство, громадную территорию – нашу страну, на которую внешне иногда смотрят как на местность, где добывают газ и нефть или куда можно ввозить товары. А мы, живущие на этой территории, знаем, что у нас, кроме газа, нефти и возможности ввозить к нам товары, есть еще другое, более важное – наши знания. Это практически незадействованная целина научных разработок, оставшихся нам в наследство от наших великих предков – и очень давно живших, и недавно живших, и даже сегодня живущих. И у нас есть главное – мы умеем планово решать задачи. Планово решать задачи всем обществом. Сегодня это, наверно, одно из самых ценных знаний.

У нас, кроме газа, нефти и возможности ввозить к нам товары, есть еще другое, более важное – наши знания, научные разработки, и еще мы умеем планово решать задачи. Планово решать задачи всем обществом. Сегодня это, наверно, одно из самых ценных знаний.

– Следя за многими конференциями, форумами, публикациями, я часто ловлю себя на регулярном возвращении в сознание одиннадцатого тезиса Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Я имею в виду то огромное количество разнообразных диагнозов, которые ставятся современному обществу. Очень редко, однако, они принимают форму рекомендаций, но еще реже – конкретных проектных идей и предложений. Это вступление

Государство обязано взять на себя ответственность за общество, интересы которого оно представляет.

мне понадобилось для того, чтобы зайти на тему о недавно прошедшей конференции в Милане «Трансъевразийский пояс Razvitie. Миланский этап: новое измерение сотрудничества». Можно ли в связи с этим говорить о выходе на проектный уровень решения жизненно важных проблем, стоящих перед нашими странами?

Грандиозный дискуссионно-аналитический и организационно-практический массив создан якунинским духовным кластером, состоящим из Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», Фонда святого всехвального апостола Андрея Первозванного, Центра национальной славы России и других структур и начинаний.

– Не надо забегать вперед. Обсуждаемая в Милане тема далеко еще не проект в том обычном смысле, который несет в себе формула «бизнес-проект». Это пока еще сумма идей, которая может стать обычным проектом, она, несомненно, заточена на то, чтобы воплотиться в систему проектов, но это еще не проект. Разрабатываемая нами концепция, названная «Трансъевразийский пояс Razvitie», содержит в себе целый набор принципиально новых, прорывных идей. Первое положение состоит в понимании недостаточности просто надлежащего контроля за мировой финансовой системой – а именно это сейчас предлагается многими: введение контроля за оборотом деривативов, совершенствование механизмов биржевого и внебиржевого оборота капиталов, налоговое и иное стимулирование вложения средств в реальную экономику и т.д. Эти меры – какими бы они ни были – лишь попытки продлить жизнь существующей системе. Необходимо совершенно новое пространство – пространство совместного созидания вместо пространства совместной спекуляции. Предлагая такое пространство, мы претендуем ни больше ни меньше как на трансформацию геоэкономической карты мира, на формирование нового – более устойчивого и справедливого – мирового порядка.

– Это очень сильное заявление, его нельзя оставлять без внимания и уточняющих вопросов. Можно ли в связи с этим говорить, что проект – я буду пока упрощенно именовать его так – претендует на изменение хода глобализации?

– Думаю, что речь идет о большем.

– Что же может быть больше глобализации?

– Больше глобализации как некоего материального процесса перемещения и переподчинения ресурсных потоков является изменение способа мышления участников этого процесса. Предстоит не просто отказаться по каким-то причинам от участия в краткосрочной выгоде от удачной биржевой сделки и вложить свои деньги в невыгодный, но социально значимый проект, а увидеть в нем гораздо бóльшую, фундаментальную, долгосрочную выгоду, превосходящую какую угодно маржу от мгновенной купли-продажи. Предстоит перейти от глобализации свободно движущихся в зону максимальной спекулятивной прибыли частных финансов к выявлению комплексного, учитывающего интересы многих сторон и факторов, перспективного интереса. Важно указать, что интерес этот еще предстоит научиться измерять, что может быть достигнуто на основе научно-технологического, управленческого, промышленного, финансового сотрудничества. Для того чтобы решиться на подобный шаг, необходимо выйти за рамки либеральной парадигмы в экономике с ее представлением о государственных институтах как ночном стороже, отказаться от ориентации на краткосрочные спекулятивные сделки под влиянием хаотически меняющихся цен. Государство обязано взять на себя ответственность за общество, интересы которого оно представляет. Оно, по нашему мнению, обязано не только обеспечить возможность дискуссии о целях и этапах развития, но и взять на себя ответственное решение по формированию – хотя бы в форме целей и сроков – стратегических планов развития своей страны. Ответственное решение по реализации этих планов путем создания рычагов – возможно, вполне рыночных – по содействию реализации этих планов и по борьбе с противодействием им.

– Следует ли понимать так, что предлагаемое «инвестиционное пространство нового типа» будет обладать подобными привлекательными свойствами?

Важно развернуть ментальность простого человека от понимания жизни как процесса потребления к процессу участия в мировом труде, пониманию, что базой созидательного труда во имя собственного будущего и будущего детей являются основополагающие исторические ценности человечества, требующие сегодня защиты.

– Да, в этом пространстве предполагается связать друг с другом разделенные в настоящий момент блоки интересов, потенциалов действия, капиталов и создать операционный механизм интеграции разных типов деятельности, разных институциональных структур, разных международных агентов для нового направления движения. Как мы говорили, мир утратил ясные ориентиры – куда двигаться, за кем двигаться, к чему стремится, как привести в гармонию имеющиеся противоречия? Поэтому мы и говорим об «инвестиционном пространстве нового типа», имея в виду, что в «старом типе» вопрос об объединении усилий инвесторов либо имел очевидную цель совместной выгоды, либо совместных инвестиций не возникало.

Мы ставим задачу формирования принципиально новых технологических решений на основе результатов российской фундаментальной практико-ориентированной науки во взаимодействии с западноевропейскими технологическими центрами.

– Можно ли в связи с этим говорить, что речь идет о поиске альтернативы тотальному либерализму в экономике, диктату финансономики?

– Несомненно. Однако при выходе за рамки либеральной парадигмы в области управления финансами с ее идеалом краткосрочности спекулятивных финансовых сделок возникает много вопросов, нуждающихся в глубоком осмыслении. Осознанный отказ от либеральных рецептов в экономике подводит нас к границе своеобразной *terra incognita* с точки зрения новых подходов к инвестициям, институциональным механизмам международного сотрудничества, формам планирования совместной деятельности. Пока еще остается непонятным, какая страна и какая модель, какой континент могут стать «мотором» вытаскивания мировой экономики из застоя. Замедлит ли свои обороты «двигатель» Китая, двинется ли навстречу новым прорывным созидательным задачам Америка с грузом финансиализированной экономики?

– Отсюда появилась тема номера!

– Да, именно отсюда. Очевидно, что необходима консолидация усилий для движения в некотором едином направлении. Но как определить это направление, как очертить его границы, как выставить флажки, разделяющие опасные и притягательные зоны? Вопрос является совершенно открытым и с точки зрения постановки проблем, и тем более с точки зрения намечаемых решений. Мы говорим о необходимости формирования нового инвестиционного пространства, а не просто проекта, сулящего выгоду его участни-

интервью

Заседание конференции «Трансъевразийский пояс Razvitie. Миланский этап: новое измерение сотрудничества». Милан, ноябрь 2012 года

кам. Смысл формирования подобного инвестиционного пространства сегодня состоит в том, чтобы создать на обширной территории, включающей Западную и Восточную Сибирь и Дальний Восток, Центральную Азию, то есть земли и России, и Казахстана, очаг генерирования общественного богатства совместно с Западной Европой – с ее финансовыми и технологическими группами. И все это – на основе дружественных, добрососедских, взаимовыгодных обменов со странами Юго-Восточной Азии и прежде всего с Китаем. Фактически речь идет о том, чтобы появился еще один полюс на территории Евразии – дополнительный к Китаю. Формирование этого нового полюса на территории Евразии совершенно необходимо. Без появления нового самостоятельного очага производства общественного богатства трудно говорить о формировании многополярного мира. Полюса влияний, не основанные на экономической мощи, являются неустойчивыми несамостоятельными институтами намерений и геостратегических претензий.

Для всех тех, которые заняты реальной практикой, ясно, что, как минимум, мы никуда не движемся. Если не сказать, что мы движемся в некий тупик. Появившийся недавно европейский Клуб долгосрочных инвесторов нам показывает, что реальные экономисты, реальные финансисты об этом не только думают, но и делают конкретные шаги.

– Проект Трансъевразийского пояса базируется все-таки на предположении о длительной конкурентоспособной востребованности путей доставки грузов между Европой – в частности, Италией – и странами Азии – в частности, Китаем и Кореей – по территории России и Казахстана или по Евразийскому союзу в целом. Сам по себе этот факт неочевиден, но в любом случае было бы, наверное, понятным и оправданным стремление к конкурентоспособности транспортного маршрута, увеличению его пропускной способности, удешевлению грузоперевозок, расширению и стабилизации его присутствия в мировом рынке перевозок. Если эти параметры коридора не будут достигнуты, а средства по их достижению и удержанию не обеспечены, то все остальное, проговоренное языком гадалки, может стать даже не маниловщиной, а чем-то более опасным.

– Давай уточним термины. Обращаю внимание: я не говорю – транспортный коридор. Это известное понятие и модель, описываемая именно теми характеристиками, которые ты упомянул. И оно-то как раз не имеет ничего общего с тем проектом, которым мы с нашими итальянскими коллегами занимаемся. Речь идет о поясе развития, который является трансъевразийским, то есть охватывающим весь наш континент и становящимся фактически планетарной задачей. Именно задачей – практической, уже сегодняшней, актуальной, а не какой-то предпосылкой к высокому теоретизированию. Уже сегодня мы можем говорить как специалисты об очень конкретных точках развития в рамках Трансъевразийского пояса. Это вполне реальные бизнес-задачи, вполне насущные технологические и промышленные проблемы, вполне прагматичные подходы к созданию групп по трансферту технологий, заселению, переселению, по медицине и образованию. Вместо «языка гадалки» получается профессиональное деловое и социогуманитарное проектирование.

– То есть речь идет о довольно широкой социогуманитарной сфере, где находится место даже медицинским и образовательным проектам?

– Да, и неспроста миланская встреча в ноябре проходила именно в университетских стенах – в Университете Боккони. То, каким будет будущее образование наших детей – не только русских, а детей всего евразийского пространства, – тоже очень важно. Эта тема даст нам устойчивый вектор либо для пути вниз, либо для пути вверх. Нами был принят документ – «Миланский меморандум». Его полный текст будет опубликован в этом номере альманаха. В нем, в частности, говорится о том, что речь идет о переходе к новому технопромышленному и социокультурному укладу через механизмы пилотных проектов и отдельных соглашений на том континентально-евразийском пространстве, которое включает Италию, континентальную Россию, Казахстан с выходом на тихоокеанское побережье.

Предлагая пространство совместного созидания, мы претендуем ни больше ни меньше как на трансформацию геоэкономической карты мира, на формирование нового – более устойчивого и справедливого – мирового порядка.

– Уместно сказать несколько общих слов о российско-итальянских связях и отношениях. При всем очевидном взаимопроникновении русской и итальянской культур примеров успешного политического и экономического сотрудничества немного. Структура экономических отношений стран мало изменилась на протяжении многих лет: Италия покупает у России энергоносители, Россия у Италии – в гораздо меньших, в четыре-пять раз, финансовых объемах – промышленные и сельскохозяйственные изделия. Существует некоторое, не слишком большое, количество совместных промышленных предприятий в таких отраслях, как энергетика, производство бытовой техники и автомобилей. Многие считают, что подняться к уровню совместных планетарных проблем можно, лишь находясь на достаточно высоком уровне взаимного сотрудничества в разных сферах, что сперва надо пройти определенный путь роста национальных экономик для обретения предмета взаимных интересов.

– Сказанное тобой – типичный пример классического мышления в категориях «внешнеэкономической деятельности». Так действительно думают и действуют многие. Мы же говорим об ином взгляде и ином подходе. Прежде всего: наш пояс развития не является просто полюсом естественного роста национальных и наднациональных экономик. Для его формирования необходимо специально организовывать, проектировать и планировать новые системы развития. Подчеркну, что мы различаем системы развития и системы роста и противопоставляем их друг другу. Речь идет не столько о покупке готовых существующих и зарекомендовавших себя заводов под ключ и о трансферте отработанных функционирующих технологий, скажем, из Германии в Сибирь или из Японии в Хабаровск, на Дальний Восток. Мы имеем в виду преимущественно формирование принципиально новых технологических решений на основе результатов российской фундаментальной практико-ориентированной науки во взаимодействии с западноевропейскими технологическими центрами, обеспечивающими перевод экспериментальных решений в новые прорывные технологии. Более того, чтобы планировать размещение заводов и поселений, формировать стратегические типы занятости для российской молодежи и международных инженерных групп, необходимо сначала наметить и создать геологистиче-

В «инвестиционном пространстве нового типа» предполагается связать друг с другом разделенные в настоящий момент блоки интересов, потенциалов действия, капиталов и создать операционный механизм интеграции разных типов деятельности, разных институциональных структур, разных международных агентов для нового направления движения.

скую, геоэкономическую инфраструктуру, умно встроенную в глобальное мировое целое, взятое в его среднесрочной и долгосрочной динамике. Трансъевразийский пояс Razvitie как мультиинфраструктура должен рассматриваться не как сквозная пропускная труба через территорию России дешевых товаров массового потребления из Юго-Восточной Азии в Европу, безразличная к территории, по которой она проходит, но как сложная динамическая монтажная площадка нового технологического и социокультурного уклада. Пояс должен формироваться не столько под систему имеющихся рынков, но прежде всего под проектирование и создание будущего научно-производственного пространства, будущих заселяемых образованными людьми территорий, будущих рынков. Задача состоит не столько в прогнозировании естественно сложившихся действий, их учете и возможной коррекции, но – главное – в инициации, программировании и проектировании процессов развития.

– Обращаю внимание читателей на важную особенность рассматриваемой модели: она предполагает наличие целенаправленного управления – это так?

– Безусловно. И процессами роста, и тем более процессами развития необходимо управлять. Вне систем и специальных социально-институциональных механизмов управления ни процессы роста, ни процессы развития не существуют. Но в отличие от процессов роста процессы развития предполагают осознанное принятие обществом некоторого целенаправленного вектора движения в будущее. Без осознанной самоорганизации движения в заданном направлении не произойдет. В случае же «обычного» экономического роста его участники не осуществляют специальную работу по смысловой и целеопределительной самоорганизации с последующим изменением общественных условий для достижения поставленных целей. Они естественным образом движутся в рамках заданных социально-экономических обстоятельств, не стремясь их преобразовать.

– Вот так снова в нашем разговоре сам по себе всплыл уже упоминавшийся одиннадцатый тезис Маркса…

– Для людей, занятых реальным делом, мысль о необходимости преобразования окружающей действительности не является чем-то сложным или неожиданным. Но я продолжу разговор об управлении предлагаемым «инвестиционным пространством нового типа» – этим самым «поясом развития». Перейдя к обсуждению этого вопроса, мы поднялись еще на одну ступеньку усложнения темы. В связи с этим зафиксируем следующее: «пояс Razvitie» является комплексным системным проектом, нацеленным на расширение пространства жизни с одновременным прорывом к созданию принципиально новых технологических решений на основе фундаментального знания о новых физических принципах и эффектах. В целом формула взаимодействий вокруг Трансъевразийского пояса может, как минимум, иметь следующий вид: с Юго-Восточной Азией и Китаем – добрососедская взаимовыгодная торговля, с Европой – разделение в труде по созданию технологий, инфраструктур и систем организации жизнедеятельности следующего уклада, с Россией – пространство новых инфраструктурно-промышленных решений. Говоря об управлении подобным глобальным проектом, надо понимать, что необходимые организационно-управленческие технологии планирования международного взаимодействия на всех этапах цикла жизни проекта еще предстоит создать. Нами предложен ряд новых концепций, таких как «метапромышленность» – промышленность по производству промышленности, новые институты – «международные метапромышленные агентства», обеспечивающие синтез стратегической цели концепции с конкретными частными проектами. Мы анализируем и предлагаем механизмы создания и функционирования финансовых институтов и инструментов... В общем, заявленная идея, концепция влечет за собой широкий спектр задач, которые предстоит решить, но еще прежде этого выработать подход к становлению самих этих задач, включая если не пересмотр, то существенное уточнение и углубление понятия инвестирования.

– Как говорят провинциальные конферансье и телеведущие федеральных каналов, позвольте на этом интересном месте… Нет, я предлагаю не закончить, а приостановить наш разговор – до следующего номера альманаха, предоставляя читателям возможность погрузиться в мир идей, оценок, суждений, представленных на страницах этого номера. Спасибо за интервью и за предложенную тему обсуждения.

Трансъевразийский пояс Razvitie должен рассматриваться как сложная динамическая монтажная площадка нового технологического и социокультурного уклада и формироваться прежде всего под проектирование и создание будущего научно-производственного пространства, будущих заселяемых образованными людьми территорий, будущих рынков.

7–8 ноября 2012 года в городе Милане (Италия) в стенах Научно-исследовательского института международной политики (ISPI) проходила конференция «Трансъевразийский пояс Razvitie. Миланский этап», организованная Университетом имени Луиджи Боккони и (ЗАО) «Миллениум Банк». По ее итогам был принят Миланский меморандум:

Трансъевразийский пояс **Razvitie**

Одной из главных проблем, лежащих в основе продолжающегося мирового финансового кризиса, является отсутствие глобальных инициатив, которые открывали бы новые горизонты и давали возможность выхода из рецессии и бюджетного дефицита к совместным планам развития. Нет «мотора», который вывел бы мировую экономику из глобального спада.

Поэтому конференция «Трансъевразийский пояс развития. Миланская платформа: новое измерение сотрудничества», прошедшая 7–8 ноября 2012 г. в Университете Боккони в Милане, открывает новые перспективы российско-итальянского и российско-европейского сотрудничества. Одной из главных стратегий такого сотрудничества является новая индустриализация бескрайних пространств Евразийского континента и преодоление, таким образом, финансиализации мировой экономики. Этот проект является важным шагом в процессе европейско-российского сотрудничества и должен стать основой для близкого диалога между Европейским союзом и формирующимся Евразийским союзом.

Идея Трансъевразийского пояса развития оппонирует традиционной парадигме линейного роста. Слово Razvitie (английское development – не вполне точный аналог) здесь обозначает создание макрорегионального поля генерирования общественного богатства – в качестве новой платформы производства и потребления новых товаров, услуг и технологий. Формирование такой макрорегиональной системы должно находиться в рамке инфраструктурного проекта Трансъевразийского пояса Razvitie, объединяющего экономики Европы (особенно Италии), России и азиатских стран (Казахстана, Китая, Японии, Кореи).

Суть проекта Трансъевразийского пояса Razvitie состоит в трансфере и совместном использовании новых технопромышленных и социокультурных систем, порождающих новые институты потребления, обмена, стили жизни и сознания посредством механизма пилотных проектов и отраслевых соглашений в таких странах, как Италия, Казахстан, Россия, с доступом к этим проектам и соглашениям стран тихоокеанского кольца.

Трансъевразийский пояс Razvitie сам по себе рассматривается как система мультимодальных инфраструктур – железнодорожной, автомобильной, энергетической, водной, информационной, – которая сопровождается строительством новых научных центров и городов со множеством разнообразных новых рабочих мест.

Реализация такого инфраструктурного мегапроекта подразумевает использование новых финансовых и институциональных механизмов прежде всего для международных долгосрочных инвестиций, разработанных Клубом долгосрочных инвесторов с активным участием банка Cassa Depositi e Prestiti.

Необходимо рассмотреть создание новых институтов и агентств, необходимых для того, чтобы приступить к реализации проекта Трансъевразийского пояса Razvitie, таких как:

- Фонд фондов Трансъевразийского пояса Razvitie для оценки рисков, привлечения инвестиций и обеспечения финансирования для возможных пилотных проектов;
- Метапромышленное проектное агентство в качестве основной организационной структуры, координирующей реализацию мегапроекта Трансъевразийского пояса Razvitie.

Очень важным шагом в продолжение этой работы, начавшейся на сессии в Италии, является определение ключевых инфраструктурных проектов, которые могут рассматриваться в качестве и основы, и первых шагов реализации проекта Трансъевразийского пояса Razvitie.

Среди критериев отбора этих проектов необходимо в первую очередь выделить те, которые относятся одновременно к итальянской и российской экономикам и касаются отдельных инфраструктурных систем, систем транспорта (в частности, высокоскоростного) и слаборазвитых территорий.

Для начала практической реализации планов, основанных на всем спектре идей и концепций, представленных на конференции, мы предлагаем основать Метапромышленное проектное агентство. Это агентство может в короткое время выработать в совместной работе итальянской и российской сторон программу исследования ресурсов, условий и институциональных инструментов, чтобы оконтурить руководящие принципы и список приоритетных проектов внутри Трансъевразийского пояса Razvitie.

7–8 ноября 2012 года в Милане (Италия) состоялась конференция «Трансъевразийский пояс Razvitie. Миланский этап», организованная Университетом имени Луиджи Боккони и ЗАО «Миллениум Банк». Альманах «Развитие и экономика» публикует фрагменты некоторых выступлений, стремясь дать читателям общее представление о проблематике конференции. Полные тексты этих и других выступлений, программа конференции, а также сборник статей, опубликованных по ее результатам, доступны на сайтах «Диалог Запад–Восток: интеграция и развитие» (www.west-east.org) и «Технологии опережающего понимания» (www.smdp.ru).

Франко Бассанини – профессор, президент Cassa Depositi e Prestiti, глава Клуба долгосрочных инвесторов

Необходимо вернуться к **планированию роста** в долгосрочном периоде

(из выступления на конференции «Трансъевразийский пояс Razvitie. Миланский этап»)

Это чрезвычайно амбициозный проект, но момент, когда нужно иметь амбиции и мыслить глобально, настал! Этот проект как нельзя лучше вписывается в рамки стратегии укрепления сотрудничества и взаимодействия между Европой, с одной стороны, и бурно развивающимися экономиками Азии, с другой стороны, исследуя и оценивая области и территории, являющиеся так называемыми связующими звеньями между этими двумя частями света. Проект является своего рода попыткой начать применение модели развития, которая не делает упор исключительно на глобализацию нематериальных сфер между экономиками и обществами, но оценивает и материальные аспекты, затрагивающие реальную экономику. Этот проект не только содержит в себе колоссальные возможности для обмена знаниями в области технологических исследований, но и дает возможность поэкспериментировать с интегрированными финансовыми решениями, способными принести пользу экономическим системам, в значительной степени различающимся между собой. Он призван интегрировать области и экономики с различными уровнями развития технологий и потенциалами роста, и именно это, полагаю, является одной из наиболее важных его характеристик и преимуществ.

Как вы все знаете, в 2011 г. рост экономики в азиатских странах составил в среднем 4,3 процента, в России – немногим меньше 5 процентов, в Китае – около 10 процентов, точнее, 10,6 процента. Рост в развитых экономиках Запада был значительно более умеренным: ЕС – 1,1 процента, Великобритания – 1,3 процента, США – 1,8 процента. Таким образом, в странах Запада наблюдаются более сдержанные темпы развития, нежели в странах восточноазиатского и восточноевропейского регионов. Для стран, находящихся в этих двух регионах, характерен низкий уровень задолженности. В Центральной Европе среднее соотношение задолженности к ВВП в 2011 г. составило 46 процентов, в России – 10 процентов, в Китае – 26 процентов, в странах еврозоны – в среднем 88 процентов. Наконец, в Соединенном Королевстве – 98 процентов, в США, где используются несколько иные стандарты оценки, нежели европейский стандарт Евростат, – 103 процента, в Японии – 230 процентов.

ВВП на душу населения в странах восточноазиатского региона все еще гораздо ниже, чем в развитых экономиках западноевропейских стран. Именно поэтому есть огромный неиспользованный потенциал развития в странах Восточной Европы и особенно в азиатских странах. Доля экономики азиатских стран и восточноевропейских стран в мировой экономике быстро увеличивается. Если в 1970 г. доля экономик стран Восточной Европы и развивающихся экономик азиатских стран составляла около 23 процентов от мирового ВВП против 61 процента, принадлежавшего развитым экономикам Северной Америки, Западной Европы и Японии, то в последнее время ситуация изменилась. В 2010 г. прежние 23 процента, относившиеся к странам Восточной Европы и азиатским странам, выросли до 35 процентов, в то время как доля развитых экономик снизилась с 61 процента до 47 процентов. В долгосрочных прогнозах на 2050 г. на долю восточноевропейских стран и развивающихся экономик азиатских стран приходится уже 55 процентов от мирового ВВП.

Экономики этих стран характеризуются высоким уровнем сбережений. В 2011 г. уровень сбережений в азиатских странах и странах Восточной Европы по отношению к мировому уровню составил 50 процентов, причем только на долю Китая приходится 21 процент. В то же время в развитых странах наблюдается спад склонности к сбережению.

Динамика новых инвестиций в развивающиеся экономики азиатских стран и стран Восточной Европы достаточно интенсивна. Объем инвестиций в эту зону в 2011 г. составил 49 процентов от общего уровня мировых инвестиций.

Таким образом, мы говорим об инфраструктурах, которые могли бы взаимодействовать между собой и выражаться в необычных формах сотрудничества и взаимообмена между территориями, обладающими большими потенциалами и различиями в уровнях их развития, что может дать огромные возможности для будущего роста и сбалансирования благосостояния таких территорий.

Помимо этого, проектом предусматриваются инвестиции в важные области, необходимые для будущего всего человечества, – от энергетики и до транспорта, логистического снабжения, управления водными ресурсами, исследований и развития технологий, а также распространения инноваций.

Проект содержит в себе как значительные потенциальные преимущества, так и трудные задачи, которые предстоит решить.

Очевидно, что проект такого уровня потребует четкого распределения целей на наднациональном уровне, принятия решений и проявления политической воли, которой будут следовать совместно разные страны, их правительства и соответственно экономические системы. Это поставит во главу угла вопрос о финансировании. И не только потому, что необходимо задействовать системы с различными финансовыми структурами, нормативно-регулирующей и правовой базами, но и потому, что ресурсы, необходимые для подобных инвестиций, включают и государственные инвестиции, которым в странах Западной Европы препятствует принятая ими политика налогово-бюджетной консолидации. А частный капитал, естественно, должен видеть уровень прибыли и гарантированную доходность от подобного рода инвестиций.

Однако амбициозность и грандиозность этого проекта могут стать толчком для смены устоявшейся парадигмы развития. Кризис, продолжающийся до сих пор и длящийся гораздо дольше, чем мы все ожидали, подталкивает нас к реализации такого проекта. Мне очевидно, что преодолеть кризис, начавшийся пять лет тому назад, будет невозможно без переосмысления самой модели развития, без пересмотра качества и методов работы финансовой структуры капиталистической системы – особенно в странах с развитой экономикой, – установившихся в них в минувшие десятилетия.

Модель развития, основанная на глобализированной финансовой системе, которая задумывалась как самоподпитывающаяся система, создающая благосостояние и богатства для всех, на самом деле бьет по самым слабым и незащищенным. Неравномерность распределения рисков и недобросовестность экономических игроков привели к обману, к разрыву между финансовыми и материальными потоками. Продолжается отход в сторону от реальной экономики, то есть деятельности по производству товаров и услуг – деятельности, являющейся в конечном итоге инструментом обогащения, роста благосостояния, перераспределения ресурсов и обеспечения социальной сплоченности общества.

Финансовая деятельность, изначально планировавшаяся для создания механизма обдуманного распределения ресурсов и рисков внутри экономической системы, приобрела доминирующую роль, стала практически самодостаточной, не связанной с производством товаров и услуг, которые должна была бы обслуживать. К тому же она рассчитана, как правило, на короткий период, что вылилось в тенденцию краткосрочного планирования. Тенденция краткосрочного планирования имеет повсеместный характер в финансовых системах, основанных на инновационных механизмах, например, в случаях своп-контрактов, а также в спекулятивных действиях, увеличивающих волатильность финансовых рынков. Краткосрочные инвестиции, как известно, не способствуют накоплению богатств и росту производительности экономической системы в будущем.

Традиционный взгляд, основанный на долгосрочном планировании, на принципах сбалансированного умеренного роста и на инвестициях, создающих положительный эффект для экономики и экономических субъектов в долгосрочной перспективе, был отставлен в сторону. Более того, он стал восприниматься как признак «недостаточного культурного уровня», непозволяющего увидеть все перспективы от применения инноваций и новой финансовой политики.

В мире, где миф о быстрой оборачиваемости инвестиций с использованием спекулятивных методов, а также об их окупаемости в кратчайшие сроки приобрел главенствующую роль, оказалась утраченной стратегическая установка. И произошло это на уровнях как микро-, так и макроэкономики, в сферах как законодательства, так и финансов. Совершенно ясно, что нам необходимо вернуться к планированию роста на долгосрочную перспективу с учетом положения в реальном секторе экономики, уровня производства товаров и услуг, уровня благосостояния и обслуживания населения с целью создания сильной и устойчивой системы и возврата финансам их роли обслуживающего механизма реальной экономики.

С этой точки зрения нам необходимы проекты, нацеленные на долгосрочный продолжительный период, амбициозные проекты, которые могут быть реализованы посредством долгосрочных инвестиций, дающие преимущества целым обширным регионам нашей планеты, если не всему миру в целом.

Сигналы, свидетельствующие о возможности таких изменений, уже появились. Так, Россия, председательствующая на встрече «Большой двадцатки» в 2013 г., заявила о своей заинтересованности в обсуждении вопроса о долгосрочных инвестициях и методах создания более благоприятной правовой базы. Базы, менее дискриминационной по отношению к долгосрочным инвестициям. Это станет одной из основных тем для обсуждения участниками «Большой двадцатки». Председательство России в этой организации представляет собой уникальную возможность для установления стабильного диалога на международном уровне по обсуждаемой тематике.

Хочу напомнить, что важным итогом встречи «Большой двадцатки» в Питтсбурге в самом начале кризиса стало осознание необходимости устойчивого, продолжительного, стабильного и сбалансированного роста экономики. Там также была упомянута необходимость долгосрочных инвестиций, однако никто не последовал этим рекомендациям в последующие годы. Напротив, появилась устойчивая тенденция в работе международных регулирующих органов, нацеленная не на обеспечение сбалансированного и умеренного роста экономики, а на серию мер по гарантированию финансовой стабильности, что привело к усилению дисбаланса и действиям, препятствовавшим экономическому росту.

Тем не менее наблюдается возрастающее внимание к необходимости возврата на путь более сбалансированного соотношения между финансовыми потоками и реальной экономикой. Я полагаю, что помимо создания регулирующей правовой базы и появления инновационных механизмов необходима реализация таких крупных проектов, как трансъевразийский коридор, который является своего рода поводом для активации механизмов международного сотрудничества и процесса устойчивого, сбалансированного и продолжительного роста.

Ланфранко Сенн – профессор, президент Metropolitana Milanese, директор Центра исследований по региональной экономике, транспорту и туризму Университета имени Луиджи Боккони

Инфраструктура, развитие и политика совместного участия

(из выступления на конференции «Трансъевразийский пояс Razvitie. Миланский этап»)

Огромная инфраструктура, подобная «евразийскому коридору», имеет все основания, потенциал, а также в положительном смысле претензии на восстановление потерянного, забытого и заброшенного направления мирового развития – связи между Атлантикой и Тихим океаном.

Инфраструктура оказывает огромное влияние на развитие территорий. Она способствует доступности территории для предприятий и физических лиц, находящихся в различных регионах, а также позволяет им рассматривать, выбирать и принимать решение о переезде или перемещении предприятий. Инфраструктура – особенно инфраструктура железных дорог, – обеспечивающая связь на дальних расстояниях, в определенном смысле является позвоночным столбом развития в целом. Вспомним роль железных дорог в развитии Соединенных Штатов: именно благодаря им появлялись все новые производственные центры и населенные пункты. Восточная часть США, скорее всего, не имела бы современного уровня развития, если бы не железные дороги, пересекающие страну с востока на запад. Почему бы и нам при реализации нашей идеи трансъевразийского коридора не воспользоваться потенциалом этого успешного проекта?

Невозможно представить себе, чтобы железнодорожные вагоны с товаром, идущие из Юго-Восточной Азии в Центральную Европу, проделывали бы этот путь без остановок. Если бы они не останавливались, это привело бы к эффекту туннеля, при котором все

территории, через которые проходит железная дорога, находятся вдалеке как от «входа», так и «выхода» и поэтому не могут воспользоваться инфраструктурными преимуществами и благами. Преимущества, которые дает инфраструктура, возникают только в том случае, если она имеет развитую капиллярную систему, то есть на всем протяжении маршрута имеются не только остановки, но и локальные системы подпитки основной транспортной железнодорожной артерии. Должны быть соединены города, горнодобывающие и сельскохозяйственные предприятия, так как основные товары, перевозимые по железной дороге, это как раз сельхозпродукция, продукция горнодобывающей промышленности, а также готовые изделия промышленности, которые после производства должны попадать на рынок и к конечному потребителю. Это очень важный момент, потому что когда мы говорим о коридоре, то имеет основание подразумевать под коридором то, что сейчас используется в Евросоюзе, то есть так называемые трансъевропейские системы транспортировки, учитывающие необходимость интеграции транспортных систем и инфраструктуры на дальних, средних и близких расстояниях.

Как некоторые из присутствующих здесь знают, я являюсь не только доцентом и научным сотрудником университета, но также и президентом метрополитена города Милана, и это позволяет мне судить о важности развитой сети транспортного сообщения внутри территории. Многие подумают: какая же связь между метрополитеном в одном отдельно взятом городе и трансъевразийским коридором? Конечно же, она есть: мы бы многое потеряли, если бы, приехав в Москву, Казахстан или в Европу, не имели бы возможности воспользоваться для перевозки товаров или перемещения людей системой метрополитена, да и в целом урбанистическими системами транспортного сообщения. Стоимость перевозки была бы неподъемной, и это погубило бы все дело. Поэтому в конечном итоге мы стремимся к созданию инфраструктуры, позволяющей снизить расходы на логистику, транспортировку и перемещать товары и людские ресурсы по приемлемым ценам, при которых соотношение «цена–качество» было бы оптимальным.

Поэтому одним из условий политики совместного участия, необходимой для поддержания работоспособности коридора, является создание разветвленной сети железнодорожного сообщения и развитие территорий. С этой точки зрения, одной из миссий большого и протяженного маршрута коридора – главным образом в его азиатской части – является освоение, изучение и оценка богатейших природных ресурсов этого пространства. И думаю, это касается не только горнодобывающей промышленности, но также и использования водных ресурсов в энергетике, что имеет фундаментальное значение для инфраструктуры на дальних расстояниях, о которых идет сегодня речь. Если сейчас не получится экономно использовать водные и энергетические ресурсы, стоимость строительства инфраструктуры на дальних расстояниях будет слишком высокой.

Затрону тему, предопределяющую осуществимость проекта «коридор на дальнем расстоянии», подобного трансъевразийскому коридору, то есть вопрос финансирования. В наши задачи входит не только перенос акцента, от которого зависит развитие территории, с финансового аспекта – циркуляции ресурсов – на производство и воспроизводство ресурсов. Перед нами стоит не только знакомая проблема привлечения инвестиций в традиционный производственный сектор. Мы хотим и должны создать производство на более приемлемых условиях, чем прежде.

В настоящее время на кафедрах университета Боккони активно изучаются и развиваются многочисленные инновационные методы финансирования крупных инфраструктур. У Италии есть опыт так называемого удержания ценности территории. Если на территории создана инфраструктура со станциями, необходимыми подъездными путями, то производится оценка данной территории, и владельцы земли, государственные органы, собирающие налоги с данной территории, начинают получать доход, который не был бы возможен в случае отсутствия таковой инфраструктуры. Нам необходимо действовать виртуозно, для того чтобы удерживать стоимость, созданную инфраструктурой, существующей на территории, и направлять ее на развитие самой инфраструктуры. Это позволило бы финансировать инфраструктуры, стоимость которых – в отсутствие подобных механизмов – была бы огромной и, вероятно, они вообще не имели бы шансов быть реализованными. Я упомянул об этом, потому что меня интересует то, как практика использования производственных цепочек в области железных дорог может быть использована для оценки и финансирования инновационного развития инфраструктуры. Это в свою очередь позволит по кирпичику, по камешку сложить конструкцию, которая для меня является крайне амбициозным проектом и, как и для господина Байдакова, вектором и стратегией глобального масштаба.

Эдуардо Ревильо – профессор, глава группы по экономическим и стратегическим исследованиям Cassa Depositi e Prestiti

При реализации **долгосрочных проектов** необходимо задействовать разные финансовые инструменты

(из выступления на конференции «Трансъевразийский пояс Razvitie. Миланский этап»)

Обсуждение было достаточно интенсивным и интересным. Мы начали с того, что рассмотрели совместный опыт Европы и США по финансированию проектов, то есть возможности финансирования отдельных инициатив, способных стимулировать движение денежных потоков по схеме, схожей с финансированием проектов. Мы также обратили внимание на то, что в этом случае мы сталкиваемся с разнообразием различных инициатив. Некоторые из них можно поддерживать с помощью классических финансовых инструментов, используемых при финансировании проектов. В других случаях необходимо применять альтернативные финансовые схемы.

В целом мы договорились о принципах работы с использованием существующих систем сбережения на глобальном уровне с капиталом, превышающим 70 триллионов евро. Среди таких систем сбережения – пенсионные фонды,

страховые фонды, крупные инвестиционные фонды, располагающие возможностями для участия в долгосрочных проектах. Например, выплата пенсий осуществляется на протяжении долгого периода времени, поэтому подобные организации заинтересованы в наличии в своем портфеле активов с минимальным риском и рассчитанных на долгосрочную перспективу.

Поэтому в случае возникновения потребности в сбережениях мы сможем предложить один или несколько финансовых продуктов для реализации того или иного крупного проекта. Эта реализация может привести к созданию фонда, выпускающего акции или серию акций под правительственное обеспечение, обеспечение страховых компаний или группы выпускающих их государств с управлением активами со стороны правительства и, как следствие, с хорошей репутацией таких активов. В этом случае активы обладали бы достаточной силой для привлечения глобальных инвесторов, потому что в последующие десятилетия будет особенно остро ощущаться потребность в инвестициях и явственно обозначится недостаточная возможность обеспечивать безопасность сбережений. Соответственно тот, кто окажется способным предоставлять возможности для сбережений, сможет более эффективно финансировать свои проекты.

Однако у нас целая серия различных проектов, поэтому фонды или фонд, стоящий во главе других фондов, должны уметь уравновешивать различные риски и различные виды проектов.

Очевидно, что для того, чтобы понимать, каким образом можно создать этот финансовый инструмент, нам нужно провести исследование на предмет определения объектов, а также путей и этапов реализации выбранного крупного проекта. Это потребует серьезных усилий, создания профессиональной рабочей группы, готовой работать в течение необходимого времени – по всей видимости, не короткого периода, – и сможет наметить определенные линии развития проекта. После можно будет подумать о применении одного или нескольких финансовых инструментов, в том числе не совсем традиционных.

Очевидно также, что подобного рода инициативами достаточно трудно управлять, так как здесь потребуется объединение нескольких правительств и управленцев.

При реализации долгосрочных проектов необходимо задействовать разные финансовые инструменты. Например, сберегательные кассы и крупные европейские банки развития, такие как Caisse des depots во Франции, или KfW в Германии, или Европейский инвестиционный банк. Мы являемся членами клуба, созданного в 2009 году, так называемого Клуба долгосрочных инвесторов. В самый, может быть, острый момент кризиса мы поверили в то, что одной из причин кризиса как раз была политика краткосрочного планирования, то есть краткосрочное инвестирование преобладало над инвестированием долгосрочным. Поэтому мы, с одной стороны, имеем возможность продвижения внутри Евросоюза применительно к политике глобализации и посредством крупных финансовых институтов (таких как G8, G20) идеи долгосрочного планирования. С другой стороны, говоря о финансовых инструментах, которые могут быть использованы при финансировании долгосрочных проектов, следует назвать, к примеру, Фонд «Маргарита» – крупный акционерный фонд инвестирования инфраструктурных и энергетических проектов, рассчитанных на длительный период. Причиной создания этого фонда было то, что рынок не мог больше финансировать долгосрочные проекты. Мы осуществляли инвестирование таких проектов, используя также – без конкуренции с рынком – методы неспекулятивного характера, и таким образом смогли реализовать многие застоявшиеся проекты.

Другой аналогичный фонд – «Инфрамед» – был создан для средиземноморского региона. Он охватывает зону от Мавритании до Турции, включая 27 стран Евросоюза. А вместе с Еврокомиссией мы осуществляем еще один крупный проект Project Bonds Initiative («Инициатива по проектным облигациям»), идея которого направлена на борьбу с долгами в ходе реализации проектов. Таким образом, Европейский союз решил помочь проектным организациям и выпустить облигации в качестве гарантии или в качестве субординированного долга для успешной реализации крупных европейских проектов по транспортировке энергоресурсов и коммуникаций. Вот вкратце и все финансовые инструменты, используемые в проектах долгосрочного периода.

Фонд должен быть частично независимым от влияния отдельных государств. В Европе есть уже опыт подобного взаимодействия. Когда был создан Фонд «Маргарита» – достаточно небольшой фонд, – возникла проблема формирования команды, оценивающий проекты и действительно независимой от 27 стран Евросоюза – в противном случае каждый захочет свой кусок пирога. То есть здесь нужен совместно выработанный правительственный план, глобальный проект, служащий целям всеобщего блага, и все инициативы должны быть независимыми. Иначе говоря, должна быть создана структура управления, которая позволит принимать решения на основе экономической обоснованности, но также с учетом положительного эффекта для общества в целом.

Мы можем быть креативными, изобретать новые формы и при этом не абстрагироваться от всего того, что было сделано до сих пор, потому что финансирование развития железных дорог или электростанций уже осуществляется на основе хорошо консолидированных рабочих схем. Мы не можем изобрести что-то совершенно новое, но мы имеем право создать фонд с совершенно иной структурой, основанный на иных принципах работы, который выпускал бы очень привлекательные для инвесторов ценные бумаги. Я бы, например, приобрел какую-либо стоящую ценную бумагу для своих детей, зная, что я тем самым обеспечиваю их будущее в долгосрочной перспективе.

Конечно, двигаться нужно поэтапно, запускать пилотные проекты, не забывая также о глобальных целях.

Я с большим интересом поучаствовал в рабочей группе по финансовым инструментам, стараясь поделиться в ходе обсуждений опытом, выработанным в период работы Клуба долгосрочных инвесторов, возникшего в наиболее напряженный момент кризиса – в 2009 году – с целью создания инструментов и выработки правил, благоприятствующих долгосрочным инвестициям. Особенно если говорить об инвестициях в области развития инфраструктуры, энергетики, возобновляемых источников энергии и телекоммуникаций – тех секторов, которые в значительной степени оказывают положительное влияние на развитие экономики и общества.

Особенное внимание мы уделили обсуждению инструментов, используемых в такого рода проектах. Например, рассматривалось кризисное финансирование проектов в Европе, для чего клуб создал несколько влиятельных фондов, которые уже назывались, – Фонд «Маргарита» и фонд «Инфрамед». Другой важный финансовый инструмент Европейского союза – запущенный сравнительно недавно – «Инициатива по проектным облигациям»: облигации выпускаются проектными организациям, но под гарантии Европейского инвестиционного банка посредством Евросоюза.

В Европе также инициирована серия проектов с использованием прежде всего инструментов гарантий сети крупных европейских банков развития – таких как уже упоминавшиеся KfW, Casse des depots, Европейский банк инвестиций и, конечно же, банк Cassa Depositi e Prestiti, создающие новую модель, иную парадигму развития в долгосрочном периоде.

Мы постарались понять, какие инструменты могут быть использованы в проекте евразийского коридора. Одним из ключевых моментов является то, что этот проект будет включать в себя объекты различного рода:

- железные дороги или электростанции;
- технологические проекты;
- проекты урбанистического развития.

В связи с тем, что проект станет подразделяться на несколько различных направлений, необходимо изучить финансовые инструменты, применимые к той или иной группе объектов. Для этого мы подумали о необходимости создания фонда. Крупного фонда, стоящего во главе других фондов. Фонда, объединяющего в себе различные сберегательные кассы и международных долгосрочных инвесторов, пенсионные фонды, страховые компании, располагающие в мировом масштабе капиталом, превышающим 70 триллионов евро. В этот фонд должны также войти сберегательные структуры, ориентированные на гарантированные инвестиции с хорошей репутацией, с минимальным уровнем риска, но рассчитанные на долгосрочную перспективу.

Такой фонд и такие инструменты могут быть достаточно интересными для хранения сбережений. Инструменты гарантий: совместные гарантии, в том числе межправительственные, правительственное управление активами, а также совместно выработанная схема управления подобным фондом. Схему управления фондом необходимо обсудить дополнительно, однако крайне важно, чтобы выбор объектов для финансирования производился независимой группой, дабы отбирались лучшие с точки зрения финансовой привлекательности и возможности их реализации проекты.

Для того, чтобы понять, какие финансовые инструменты необходимо использовать, в том числе с возможностью применения креативных методов, необходимо провести исследование возможности реализация проекта для формирования четкого представления о целях, сроках и типах площадок, которые мы собираемся финансировать.

Владимир Иванович Якунин –
президент ОАО «РЖД», президент Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор политических наук

Необходимо создавать точки реального роста

(из выступления на конференции «Трансъевразийский пояс Razvitie. Миланский этап»)

Наша конференция является глубокой и важной с точки зрения рассмотрения вопросов практического развития глобальной и суверенных экономик. Многие из нас давно разрабатывают темы, которые сегодня соединяются в возможный единый проект и обретают единую терминологию. Процесс шел по линии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», эти вопросы рассматривались на различных конференциях экономического характера в Европе, в Евросоюзе, в Соединенных Штатах Америки.

Кризис 2008 года, который был вначале назван кризисом финансовым, по своей содержательной части является в том числе и кризисом цивилизационным, кризисом интеллектуальным и кризисом нравственным. Представляется важным подчеркнуть, что разница между моралью и нравственностью заключается в том, что моральным является все то, что не запрещено законом, а нравственным является то, что в качестве ограничения каждый гражданин и каждое общество накладывают на себя, исповедуя высокие человеческие духовные ценности.

Прежде в обществе не существовало таких глубоких морально-этических изменений. А это не может не сказываться на всех областях человеческой деятельности и человеческих знаний. Подчеркнем, что нынешний кризис не вписывается в теоретические представления об основаниях кризисов и путях выхода из них. Обычные рецепты борьбы с кризисными явлениями в экономике – сокращайте бюджетные расходы, и все будет хорошо – сегодня уже не работают.

Мы не сразу нащупали то объединяющее, что могло бы позволить современной глобальной экономике преодолеть кризис. Участники конференции знакомы с последним отчетом Международного валютного фонда, в котором сделан вывод о том, что в период кризиса государственные инвестиции могут не просто сыграть очень важную роль в преодолении кризисных явлений, а это следует считать необходимым явлением. Еще год тому назад любой, кто на таком уровне произнес бы эту фразу, был бы подвергнут анафеме. Он был бы осмеян как человек, который ничего не понимает в мировой экономике. А сегодня экспертами говорится как об этом, так и о том, что приватизация не есть самоцель. Это есть инструмент повышения эффективности там, где этот инструмент работает. В области, например, естественных монополий, которые существуют не только в России. Они существуют и в европейских странах. Совершенно не очевидно, что частный бизнес способен реализовать комплексные задачи, направленные на обеспечение общества в целом. И это тоже новация, которая вытекает из уроков кризиса, через который проходит сегодня мир.

Чрезвычайно важно делать различия между капиталом спекулятивным и капиталом, который действительно призван обеспечить экономическое развитие. Огромный пузырь, который возник в глобальной экономике за счет виртуальных денег, привел к такому провалу, который мы наблюдали в 2008 году. Ситуация, которая сегодня сложилась, это ситуация, когда сильный потребляет все, что ему необходимо, и в большем количестве, чем необходимо, в то время как слабый не способен даже себя прокормить – посмотрите на Африку. Мы считаем, что не одно лишь политическое, не международное понимание, а именно глубоко прагматическое, экономическое понимание диалога цивилизаций, диалога как инструмента совместного преодоления кризисных явлений является той самой нравственной основой, на которой можно выстраивать нашу дальнейшую работу.

Как решать возникший комплекс проблем, как с ними бороться? Мне кажется, что наша конференция отвечает на этот вопрос: необходимо создавать точки реального роста. И поэтому идея нового пояса развития, пояса производства общественного богатства для всеобщего блага является актуальной и реализуемой. Причем именно Россия, российское общество, российская экономика могут внести существенный вклад в такое сотрудничество.

Наверное, не мы единственные говорим сегодня о необходимости создания этих точек или почек роста. Существуют, например, проекты развития транспортного коридора от Тихого океана до Атлантики, мы в компании ОАО «РЖД» занимаемся этим вопросом, недавно об этом же говорил и президент России Владимир Путин.

Но идеи, которые сегодня озвучиваются, которые только что прозвучали здесь, значительно шире и глубже. Это не просто развитие транспортной инфраструктуры в интересах развития экономики. Это комплексное развитие огромных территорий, в которых сосредоточены интеллектуальные ресурсы общества, в которых сосредоточены природные богатства, принадлежащие государству. И которые требуют прихода реальных денег, реальных капиталов и реального сотрудничества различных государств в достижении единой цели, которая вами была сформулирована как евро-азиатское развитие. Нам представляется, что Трансъевразийский пояс Razvitie, как вы его назвали, является, безусловно, очень перспективной и интересной базой для формирования новой модели, новой парадигмы глобального экономического развития и развития конкретных государств.

Мне видится чрезвычайно важным, чтобы эта идея, результаты интеллектуального обсуждения данной темы становились достоянием широкой общественности. Поэтому надлежащая пропаганда правильных идей Клуба долгосрочных инвесторов, идей Трансъевразийского пояса Razvitie является не менее важной, чем собственно разработка самой модели.

Инфраструктура, безусловно, должна создаваться на основе следующего технопромышленного и социокультурного уклада, формирующегося под специально выдвигаемые требования развития страны. Для всех нас вопрос сегодня стоит критически остро: либо большая война – и такой способ разрешения накопившихся противоречий в глобальном обществе мы с вами, к сожалению, хорошо знаем, – либо мы реализуем имеющуюся перспективу большого рывка в развитии конкретных стран и человечества в целом. Конечно, при этом мы будем сталкиваться с необходимостью находить равновесие между различными интересами государств и общественных слоев. В связи с этим сказанное в равной степени является ответственностью не только экономистов, финансистов, но и политиков. Выражу надежду, что проходящая сегодня конференция может явиться той инициирующей искрой, из которой – по образному выражению – да возгорится пламя новой экономики, пламя нового развития, пламя нового сотрудничества.

Исаак Ньютон

370 лет

Сэр Исаак Ньютон (4 января 1643 года – 31 марта 1727 года) – английский физик, математик и астроном, один из создателей классической физики. Автор фундаментального труда «Математические начала натуральной философии», в котором он изложил закон всемирного тяготения и три закона механики, ставшие основой классической механики. Разработал дифференциальное и интегральное исчисления, теорию цвета и многие другие математические и физические теории.

В мировой истории найдется очень мало людей, чья гениальность воспринималась безоговорочно всеми на протяжении нескольких столетий. Ярчайшей из таких звезд является Исаак Ньютон. Со школьной скамьи мы помним словосочетания «бином Ньютона», «законы Ньютона», «физика Ньютона», в нашей памяти хранится его обрамленное локонами лицо, взирающее с портрета на стене школьного кабинета физики. Нам всю жизнь кажется, что мы знаем о Ньютоне если не много, то вполне достаточно, что жизнь его была благополучной, исполненной признания заслуг. Есть и очевидные признаки этого признания: титул «сэр», могила в Вестминстерском аббатстве, трехсотлетняя мировая слава. Но не мало ли мы знаем об этой величайшей личности и его внешне монотонной и благополучной, но внутренне непростой жизни и судьбе?

До 46 лет Ньютон был всецело погружен в науку, возглавляя кафедру математики в Кембридже, однако обстоятельства заставили его принять участие в споре по защите привилегий университета перед высшим судом. В благодарность своему члену, ученая слава которого начинала уже распространяться, университет избрал Ньютона депутатом парламента в 1688 году. В 1694 году членство Ньютона в парламенте было прекращено. Вскоре было прекращено и гнетущее ощущение материальной необеспеченности: его друг и покровитель Карл Монтегю, канцлер казначейства, назначил Ньютона в 1695 году хранителем, а затем и директором монетного двора с жалованьем, позволявшим вести безбедную жизнь. Совмещать эту должность с преподаванием в Кембридже было невозможно, и в 1696 году Ньютон окончательно перебрался в Лондон, где организовал перечеканку всей английской монеты, испорченной фальшивомонетчиками во время предшествовавших общественных потрясений, что позволило за два года привести в порядок расстроенное монетное дело Англии. В 1703 году его избрали президентом Королевского общества, а в 1705-м возвели в рыцарское достоинство.

Вклад Ньютона в физику и математику, в создание научной картины мира известен. Основные научные результаты Ньютона вошли в современные курсы физики и математики. Другая сторона его деятельности, которой Ньютон посвятил значительную часть своей жизни, менее известна. Так было не только при его жизни, но и очень долго после смерти. Рукописи Ньютона, хранившиеся по большей части у наследников, не находили своих исследователей столетиями, да и сейчас еще остаются малоизученными. Бóльшую часть архива составляли рукописи по теологии, хронологии и алхимии. Научное наследие Ньютона до сих пор нельзя считать изученным и введенным в общекультурный оборот. Лишь одна сторона деятельности гения произведена в ранг вечных ценностей – его физико-математические труды. Все остальное, занимавшее его ум на протяжении всей жизни, весьма стыдливо и иносказательно обозначается как причуды гения или даже как проявление умственного помешательства, якобы настигшего Ньютона после пожара 1695 года, в котором сгорела существенная часть его архива. Основная причина столь неравноправного рассмотрения трудов Ньютона – как опубликованных при жизни, так и находящихся в архивах – состоит в их результатах, противоречащих многим устоявшимся взглядам. И если от алхимических исследований Ньютона отмахнуться легко, вспомнив, что алхимия – лженаука, но забыв, что именной ей мир обязан появлением подлинной науки – химии; если его теологические штудии можно мысленно адресовать теологам – «пусть они сами разбираются», то труды по хронологии касаются уже весьма широких вопросов истории – а значит, и политики, идеологии.

Хронологии – а она считалась в те времена и долго после отраслью математики, а не истории – Ньютон посвятил не менее 40 лет своей научной деятельности. Вскоре после его смерти была издана «Правильная хронология древних царств». Стремление уточнить и исправить существующую хронологию проистекало у Ньютона из-за расхождений дат, приводившихся в Библии, которые он считал истинными, с иными описаниями исторических событий. В основном он анализировал хронологию Древнего Египта и Древней Греции периода до нашей эры и существенно «укоротил» ее. Ньютон исходил из мысли, что хронологические сведения, дошедшие от древних египтя́н, греков и т.д., во многих случаях являются вымыслом, не привязанным ни к какой общей временной шкале. Протяженность древней истории по результатам его анализа оказалась чрезвычайно сжатой. Впоследствии сложившаяся хронология исторических событий неоднократно подвергалась анализу и попыткам исправления. Однако ни во времена Ньютона, ни в наши дни произвести общепринятую ревизию хронологической шкалы и методов ее формирования не удается.

Василий Михайлович Симчера – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор НИИ статистики Федеральной службы государственной статистики (2000–2010 гг.), вице-президент Российской академии экономических наук, главный редактор журнала «Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда» (1999–2005 гг.), руководитель отдела статистики взаимной торговли стран-членов Таможенного союза ЕврАзЭС (2011–2012 гг.).

Евразийскому союзу – **евразийскую** статистику

Одно из самых важных и вместе с тем трудных звеньев при формировании современных институтов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), старт практической деятельности которого намечается на январь 2015 г., – статистика. Та самая всеобъемлющая и всезнающая, старейшая, испытанная веками европейская статистика, живым воплощением которой сегодня выступает Евростат, благодаря образцовым работам и публикациям которого было обеспечено успешное формирование и эффективное функционирование на протяжении более чем 60 лет прямого аналога ЕАЭС – Европейского союза (ЕС) как самого мощного и активного современного глобального образования, на долю которого приходится едва ли не четверть всех активов в современном мире. Вместе с тем именно европейская статистика в последние годы стала вызывающе изменять собственным высоким стандартам, публиковать недостоверные данные и, вводя в заблуждение властные институты ЕС, оказываться в немалой мере повинной в формировании того кризисного состояния, в котором находится сегодня экономика Европы.

Как, с какими ресурсами и когда евразийская статистика может рассчитывать на достижение тех высших стандартов, которые ныне, несмотря на все переживаемые бифуркации, принадлежат европейской статистике? И с учетом теперешних реалий следует ли добиваться освоения таких стандартов? И если не следует, то на какие стандарты надлежит ориентировать евразийскую статистику, чтобы она оказалась в состоянии выполнить ту мощную познавательную и преобразующую роль, которая ей отводится в ходе формирования современных институтов ЕАЭС?

Что при такой постановке вопроса можно и следует взять из того непродолжительного опыта, который накоплен евразийской статистикой, в частности, из опыта работы Межгосударственного статистического комитета СНГ и Комиссии Таможенного союза (КТС) Республики Беларусь (РБ), Республики Казахстан (РК) и Российской Федерации (РФ) как наиболее значимое?

■

За истекший относительно короткий период, благодаря активным действиям Секретариата Комиссии Таможенного союза (СКТС), в развитии евразийской статистики вообще и статистики взаимной торговли в частности достигнуты определенные положительные результаты.

Были разработаны и внедрены следующие получившие международное признание принципиально важные положения и стандарты:

- единая методология ведения таможенной статистики внешней торговли и статистики взаимной торговли стран-членов Таможенного союза (СТС);
- единые классификаторы ведения стандартных систем, алгоритмов, режимов, процедур, документарных форм учета и наблюдения потоков взаимной торговли СТС (47 классификаторов);
- формы статистического наблюдения и уведомительного декларирования таможенных грузов во взаимной торговле СТС без обязательного заполнения и представления грузовых таможенных деклараций (ГТД);
- формы статистического наблюдения и отчеты по ввозным таможенным пошлинам (пеням, процентам, компенсационным платежам и т.д.) СТС;
- система индексации и мониторинга приграничной торговли СТС.

Разработана методика и произведено анкетное обследование эффективности использования автоматизированных информационных систем для контроля взаимной торговли СТС.

Выпущены несколько квартальных и годовой статистический бюллетень по итогам развития внешней и взаимной торговли СТС за 2011 г.

Также были достигнуты значительные успехи в деятельности Межгосударственного статистического комитета СНГ, обеспечивающего с 1996 г. издание статистического ежегодника и ряда других статистических сборников на регулярной основе.

В результате реализованных мер с 16 процентов в 2005 г. до 5 процентов в 2011 г. понизился уровень расхождений в оценках итоговых показателей взаимной торговли между РБ и РФ и с 45 процентов до 15 процентов между РК и РФ.

Вместе с тем в 2011 г. Росстат отказался формировать статистику взаимной торговли на так называемых зеркальных данных белорусской и казахстанской сторон и перешел на базу данных, основанную на собственной форме федерального статистического наблюдения (форме № 1-ТС). Вследствие этого уровень разрывов между наблюдаемыми автономными оценками одних и тех же поставок в двух разных странах (по разным товарным группам в противоположных направлениях) увеличился до неприемлемых размеров (**таблица 1**).

Например, в месячных оценках взаимных поставок нефти и нефтепродуктов из России в Беларусь разрывы в 2011 г. достигали 1,8 раза, черных металлов и изделий из

теория развития

Таблица 1. Расхождения в ценах и объемах вывоза отдельных групп товаров из РФ и ввоза тех же товаров в РБ в натуральном выражении и по стоимости (данные уполномоченных органов РФ и РБ)

Товарные группы по ТН ВЭД	Объемы вывоза из РФ в РБ			Объемы ввоза в РБ из РФ			Расхождения в объемах			Удельный вес расхождений		
	тысяч тонн	миллионов долларов	цена РФ (долларов за тонну)	тысяч тонн	миллионов долларов	цена РФ (долларов за тонну)	тысяч тонн (1–4)	миллионов долларов (2–5)	цена (долларов за тонну)	в товарной группе РФ (8/2)	товарной группы в общем итоге страны: РФ	товарной группы в общем итоге страны: РБ
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
(27) топливо минеральное, нефть и нефтепродукты	1792,1	692,1	386,2	2935,8	1263,0	430,2	– 1143,7	– 570,9	– 44,0	– 82,5	35,2	65,0
(72) черные металлы	212,1	686,0	3234,5	281,1	166,0	590,5	– 69,0	520,0	2644,0	75,8	34,8	8,5
(73) изделия из черных металлов	22,1	96,9	4389,0	20,3	37,5	1846,7	1,8	59,4	2542,3	61,3	4,9	1,9
(39) пластмассы и изделия из них	37,4	98,5	2632,7	19,4	52,8	2716,0	18,0	45,7	– 83,2	46,4	5,0	2,9
(40) каучук, резина и изделия из них	8,4	35,3	4182,8	4,4	21,2	4876,8	4,0	14,1	– 694,0	40,0	1,8	1,1
(87) средства наземного транспорта	10,6	62,2	5845,3	34,4	222,5	6460,5	– 23,8	– 160,3	– 615,1	– 257,7	8,7	19,1
(02) мясо и молочные продукты	7,3	29,3	4029,8	19,1	73,1	3826,0	– 11,8	– 43,8	203,8	– 149,5	4,1	6,8
(04) молочная продукция, яйца птиц и прочие продукты	22,4	76,8	3426,9	55,3	137,4	2485,1	– 32,9	– 60,6	941,9	– 78,9	10,7	11,8
Итого	7843,1	1968,8	251,0	3484,4	1943,2	557,7	4358,7	25,6	306,7	1,5	100	100

Полное наименование соответствующих товарных групп, указанных в первой колонке таблицы («Товарные группы по ТН ВЭД»). Группа (27): топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки, битуминозные вещества, воски минеральные. Группа (87): средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности. Группа (04): молочная продукция, яйца птиц, мед натуральный, пищевые продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные.

В колонке «Расхождения в объемах» имеется в виду сальдо расхождений по наблюдаемым 170 товарным группам с учетом взаимопогашения положительных и отрицательных отклонений.

них – 1,6 раза, легковых автомобилей – 2,6 раза. В натуральном выражении это означало 1,1 миллиона тонн недоучтенной в России нефти, 69,0 тысяч тонн черных металлов, 16 тысяч легковых автомобилей, 32,9 тысячи тонн молочной, 11,8 тысячи тонн мясной продукции и т.д.

Считаясь с этим, российская сторона была вынуждена отказаться от применения формы № 1-ТС и возвратиться к прежнему способу учета и оценки собственных объемов и потоков взаимной торговли на основе «чужих» данных соответственно статистических служб Беларуси и Казахстана.

Это – беспрецедентный случай, к которому никогда ранее не обращалась национальная статистика России.

По сведениям, опубликованным ФТС России в 2012 г., в связи с распространением электронной формы уведомительного декларирования таможенных грузов на товары внешней торговли разрывы в соответствующих данных еще в большей мере увеличились. Нет однозначных доказательств, что распространяемый уведомительный порядок оценки объемов и потоков взаимной торговли СТС является предпочтительным. Но еще меньше наблюдаемых доказательств в пользу российской формы сплошного учета таможенных грузов.

Для преодоления указанных расхождений в оценках одних и тех же показателей необходим пересмотр целого ряда исходных общих методических положений статистики взаимной торговли и далее всей интеграционной статистики СТС. Понятно, что эти и многочисленные другие ненаблюдаемые разногласия в применении единой методологии и расхождения в оценках одних и тех же показателей взаимной торговли СТС в условиях формирования единого экономического пространства (ЕЭП) и ускоренного создания на этой базе эффективных институтов ЕАЭС в безусловном порядке и полном объеме должны быть преодолены. Без этого ставить и решать вопрос о создании интегрированной евразийской статистики СТС на уровне современных европейских статистических стандартов просто не приходится.

Анализируя нынешний уровень решения указанных вопросов и оценивая профессиональную квалификацию тех лиц, которые в действующих институтах СТС должны нести ответственность за качество таких решений, приходится с сожалением констатировать, что названные критерии, за исключением принятых КТС нормативных положений формирования методологии статистики взаимной торговли, далеки от совершенства и нуждаются в серьезных улучшениях.

Показатели интеграции откровенно подменяются национальными показателями. В практике евразийской статистики не разработана и не получила какого-либо должного применения система единых показателей, характеризующих уровни, темпы и пропорции интеграции национальных экономик СТС, взятых вместе. Не унифицирована методология исчисления и сопоставления этих показателей, не идентифицированы регистры и классификаторы предприятий и организаций, в том числе регистры участников внешнеэкономической деятельности. Применяемые программные и электронные средства сбора, обработки, хранения и передачи статистических данных несовместимы друг с другом. С большим запаздыванием решаются вопросы формирования антикризисной статистики. Не преодолены большие расхождения в полноте, достоверности и точности различных источников публикуемых данных. Не сделано практически ничего в области инновации и интеграции новых методов, форм и программ выборочных наблюдений – в частности, протестных выступлений, в том числе против самой интеграции СТС и создания ЕАЭС. Серьезные претензии к национальной статистике этих стран предъявляются со стороны международных статистических организаций.

Задача, с решения которой, следовало бы стартовать – изучение перспектив создания трансъевразийского экономического союза, обладающего не только материально-производственной, торговой, транспортной, таможенной, но и – главное – платежной, валютной, инновационной и другими полноценными системами.

Оставляя в стороне решение основополагающих концептуальных задач и концентрируя внимание на выполнении текущих – по преимуществу конъюнктурных – поручений, национальная статистика СТС в нынешнем состоянии практически полностью исключает возможность эффективного использования ее потенциала как полномасштабной и надежной платформы для построения единой общеевразийской системы сбора, обработки, хранения и распространения интегрированных данных. И следовательно, она как мощное орудие не только познания, но и преобразования окружающего мира, все еще находясь в плену решения мелких, главным образом узковедомственных и подчас чисто чиновничьих корыстных задач, в должной мере не выполняет свои прямые функции, главная из которых – выявление и обеспечение эффективного использования тех громадных материальных и трудовых резервов, которые таятся в недрах интеграции евразийских стран. Без этого развивать национальную и формировать интегрированную статистику СТС и невозможно, и бессмысленно.

Ограничиваясь в практической работе рутинной компиляцией и многократным дублированием одних и тех же массивов общеизвестных данных, не работая (и не умея работать) с первичными данными и не получая на их основе должного максимума содержательных производных данных, расходуя в условиях отсутствия надлежащих легальных платформ и баз данных огромные средства на контрафактные IT и создание на их базе множества всякого рода сплошь и рядом нелицензированных «собственных» кустарных информационных продуктов и систем, действующая евразийская статистика и

ее институты не поспевают за решением стоящих перед ними фундаментальных задач. В результате они лишают руководство и общественность этих стран необходимой объективной, достоверной и полноценной информации. Понятно, что без наличия такой информации все управленческие структуры СТС обрекаются на принятие решений в условиях практически полной неопределенности и риска, совершаются грубые ошибки, цена которых подчас кратно превышает сиюминутный эффект.

Оценивать уровни, темпы и пропорции специализации, кооперирования и комбинирования интеграционных производств, определять конкурентоспособные кластеры, строить производственные функции, производить факторный анализ, выявлять и показывать реальные эффекты евразийской интеграции на основе таких урезанных данных этих служб, без разработок дополнительных данных, основанных на применении современных информационных технологий, невозможно. В частности, при таком урезанном и конвенционально не урегулированном статистическом оценивании евразийских интеграционных процессов – оценивании, игнорирующем необходимость определения полных объективно обусловленных затрат, – невозможно, например, обнаружить, что российская сторона вместо якобы получаемых во взаимной торговле выгод на самом деле ежегодно несет многомиллиардные потери. Причем подобные потери по своим физическим объемам превышают доходы, получаемые Россией от реализации всех объемов газа и нефти, вместе взятых. Произведенные расчеты показывают, что евразийская экономическая интеграция, несмотря на оптимистические политические заявления, при сохранении нынешних неэквивалентных оценок ее активов для России в реальном измерении все еще остается недостаточно эффективной. Она требует переформулировки исходных условий и паритетной оценки ее долевых ресурсов, которые, в отличие от текущих условий, должны быть в одинаковой мере выгодны и справедливы для всех стран.

До начала формирования евразийской статистики и ее институтов в лице Межгосударственного статистического комитета СНГ, департамента статистики КТС (ныне Евразийская экономическая комиссия – ЕЭК) ЕврАзЭС, Евразийский банк развития, Союзное государство Беларуси и России и др. в своей практической работе ограничивались в основном компиляцией данных и ведением статистики внешней и взаимной торговли. И в рамках своих компетенций не решали и не могли решать многие креативные задачи, связанные с осуществлением нынешних программ международной экономической интеграции. Институциональный статус и функции таких структур в ходе формирования ЕАЭС должны быть трансформированы. В этих целях в планах развития евразийской статистики в ЕЭК на 2013–2015 гг. следует предусмотреть:

◆ расширение системы применяемых макроэкономических показателей – системы, охватывающей, как это показывают данные в **таблице 2**, всего 130 ныне наблюдаемых и 120 частично наблюдаемых, а также до 450 ненаблюдаемых показателей, и приближение их множества к мировому множеству, охватывающему ныне более чем 1300 наблюдаемых показателей;

◆ разработку новых индикативных показателей и новой метрики измерения их качественных характеристик как действенных инструментов, необходимых для подготовки и обеспечения успешной реализации многомерных стратегических проектов международной экономической интеграции;

◆ формирование множества антикризисных показателей, необходимых для принятия решений в условиях углубляющейся неопределенности и повышенных рисков, какими следует рассматривать условия предстоящего развития институтов международной экономической интеграции.

Предполагается, что с помощью новых показателей формируемые институты ЕАЭС с самого начала окажутся способными решать принципиально новые классы интеграционных задач с возможностью привлечения к этим решениям доказательных технико-экономических обоснований.

Работы по созданию ЕАЭС будут успешными, если в первоочередном порядке будут решаться креативные задачи концептуального характера, а именно:

◆ задачи определения и поддержки оптимальных границ евразийской интеграции, в рамках которых при минимуме затрат и расстояний можно обеспечивать эффективное взаимодействие интегрируемых экономик кратчайшими путями и тем самым повышать уровень устойчивости и сопротивляемости евразийской интеграции внешним отрицательным воздействиям, в том числе и прежде всего воздействиям конкурирующих таможенных союзов и ТНК;

◆ задачи преодоления существующих и устранения возможных разрывов в условиях предстоящего экономического развития, в частности, разрывов в оплате труда, в ценах, налогах, кредитных ставках, курсах валют и т.д., возрастание которых может перечеркнуть все предпринимаемые СТС усилия, направленные на полноценную реализацию декларируемых принципов свободного движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, представляющих основу основ успешной деятельности формируемых институтов ЕАЭС;

◆ задачи минимизации потерь и вовлечения в экономический оборот с помощью разрабатываемых показателей таящихся в СТС неиспользуемых или недостаточно используемых ресурсов и скрытых резервов, представляющих, по общему мнению специалистов, самый мощный фактор дополнительного наращивания экономического потенциала СТС и их ускоренного перехода на более высокую ступень экономической интеграции.

Чтобы в полном объеме выполнить свои инструментальные функции, обеспечивающие возможность оптимального решения предстоящих задач по точному профилю интегрируемых стран и с наименьшими затратами, новая евразийская статистика всей мощью своих доказательных данных должна воспрепятствовать доминированию нынешней ситуации, когда работы, товары и услуги производного характера и второстепенного значения (например, кинематограф, шоу-бизнес, сотовая связь или посредничество) ценятся и оплачиваются несправедливо и вызывающе выше аналогичных базовых инженерных, образовательных или здравоохранительных работ и услуг, что вызывает напряжение во всем нынешнем евразийском сообществе и перечеркивает перспективы создания ЕАЭС на этой противоестественной базе.

В особом порядке, с разработкой самостоятельного технико-экономического обоснования должны решаться зада-

Таблица 2. Соотношение множеств наблюдаемых и ненаблюдаемых показателей, характеризующих уровни, темпы, пропорции интеграции ключевых кластеров социально-экономического развития СТС (в числителе – количество наблюдаемых показателей, в знаменателе – их удельный вес в идентичном общемировом множестве показателей)

Множество интеграционных показателей / Кластеры множеств, характеризующих	наблюдаемое множество	частично наблюдаемое множество	ненаблюдаемое множество	предельное общемировое множество
географическое, геополитическое положение интегрируемых стран	7/28,0	4/16,0	14/56,0	25
интегрируемую экономику и финансы	15/8,6	9/5,1	78/44,6	175
население и социальные условия	29/12,1	17/7,1	66/27,5	240
промышленное производство	10/6,1	12/7,2	36/21,8	165
сельское хозяйство	14/10,0	15/10,7	27/19,3	140
инвестиции и капитальное строительство	12/7,5	8/5,0	60/37,5	160
транспорт и связь	11/8,7	12/9,5	47/37,3	126
торговлю и услуги	10/7,4	11/8,1	39/28,9	135
внешнеэкономические связи	7/6,7	12/11,4	53/50,5	105
науку, технику, образование	4/10,5	9/23,7	14/36,8	38
окружающую среду	11/16,7	12/18,2	15/22,7	66

Приводятся показатели, характеризующие собственно интеграционные процессы, включая показатели, оценивающие степень влияния этих процессов на общие уровни, темпы и пропорции развития СТС. Не приводятся собираемые и публикуемые в СТС национальные и региональные показатели, которыми многие международные организации подменяют отсутствующие интеграционные показатели. Регламенты работы Статкомитета СНГ, ЕврАзЭС и ЕЭК такое деление даже не предусматривают.

теория развития

чи повышения качества евразийской статистической информации, необходимой не только для формирования, но и обеспечения начиная с 2015 г. успешного функционирования ЕАЭС.

В целях обеспечения гарантированного решения этих задач по точному профилю потребителей целесообразно разработать проект создания при ЕАЭС научно-исследовательского института евразийской статистики (НИИ ЕАС) с программой работ на 2013–2015 гг., предусматривающей:

◆ определение на консенсусной основе оптимальных границ и разработку на этой предельно расширенной базе полномасштабной стратегии социально-экономического развития ЕАЭС с представлением технико-экономического обоснования условий и последствий реализации этих программ в 2013–2015 гг. и в последующий период до 2020 г.;

◆ формирование полноценных программ специализации, кооперирования и комбинирования национальных ресурсов и производств и разработку на этой основе комплексных прогнозов модернизационнно-инновационного социально-экономического развития ЕАЭС и последствий реализации таких программ в период до 2030 г.;

◆ подготовку технико-экономического обоснования затрат и эффективности формирования типовых организационных структур и крупных транснациональных компаний и научно-технических мегаполисов ЕАЭС типа Силиконовой долины в США, Сколкова в России или консорциума Airbus в странах ЕС;

◆ ситуационный анализ рейтингов экономических минимумов (низов) и максимумов (верхов), точек рентабельности, безубыточности и точек невозврата по ключевым направлениям экспортно-импортной и иной венчурной экономической деятельности государств-членов ЕАЭС;

◆ сравнительный анализ ключевых показателей конкурентоспособности социально-экономического развития ЕАЭС с аналогичными показателями Европейского союза, ОЭСР, БРИКС и других крупных международных экономических союзов и организаций и определение перспектив совершенствования и расширения ЕАЭС как в прошлом едва ли не самого интегрированного, а ныне в той же мере едва ли не самого дезинтегрированного мирового экономического пространства.

Евразийская экономическая интеграция при сохранении нынешних неэквивалентных оценок ее активов остается недостаточно эффективной. Она требует переформулировки исходных условий и паритетной оценки ее долевых ресурсов.

Особая задача, с решения которой, двигаясь от будущего к настоящему, проектируемому НИИ ЕАС, возможно, следовало бы стартовать при реализации системного подхода к формированию ЕАЭС, – изучение перспектив создания трансъевразийского экономического союза (ТЕАЭС). Такой союз должен обладать всеобщими не только материально-производственной, торговой, транспортной, таможенной, но и – главное – платежной, валютной, инновационной и другими полноценными системами. Горизонты подобного союза в контексте нынешнего глобального интеграционного тренда вряд ли стоит игнорировать и рассматривать как чисто утопические.

Решение всех этих задач предполагается осуществлять на основе проведения регулярной очистки разрабатываемых евразийских данных и тарификации и индексации поправочных коэффициентов и оценок статистических погрешностей при их публикации в печати. Решение этих задач на базе очищенных данных будет выступать залогом обеспечения прозрачности всех предстоящих работ ЕАЭС и с самого начала станет отличать их от аналогичных работ других международных организаций – работ, выполняемых ныне в значительной мере на базе непрозрачных и, следовательно, не заслуживающих доверия данных.

Известно, что ранее эти задачи в практике работы большинства экономических, валютных, таможенных и других международных организаций, в том числе в практике работы Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, решались (и продолжают решаться сегодня) избирательно, на контрактной основе, разрозненными исследовательскими организациями и, как правило, не давали полноценных искомых результатов.

Исключение составляют Европейский союз (Брюссель), ОЭСР (Париж) и Всемирная таможенная организация. Наглядным примером децентрализованной организации таких работ на аутсорсинговых условиях является ЕЭК. В последнем случае подобные работы осуществляются путем проведения конкурсов или размещения заказов с определением порядка отбора и финансирования приоритетных тем на основе пакета разработанных регламентных документов. Среди последних можно назвать «Положение о порядке проведения конкурса по выбору исполнителя научно-исследовательских работ», «Положение о порядке отбора приоритетных тем для проведения научно-исследовательских работ по вопросам, входящим в компетенцию ЕЭК», «Положение о финансировании научно-исследовательских работ» и «Положение о проведении научно-исследовательских работ по заказу ЕЭК».

Инициатором настоящего предложения может быть разработан и представлен на обсуждение проект «Положения о научно-исследовательском институте евразийской статистики».

■

Известно, что все результаты эмпирических измерений одних и тех же явлений, включая сами их метрики (и не только в гуманитарных, но и во всех без исключения физических областях знаний), отклоняются от нормы и применяются в практической работе с теми или иными допусками или погрешностями. Идеальных измерений не бывает. Доверительные интервалы этих погрешностей там, где это возможно, определяются по известным статистическим правилам и критериям оценок точности, а там, где это невозможно, – конвенционально, путем сравнения сходимости двух и более эмпирических оценок одного и того же явления – оценок, полученных с двух разных источников данных или двумя разными методами.

В пределах допустимых погрешностей индексируемой оценки наблюдаемые явления признаются приемлемыми, за их пределами – неприемлемыми, не заслуживающими доверия и непригодными для практического применения. В стандартах современной статистики при больших выборках приемлемыми считаются корректируемые оценки с отклонениями от нормы в пределах +/– 3 процентов, а при малых выборках – соответственно +/– 7 процентов.

Суммируя расхождения по составу (Scop), охвату (Coverage) и достоверности (Credibility) в наблюдаемых показателях евразийской статистики, которые зашкаливают, как показано выше, за 15–45 процентов друг от друга или от принятой нормы, можно утверждать, что все они выходят далеко за пределы допустимых погрешностей и в таком виде непригодны для практического применения.

В контексте изложенных соображений и представленных расхождений в оценках точности данных в евразийской статистике в первоочередном порядке должна быть разработана «дорожная карта» таких расхождений и организована работа по пересчету (конвертации) национальных показателей в множество одноименных сопоставимых международных показателей, а также обеспечено ведение их мониторинга на регулярной основе.

В какой мере представленные данные евразийской статистики и прежде всего данные, помещаемые на официальном сайте Евразийской экономической комиссии, можно и следует использовать в ходе формирования ЕАЭС? В какой мере и когда их следует рассматривать как неприемлемые и подвергать в обязательном порядке необходимой корректировке и индексации? Автор настоящей статьи рекомендует руководствоваться следующими выводами и предложениями.

Первое. Признавая разрабатываемые и публикуемые в статистике СТС показатели недостаточными для обеспечения достоверных оценок уровней, темпов и пропорций, необходимых для характеристики итогов и перспектив развития международной экономической интеграции, определения ее конкурентоспособных кластеров, построения производственных функций, выявления дополнительных резервов экономического роста, разработчикам всех проектов ЕАЭС рекомендуется подготовить общий вопросник необходимых данных. Этот вопросник следует в установленном порядке представить в департамент статистики ЕЭК для подготовки комплекса мер, направленных на совершенствование евразийской статистики по точному профилю интересов разработчиков и индексации публикуемых показателей с учетом поправочных коэффициентов и погрешностей в достоверности их исчислений. Такой шаг будет способствовать снижению рисков и повышению эффективности принимаемых ими совместных решений.

Второе. В связи с выявленными большими разногласиями в практике применения единой методологии таможенной статистики внешней и статистики взаимной торговли СТС и грубыми нарушениями уполномоченными органами этих стран действующего соглашения и принятых действующих технических регламентов формирования и передачи технологических комплексов протокольных данных, происходящими из-за использования участниками внешнеэкономической деятельности неунифицированных уведомительных форм статистического наблюдения и таможенного декларирования грузов и низкого уровня контроля за точностью таможенных данных, в ходе формирования ЕАЭС следует отказаться от этой практики и в полном объеме осуществить переход на практику автоматизированного ведения таможенной статистики, принятой в ЕС.

Третье. Учитывая, что разрабатываемые в статистике СТС показатели исчисляются без применения каких-либо стандартных процедур, произвольно и в неограниченных преде-

теория развития

лах отклоняются от нормальных значений, уполномоченные статистические органы этих стран публикацию своих данных в обязательном порядке должны сопровождать мониторингом их достоверности и индексации допускаемых статистических погрешностей, а при отказе – дисквалифицироваться и подвергаться искам за публикацию недостоверных данных.

Четвертое. В целях преодоления нынешнего общего неудовлетворительного положения дел со статистикой СТС и избежания возможных исков к ее уполномоченным органам рекомендуется:

◆ департаменту статистики ЕЭК разработать комплекс мер, направленных на преодоление существующих разногласий в практике применения единой методологии сбора и передачи декларируемых данных, в частности, разногласий в практическом применении единой методологии классификации и оценки одних и тех же объемов и потоков взаимных поставок товаров, в ценовых оценках этих потоков в стоимостном и натуральном выражениях с использованием разных цен, с включением одних и тех же товаров в разные группы товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности;

◆ отказаться от нынешней практики применения разных уведомительных форм декларирования и добровольного порядка электронной регистрации участниками внешнеэкономической деятельности одних и тех же грузов и возвратиться к практике применения упрощенной формы, в качестве которой предлагается использовать разработанную для этих целей российской стороной форму статистического наблюдения № 1-ТС;

◆ ввиду публикаций на официальном сайте ЕЭК разнонаправленных разрывов в данных по товарным группам, которые, как отмечалось, по взаимным поставкам, например, черных металлов и изделий из них отклоняются друг от друга в 1,6 раза в пользу России, по нефти и нефтепродуктам в 1,8 раза и легковым автомобилям в 2,6 раза в пользу Беларуси и неправомерно используются в качестве своеобразного средства занижения экспортных цен и физических объемов российских поставок (занижения на 15 процентов общего объема взаимного товарооборота) и, напротив, завышения объемов казахстанских и белорусских поставок (по ценам на 10–12 процентов, в физическом выражении – соответственно на 18–37 процентов) и наносят существенный ущерб российским экспортерам, эти данные при их применении в первоочередном порядке следует корректировать и индексировать с учетом коэффициентов их достоверности;

◆ учитывая, что в нынешних условиях практически все публикуемые показатели в наибольшей мере искажаются из-за инсайдерского сокрытия данных или игнорирования их искажений как якобы второстепенных, все они без исключения на регулярной основе должны индексироваться с учетом галопирующих валютных курсов, процентных ставок, таможенных тарифов, налоговых платежей, а также выпадающих статей взаимной торговли, включая потери на курсовых разницах, уклонениях от уплаты таможенных пошлин и НДС, неучитываемых объемах приграничной торговли, демпинга, контрабанды и т.д.

В настоящее время (и не только в СТС, но и во всем мире) реальный экономический рост детерминируется не столько ценовыми, сколько перечисленными, на первый взгляд, якобы второстепенными факторами. Организация и ведение такого своеобразного деофшорного учета должны рассматриваться как самостоятельные задачи в деятельности уполномоченных органов ЕЭК, без решения которой представлять предстоящий экономический рост ЕАЭС бессмысленно.

Пятое. Для обеспечения надежного решения этих задач должны быть пересмотрены действующие кадастры и регистры участников внешнеэкономической деятельности, кратно расширен охват и масштаб как единовременных, так и текущих статистических наблюдений, обеспечена совместимость применяемых различных программных средств и электронных технологий сбора, обработки, хранения и передачи статистических данных, то есть весь статистический инструментарий учета и отчетности, за пределами которого остается едва ли не половина всего того, что в нем должно в явном виде присутствовать. Первый и решающий шаг в этом направлении – организация и проведение всеобщих переписей национального имущества и богатства этих стран, которые вот уже 20 лет переносятся под разными предлогами.

Шестое. В той же мере в единых международных стандартах сегодня должны решаться вопросы формирования антикризисной статистики. Должны быть преодолены большие расхождения в полноте, достоверности и точности различных источников публикуемых данных, реализован, как отмечалось выше, комплекс новых методов, форм и программ выборочных наблюдений, в частности, наблюдений протестных выступлений, в том числе против самой интеграции, устранены серьезные претензии к евразийской статистике, предъявляемые со стороны международных статистических организаций.

Седьмое. Вместе с тем в том объеме и в той мере, в какой это предусмотрено новыми целями и задачами, решаемыми в связи с формированием ЕЭП и определяемыми развитием международной экономической интеграции в условиях создания ЕАЭС, Евразийскому экономическому совету и Исполкому ЕврАзЭС в пределах их компетенций следует поручить ЕЭК совместно с взаимодействующими организациями разработать комплекс дополнительных мер, направленных на совершенствование статистики взаимной торговли и формирование основ евразийской статистики, предусматривающих повышение ее институционального статуса и инструментального обеспечения до уровня стандартов, применяемых в Евростате и других аналогичных статистических организациях. Для этого в планах работ российской стороны в ЕЭК на 2013–2015 гг. надлежит предусмотреть:

◆ расширение и оптимизацию системы наблюдаемых макроэкономических показателей СТС с разработкой инструментальных программных и технических средств их интеграции в единое мировое информационное пространство;

◆ разработку новых индикативных показателей как действенных навигаторов, необходимых для обеспечения успешной реализации стратегических проектов международной экономической интеграции, предусматриваемых в планах создания ЕАЭС.

Восьмое. С учетом изложенных предложений уполномоченным органам СТС рекомендуется инициировать разработку и ведение мониторинга несопоставимых показателей, их индексацию и публикацию на регулярной основе с учетом всего множества расхождений и погрешностей в методологии и достоверности их учета. В этих целях предлагается также создать рейтинговое агентство СТС и осуществлять на регулярной основе публикацию биржевых котировок важнейших активов и индексов финансовых рисков, необходимых для обеспечения более полной оценки деловой активности, инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности этих стран.

Девятое. Чтобы оказать ЕАЭС научное содействие в формировании эффективных интеграционных структур и полноценном решении указанных методологических задач, в виде своеобразных аналогов созданного Евразийского банка развития или создаваемого в настоящее время основополагающего прообраза ЕАЭС – Евразийского парламента – предлагается создать Институт евразийской экономической интеграции и Международную евразийскую академию наук.

Евразийской статистике, вне сомнения, удастся совершить прорыв по всем указанным направлениям, если она в ходе предстоящего формирования ЕАЭС сумеет в первоочередном порядке совершить переход на следующие девять групп основополагающих международных стандартов:

◆ стандарты единых статистических определений и терминов, представленные в «Международной энциклопедии статистических наук» (Берлин: Шпрингер, 2011. 1150 с.);

◆ стандарты международных единиц измерений, наименований и сокращений;

◆ стандарты международных регистров единиц и форм статистических наблюдений;

◆ стандарты систем статистических показателей технико-экономической и социальной информации;

◆ стандарты международных статистических классификаторов и номенклатур;

◆ стандарты статистических шифров и кодов;

◆ стандарты международных статических программ и единовременных обследований, анкет и вопросников;

◆ стандарты выпуска, обмена и публикации статистических данных;

◆ стандарты статистических алгоритмов, программ, методов, технических средств и информационных технологий сбора, хранения, обработки и передачи данных.

Напомню, что, согласно ИСО (Международной организации по стандартизации), общее количество применяемых в современной статистике стандартов, начиная со стандартов международных единиц измерения и кончая стандартом международной системы национальных счетов, составляет 146 наименований. Из всех этих 146 повсеместно применяемых в ЕС и других международных экономических организациях именованных стандартов в современной евразийской статистике используется всего 17.

В России и других странах СНГ за ведение этих стандартов отвечают соответствующие национальные службы. В РФ это Госстандарт России, в странах СНГ – Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, работающий в Минске.

Непосредственную работу по подготовке и адаптации этих стандартов в России осуществляет ВНИИ классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству. Согласованием стандартов занимается Техническая комиссия по классификации и кодированию технико-экономической и социальной информации Госстандарта России.

Таблица 3. Показатели, характеризующие сравнительное развитие стран-членов Таможенного союза, ЕврАзЭС и ЕС в 2010 г.

Показатели	Таможенный союз	ЕврАзЭС	ЕС	Таможенный союз в % к ЕС, 2010 г.	Ожидаемые изменения к 2020 г.	Число необходимых лет
Год основания	2007–2010	2000–2001	1952–			
Число объединяемых стран	3	5	27	3:27	12:27	50
Общая территория, тыс. кв. км.	20 030,7	20 373,7	4 324,7	463,2	570,0	–
Удельный вес в мире, в процентах	14,6	15,8	3,2	456,3	560,0	–
Население, млн. человек	167,7	180,8	501,1	33,5	60,0	55
Удельный вес в мире, в процентах	2,5	2,7	7,4	33,8		52
Плотность населения, человек на кв. км.	8,4	8,9	115,9	7,3		52
ВВП, млн. долларов – по обменному курсу валют – по ППС	 1 388,5 2 318,8	 1 443,1 2 410,0	 16 447,0 14 799,3	 8,5 15,7	 16,8 33,0	 55 42
ВВП в расчете на одного человека, долларов	8280–13827	7982–13330	29729–33052	27,9–41,8	45,1–50,0	23
Удельный вес в мире по объему паритетного ВВП, в процентах	1,5	1,5	21,0	7,3	17,5	100
Удельный вес в добыче нефти, в процентах	15,1	15,2	2,9	5,2	3,5	–
Темпы роста ВВП (2001–2010 гг.)	167	155	114	147	180	–
Среднегодовые темпы прироста ВВП	5,2	4,5	1,4	3,7	4,1	–
Процентная доля в ВВП: – инвестиций – услуг	 17,4 60,5	 17,5 58,0	 18,4 55,4	 94,6 109,2	 100 100	 – –
Удельный вес в экспорте товаров, в процентах	2,5	2,6	37,9	6,6	18,0	37
Прирост ВВП за счет фактора внешней интеграции, в процентах	4,5–7,5	4,1–7,0	2,7–3,1	166,7–242,0	110,0–120,0	38
Ставка рефинансирования, в процентах	8,5	8,1	2,4	354,2	310	53
Бюджетный дефицит, в процентах	– 10,1	– 10,5	0,2	– 50	100	15
Уровень инфляции, в процентах	8,0	8,1	1,5	6,2	340	57
Уровень фактической безработицы, в процентах	6,4	6,5	9,7	66,0	100	–
Разрыв в доходах на душу населения, тыс. долларов	2,7–5,2	0,3–5,2	7–78	6,7–38,6	4,2–4,5	67
Из 500 крупнейших в мире ТНК на территории соответствующего союза расположено	7	7	161	4,4	25,0	60
Количество ежегодно публикуемых унифицированных таблиц, характеризующих социально-экономическое положение	580	450	1300	42,0	48,0	44

Предшествующие европейские структуры – предтечи ЕС: Бенилюкс (год образования – 1952, число объединяемых стран – 3), Общий рынок (соответственно: 1958, 6), Шенгенское соглашение (1993, 12), Зона евро (2000, 17). Под обозначенным в крайней правой колонке числом необходимых лет следует понимать число лет, требующихся СТС для достижения соответствующих нынешних уровней стран ЕС. Например, искомое число лет для ВВП СТС при превышении его объемов в 11,8 раза и среднегодовом приросте 4,8 процента будет 55.

■

Поставленные задачи можно будет считать решенными, а ЕАЭС – состоявшимся, когда ключевые параметры развития стран ЕАЭС начиная с параметров, характеризующих уровни специализации, кооперирования и конкурентоспособности интегрируемых производств, и кончая параметрами, оценивающими уровни и качество жизни, будут соответствовать ключевым показателям, достигнутым ныне странами ЕС. Представление о разрывах и расстояниях, которые при этом надо будет преодолевать, дают данные, приводимые в **таблице 3**.

Как видно из приведенных данных, странам ЕАЭС предстоит пройти путь длиною более 50–75 лет. Сравнивая и анализируя эти показатели, надо помнить, что эффекты и преимущества интеграции как крупной формы производства в полном объеме станут реальностью евразийской жизни только в конце этого пути. Следует учитывать и прямую зависимость подобных эффектов от масштабов производства: чем больше масштабы, тем, согласно закону эмерджентности, ниже удельные затраты и выше эффективность производства. Не при любых масштабах эти эффекты проявляются в полном объеме и в автоматическом режиме. Тренды современной глобализации как высшей формы международной интеграции однозначно подтверждают указанную истину. Чтобы добиться желаемых результатов в полном объеме, евразийской интеграции предписано стартовать с увеличения ее масштабов, нынешнее территориальное пространство которых избыточно, а емкость и эффективность – недостаточны.

Чтобы ЕАЭС к 2015 г. стал по-настоящему крупным международным образованием, намеченные преобразовательные задачи должны быть в полном объеме решены. Созданная для решения этих задач ЕЭК и ее институты явно не справляются со своими функциями. Мало того, существует реальная угроза, что при столь инерционном подходе к решаемым задачам, низком уровне прозрачности используемых данных и таком наборе кадров они вообще вряд ли окажутся в состоянии исполнить свое предназначение. И тогда под угрозой окажется сам факт существования ЕАЭС в целом.

Для обеспечения своевременного и качественного решения этих задач Высшему Евразийскому экономическому совету на уровне глав государств, Исполкому ЕврАзЭС и Совету Евразийской экономической комиссии как руководящим наднациональным органам СТС в первоочередном порядке рекомендуется принять меры по укреплению кадрового состава департамента статистики ЕЭК, укомплектованного лицами, не имеющими профильного образования и достаточного опыта работы в области международной статистики, не справляющимися с решением поставленных задач и подлежащими замене. В этих целях в качестве первого шага целесообразно организовать обучение и переобучение кадровых специалистов ЕЭК, ЕврАзЭС, Межгосударственного статистического комитета СНГ и других заинтересованных организаций. В том числе обучение на базе Азиатского статистического института ООН (Токио, Япония) и учебных статистических центров Евростата (Люксембург), ОЭСР (Париж, Франция) и SAS (Чикаго, США) – самой крупной в настоящее время в мире организации по разработке статистических аналитических систем. Предлагается также организовать разработку программ и специальных учебных курсов по статистике взаимной торговли и международной экономической интеграции СТС с привлечением для их подготовки крупных отечественных и зарубежных специалистов в области международной статистики.

Очевидно, что без наличия необходимых данных и достаточных объемов прозрачной информации, без укрепления кадровых служб профессиональными специалистами и привлечения к работе ЕЭК всего того лучшего, что накоплено и чем располагают в СТС, намеченные задачи с помощью коллекционирования одних благих пожеланий не решить, эффективные структуры ЕАЭС не создать, убедительных успехов лидерам евразийской интеграции в обозримом будущем не видать.

Если бы за слабостью современной евразийской статистики не скрывались те узкогрупповые интересы и те многочисленные негативные явления – начиная от сокрытия фактов уклонения от уплаты таможенных пошлин и налогов и кончая утаиванием контрабанды, демпинга, коррупции, – которые она обязана обнажать, и если бы евразийская статистика не становилась в этих интересах мощным орудием как познания, так и одновременно таким же мощным орудием искажения окружающей действительности, то увязывать ее задачи с фундаментальными задачами евразийской интеграции и ставить вопрос о первоочередном решении этих задач, конечно же, не приходилось бы.

Евразийскому союзу существующая статистика в урезанных формах охвата наблюдаемых явлений с многочисленными погрешностями в их оценках не нужна.

Евразийскому союзу требуется новая статистика.

Владимир Евгеньевич Лепский –
доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

Сложность делает возможным становление «порядка из хаоса».
Илья Пригожин

Чтобы в России **заработала демократия,** надо научиться управлять сложностью

Совершенствование механизмов демократии в России: исходные посылки

Бурные изменения современного мира бросили вызов сложившимся в XX веке представлениям о механизмах демократии. Эти изменения в первую очередь связаны с процессами формирования постиндустриального общества, с процессами глобализации, с уменьшением роли государства и усилением влияния скрытых субъектов социального управления. Указанные изменения в XXI веке становятся фундаментальными, поэтому и способность систем к изменениям должна быть все более глубинной и масштабной. Очевидна постоянно возникающая необходимость выхода за рамки нормативного подхода. Фактически нормой становится выход за пределы нормы. Отсюда актуальность проблемы динамичной самоорганизации социальных систем – формирования адекватных форм и типов виртуальной субъектности. Современная система демократии, модели которой сложились в значительной степени в Англии и США, явно не соответствует реалиям динамично усложняющегося мира.

В России с середины 1980-х годов возрастает актуальность поиска новых механизмов демократии в связи с социальными и экономическими изменениями, которые повлекли за собой крайне важные социально-психологические последствия. Для большей части населения все происходящее стало бессмысленным и непонятным. Деидеологизация, распад социальных отношений привели к атомизации общества, к разрыву социальных связей между обществом и личностью. Как следствие – массовая потеря человеком позиции субъекта жизни.

Осознание индивидом себя как субъекта или объекта сопряжено и с интерпретацией общества в категориях субъекта и объекта. Бóльшая часть населения стала воспринимать себя как объект по отношению к обществу и государству, которые в свою очередь оказались подвержены болезни бессубъектности.

В условиях, когда значительная часть населения оказалась в пассивной позиции по отношению к своей роли – быть носителем суверенитета и источником власти, – создаются благоприятные возможности для осуществления различного рода манипуляций по управлению свободным волеизъявлением народа. Правовые и властные запреты на действия подобного рода полезны, но весьма ограничены в своих возможностях и сами по себе не решат проблему существенного оздоровления общества. Стратегия оздоровления общества связана прежде всего со стимулированием и мобилизацией общественных и государственно-общественных механизмов саморегуляции и саморазвития в условиях активной поддержки этих механизмов со стороны государства.

Сальвадор Дали. Геополитический ребенок, наблюдающий рождение нового человека. 1943 год

В XXI веке государства, не владеющие современными технологиями управления сложностью, обречены стать объектами управления в интересах различных субъектов мирового сообщества.

При анализе сложившейся ситуации становится все более очевидным, что иерархические модели систем управления, которым на значительные промежутки времени делегированы властные полномочия граждан, неспособны справиться с постоянно нарастающей сложностью социальных и экономических процессов. Кроме того сложившиеся процедуры делегирования властных полномочий явно не удовлетворяют большинство населения.

Для России поиск новых механизмов демократии, адекватных мировым реалиям XXI века, особенно актуален:

- страна ищет свой путь развития, находясь на перепутье между неудачной реализацией социалистического проекта и неудачной попыткой реализовать капиталистический проект;
- в ее истории накоплен богатый опыт и авторитарных, и коллективных механизмов управления;
- ее шанс сохранить суверенитет и встать на путь развития достаточно тесно связан с необходимостью стать мировым лидером не столько в экономической сфере, сколько в поиске и реализации новых форм жизнедеятельности на планете, которые бы способствовали гармонизации мирового сообщества и предотвращению его гибели;
- представления о ее образе у мирового сообщества, несмотря на сегодняшнее состояние страны, скорее позитивны, для того чтобы претендовать

на роль мировоззренческого лидера планеты.

В последние годы в России идет активный процесс поиска и практической реализации новых механизмов демократии, ориентированных на гибкое сочетание иерархических и сетевых форм управления:

- совершенствование выборных механизмов на основе использования современных информационно-коммуникативных технологий;
- создание новых механизмов общественного контроля (Общественная палата);
- использование креативного потенциала общества (Агентство стратегических инициатив);
- организация оперативного сбора мнений граждан о законопроектах и повышение степени открытости правительства (электронная демократия и электронное правительство);
- организация интерфейса между государством и обществом (открытое правительство).

В теоретическом плане также обсуждаются перспективные направления совершенствования механизмов демократии:

- обеспечение проектной идентификации общества как основы легитимности власти;
- организация распределенного стратегического аудита;
- совершенствование систем национальной безопасности и т.п.

Эти инициативы способствуют оптимизации механизмов демократии, однако успехи от них весьма скромные. Продолжает процветать коррупция, не заметен переход страны на инновационный путь развития, в проекте бюджета планируется сокращение расходов на социальную сферу, опережающими темпами растут тарифы на ЖКХ, энергоресурсы, транспорт и пр.

Одна из принципиальных причин возникающих затруднений на путях совершенствования механизмов демократии связана, на наш взгляд, с недооценкой современных представлений об организации саморазвивающихся социальных сред. Эти представления складываются в контексте развития взглядов на научную рациональность (классическую, неклассическую, постнеклассическую), и в значительной степени они сопряжены с проблемами управления сложностью.

Вопросы управления сложностью в последние десятилетия приобретают все большую актуальность, о чем свидетельствует организация в ряде стран новых исследовательских центров, которые оказались востребованными для решения крупномасштабных задач в сфере экономики и политики. В частности, одним из этих центров (Институт Санта-Фе) были разработаны концепция «управляемого хаоса» и технологии ее реализации, которые оказали существенное влияние на ряд стран мирового сообщества. С этой проблематикой также связана концепция «мягкой силы» как современного инструмента политического управления.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что найдены новые парадигмы управления сложностью, которые подтвердили свою адекватность для больших социальных систем. В XXI веке государства, не владеющие современными технологиями управления сложностью, обречены стать объектами управления в интересах различных субъектов мирового сообщества.

Постановка проблемы совершенствования механизмов демократии требует учета складывающихся новых представлений об управлении сложностью. Необходимы и новые парадигмы механизмов саморегулирования сложностью для больших социальных систем, а также для защиты от внешних воздействий на такого рода механизмы.

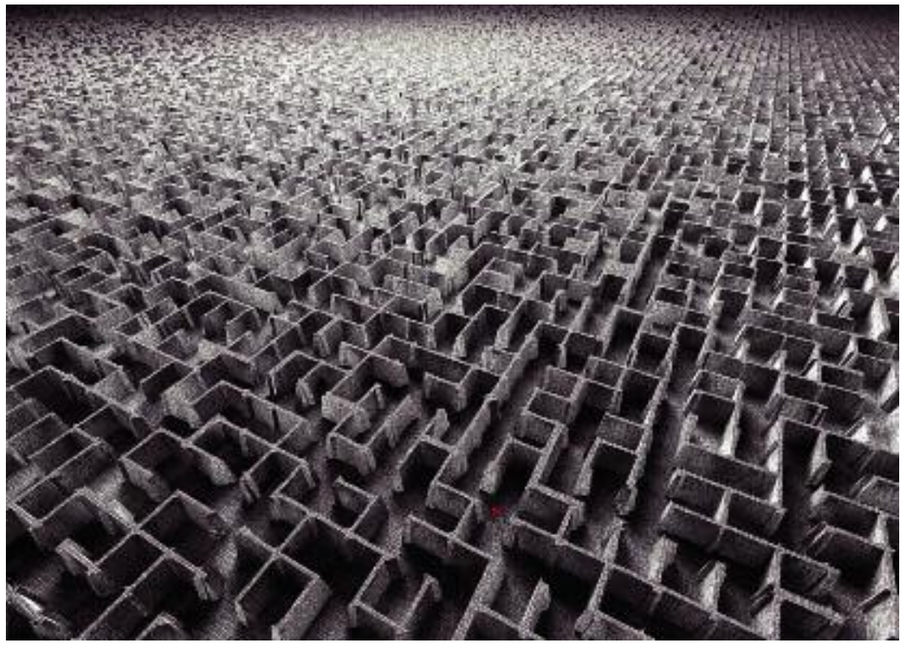
В исследованиях, ориентированных на совершенствование механизмов демократии, выделяются разнообразные типы сложности – социальная, эпистемологическая, когнитивная и др. В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением проблем сложности, связанных с представлением демократии как процесса управления. Такое представление позволяет выделить три базовых принципа регулирования сложностью.

Принцип соразмерности сложности управляющей и управляемой систем. Сложность системы управления должна увеличиваться при увеличение сложности управляемой системы.

Принцип ограниченного использования иерархического управления предполагает наличие действенного механизма выхода из режима иерархического управления для использования потенциала сетевых механизмов с включением в них управляемой системы и окружающей среды. Должен стать нормой механизм повышения сложности системы управления.

Принцип оперативного возврата к иерархическому управлению в ситуациях, требующих быстрого реагирования управляющей системы в чрезвычайных обстоятельствах. Должна быть предусмотрена возможность оперативного снижения сложности системы управления.

Сосредоточимся на выявлении актуальных направлений совершенствования механизмов демократии в контексте проблематики управления сложностью и соотнесения их с предпринимаемыми попытками совершенствования демократии в России.



Основные препятствия на пути совершенствования механизмов демократии в контексте управления сложностью

Проблематизация ситуации, сложившейся в контексте развития механизмов демократии, предполагает выделение препятствий (точек разрыва). Указанные препятствия надлежит анализировать в историческом, культурном и научном контекстах и выработать направления по их преодолению.

В рассматриваемом нами контексте управления сложностью выделим следующие группы вызовов и препятствий на пути развития современной демократии:

- нарастающая сложность объектов государственного и общественного управления;
- высокая сложность в организации избирательных кампаний и взаимодействии граждан с носителями их властных полномочий;
- низкая сложность организации государственного и местного управления;
- низкая сложность организации общества;
- низкая сложность совместной организованности государства, административных органов и общества;
- низкая сложность совместной организованности различных типов субъектов мирового сообщества.

Проанализируем возможности управления сложностью в рамках каждого из выделенных аспектов. За рамки рассмотрения выведен анализ деятельности политических партий и их роли в совершенствовании механизмов демократии. Аргументом для этого послужило принятие жесткой точки зрения Никласа Лумана на современные политические партии как на самодостаточные структуры, обслуживающие интересы привилегированных и всемогущих элит и часто вступающие в сговор друг с другом.

Нарастающая сложность объектов государственного и общественного управления

Тенденции нарастания сложности объектов государственного и общественного управления определяются в основном следующими факторами:

- возрастающей динамикой социальных, политических и экономических процессов, в значительной степени связанной с развитием информационно-коммуникативных технологий;
- возрастающей степенью открытости общества за счет развития Интернета и социальных сетей;
- кризисом традиционных механизмов демократии и проблемами легитимности власти;
- разрушением традиционных механизмов идентификации общества, актуальностью формирования и использования механизмов проектной идентификации;
- бурным развитием и широким использованием – наря-

ду с военной и экономической – «мягкой силы», ориентированной на несанкционированное вмешательство во внутренние дела государств;

◆ кризисом экономической детерминации развития;

◆ резко возрастающей тенденцией преобладания проектного подхода над эволюционным;

◆ нарастанием угроз от новых технологических укладов (потенциальными возможностями создания новых видов оружия массового уничтожения);

◆ повышением уровня образования населения, необходимостью повышения динамичности в организации социальных лифтов для молодежи.

Тенденции возрастания сложности объектов управления требуют адекватного возрастания сложности субъектов управления. Решить эту проблему без поиска новых форм совместной деятельности государства и общества не удастся, а соответственно необходим поиск новых механизмов демократии как важнейшего инструмента повышения сложности субъектов управления. Для обеспечения функционирования этих механизмов требуется разработка новых социогуманитарных технологий управления сложностью разнообразных процессов, необходимых для работы с социальными активными объектами управления (моделирование, прогнозирование, рефлексивный анализ и др.). Для комплексного решения такого рода задач нами предлагается методология создания рефлексивно-активных сред развития.

Высокая сложность в организации избирательных кампаний и взаимодействии граждан с носителями их властных полномочий

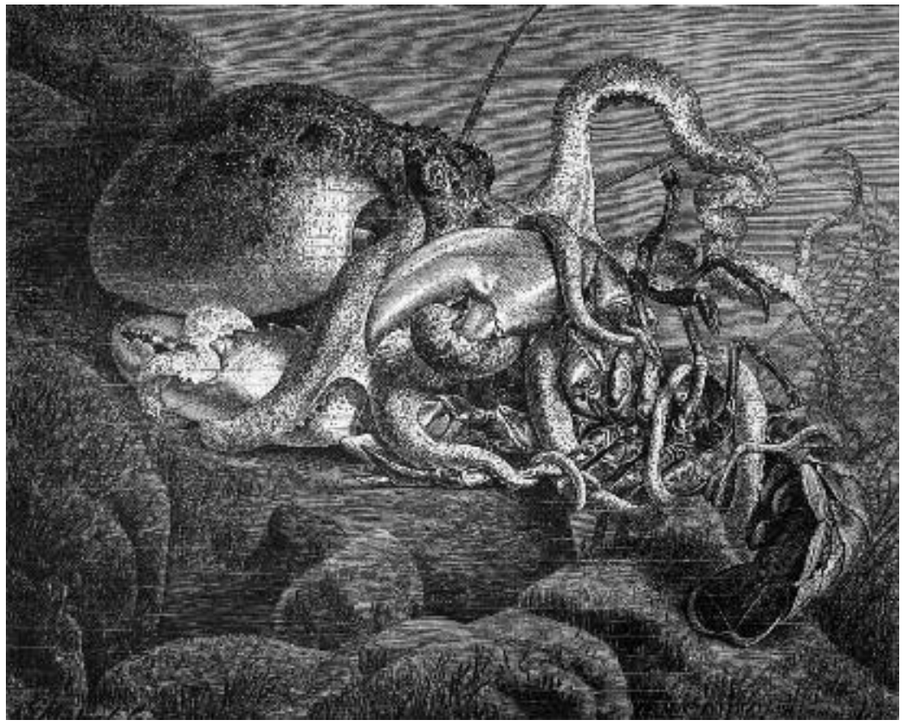
К этой группе вызовов и препятствий на пути развития демократии можно отнести:

◆ огромные транзакционные издержки выборов, из-за чего они проводятся один раз в несколько лет;

◆ низкий уровень контроля несанкционированных действий в ходе избирательных кампаний;

◆ недостаточно оперативные связи граждан с носителями их полномочий и слабые возможности контроля за их деятельностью и влияния на нее.

Эти проблемы связаны с повышением сложности технического и организационного обеспечения демократических процедур. В последние годы достигнуты значительные успехи за счет возможностей электронного голосования, установки видеоконтроля на избирательных участках, создания сайтов электронного правительства, проведения телеконференций с руководителями и др. Кроме того в ближайшие годы возможно создание условий для голосования через Интернет с использованием электронных идентификаторов. Управление данной группой сложности не связано с решением принципиально новых проблем.



Низкая сложность организации государственного и местного управления

С начала перестройки во властной элите не было социально ответственных субъектов, ориентированных на российское развитие. Организаторы и продолжатели перестройки методом проб и ошибок привели страну к чиновничьему беспределу и мировому лидерству по показателям коррумпированности, а не к демократии. В итоге мы получили культ денег, обогащения и наживы, который, похоже, будет самым тяжелым испытанием для России, поскольку он подрывает субъектность ее развития. Как следствие мы получили также низкую сложность организации государственного и местного управления.

К этой группе вызовов демократии и препятствий на пути ее развития можно отнести действия властной элиты, расходящиеся с представлениями граждан о том, как надлежит обеспечивать развитие:

◆ разработка стратегических документов, в которых доминирует либеральная идеология, не поддерживаемая большей частью населения;

◆ составление крупномасштабных проектов, приоритетность которых непонятна населению, а объемы финансирования значительно превышают зарубежные аналоги;

◆ неконтролируемый вывоз капиталов за рубеж вместо стимулирования их инвестирования в развитие страны;

◆ создание условий для высочайшего уровня коррупции во всех ветвях властной элиты и вялые действия по борьбе с ней;

◆ бездействие в ликвидации запредельного разрыва между 10 процентами самых богатых и 10 процентами самых бедных слоев населения;

◆ бездействие в организации регулирования цен на жизненно важные товары и услуги (ЖКХ, транспорт, образование, здравоохранение и др.);

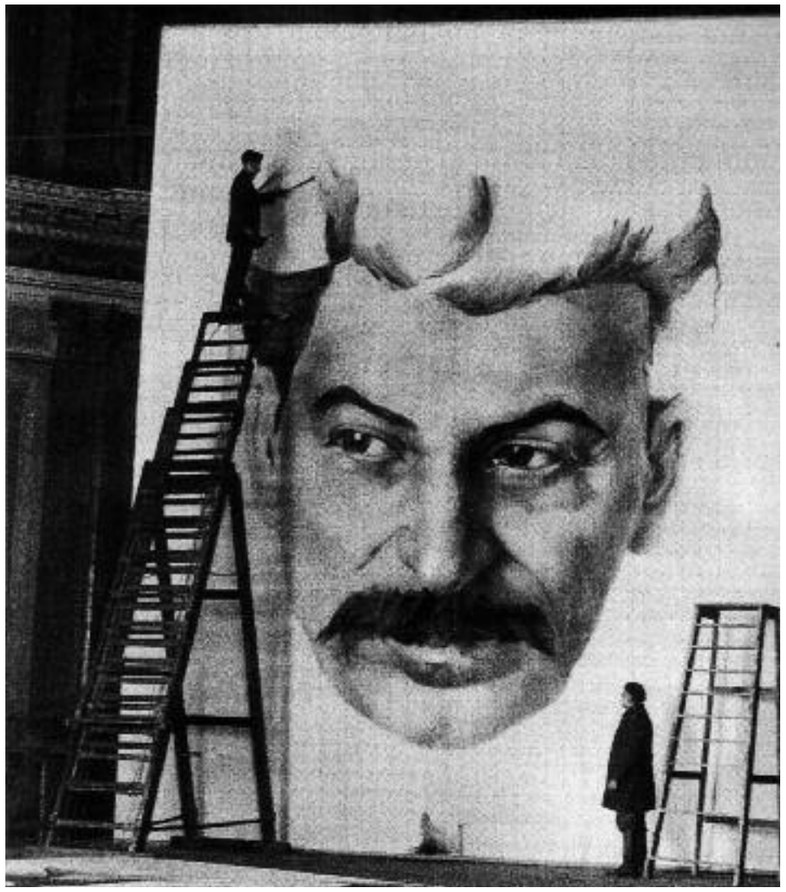
◆ продолжающийся развал системы обеспечения национальной безопасности страны;

◆ продолжающийся развал науки, образования, здравоохранения и т.д.

Перечисленные препятствия в наибольшей степени проявляются на федеральном уровне. На региональном и местном уровнях картина имеет мозаичный характер, существуют регионы и города, в которых отдельные препятствия относительно успешно преодолеваются.

Осознание указанных препятствий на пути развития приводит к утрате веры граждан в реальные возможности повлиять на властную элиту через механизмы демократической системы выборов.

Сложность организации властной элиты весьма низкая. В кибернетической трактовке это гомеостат, функционирование которого базируется на



положительных и отрицательных обратных связях. Гомеостату не нужна рефлексия, не нужно ви́дение будущего и стратегическое проектирование, что достаточно четко фиксируется аналитиками при анализе российских реалий. Главная проблема в том, что эта организованность направлена прежде всего на обеспечение своих корпоративных интересов, а не интересов общества, тех граждан, которые им делегировали свои властные полномочия.

В сложившихся условиях весьма проблематично эффективное управление повышением сложности государственного механизма – сложности, адекватной развитию. Об этом свидетельствует устойчивый характер сохраняемых препятствий развития. Необходима организация внешнего управления со стороны общества и совместных административно-общественных организационных структур. В последние годы предприняты разнообразные шаги на пути совершенствования общественных структур управления (Общественная палата, электронная демократия, открытое правительство, Агентство стратегических инициатив и др.). Однако эти нововведения не позволят принципиальным образом повлиять на преодоление указанных препятствий

Низкая сложность организации общества

К этой группе вызовов и препятствий для развитии демократии относятся:

- манипулирование свободным волеизъявлением граждан за счет использования грязных политических технологий;
- во многих случаях недостаточная компетентность граждан адекватно оценивать профессиональные и личностные качества избираемых ими кандидатов в различные органы власти;
- некомпетентность граждан в большинстве вопросов, находящихся в ведении правительства, парламента и судебной системы, в том числе наиболее важных – таких как война и мир;
- исторически сложившиеся предпочтения граждан к авторитарным методам управления и патернализму.

Эти препятствия свидетельствуют о крайне низкой сложности организованности общества как субъекта, способного делегировать свои властные полномочия административным структурам, контролировать их и участвовать в решении важнейших проблем стратегического управления, развития и обеспечения безопасности. Российское общество не готово к самоуправлению и развитию. В такой ситуации естественно, что властная элита будет бесконтрольна и, как следствие, станет функционировать в первую очередь в своих собственных интересах. Такое общество достойно той властной элиты, которую мы имеем.

Для повышения сложности организованности общества, преодоления бессубъектности развития необходим комплекс мероприятий, среди которых в первую очередь следует выделить:

- окончательный отказ от либеральной идеологии, стимулирование формирования идеологии коллективного развития;
- преодоление негативных последствий атомизации общества (реабилитация российского общества);
- смену негативных индивидуалистических концепций в образовании, ориентированных на оказание образовательных услуг, на концепции образования в интересах становления общества развития;
- стимулирование процессов повышения организованности общества через создание многоуровневых взаимосвязанных сетевых структур развития (лабораторий качества жизни на местах, сети из различных форм общественных объединений и предпринимательских структур, сообществ лидеров развития, советов стратегических лидеров), фрактальных образований на федеральном, региональном и местном уровнях.

Предлагаемый комплекс мероприятий будет способствовать резкому повышению сложности общества как субъекта развития, что позволит принципиально совершенствовать механизмы демократии в части компетентного делегирования властных полномочий, организации контроля над властной элитой и формирования адекватных представлений о стратегических направлениях развития.

Попытки государства создать новые механизмы работы с обществом далеко не в полной мере отвечают предлагаемому здесь комплексу мероприятий по повышению сложности в организованности общества как субъекта развития.

Открытое правительство. Сформулированные в основополагающем документе, объясняющем эту институцию, базовые ценности не ориентированы на преодоление последствий либеральной идеологии и атомизации общества, на объединение граждан в интересах общего развития. Вот эти ценности: уважение к правам человека, семья и дети, свобода, справедливость, честность, ответственность, самореализация на основе честного труда, интеллект. В данном документе также не детализированы механизмы и модели сборки субъектов российского развития, развития системы образования и науки, актуализации культурного потенциала российского развития.

Электронная демократия. Безусловно, это важный шаг в развитии связей между гражданами и органами власти. Однако в контексте предложенного комплекса мероприятий по повышению сложности общества как субъекта развития предлагаемый подход ограничен ведущей ориентацией на работу с отдельными гражданами, а не с высокоструктурированным обществом и тем более не ориентирован на стимулирование и обеспечение структурирования общества.

Агентство стратегических инициатив. Цели и задачи агентства четко сформулированы, ориентированы на поддержку инновационных проектов, что особенно важно в социальной сфере. Насколько деятельность агентства будет способствовать повышению сложности в организованности общества как субъекта развития, покажет время. Это зависит от масштабов проектов, их системной связности и ориентации на становление общества развития.

Низкая сложность совместной организованности государства, административных органов и общества

В этой группе вызовов развитию демократии и препятствий ей находятся:

- крайне ограниченные возможности для граждан оказывать прямое воздействие на деятельность властной элиты;
- недоверие в треугольнике «государство–бизнес–общество», низкое качество государственно-частного партнерства, что является тормозом на пути инновационного развития страны;
- инверсия отношений между контролирующим (общество) и контролируемым (государство), чему способствовало превращение СМИ в субъект рыночной экономики;
- высочайший уровень коррупции, которая блокирует создание административно-общественных механизмов стратегического управления и развития;
- крайне низкий уровень профессиональных компетенций властной элиты;

теория развития

◆ отрыв властной элиты от общества (несправедливое присвоение национальных ресурсов, вывоз капиталов, обучение детей за границей, негативное отношение к отечественной истории и культуре);
◆ низкий уровень социальной политики и дальнейшие негативные тенденции, что просматривается из анализа бюджета страны на текущий год;
◆ нарастание социальной напряженности.

Со стороны государства в последние годы предпринимаются активные попытки в движении навстречу обществу, но успехи от этих шагов весьма скромные.

Концептуальные основы создания открытого правительства не ориентированы на создание действенных совместных государственно-общественных механизмов стратегического управления и развития. Открытое правительство позиционирует себя как интерфейс между государством и обществом, что с методологической точки зрения выглядит недостаточно корректно.

Как уже отмечалось выше, программы электронной демократии и электронного правительства в основном ориентированы на организацию взаимодействий с отдельными гражданами, а не на стимулирование и поддержку совместной работы с высокоорганизованным обществом. В связи с этим уместно вспомнить, что демократия может пониматься и как баланс элит – баланс, трудно устанавливаемый и трудно сохраняемый, а не раз и навсегда утвержденный, обреченный существовать в той или иной стране до скончания веков.

Нами десять лет назад была выдвинута идея создания второго контура стратегического управления и развития страны, гармонично сочетающего иерархический и сетевой принципы. Контура государственно-общественного под непосредственным руководством президента РФ. Контура с полномочиями выше ведомственных структур исполнительной власти. Эта идея была одобрена некоторыми политическими тяжеловесами, доложена в администрации президента РФ, Совете безопасности РФ и некоторых других ведомствах. Но заинтересованность в развитии в те годы явно отсутствовала. Идея не устарела и сегодня. Более того, представляется, что это практически единственный путь перейти к развитию без революционных катаклизмов, исключительно путем реформирования механизмов управления и развития. Фактически речь может идти о цивилизованной, контролируемой обществом «диктатуре развития», органично включающей в себя новые механизмы демократии – механизмы, адекватные реалиям XXI века.

За прошедшие десять лет на основе субъектно-ориентированного подхода нами намечены направления совершенствования социогуманитарных технологий, которые могли бы лечь в основу организации второго контура стратегического управления и развития страны. Среди них:
◆ разработка современных субъектно-ориентированных социогуманитарных технологий стратегического проектирования и стратегического аудита;
◆ создание методологии и механизмов сборки субъектов развития;
◆ проектирование моделей активных сред инновационного развития, ориентированных на множественные распределенные источники инноваций, нелинейную модель инноваций;
◆ выстраивание методологии и технологий переориентации национальной безопасности с доминирующей «окопной» логики защиты от угроз на логику обеспечения способности субъектов к развитию в динамично изменяющемся окружающем мире;
◆ разработка методологии и механизмов организации пространства знаний, инновационного развития и навигации в нем;
◆ институционализация разработки и внедрения социогуманитарных технологий стратегического проектирования.

В настоящее время все более отчетливо становятся заметными позитивные процессы консолидации усилий административных образований и общества на региональном и местном уровнях. Это дает основание для вывода о наличии тенденции повышения данного вида сложности и потенциала совершенствования механизмов демократии в России. На государственном уровне остается слабая надежда на Агентство стратегических инициатив, которое могло бы инициировать актуальные процессы развития на основе совместного участия государства и общества в стратегическом управлении страной и ее развитии.

Низкая сложность совместной организованности различных типов субъектов мирового сообщества

Здесь следует перечислить:
◆ многочисленные неудачные попытки навязывания демократии странам с доминирующими типами авторитарных режимов, последствиями которых являлись массовая гибель людей, гражданские войны, нарастание международной напряженности и терроризма;
◆ намерения лидеров мирового сообщества навязать ошибочное мнение, что традиционная демократия гарантирует экономическое развитие (о необоснованности этой позиции наглядно свидетельствует не только отечественный опыт, но и опыт ряда других стран);
◆ нарастающую активность мировых лидеров демократии в деле нарушения сложившихся в мировом сообществе демократических механизмов регулирования международных отношений;
◆ противоречащие установлению партнерских и дружеских отношений между членами мирового сообщества технологии навязывания демократии как комбинации применения «мягкой» и «жесткой» сил – технологии, направленные на несанкционированное вмешательство во внутренние дела независимых суверенных государств;
◆ тенденцию усиления негативности складывающихся у представителей многих народов мира образов лидеров распространения «демократии»;
◆ низкую сложность совместной и направленной на решение глобальных проблем мирового сообщества организованности официальных государственных представителей с представителями негосударственных организаций.

Эти препятствия не следует рассматривать как призыв к отказу от демократии, они могут служить основанием для поиска новых современных механизмов демократии – механизмов, адекватных сложившейся в мире ситуации и основным экономическим и политическим трендам. Следовательно, если говорить о будущем демократии, необходимо предложить способы преодоления препятствий на пути ее развития.

В эпоху глобализации философия социальных систем должна быть ориентирована на ценности и смыслы, включенные в широкий социальный контекст, предопределяющие деятельность социальных систем с целью гармонизации мирового сообщества. Это должно проявляться в решительном отказе от культа самости и исключительной заботы о себе. А также в ведущей ориентации на обращение к миру, к «чужому», к другому и тем самым – к самому себе, в ведущей ориентации на философию ненасилия. В обобщенном виде это должно проявляться в формировании культуры стратегических субъектов. Именно данным соображениям надлежит быть положенными в основу организации жизнедеятельности социальных систем XXI века и соответственно организации механизмов демократии.

Нами десять лет назад была выдвинута идея создания второго контура государственно-общественного стратегического управления и развития страны под непосредственным руководством президента РФ. И сегодня представляется, что это практически единственный путь перейти к развитию без революционных катаклизмов, путем реформирования механизмов управления.

Обобщенная оценка демократии в России и первоочередные задачи ее совершенствования в контексте управления сложностью

В контексте управления сложностью в совершенствовании механизмов демократии просматриваются две базовые тенденции.

Во-первых, увеличение роли прямой демократии по отношению к представительской демократии.

Во-вторых, увеличение роли общинной (общенародной) демократии, базирующейся на подчинении личности коллективу, меньшинства большинству, по отношению к либеральной демократии, основанной на приоритете личности, личных прав и свобод над интересами совокупного народа и государства.

Демократия в России может быть названа демократией атомизированного общества. Такого рода демократия неадекватна вызовам XXI века и на протяжении более чем двух десятков лет не позволяет стране встать на путь развития. Главная болезнь России – это бессубъектность развития. Преодоление этой болезни возможно только при условии консолидации государства и общества для перевода страны в режим развития. В стране отсутствует институт заказчиков развития, который в российских реалиях масштабной коррупции можно создать только на основе административно-общественных структур – не для советов и консультаций, а для реального управления развитием.

Стратегическим направлением совершенствования механизмов демократии в России могла бы стать предлагаемая нами идея о цивилизованной, контролируемой и поддерживаемой обществом «диктатуре развития», органично включающей в себя новые механизмы демократии, адекватные реалиям XXI века, позволяющие динамично сочетать иерархические и сетевые механизмы управления и развития, успешно справляться с нарастающей сложностью социальных процессов. Первоочередной задачей для апробации этой идеи на практике и создания базовых моделей и технологий является организация пилотных проектов на разных уровнях государственного, регионального и местного управления.

теория развития

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»,
член Союза писателей России,
кандидат физико-математических наук

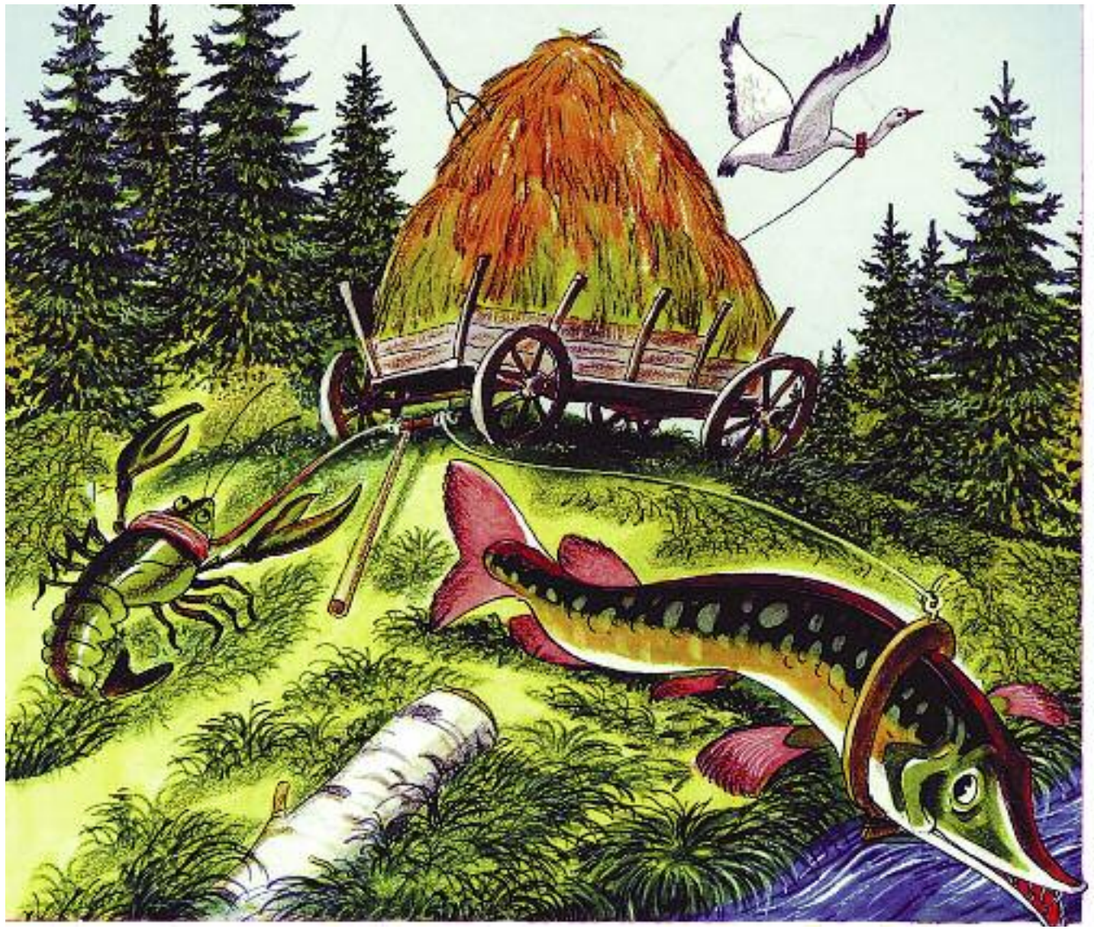
Если цель – ограбить Лангедок, тогда резать альбигойцев – средство, могущее вести к успеху.

Николай Чернышевский

«Цель утрачена – и сил как не бывало»

Философствование о целях, ценностях и базисах единения стран и народов

Размышления о «евразийском пространстве» имеют, как минимум, два измерения: географическое и смысловое. Географически «евразийское пространство» могло бы целиком совпадать с понятием Евразии – как материка, и тогда нет места никаким философским рассуждениям, это просто название части суши, данное, кстати сказать, европейцем, австрийским геологом Эдуардом Зюссом в 1880 году. Если ограничиваться этим смысловым полем, то следует говорить «евроазиатское пространство», поскольку слово «евразийское» родилось и продолжает существовать как идейно-политический концепт, оформившийся в 20-е годы XX века. Его основным посылом была мысль о том, что Россия является самостоятельным историко-культурным образованием, не являющимся частью европейского или же частью азиатского, а представляющее собой синтез того и другого. В этом смысловом контексте размышления о возможном социокультурном единении в рамках «евразийского пространства» оправданны, насущны, плодотворны. И, вполне вероятно, смысловое «евразийское» поле, исходящие от разных народов мира, может охватывать географическое пространство, существенно не совпадающее ни с Евразией, ни с Россией в любых ее исторических границах. Социокультурное единство или продуктивная близость могут возникнуть у стран и народов, чьи базовые цели и ценности совпадают с теми целями и ценностями, которые могут быть выявлены и обозначены как «евразийские». И, кстати, чьим генератором и хранителем являлась прежде и является поныне Россия.



В связи с этим размышления о «евразийском пространстве», о причинах и возможностях для альянсов и объединений – это в том числе и размышления о многополярном мире и об очевидной пагубности и неустойчивости мира однополярного. Углубленный и непредвзятый взгляд приводит к выводу, что и недавняя модель двуполярного мира, основанная на идеологическом противостоянии и «соревновании двух систем», тоже неустойчива и весьма ограничивает потенциал развития всех участников. Мир стремится к формированию многих полюсов, базисом которых является сложный комплекс культурных, религиозных, экономических, технологических географических и иных факторов. Чтобы такой мир возник, его надо целенаправленно строить, изучая и нащупывая благоприятные и неблагоприятные факторы, смело вступая в борьбу за устранение препятствий, побеждая сторонников однополярного мира. Основу идеологии однополярности составляют глобализация, являющаяся, по сути, американизмом и атлантизмом, индивидуализмом, экономическим и политическим либерализмом в качестве социальных регуляторов, а также постмодернизм – как ценностная система. При строительстве многополярного мира надо умело распознавать сторонников однополярности в собственных странах и не передавать им права и обязанности по выработке стратегии. Их роль должна ограничиться оппонированием и оппозиционированием, они могут быть дополнительными дрожжами демократии и микроэлементами развития, но не более того.

Гармония – это не отсутствие противоречий, а превращение их в движущую силу.

Только многополярный мир, выстроенный на гармонично сложенном базисе интересов,

теория развития

Изготовленный по заказу французского короля Карла V мастером каталанской школы картографии Абрахамом Креском Каталанский атлас 1375 года

Россия не синтез Востока и Запада, а во многом – источник Востока и Запада.

культур и реальных возможностей, имеющихся в динамично меняющейся цивилизации, способен обеспечить реальное развитие каждого участника процесса не за счет подавления, ограбления и эксплуатации слабого, а благодаря взаимовыгодному взаимодействию, благодаря реальной конкуренции. При этом не надо забывать, что гармония – это не отсутствие противоречий, а превращение их в движущую силу.

Не надо страшиться и откладывать строительство собственных полюсов мира на потом. Сам процесс, попытка создания основы своего полюса и своих целей нескольких стран является самоценным, исключительным по своей важности обретением опыта взаимодействия ради общих ценностей и поиском решений задач, которые прежде никогда не ставились и не решались. Результат не гарантирован, но инициировать такой процесс и принять в нем основное участие мы – Россия – обязаны. Мы объективно можем и должны стать одним из центров многополярного мира. Причем история вновь отвела нам лидирующую роль первопроходца. С нас начнется формирование устойчивого многополярного мира, и если мы этого не сможем сделать в ближайшие годы, его может не быть вообще: наступит долгая однополярная зима для всех, кроме тех, которые выстроят этот мир под себя и поработят его в длительной, если не вечной, эксплуатации.

Повсюду можно встретить утверждения типа: «Россия – синтез Востока и Запада», – или вариации на тему «моста между Востоком и Западом». Это не просто не так по факту на протяжении длительной истории, а принципиально, онтологически не так. В действительности Россия не синтез Востока и Запада, а во многом – источник Востока и Запада. При этом Россия продолжает процесс саморазвития, предлагая миру оригинальные результаты и модели жизненного устройства. Именно здесь, внутри наших пространств, позднее названных Европой и Азией, зарождались, варились и формировалось народы, смыслы и взаимодействия между ними, которые потом превращались в обособленные формы. В этом смысле «мы» – это и русские, и тюрки, и проторусские, и прототюрки, и другие народы. Это наш общий этногенетический субстрат, от которого «всё произошло». Все мы «вышли из Византии», еще прежде – из империй-предшественниц, а в последний период – из «мира двух систем» – мира, появившегося на свет и ставшего результатом деятельности прежде всего России-СССР. В XXI веке мы вновь на пороге нового «великого переселения смыслов», их новой кристаллизации, их огранки и сияния, сохранения и распространения.

Поиск стратегии развития России ведется в разных направлениях: ищутся модели государственного устройства и экономики, анализируются угрозы внешние и внутренние. Среди всех этих аспектов существует и внешнеполитический – геополитический – вектор, теснейшим образом связанный с динамикой мировой экономики. Вопрос часто звучит так: каково место России в мире? И на этот вопрос дается множество ответов, содержащих в себе порой непримиримо противоречивые рекомендации. Да и сам этот вопрос, его смысл воспринимаются абсолютно по-разному – в зависимости от того, кем себя осознает отвечающий.

Если это деятель культуры, он вспомнит роль русской культуры в общемировом культурном пространстве, ее глубокую связь с европейской и мировой культурами. Не забудет он указать и на сложный симбиоз русской культуры и культур других народов России – симбиоз, формирующий многоцветное поле общероссийской культуры.

Если ответ будет давать историк, он напомнит длинную и драматичную череду событий, происходивших на протяжении столетий внутри России и в поле ее взаимодействий с другими странами и народами, он попытается вывести из этого знания рекомендации по определению места России в современном мире.

Если ответ будет давать экономист... Тут, однако, надо не упустить необходимость уточнений, поскольку экономисты отличаются друг от друга не только своими личностными характеристиками и предпочтениями, а самим предметом, называемым одним и тем же словом. Это у самых разных физиков есть одна на всех большая развивающаяся физика, у экономистов же повеселее: у каждого свои представления о том, что такое экономика, в чем ее назначение и предмет исследования, что является объектом ее управления, каковы цели этого управления и чему/кому они должны быть подчинены. Поэтому услышать ответ экономической науки на вопрос о «месте России в мире» никак невозможно, а вот ответы разных экономистов порадуют (скорее, удручат) разнообразием. И будут среди них захватывающие своей поэтической смелостью разговоры о геоэкономике и эффективном месте России в мировом разделении труда, о ее доле в «мировом доходе». Будут кажущиеся прагматичными рекомендации по слиянию/поглощению – хоть предприятий, хоть отраслей, хоть стран и народов – во имя устойчивой экономической эффективности в определенной сфере. Будут не просто мнения, а проекты по утверждению России в качестве выгодного экономически моста между А и Б, будут смотрящиеся вершинами человеческого ума, постигшего тайны мироздания, теории самых разных «циклов», которым, как смене времен года, подчинено развитие стран и народов, будут остросюжетные боевики о роли и сложном устройстве мировых финансов... Всего не перечислить, сюжетов хватит на много поколений исследователей и авантюристов, политических диверсантов и наивных глупцов. Экономика – как сумма накопленных знаний, умений и страстей, – несомненно, «сильнее, чем “Фауст” Гете».

Если ответ будет давать политик, то он, конечно, постарается сделать его эмоционально доходчивым – и оттого кажущимся понятным, но при этом вполне бессмысленным, как плакат-призыв. Политик постарается скрыть свои намерения или их отсутствие ссылками на историков, деятелей культуры, «простых тружеников», ну и, разумеется, экономистов. По своей общечеловеческой функции политик должен быть синтезатором, интегратором всех устремлений и чаяний. Он должен обладать целостным ви́дением и прокладывать надежный и точный путь к целям, осознаваемым как общие для тех, от имени которых и по поручению которых он и может считаться политиком. На деле так бывает редко.

Общие ценности бывают у тех, у которых возникли общие цели.

Из всех упомянутых и еще большего количества неупомянутых аспектов поиска «места России в мире» есть вопрос о надлежащем взаимодействии

Константин Васильев. Илья Муромец и голь кабацкая

Есть некий общий образ, общее размышление – как бы очевидное, а потому пригодное для действий без тщательных обоснований: надо быть большим и сильным, чтобы тебя не сожрали, не поработили.

России с другими странами. Взаимодействие может считаться надлежащим по разным основаниям. Если Россия (в лице тех, которые на данном этапе осуществляют функции стратегов) знает, чего она хочет, то выбор альянсов, их глубина определяются мерой соответствия этого взаимодействия осознанным целям. Если же в роли субъектов российской истории в силу «игры природы» оказались те, которые не осознают общих для всех целей или воспринимают в качестве таковых некие собственные интенции, то выбор и оценка альянсов и расхождений будут самыми неожиданными.

Когда основные цели сменяющих друг друга персон, влияющих на исторический выбор народа, сводятся к маскировке примитивных инстинктов алчных обывателей, к приданию им вида «научно обоснованных» или «исторически неизбежных», или еще как-то оправданных «стратегий во имя общего блага», ситуация становится ясной. Указанные выше действия и бездействия будут служить все тем же примитивным инстинктам алчных обывателей, рассевшихся по разным социальным стратам, ячейкам и уровням.

В последние два десятилетия возникла новая, ранее немыслимая постановка вопроса о взаимодействии России с другими странами. На языке вульгарном он звучала бы, например, так: «Под кого лечь?» На языке политкорректном эту мысль можно выразить иначе: с кем России вступать в объединения, коалиции, альянсы, чтобы... А вот тут вопрос снова раздваивается и разветвляется дальше. Чтобы – что? И здесь мы усматриваем набор не совпадающих друг с другом и с подлинными намерениями игроков целей.

Есть некий общий образ, общее размышление – как бы очевидное, а потому пригодное для действий без тщательных обоснований: надо быть большим и сильным, чтобы тебя не сожрали, не поработили. А стать большим и сильным можно, просто объединившись с тем, кто сам по себе большой и сильный и кому за это покровительство можно отдать что-то, что ему нужно. Однако, как писал Макиавелли, «неистинна та победа, которая добыта чужим оружием». Это путь, на котором более чем вероятно исчезновение, ассимиляция, растворение, диссоциация и т.п. народов России. Так, вся мощь и сила США принадлежат в том числе и членам племени уалапай, живущим в резервациях возле Гранд Каньона в Аризоне, что позволяет им, не опасаясь нападения на них – скажем, могикан или испанцев, – не беспокоясь о неучастии их народа в развитии очередного технологического уклада, просто пользоваться его благами и обслуживать туристов на Небесной тропе. Так, оставшиеся в живых тысяча с небольшим индейцев являются частью гигантского целого, бесспорного планетарного лидера – Соединенных Штатов. Можно и нам попробовать пристроиться к такому счастью.

В экспертном пространстве предложено множество альянсов России с другими странами и регионами – альянсов, иногда называемых векторами развития: «европейский вектор», «тихоокеанский вектор» и тому подобное. В основе этих подходов лежат представления о «центрах силы», или «полюсах». Такие «полюса» оцениваются с военно-политической, экономической и прочих точек зрения. В большинстве подобных сценариев роль России в проектируемых для нее блоках видится в лучшем случае равной, в большинстве случаев – ролью младшего партнера, причем чаще всего на условиях и по модели нероссийской стороны. Есть, однако, сценарии, в которых Россия рассматривается как самостоятельный центр сборки устойчивого военно-политического и финансово-экономического конгломерата стран и народов – конгломерата, играющего самостоятельную роль в мировом процессе, вступающего в равноправные отношения с другими «центрами силы». Важно отличать базисы подобной сборки и как следствие возможный состав альянса. Базисами сборки бывают:

- ◆ этнический («славянское единство»);
- ◆ религиозный («православная цивилизация», «союз авраамических религий», «исламский мир»);
- ◆ ценностно-социологический («социальное государство», «коллективистский мир»);
- ◆ идеологический («демократический выбор», «социалистический выбор»);
- ◆ экономический («геоэкономисты», «финансисты», «энергетики» и др.);
- ◆ географо-климатический («мостовики-транспортники», «союз отрицательной изотермы января»);
- ◆ метафизический («философохозяйственники», «небополитики», «циклисты»).

И еще ряд базисов, сочетающих в себе различные подходы, в частности, такие проекты, как «Красная империя» и «СССР-2.0».

В еще одной группе предлагаемых сценариев рассматриваются варианты большей или меньшей степени автаркии с опорой на собственные силы. Существуют и вполне экзотические идеи мистического ухода общества как целого в иную реальность, своего рода общенациональный эскапизм. Есть, наконец, сценарии, рассматривающие варианты распада России. При этом в одних сценариях распад видится как благо, как цель, в других – как неотвратимое несчастье. Благом распад считают «уменьшительные националисты», стремящиеся «сбросить балласт» и зажить, «как нормальное европейское государство». К распаду призывают также сепаратисты разных сортов.

Столь примечательное разнообразие рекомендаций, исходящих от российского экспертного сообщества, свидетельствует не только о его могучем творческом потенциале, но и о вещах менее приятных: о расколе экспертного сообщества (и общества вообще) по глубинным основаниям и о размытости как критериев «надлежащей стратегии жизнедеятельности России», так и истоков, базиса формирования этих критериев.

Выбор этической системы – племенем, народом, партией, государством – влечет за собой вполне определенные общие цели.

«Коня! Коня! Полцарства за коня!» Уильям Шекспир. Король Ричард III. Кадр из фильма Ричарда Лонкрейна. 1995 год

Цель – это главное, это то, что определяет ценности, выявляет их и выстраивает их иерархию.

В России размышляют, в частности, о «социокультурном единстве» с Европой. А что об этом думает Европа? Едина ли она в своем ви́дении? Усматривает ли она в России нечто большее, чем просто потенциал расширения своего рынка сбыта? Хочет ли она сотрудничества во имя нашего развития, развития в нашем понимании? Или сохраняется алгоритм действующей модели капитализма: рост их производства и нашего потребления любой ценой – расширением рынков, запланированной поломкой изделий, возгонкой моды и даже неврозом обновления? Во всех этих вариантах Россия для Европы (да и для Запада вообще) – объект, а не равноправный субъект. Мы по-разному понимаем результат развития – и это важно осознавать. Развитие можно описать как движение общества к наиболее полному воплощению и практической реализации системы ценностей, вырабатываемых социумом на протяжении всего своего существования и осознаваемых как историческое предназначение. А откуда берутся эти ценности, почему они у разных народов разные?

В мире сосуществуют и конкурируют непосредственно друг с другом несколько моделей жизнеустройства. Они конкурируют в политико-экономической и военной сферах. Их конкуренция продолжается также и в сфере общественного сознания. Это и капитализм (в разных формах), и социализм (тоже в разных формах), и так называемый азиатский способ производства, и нечто под названием «буддийская экономика» и др.

Советский социализм не пережил собственного кризиса. Возможно, однако, что не пережил его не советский социализм как сумма идей, методов и принципов, а как государство, пытавшееся в меру отпущенных его политической элите возможностей и обретенных ею уровней понимания эти принципы и методы воплощать в жизнь. Надо тщательно и по возможности беспристрастно проанализировать и выявить подлинные причины краха государства: они лежат в базовых принципах или в ненадлежащей практике? Это пока не сделано.

Сейчас в штопор вошел капитализм. И снова надо стараться осмыслить: это кризис суммы идей и методов или ошибки политико-экономической и духовной элиты западного мира в ходе их реализации? И задать те же самые вопросы. Неверны принципы жизнеустройства? Какие именно неверны, а какие следует считать верными? Что именно привело к гипертрофии алчности и эгоизма – а в результате к тому, что принято называть финансово-экономическим кризисом?

Оставив эти вопросы без ответа, пойдем вглубь. Являются ли эти кризисы независимыми или они – проявления некоего более общего кризиса? Будучи порождением и разными сторонами целостного Модерна, капитализм и социализм суть два разных ствола на общей корневой системе, и разошлись они в какой-то глубинной, фундаментальной точке, лежащей в базисе человеческого сознания. В чем это расхождение? И вытекает ли из этого несомненная жизнеспособность одного ствола и столь же неотвратимая нежизнеспособность другого?

Полагаем, что этим фундаментом являются этические императивы, порождающие множество этических систем. Выбор этической системы – племенем, народом, партией, государством – влечет за собой вполне определенный и ограниченный спектр возможных социально-политических и экономических систем.

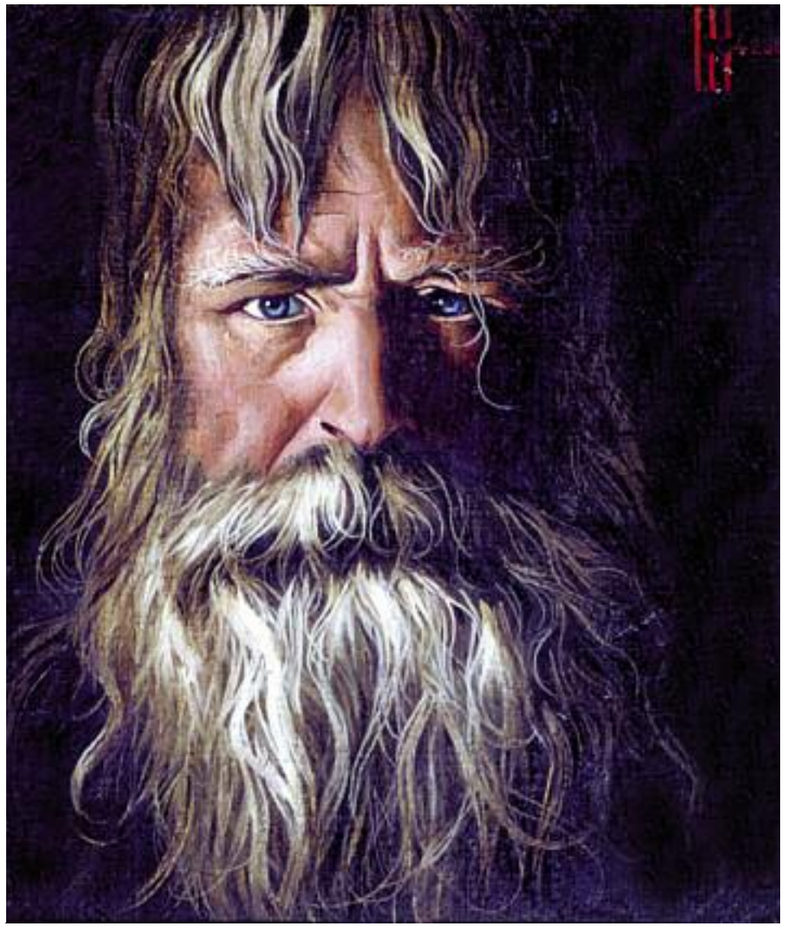
Этические системы явлены нам в форме религиозных доктрин, вероучений или же светских, гуманитарных, секулярных кодексов. Христианство, опиравшееся на первичную этическую систему Нового Завета, довольно скоро стало дробиться и множиться, порождая различные вариации в форме католицизма, православия, протестантских учений. Та же участь постигла и остальные авраамические религии. В связи с этим затруднительно говорить об общих библейских ценностях, хотя как заповеди они существуют, скажем, в ветхо- и новозаветной литературах (не являющихся, однако, одинаково значимыми для всех христиан). Но заповеди могут быть лишь основой или даже неким малоэффективным символом этической системы общества. Этическая система общества не исчерпывается заповедями, это нечто гораздо более сложное, динамичное и плохо распознаваемое.

Общие ценности бывают у тех, у которых возникли общие цели. Цель – это главное, это то, что определяет ценности, выявляет их и выстраивает их иерархию. Одни общие этические ценности могут быть у протестантов определенного толка, другие общие ценности – у православных. Цели протестантов – я имею в виду глубинные цели, выраженные как в религиозных концепциях, так и в кодексах общественной нравственности, – не совпадают с целями католиков, а те, в свою очередь, не совпадают с целями православных и всех остальных. Если, скажем, православный этический базис апеллирует к коллективизму и социальной справедливости, к спасению души, считая эти ценности иерархически более значимыми, нежели индивидуализм и земной материальный успех, но и не отрицая, что и эти последние есть ценности, только обладающие меньшей значимостью, то здесь и лежит точка расхождения. Та самая точка расхождения, в которой начинается разветвление, формирование двух стволов, двух базисных основ жизненного устройства. Подобное своеобразие будет отливаться в отличающиеся социально-политические и экономические принципы существования государств, взявших себе в основание ту или иную этическую систему. Сказав о принципиальной взаимосвязи между целями и ценностями, подчеркнем, что наличие целей есть абсолютный императив существования народа с собственными, а не чужими ценностями. Именно эта мысль выведена в заголовок статьи, воспроизводящий фразу Виктора Гюго.

Определить основания для социокультурного единства на евразийском пространстве – значит выявить и сформулировать российские цели и соответственно ценности, а потом искать близких по целям и ценностям возможных партнеров для единения, союзничества или временного стратегического альянса. Важно то, что следует сперва осознать собственные цели и ценности в максимально возможной полноте и лишь потом подбирать подходящих союзников, а не устремляться за кем-то, у кого может быть обнаружена похожая на нашу цель или ценность. Сходство в таком случае рискует оказаться поверхностным и чреватым не просто потерей времени и эффективности сотрудничества, но и гибелью.

Выявление и обоснование «полного перечня» целей и ценностей, отвечающих стратегическим интересам России, – задача, остающаяся нерешенной. В рамках настоящей публицистической статьи хочется указать лишь на некоторые аспекты, которые следует учитывать, исследуя обозначенную проблему.

Отличием русского народа, его менталитета является устойчивая тяга к целостному осмыслению мира, собственного существования и предназначения. Важно осознать это как свойство менталитета народа, а не просто как наличие размышлений на эту тему у его отдельных представителей – философов, ученых. Такие отдельные представители встречаются у всех народов. Русские (не в этническом, а в расширительном смысле) обладают этим как коллективным каче-



Константин Васильев. Старец

Отличием русского народа, его менталитета является устойчивая тяга к целостному осмыслению мира, собственного существования и предназначения.

ством. Видимо, именно это имеют в виду, когда говорят о «мессианстве» русских, об их «всечеловечности», «имперскости», склонности к коллективизму, соборности. Целостность мировосприятия означает помещение самого себя в центр бесконечного мира, ощущение организменности бытия и взаимосвязанности всех со всеми. Обладающий таким мироощущением народ никогда не спросит: «Частью чего я являюсь?» – как могла бы спросить отрубленная от тела рука или нога. Он спросит: «Как устроен мой мир, кто в нем есть еще, как мы связаны?» Народы, лишенные подобного мироощущения, всегда будут стремиться к тому или иному «центру силы»: например, к «евроинтеграции», членству в НАТО или чему-то подобному. Народ, обладающий целостным мышлением, будет сам создавать «центр силы». При этом каждый гражданин остается сам по себе личностью и пребывает в своей сфере деятельности, то есть наша целостность мозаична и чувствительна к нарушению гармонии. Как только роль и место индивидуализма в обществе «зашкаливает», разрушает целостность – обеспечивая, быть может, при этом некую локальную «эффективность», как это началось с двумя за столетие заходами на развитие капитализма в России, – возникает социальный протест. Целое ощущается более ценным, нежели «эффективность» индивидуума или даже некоего проекта.

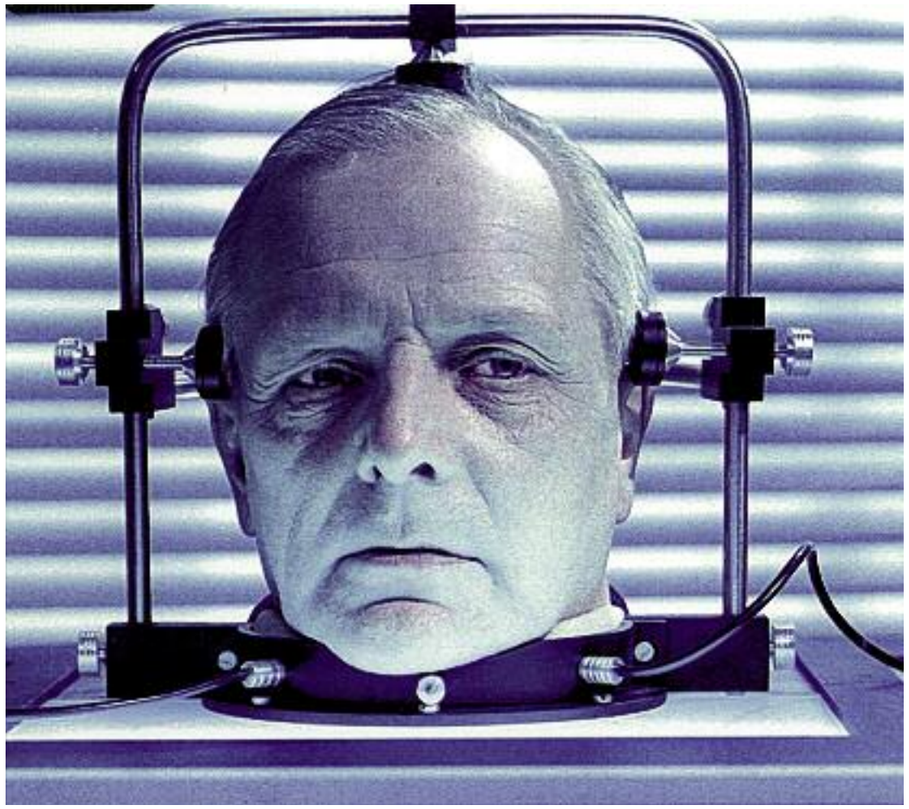
То ли это свойство обеспечило способность русского народа жить в устойчивом симбиозе с другими народами, то ли длительный процесс научения жизни в тесном взаимопереплетении породил это свойство, но факт налицо. Многонациональная, многоконфессиональная и – добавим – обязательно политически и ценностно плюралистичная общественная среда повторяется из века в век, примеряя на себя различные политико-экономические системы. Важный вывод состоит в том, что по-другому, в статусе мононациональном, монорелигиозном, политически единообразном и т.д., народ русский существовать не может и не хочет. Не должен хотеть!

Самоидентификация (и внешняя идентификация) русского народа должна опираться не на один лишь этногенетический компонент, как у многих других народов. И не на один лишь религиозный компонент, что пытались ранее и пробуют сейчас сделать некоторые ревнители судьбы русских: «Быть русским – значит быть православным». Мало того, что у нас есть мусульмане и приверженцы многих иных религий, – огромная масса русских, и прежде, и сейчас живущих и творящих вне конфессиональной, православной среды, считающих себя неверующими, – тоже, несомненно, русские. Многие в связи с этим предлагают использовать слово «россияне» вместо «русские»: войдет ли это в плоть живого языка, приживется ли это словоупотребление, не нанося никому обид и ожесточений, – время покажет. Идентификатор русских лежит в сфере культуры, социальной психологии, в системе неких опорных, базовых ценностей и смыслов. Их надо искать, выявлять, формулировать, обсуждать, осмыслять – не останавливаясь ни на один день: это вечный динамический процесс саморефлексии. И в этом еще одно отличие русских: мы все время саморефлексируем. Нам это необходимо, без этого мы превратимся в нечто иное. Но нас не надо вгонять в простые статичные рамки – пусть даже и кажущиеся привлекательными – «тяга к коллективизму», «...к справедливости», «...к духовности», «...к нестяжательству» и проч. В нас есть всё это и всё иное. Мы – народ, содержащий в себе и индивидуализм, и коллективизм, и рациональное, и метафизическое: «Нам внятно всё: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Мы во все времена могли и Богу молиться, и отрицать Его, и изобретать, и сочинять, и воевать, и разрушать, и строить... Мы – народ-система, целостный народ, «многофункциональный». Формировать «евразийский народ» или попросту быть им – наш естественный путь, имевший в прошлом немало достижений, в том числе в форме «советского народа». Нужно при этом вдумчиво сравнивать себя с другими народами, реализующими свое предназначение в форме национального государства, или в форме международной финансовой корпорации, или в форме военно-политической транснациональной системы и пр. Они живут так, мы – иначе. Мы – другие, у нас своя форма и своя суть. Нужно, однако, хорошо знать повадки всех живущих в «мировых джунглях» и выработать адекватную линию поведения в конкурентном естественном отборе.

Если «пересмотра приватизации не будет» – хотя бы нравственного, – не будет вообще ничего хорошего, страна будет корчиться в муках, все проекты не будут получаться, все благие помыслы станут оборачиваться или фарсом, или трагедией.

Важнейшим из вопросов самопознания народа является вопрос о его этической системе и ее корнях. Распространенный, но упрощенный до степени, близкой к ошибочности, взгляд на этику нашего народа отождествляет ее с христианской. Несомненно, христианство, а именно – православие, есть одна из самых важных, древних и устойчивых плит в основании национальной этической системы, но есть в ней и ислам, и светский гуманизм. Сегодня мы, к сожалению, больше думаем, говорим и проецируем в политическую жизнь существующие между этими «плитами» напряжения и различия, уделяя критически мало внимания той несомненной общности, которая только и может обеспечить национальное единство и целостность государства. Задача состоит в том, чтобы от этих корней произрастало общее могучее древо, а не несколько отдельно стоящих

теория развития



Кадр из фильма «Завещание профессора Доуэля» Леонида Менакера. 1984 год

Политика должна опираться на науку, а не наука на политику.

деревьев. Интеллектуальный и духовный сепаратизм опаснее своего следствия – политического сепаратизма.

Глубинные, находящиеся на уровне общественного подсознания нравственные оценки социальных явлений преобразуются в такие категории, как совесть и справедливость. Народное самосознание все явления оценивает с позиций: «по совести» – или нет, «по правде» – или нет. В этом важная отличительная особенность нашего многоликого народа. На пропагандистский обман и подкуп, на волю собственных низменных страстей отдается лишь небольшая часть народа. В массе своей, в своем «коллективном бессознательном» народ десятилетиями помнит несправедливость. И эта память, как рана на коллективной совести, болит и дает о себе знать до тех пор, пока не наступит утешение.

Фундаментально важным примером и источником наших эмоциональных и рациональных представлений о справедливости и их сложной динамике может быть вопрос о собственности. Собственностью можно овладевать как «по справедливости», так и иначе. Когда в 1917-м и в последующие годы осуществлялся отъем собственности под лозунгом «экспроприация экспроприаторов», с точки зрения многих людей это ощущалось и осознавалось как справедливое деяние, с точки зрения других – как преступление. В отношении, скажем, собственности на землю большинство населения считало естественным и справедливым, чтобы земля была «общей», также воспринимался как справедливый принцип, что «земля должна принадлежать тому, кто на ней трудится». Те, у которых собственность отнимали, с этими доводами не соглашались, в том числе и потому, что они свою собственность приобрели не в результате грабежа, а по наследству или на честно заработанные деньги. Нельзя забыть и формы, в которых осуществлялся передел собственности, – беззакония, убийства, изгнания... Время и пропаганда притупляли боль народа. Притупляли и обиду тех, которые собственности лишились, и совесть тех, которые совершали неправедные деяния. Основным утешителем было то, что новая, доселе неизвестная человечеству форма собственности – «общенародная» – несла в себе ядро справедливости. Не сделали, однако, важного шага по пути к утешению: не была дана нравственная оценка свершившегося, которая исходила бы не от «победителей» или «побежденных», не от «красных» или «белых», а от народа, преодолевшего этот раскол и осознавшего как общую трагедию, так и общие высокие цели. Но этого не произошло. Условно «красные» сгинули без покаяния. История не дала им этого шанса. А вместо примирения некогда экспроприированную, но затем «очищенную» в горниле «общенародного» существования собственность захватили и присвоили себе люди, не отягощенные вообще никакой моралью, но охваченные дьявольской алчностью. В мировую историю это вошло под названиями «перестройка» и «приватизация». Так, вместо исцеления и утешения на одну нравственную рану народа наложилась другая. И не будет исцеления и развития страны, покуда эта черная дыра нашей общей совести не окажется устраненной. И если «пересмотра приватизации не будет» – хотя бы нравственного, – не будет вообще ничего хорошего, страна будет корчиться в муках, все проекты не будут получаться, все благие помыслы станут оборачиваться или фарсом, или трагедией. Считая именно этот вопрос ключевым, выскажемся, однако, и в связи с другими частными вопросами, которые должны стоять в плане работ по спасению и развитию России, в том числе и в связи с формированием целостного «евразийского пространства».

На теоретическом уровне необходим существенный прорыв в научном познании того, что происходило в последние десятилетия в стране и в мире. Необходима и выработка научно-обоснованного ви́дения, плана жизнеустройства России в будущем. Мы пришли к тому состоянию наших знаний об обществе и человеке, когда необходимость уточнения старых понятий и разработка новых жизненно важна. Так, самая сильная во всей мировой истории политическая партия – КПСС – исчезла, почти мгновенно вновь превратилась в марксов «призрак коммунизма», в том числе и потому, что продолжала безотчетно цепляться за омертвевшие слова. К несчастью, мы, наш «политический класс» по-прежнему оперируем понятиями, содержание которых уже не отвечает изменившемуся миру. Среди них такие употребительные термины, как «рынок», «демократия», «социализм», «капитализм», «права человека», «свобода», «справедливость», «гражданское общество», «экономика», «гуманизм», «успех», «экономический рост», «инвестиции» и многие другие. Расплывчатость и многосмысленность этих понятий приводят к дезориентации общества, внимающего словам политических агитаторов и авантюристов. Сформирована самая настоящая мутная вода общественного сознания, лишившегося языка описания реального мира. Другим важным элементом теоретического базиса построения моделей развития является отсутствующая у нас система научных и научно-практических исследований проблемы стратегии существования страны. Подчеркнем, что отсутствуют не отдельные исследования или так называемые «экспертно-аналитические центры», а система научных исследований, интегрированная в единое целое со всей мировой наукой – как это давно и естественно имеет место в физике, химии, математике, технических науках. Строгое целенаправленное научное исследование, соотнесенное со всей системой научных знаний, находящееся с ней в режиме непрерывного взаимообмена, нельзя заменить публицистикой, политическими лозунгами, призывами и «экспертными оценками», сколь бы эрудированным ни был предлагающий их конкретный специалист. Политика должна опираться на науку, а не наука на политику. У нас же происходит именно так: научные силы работают на те или иные политические партии, пытаясь интеллектуально обслужить уже имеющиеся политические лозунги и стратегии. В результате в стране отсутствует научный дискурс по важнейшим проблемам бытия, поскольку «левые» не хотят дискутировать с «правыми» и наоборот. И не то что дискутировать, они даже печататься под одной обложкой друг с другом не желают. Но если нет научной дискуссии, то нет и научных результатов. Самое печальное состоит еще и в том, что те, которые должны быть заказчиками полноценных научных результатов, те, которые должны любой ценой заполучить научно обоснованную, выверенную и победоносную стратегию развития страны, не только не требуют и не обеспечивают непрерывной дискуссии

От одной неполноценной среды научных общественно-политических исследований, лишенной дискуссий и исследовательской свободы в советский период, мы мгновенно перешли к другой уродливой среде, радостно переключившейся на лакейское обслуживание новых политических лозунгов.

теория развития

для выявления наиболее достоверных результатов, а проводят наихудшую из всех возможных политик. Они действуют по принципу «разделяй и властвуй». Понятно, что речь здесь идет о высших органах власти. «Немножко поддержим “левых”, немножко поддержим “правых”, но дискуссия между ними нам не нужна. Нам нужно, чтобы они там булькали, но не бурлили», – видимо, подобным образом рассуждают те, которые должны были бы рассуждать иначе. Так повелось с самых первых лет перестройки, когда никакой дискуссии между экономистами не было: «Альтернативы рынку нет» – этот в высшей степени антинаучный лозунг заменил всё. К СМИ и во власть допускались только по принципу «преданности идеалам перестройки». А тех, которые пытались хоть что-то обсудить или отстаивали другую точку зрения, объявляли «недобитыми коммуняками», «совками» и вытесняли на информационную периферию. В результате от одной неполноценной среды научных общественно-политических исследований, лишенной дискуссий и исследовательской свободы в советский период, мы мгновенно перешли к другой уродливой среде, радостно переключившейся на лакейское обслуживание новых политических лозунгов. Изменить подобное положение сможет лишь властная элита, если поймет, что ей нужен полноценный научный анализ, а не поддержка «либеральной», или «консервативной», или какой-либо еще заранее верной доктрины.

На уровне практических действий и политики самым главным был и остается вопрос о власти, о властной элите. И как прежде, так и ныне, есть два способа решения этого вопроса – захват власти или ее перерождение. Чтобы всерьез рассматривать вопрос о захвате власти с целью последующего надлежащего развития России, необходимо иметь организованную политическую силу, владеющую правильным ви́дением ситуации и стратегических целей страны, обладающую необходимыми для этого ресурсами. Такой политической силы сейчас в стране нет, можно говорить лишь о наличии некоторых зародышей, а также о теоретической возможности выращивания этой силы, ее идейно-теоретического и организационного оформления. Обсуждение этой темы выходит за рамки статьи.

В русле статьи остается второй способ: влияние на действующую власть с целью изменения ее курса. Надежда на возможность такого развития событий основана на наличии в стране интеллектуальной среды, потенциально способной к разработке стратегии развития. До сих пор эта среда находилась в свободном плавании, власть не опиралась на ее возможности, рассматривая ее или как враждебную, или как оппозиционную, с которой можно и не считаться. Если проблемы власти, состоящие в первую очередь в том, чтобы оставаться именно властью, повлияют на ее маневрирование так, что иная интеллектуальная среда будет призвана к выработке стратегии, возникнет надежда на перемену курса в надлежащем направлении. По-видимому и к сожалению, только экзистенциальный выбор способен существенно повлиять на действия власти и пробудить в ней имеющиеся, но доселе дремлющие чувства любви к Родине и составляющему ее народу, равно как и чувство стыда перед народом за все, что она натворила.

Завершая статью, вернемся к теме «евроазиатских альянсов». Прежде всего скажем, что дилемма «на Восток идти или на Запад» – ложная: никуда идти не надо, надо найти путь к себе, к России как центру и источнику исторического синтеза и точке последующего роста и развития человеческой цивилизации.

При этом единственной формой, оболочкой, обеспечивающей защиту и дальнейшее развитие нашего ценностного ядра, является государство – Россия. То, что это именно так, не нуждается в доказательстве после разрушения СССР и почти мгновенно последовавшей за этим сущностной трансформации жизни всех его бывших граждан, включая метафизику и базовые смыслы их бытия. Ясно также, что оболочка, форма разрушается и гибнет в результате и под воздействием изменившегося наполнения, сути, содержания. Поэтому сохранение и сбережение России есть не просто формальное сохранение государственности и всех ее признаков, но постоянная забота и конкретные действия по взращиванию содержания, смысла и целей ее существования, разделяемых большинством.

Говоря, в частности, о взаимодействии России и Европы – Евразийского и Европейского союзов, – отметим, что наш Евразийский союз пытается набирать силу и укрепляться, а их Европейский союз потрескивает под натиском очевидных противоречий и, возможно, пока не обладает необходимым метафизическим посылом к самостоятельной мировой роли. Тем не менее отдельные страны Европы в правильно выстроенных альянсах могут такой посыл в себе ощутить. Россия должна и может упорно налаживать и углублять прямые связи с отдельными членами ЕС. При этом надлежит апеллировать к их не всюду утраченному духу европейскости, отдавать дань за благотворное влияние европейской культуры на русскую, опираться на христианскую общность, пробуждать имперскую волю у тех народов, в которых она еще не угасла, предлагать совместные экономические проекты. Россия как более сильная, более страстная, более опытная и умелая должна первой делать подобные шаги, тем самым терпеливо, тактично, ненавязчиво и незаметно для них самих помогая европейским партнерам преодолевать страхи, отчуждения, предрассудки и отсутствие позитивного мистического опыта. Европа в глубине души давно хочет вновь быть Европой, а не суммой оккупационных зон. Многие страны и народы Европы воспряли бы духом и вернулись к самим себе, освобождаясь от американского диктата, но им нужна для этого смелость и поддержка извне. Россия может внести свой – возможно, решающий – вклад в этот уже идущий процесс.

Кадр из фильма «Корпорация “Святые моторы”» Леоса Каракса. 2012 год

Только экзистенциальный выбор способен существенно повлиять на действия власти и пробудить в ней имеющиеся, но доселе дремлющие чувства любви к Родине и составляющему ее народу, равно как и чувство стыда перед народом за все, что она натворила.

На важные, как минимум – размышления, а как максимум – предварительные выводы, наводят результаты математического моделирования взаимодействия стран и народов Европы. В частности, модель эволюции мелких княжеств в крупные государства с последующей их экспансией. Это направление исследований получило название клиодинамика. К рассматриваемому вопросу имеет отношение учет факторов, способствующих или препятствующих объединению, слиянию и укрупнению сферы влияния народов. Наряду с очевидными природными факторами, разъединяющими народы (горами, морями и т.п.), существуют параметры, лежащие в ментальной сфере. Это различия языков, религий и иных свойств, называемых в целом информационными параметрами. Выявлена, в частности, степень влияния такого фактора, как система распознавания «свой–чужой», явно или неявно существующая внутри близких народов. Так, например, опознавание одних немцев другими как «чужих» (пруссаки и баварцы, католики и протестанты и т.п.) длительное время препятствовало объединению Германии. Когда этот фактор был преодолен – единство языка оказалось сильнее факторов различий, – Германия стала стремительно расширяться и вскоре перешла к экспансии, захватывая и поглощая другие страны и народы. Напомню, что речь идет не о фактах истории, а о математической модели, довольно

Константин Васильев. Свияжск

Дилемма «на Восток идти или на Запад» – ложная: никуда идти не надо, надо найти путь к себе, к России как центру и источнику исторического синтеза и точке последующего роста и развития человеческой цивилизации.

точно описывающей происходившее в действительности. Когда экспансия модельной Германии достигла Москвы, в модели поведения СССР был увеличен параметр, описывающий степень ненависти к захватчикам, и параметр сплоченности советского народа. Модельная динамика немедленно отразила это, и линия фронта покатилась вспять... Эта модель, играя, казалось бы, скорее иллюстративную роль, тем не менее подтверждает исключительное воздействие нематериальных информационных параметров на поведение народов. Царящая сейчас в нашем обществе идеология отказа от идеологии, выдаваемая за плюрализм мнений и постмодернистское равенство ценностей, не является тем накаленным источником противоречий, которые порождают новые идеи, пути развития. Такая «негативная идеология» лишь ослабляют социум, снижая до опасного уровня параметр внутренней солидарности.

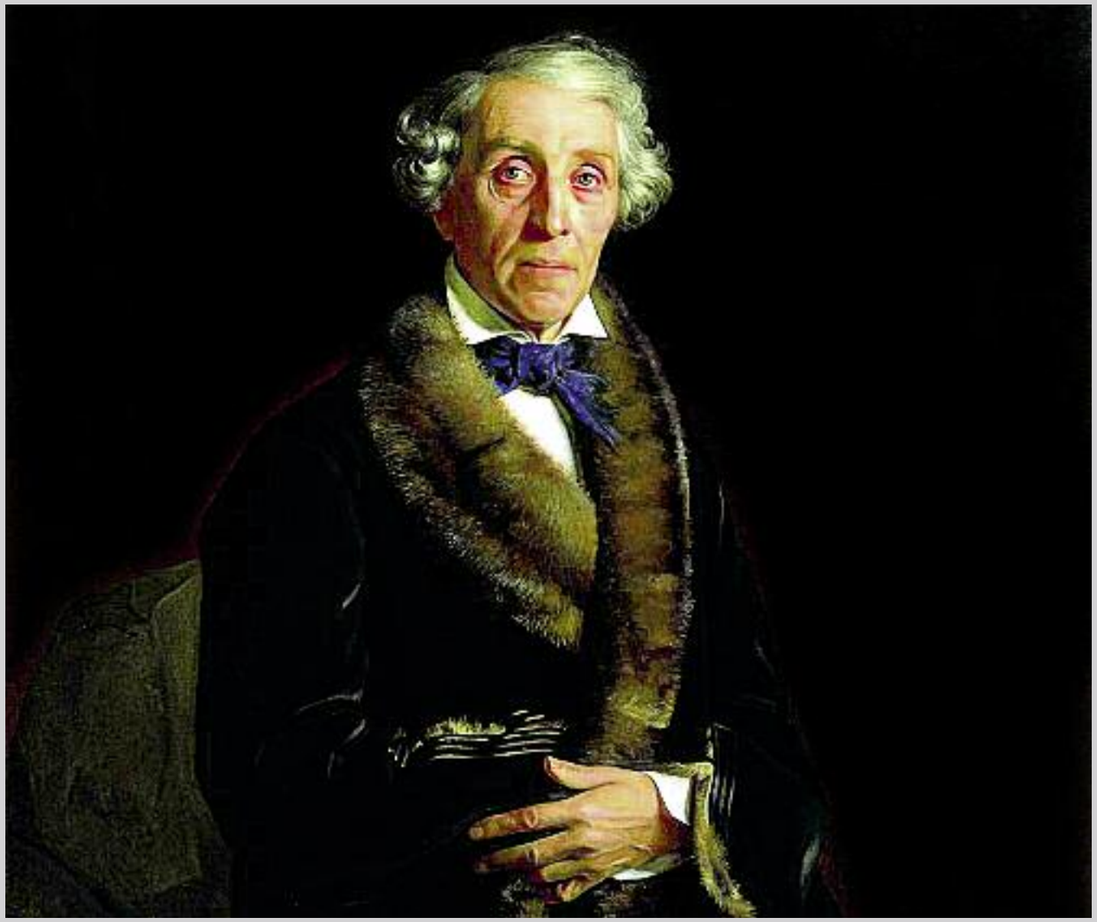
И последнее – в этой статье, но не в теме, далеко не исчерпанной. Россия не станет ни новым «центром силы», ни «полюсом», если не выиграет в противоборстве «мягких сил». Если в сфере политики и экономики Россия мелкими, неуверенными шажками, но отвоевывает хоть некоторые нужные ей позиции, то в области пропаганды Россия – информационно оккупированная территория. Повестка дня всем СМИ задается извне, и в этом смертельная опасность. Россия обязана сформировать информационно-аналитический центр глобальной значимости, способный ежедневно формулировать собственную повестку дня, выдавать свою новостную ленту, производить интеллектуальный и эмоциональный отклики. Необходим не только информационно-аналитический, но и контрпропагандистский центр, без которого успешный интеграционный процесс невозможен. Борьба за его создание – а эта именно борьба! – должна, увы, вестись не с внешним врагом, а с внутренней, но работающей против интересов страны информационной машиной, авангард и основная ударная мощь которой состоит из телевизионных каналов свободного доступа. Основные эфирные каналы должны работать только на стратегические интересы государства, в чьей бы собственности они ни находились. Сегодня они работают против будущего России, и это не чья-то вражеская вылазка, а пропагандистская (стало быть, и стратегическая) концепция государства. Сегодня это – критически слабое место политики президента. Мы угнетены и порабощены не столько экономически, сколько ментально. Вот от чего надо освобождаться. Базисом сопротивления и единения должно стать в том числе и само осознание этого угнетения.

Сегодня Россия снова должна творить саму себя – новую, прежде невиданную. Она не должна становиться тем или иным повтором своих прошлых или чужих нынешних форм и образов. Нужна позитивная цель, упорядочивающая ценности. Хотя одного этого – недостаточно. Вот еще недавно была прекрасная, ясная цель – коммунизм. Она реально формировала и выстраивала определенную систему ценностей, форму и суть общественного устройства. Результат, однако, плачевный. Потому что цель не автоматически выстраивает систему ценностей, а посредством людей. А люди несовершенны, им свойственно ошибаться, ненавидеть друг друга, убивать... И здесь на помощь должны прийти... ценности, нравственные ценности. То есть взаимодействие и взаимовлияние целей и ценностей сложно, диалектично, подчинено нелинейным обратным связям: нет ценностей без целей, но и цели недостижимы без ценностей. Первая задача дня сегодняшнего – вырваться из интеллектуальных пут, удерживающих страну в гибельной трясине, на простор собственного творчества. Конечно, создание нового требует и таланта, и воли, и терпения, и любви. Этих качеств у тех, которые в России находятся у власти последние 20 лет, нет и не было. К власти и в околовластные «стратегические центры» пришли бездарные малообразованные подражатели-копиисты. Их влияние на стратегию и сегодня является определяющим и, как прежде, пагубным. Примитивное «как на Западе» до сих пор исчерпывает все содержание их взглядов. Есть, однако, и другой образ национального лидерства: быть сильным, оставаясь самими собой, не поступаясь тем, что осознано как предназначение народа и государства, им созданного. Это путь героев и титанов. Но их надо выращивать самим: они не выйдут «чредой из волн», не прилетят из космоса, не приедут из-за границы, не сойдут с горы после встречи с Творцом. Нужно огромное мужество, чтобы принять как руководство к действию убеждение: путь героев, способных к созиданию новой России и сберегающих при этом ее сокровенное, – путь единственный. Нужны былинная сила, смелость и доброта, потому что не «богом быть трудно» – трудно быть знающим дело делателем, созидающим новое и благое, опирающимся при этом на бескорыстную любовь к стране и ее народам. Часто люди повторяют: «Все по воле Божьей», – успокаивая себя в трудные минуты. На самом же деле вовсе не все происходит по воле Божьей! Бог неслучайно наделил человека свободой воли и возложил на него ответственность за свои дела и поступки, и не надо перекладывать эту ответственность на

Ксения Собчак

В области пропаганды Россия – информационно оккупированная территория.

Господа Бога. Воля и сила даны человеку во благо, чтобы он созидал и строил счастливую жизнь. Но часто бывает и иначе – люди творят зло, а не добро. Так по своей воле отнимали жизни своих сограждан и их собственность, называя это экспроприаций и борьбой с эксплуататорами. Через некоторое время снова по своей воле отнимали собственность и обрекали на вымирание миллионы людей, называя это «приватизацией» и «борьбой за демократию». Сейчас такой тип морально опустошенных людей, воспроизводящийся в обществе с удручающей регулярностью, снова готовится к очередному этапу «приватизации», затушевывая истинные цели и скрывая трагические результаты своих прежних действий. Важная задача – вовремя распознать последствия и рассказать об этом, одновременно предлагая иные пути и цели. Поэтому сегодня самое главное – иметь эмоционально окрашенный образ результатов деятельности общества в целом и каждого в отдельности. Если общей цели у нас нет или у всех они разные – нет ни силы развития, ни умений, ни движения вперед, образуется лишь хаотическое блуждание толпы под влиянием любых факторов. Чтобы обеспечить развитие общества, а не его деградацию, чтобы строить счастливую жизнь, надо иметь соответствующую ясную цель. Причем эта цель и этот образ должны быть программой глобального масштаба, должны являться фундаментально новой парадигмой жизнеустройства, предложенной всему миру в качестве возможной альтернативы, которую следует реализовать, формируя один из «полюсов» многополярного мира.



Федор Толстой

Федор Петрович Толстой (10 февраля 1783 года – 13 апреля 1873 года) – русский художник, медальер и скульптор.

230 лет

Немного найдется не только в России, но и в мире фамилий, весьма известных и в то же время принадлежащих завидному множеству выдающихся людей, живших в разные эпохи. Род Толстых в этом смысле – явление уникальное. Лишь одна ветвь рода Толстых, выделяемая из прочих как «графы Толстые», дала России и миру целую россыпь замечательных людей. Самым известным из них, несомненно, является великий писатель Лев Толстой, но и задолго до его рождения многие Толстые были прославлены. Среди них основатель рода – сподвижник Петра Великого, руководитель его секретных служб,

Федор Толстой. Ягоды красной и белой смородины. 1818 год

«прославившийся» разоблачением царевича Алексея, Петр Андреевич. Можно вспомнить писателя и драматурга Алексея Константиновича, участвовавшего в группе, выступавшей под псевдонимом Козьма Прутков. Наконец, знаменитый художник Федор Петрович, чье 230-летие мы отмечаем в этом году.

Имя художника Федора Толстого не забыто, но, конечно, заслонено в нашей памяти огромным созвездием великих русских живописцев XIX–XX веков. А вот некоторые его работы легко узнаваемы, поскольку хранятся в памяти вот уже многих поколений. Нет, наверное, в России человека, который не помним бы изящные бело-голубые медальоны с барельефами, посвященными войне 1812 года. До сих пор очень часто воспроизводятся знаменитые «обманки» художника, владевшего филигранной техникой фотографически точного (задолго до изобретения фотографии) воспроизведения предметов. Также прежде «низкий» жанр силуэтов был возведен им в степень подлинного искусства.

Федор Толстой прожил долгую жизнь, наполненную непрестанным трудом, признанием современников, почетом и уважением. Будучи старшим современником Пушкина, он так и остался недосягаемой мечтой поэта, очень хотевшего увидеть «Евгения Онегина» проиллюстрированным именно этим мастером: «Что если бы волшебная кисть Ф. Толстого? Нет, слишком дорога. А ужасть как мила!»

Работы мастера до сих пор остаются примером эталонной точности рисунка, композиции, технического совершенства. Помимо живописи, скульптуры и графики, Федор Толстой был и сочинителем балетов: от либретто до костюмов и хореографии. Он оставил мемуарные записки, занимался общественной деятельностью. Его жизнь и творчество – пример гармонического и плодотворного сочетания личного и общественного развития.

Алексей Анатольевич Громыко –
доктор политических наук, заместитель директора Института Европы РАН

Пространства Европы: фрагменты или части целого?

Тема европейской модели (точнее сказать – моделей) развития крайне объемная, написаны десятки и сотни книг, тысячи статей по различным ее аспектам. Речь идет о моделях политических, экономических, социальных, культурных, поведенческих, наконец. Европа в принципе может претендовать на свое органическое родство со всеми из них, на складывание таких моделей в той или иной форме, в тех или иных разновидностях исключительно в ее границах. Что способствовало этому? Прежде всего, конечно, «тирания географии». Мы живем в регионе, который далеко не самый большой в мире, а если брать Европу от Атлантики до Урала, то совсем небольшой по сравнению с другими пространствами земной поверхности. Центростремительным процессам способствует и наличие общей истории, общей памяти – того, что ковалось в головах, в генетическом коде европейцев в течение многих веков. В цивилизационных исследованиях, в цивилиографии Европа уже давно выделена в отдельную цивилизацию – европейскую. Имеется множество интерпретаций этого понятия, но мало кто ставит под сомнение, что европейская цивилизация существовала, существует и, очевидно, продолжит жить еще очень длительное время. Ее скорая гибель, закат предвидятся разве что в апокалиптических сценариях, имеющих мало общего с реальностью даже при всех тех трудностях, с которыми Европа сталкивается в последнее время. При всей нашей сосредоточенности на делах Европы не надо забывать, что большинству других регионов планеты предстоит решать еще более сложные проблемы, чем Старому Свету.

Но нельзя не видеть и опасности, вполне способные превратиться в экзистенциальные. Например, в конструкцию Европы встроен эффект Вавилонской башни. Это многоязычие, фрагментарность пространства, мозаичность европейской ментальности. Есть европейские страны, которые не считают себя европейскими, или где, по крайней мере, значительная часть населения так не считает. Возьмем Великобританию, в которой, как и в России, говорят, например: «Поедем в Европу». Это отражение традиционного островного менталитета, как в первом случае, или взгляда на мир тех, которые освоили огромные пространства – как во втором. В России по опросам общественного мнения более половины населения всегда с сомнением относилось к тезису, что наша страна – Европа, а ее граждане – европейцы. Помимо этого, есть страны, считающие себя в целом европейскими, но таковыми в действительности не являющиеся. Скажем, государства Закавказья или Израиль.

До середины XX века предпринималось несколько масштабных попыток по объединению Европы. Все они оказывались неудачными. Мы можем вспомнить и Римскую империю, и эпоху Наполеона, и попытки Третьего рейха. Несмотря на явные неудачи этих проектов, Европа существовала несколько веков в качестве и субъекта, и объекта мировой политики. Если взять страны, где многие с сомнением относятся к своей идентичности как европейской, – например, Россию или Британию, – то какой критерий способен прояснить реальное положение дел? Надо поехать в Китай, Австралию, Японию, Бразилию, в ЮАР и там спросить, какой части света принадлежит Россия? Кто такие россияне? Там вам скажут, что россияне – европейцы. Мы можем думать о себе все что угодно, но подавляющая часть мира видит Европу в тех границах, в которые она и помещена в большинстве цивилизационных исследований.

Несмотря на то, что образы Европы сложились в представлениях жителей нашей планеты очень давно, длительное время это были образы, вызывавшие мало симпатий. Причин тому множество. Здесь и колониальное прошлое нашего континента, и многочисленные войны, в основном захватнические, которые европейцы вели во всех уголках земного шара. Апогеем такого агрессивно-экспансионистского развития Европы, олицетворением отталкивающей стороны ее образа, восприятия, безусловно, стали две мировые войны в первой половине XX века. И если до 1939 г. в международной политике преобладал европоцентризм, то после 1945 г. Европа (по крайней мере, ее западная и центральная части) ушла в тень двух сверхдержав – СССР и США.

Европоцентризм в мировых делах и европейская модель как некий образец, на который стали ориентироваться многие народы как в самой Европе, так и за ее пределами, стал вновь возрождаться на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого столетия; европоцентризм за последние двадцать лет вновь вошел в силу и заявил свои права. Эта тенденция развивалась по восходящей до 2008 г. Но затем Европа в очередной раз столкнулась с серьезнейшими проблемами.

Если вернуться к опыту обеих мировых войн, то именно страх перед закатом Европы привел после 1945 г. к новой попытке объединения нашего

Оноре Домье. Денди. 1871 год

Европоцентризм в мировых делах и европейская модель как некий образец, на который стали ориентироваться многие народы, стал вновь возрождаться на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого столетия; европоцентризм за последние двадцать лет вновь вошел в силу и заявил свои права.

Максим Фаюстов. Иван Сусанин. 2003 год

Насколько до сих пор в нашем сознании – и на западе, и на востоке Европы – главенствует принцип мышления «мы и они».

континента на качественно новых началах. С 1950-х годов началось конструирование «европейского нарратива», и к 1990-м годам этот процесс привел к формированию «европейской мечты» – некой системы ценностей эпохи Постмодерна. Квинтэссенцией этой системы ценностей стали такие принципы, как «пул суверенитетов», устойчивое развитие, принципы солидарности и «мягкой силы». Что касается социально-экономических моделей развития, которые возникли в рамках, во всяком случае, западной части Старого Света, много написано и сказано о таких их разновидностях, как скандинавская, англосаксонская, рейно-альпийская, южноевропоейская модели. В целом за последние 20–30 лет сформировалось то, что мы называем социальной моделью развития Европы. Та самая модель, которая оказалась под сильным ударом в последние годы в результате мирового финансового, экономического, а затем и политического кризисов. Сейчас мало кто помнит, в каких муках, сомнениях и противоречиях, противоборствах вырабатывалась новая европейская модель. Борьба шла не только вокруг конкретного наполнения таких проектов, как Совет Европы, Европейское объединение угля и стали, Европейское оборонительное сообщество. Были и план Маршалла, и Европейское объединение экономического сотрудничества, и Европейская экономическая комиссия, в целом шла серьезная борьба – по крайней мере, до 1960-х годов – между сторонниками двух концептуальных подходов к западноевропейской модели интеграции – между федералистами и сторонниками межгосударственных связей.

СССР в тот период превратился в сверхдержаву. Несмотря на то, что в стратегическом плане Советский Союз, безусловно, тогда выиграл, он одновременно попал в ловушку собственной новоприобретенной глобальности. Москва делала ставку на межгосударственные организации под флагом ООН и пренебрегала вниманием ко многим формировавшимся общеевропейским проектам, которые в 1950–1960-х годах свелись к сугубо западноевропейским. Но при этом надо помнить о том, что кроме процессов, приведших, в конце концов, к появлению современного Европейского союза, существовала и другая – восточная – модель интеграции, восточная альтернатива в виде того, что сейчас называют постсоветским пространством. Между прочим, вплоть до конца 1940-х годов было немало окон возможностей по созданию панъевропейских интеграционных проектов. Как и в отношении идеалистической «европейской мечты», можно с полным правом говорить о том, что существовала и идеалистическая «советская мечта», некая система ценностей в русле европейской просвещенческой парадигмы.

Для обоих мегапроектов во второй половине XX века на западе и на востоке Европы исключительное значение имело представление о миссии. Оба проекта являлись, конечно, в первую очередь не экономическими, а политическими и идеологическими, и их миссионерская направленность была ярко выраженной. В значительной степени она сохраняется таковой – правда, в видоизмененных формах – и до сих пор. Что двигало западноевропейским интеграционным проектом? Что служило современным языком западноевропейской модели развития? Если брать 1950-е годы, то миссия состояла в том, чтобы примирить закоренелых врагов – Францию и Германию, – а затем вокруг них объединить другие крупные государства Западной Европы. Эта задача в принципе была решена благодаря волнам расширения европейского пространства в 1973 и 1995 годах. В 1980-е годы была сформулирована миссия по вовлечению в интеграционные процессы тех стран, которые до недавнего времени были тоталитарными или авторитарными, что и произошло благодаря расширению в 1981 г. (с присоединением к ЕС Греции) и в 1986 г. (с подключением Испании и Португалии). Наконец, в 1990-е годы появилась новая стратегическая цель по вовлечению в западноевропейскую модель развития стран Восточной Европы. Указанный проект состоялся в результате расширений 2004 и 2007 годов. Наконец, имеется и текущая миссия, находящаяся в стадии реализации в условиях, когда, казалось бы, западноевропейский проект практически достиг границ своего внешнего расширения. Это, конечно же, вовлечение балканских государств, начавшееся с присоединения Румынии и Болгарии в 2007 г., которое продолжится в 2013 г. после вступления в ЕС Хорватии. В обозримом будущем за ней последуют и некоторые другие страны Западных Балкан.

Действительно серьезный вопрос – о Европе как о затухающем центре силы в мире XXI века на фоне возникновения и взлета новых «рынков роста», формирования не только новых национальных держав, но и межнациональных конгломератов.

Кадр из фильма Эмира Кустурицы «Завет», 2007 год

В 1990-е годы у ЕС появилась новая стратегическая цель по интеграции в западноевропейскую модель развития стран Восточной Европы. Текущая миссия этого проекта – вовлечение балканских государств.

Надо сказать, что и в Восточной Европе, уже после крушения Советского Союза, интеграционные процессы на новой базе развивались не менее динамично. Можно перечислять многие структуры, созданные на развалинах СЭВ и ОВД: это и СНГ, и Союзное государство Беларуси и России, и ЕврАзЭС, и ОДКБ, и ШОС, и Таможенный союз, развивающийся в сторону Единого экономического пространства, а затем и Евразийского союза.

Вопрос в том, удастся ли в XXI веке то, что не смогли сделать европейские страны после окончания Второй мировой войны. А именно – не разойтись по разным интеграционным квартирам, а создать Европу без разделительных линий, общее пространство от Лиссабона до Владивостока. Словом, выйти на панъевропейскую интеграционную модель. При этом надо сказать, что в последние годы привлекательность проекта Евросоюза во многом поблекла в результате тех проблем, с которыми эта часть европейского пространства сталкивается. Но и Россия как ядро постсоветского пространства также пока не превратилась в сильный магнит по привлечению «мозгов», денег, высококвалифицированных мигрантов из других частей Европы и мира в целом.

Действительно серьезный вопрос – о Европе как о затухающем центре силы в мире XXI века. Это для нас ключевая проблема. Речь идет не только о возможной и вероятной утрате влияния Евросоюза и России, как и всех других европейских стран в целом. По многим показателям и данным статистики Европа, очевидно, теряет свои позиции по сравнению с другими мировыми центрами силы на фоне возникновения и взлета новых «рынков роста», формирования не только новых национальных держав, но и межнациональных конгломератов. Решение этой проблемы пока просматривается плохо.

Хорошо известно, насколько сложные отношения существуют в настоящее время между Россией и Евросоюзом. Насколько до сих пор в нашем сознании – и на западе, и на востоке Европы – главенствует принцип мышления «мы и они». Насколько до сих пор мало впечатляющих практических, реальных наработок по созданию истинных интеграционных проектов, охватывающих запад и восток Старого Света. И все же верится в то, что таковые в недалеком будущее появятся. Императивы времени подталкивают к этому с неумолимой логикой.

Вадим Вадимович Трухачев –
кандидат исторических наук,
журналист-международник,
специалист по истории стран
Центральной Европы
и проблемам Евросоюза

Вацлав Клаус: геополитические игры строптивого чешского **евроатлантиста**

В начале 2013 года закончились полномочия президента Чехии Вацлава Клауса. Он стал едва ли не единственным политиком мирового масштаба в бывших социалистических странах Европы. Клаус успешно провел реформы по переходу от социализма к капитализму, проявил себя как националист и антиглобалист. Его отношения с главными центрами силы в лице России, ЕС и США складывались необычно, и поэтому он часто заставлял говорить о себе.

Ни у кого из европейских политиков рубежа XX–XXI веков, кроме ушедшего чешского лидера, нет опыта руководства и законодательной, и исполнительной ветвями власти. Клаус же успел побывать и премьер-министром (1992–1997 гг.), и председателем парламента (1998–2002 гг.), и президентом (2003–2013 гг.).

Как и большинство тех, которые оказались у власти после падения социализма в Восточной Европе, он ратовал за рыночную экономику. Однако Клаус отличался от большинства других политиков, пришедших к власти в начале 1990-х гг. Он всегда выступал против укрепления наднациональных институтов в ущерб национальным, чешское национальное государство оставалось для него главной ценностью. Кроме того, Клаус никогда не был русофобом и не преклонялся перед ЕС и США, что нехарактерно для политиков из бывших соцстран.

Чехи – не упертые евроатлантисты

В Чехии были и есть евроатлантические «ястребы». Они тянули страну в ЕС и НАТО, вопреки мнению большинства чехов поддерживали бомбардировки Югославии в 1999 году и войну в Ираке четырьмя годами позже, выступали за размещение в стране элементов ПРО США. Наиболее известным их представителем являлся первый президент страны Вацлав Гавел. Такая позиция свойственна бывшему премьеру Мирославу Тополанеку и нынешнему руководителю МИДа Карелу Шварценбергу.

Политика Вацлава Клауса была подчинена осуществлению одной главной задачи – укреплению суверенитета Чехии. И если препятствия на этом пути чинят великие державы или наднациональные организации, что ж, их планам и аппетитам должно противостоять.

Но были и более умеренные политики, самым ярким из которых остается Клаус. То, что деятель такого рода появился в Чехии, вряд ли можно назвать случайным. Имевшая многовековую государственность, Чехия часто бывала в центре крупных европейских перипетий – можно вспомнить Гуситские войны, Тридцатилетнюю войну, «Мюнхенский сговор» 1938 года, установление и падение социализма во второй половине XX века.

Сегодня эта славянская страна, расположенная в сердце Европы, существенно отличается от Польши, Венгрии или Прибалтики. Так, после вхождения в ЕС Чехия сохранила свой промышленный потенциал и развитое сельское хозяйство. Она до сих пор входит в число крупнейших производителей оружия. Чехия – одна из двух

Сожжение Яна Гуса. Миниатюра 1485 года

Появление деятеля такого масштаба, как Вацлав Клаус, в Чехии вряд ли можно назвать случайным. Чехи сопротивляются превращению своей страны в обычный объект политики ведущих мировых держав, и Клаус выражал их волю.

бывших соцстран (наряду со Словенией), сумевших обойти Португалию по уровню ВВП на душу населения.

В отличие от поляков и прибалтов, чехи не едут на заработки за рубеж. Наоборот, сотни тысяч украинских, словацких, вьетнамских гастарбайтеров стремятся осесть в Чехии. Прага устойчиво входит в число культурных и туристических столиц мира. Число туристов в 10-миллионной Чехии немногим меньше, чем ее постоянное население. Так что страна представляет собой привлекательного партнера и для Запада, и для России.

В итоге чехи не хотели чувствовать себя в ЕС и НАТО бедными родственниками. Желание сохранить свое национальное «я» усиливается еще и историческими факторами. Чехия бывала то в составе Австрии, то под нацистской оккупацией, то в соцлагере. Судьбу чехов определяли то в Вене, то в Берлине, то в Москве. На смену последним пришли Вашингтон и Брюссель. Поэтому многие чехи сопротивляются превращению своей страны в обычный объект политики ведущих мировых держав, и Клаус выражал их волю.

Россия глазами чехов: не брат, но не враг

О братском отношении чехов к России говорить не приходится. Они никогда не исповедовали православие, у них до сих пор сильна обида за события 1968 года. Однако за 30 лет до того Великобритания и Франция отдали ее на съедение нацистской Германии, да и воевать за интересы США им не хочется. В отличие от взаимоотношений России и Польши, история наших контактов с чехами выглядит принципиально другой. Россия и Чехия никогда друг с другом не воевали, между ними никогда не было территориальных споров.

Несмотря на охлаждение отношений с Россией в 1990-е гг., чехи не отказывались от своего славянства. Близость русского и чешского языков объективно способствовала тому, что определенный интерес друг к другу Россия и Чехия сохраняли. Так что образ России как врага Чехии невозможно было эксплуатировать столь же долго, как в Польше, странах Прибалтики или (в меньшей степени) в Венгрии.

В Чехии были и есть свои русофобы, ругавшие Россию за Чечню, за Южную Осетию, за права человека. Отношения с нашей страной оставались для них если не пережитком прошлого, то периферией. Главным антироссийским политиком Чехии до последних дней своей жизни оставался Вацлав Гавел, да и названные выше другие евроатлантические «ястребы» также не питают к нашей стране никаких теплых чувств. Но во многом благодаря Вацлаву Клаусу, представлявшему иную точку зрения, российско-чешские отношения вышли из тупика.

Почти образцовый реформатор

Выяснилось, что перевести страну от социализма к капитализму можно без тяжелых потрясений. Без гиперинфляции, без «шоковой терапии».

Имя Клауса стало известно за пределами Чехии еще в первой половине 1990-х гг. Так, в 1990 году, будучи вице-премьером еще Чехо-Словакии, он приступил к приватизации и реституции (возвращению собственности прежним владельцам). С 1993 года он продолжил реформы уже в качестве премьер-министра Чешской Республики. Клаус едва ли думал, что его наработки могут кого-то заинтересовать за пределами его страны. Тем не менее значение того, что он сделал, вышло за пределы Чехии.

Выяснилось, что перевести страну от социализма к капитализму можно без тяжелых потрясений. Без гиперинфляции, без «шоковой терапии», как в Польше, когда число безработных стабильно превышало 10 процентов. И тем более не как в России, когда большинство населения обнищало. Чехи слушали советы американских либеральных экономистов, но в точности их рекомендациям не следовали, проводя реформы с чешской спецификой.

Как и в России, в Чехии были ваучеры – но не на предъявителя, а именные. В результате пространство для «лохотрона» удалось существенно уменьшить. Шесть миллионов чехов из десяти превратились в акционеров. Страна покрылась сетью магазинов, ресторанов, гостиниц. В отличие от других соцстран, Чехия сохранила основную часть своего промышленного потенциала. Заброшенной пашни в ней почти нет.

Значительная часть крупных предприятий при Клаусе попала в руки иностранцев – прежде всего немцев и австрийцев. Среди них – автогигант «Шкода», крупнейшие банки. Это немалые издержки, а при обострении отношений с Германией и Австрией дело чревато неприятностями. Но Клаус подстраховался: часть стратегических предприятий не подлежала передаче иностранцам, граждане других стран получали ограниченный доступ к сельхозугодиям. А продажа им земли в приграничных районах попросту запрещена.

Многие чехи ругают Клауса за то, что его реформы были слишком жесткими. Однако можно парировать: число бедных в Чехии не превышало двух процентов населения. Данный показатель сравним со Швецией или Новой Зеландией и ниже, чем в США или Франции. Многие социальные блага времен социализма остались. В 2005 г. Всемирный банк признал Чехию развитой страной. Лучшего признания успеха реформ Клауса не придумать, лучшего примера для подражания странам с переходной экономикой не найти.

Против глобальных течений

Клаус не стеснялся идти против глобальных политических

Владимир Путин и Вацлав Клаус

Клаус призывал не отождествлять Россию и СССР и выступал категорически против демонизации РФ и русских. Несмотря на критику СССР, он признавал, что нужно быть благодарным Красной армии за освобождение человечества от нацизма.

течений. Не секрет, что в Европе очень сильны «зеленые», многие страны даже до аварии в Фукусиме весной 2011 года думали о закрытии атомных станций. А при президенте Клаусе начали работать два энергоблока АЭС «Темелин», и его не остановили даже протесты соседней Австрии. Клаус объявил мифом глобальное потепление и даже написал по этому поводу книгу «Синяя, но не зеленая планета».

Узаконивание однополых браков, широкое помилование заключенных – обычная для современной Европы практика. Предшественник Клауса Гавел миловал заключенных направо и налево, и жители спокойной Чехии боялись чего-то похожего на «холодное лето 1953-го» в СССР. Но Клаус не пошел на поводу ни у геев и лесбиянок, ни у защитников прав лишенных свободы. Нет, от помилований он не отказался, однако на конвейер их не ставил. «Прогрессивная общественность» ругала чешского президента, но на него ее критика не действовала.

Антикоммунист, но не русофоб

Для предшественника Клауса на президентском посту – диссидента со стажем Вацлава Гавела – основным вектором внешней политики был евроатлантический. С Владимиром Путиным он не хотел разговаривать, а незадолго до смерти отказался от премии «Квадрига» только потому, что ее хотели вручить российскому лидеру. Нашу страну Гавел ругал буквально за все. В годы его правления российско-чешские отношения находились в застое, и лишь с приходом к власти Клауса оживились.

Считать Клауса пророссийским политиком было бы неверно. Он никогда не рассуждал о славянском братстве, критиковал Советский Союз и введение советских войск в Чехословакию в 1968 году. Но в отличие от большинства политиков Восточной Европы, он призывал не отождествлять Россию и СССР и выступал категорически против демонизации РФ и русских. Когда в 2006 году Клаус принимал в Праге президента Путина, он высказался за то, чтобы прекратить спекуляции на исторические темы и смотреть в будущее.

Свое бережное отношение к истории Клаус показал в оценках Второй мировой войны. Несмотря на критику СССР, он признавал, что нужно быть благодарным Красной армии за освобождение человечества от нацизма, как и за освобождение Чехии в частности. На неоднократных встречах с Владимиром Путиным и Дмитрием Медведевым чешский президент говорил по-русски. Не в ногу с остальной Европой выступил Клаус и после войны в Южной Осетии. «Принципиально осуждаю грузинское нападение на Южную Осетию, убийства гражданских лиц и массированное использование российской армии. Я опечален тем, что реальность не воспринимается такой, какой она есть», – сказал он 15 августа 2008 года. Тем самым Клаус одним из первых политиков в Европе признал, что войну начала Грузия.

Россия для Клауса – важное звено международной политики. И когда осенью 2009 года у него возник конфликт с Евросоюзом, чешский президент приехал в Россию, показав, что для него мир является многополярным и он не собирается делать все ставки на евроатлантических «лошадей». При нем в Чехии рос интерес к русскому языку, и по степени популярности иностранных языков его опережают только английский и немецкий. Учитывая свое славянство, часть чешской элиты стала видеть в своей стране мост между Россией и Западной Европой.

Для России Чехия – тоже важный партнер. Так, контракт на достройку АЭС «Темелин» – один из крупнейших для Росатома. Чешские автомобили «Шкода», чешские хрусталь и обувь хорошо известны за пределами страны. Чешские электровозы до сих пор ходят по российским железным дорогам. В свою очередь чехи зависят от российских нефти и газа. Так что поле для экономического сотрудничества немалое.

А звучащий независимо от Вашингтона и Брюсселя голос из Праги тоже стоит дорогого. В ЕС многие решения принимаются при одобрении всех государств, по данной причине неважных стран в его составе нет. Так что чешский голос в случае чего будет России полезен.

Евроскептик номер один

Когда в октябре 2012 года Евросоюз получил Нобелевскую премию мира, Клаус резко раскритиковал такое решение. «Это – трагическая ошибка. Присуждение премии бюрократической организации – это утрата самой премии», – произнес он. Услышать такое от президента европейской страны, к тому же бывшей социалистической, – вроде бы нонсенс. Однако если взглянуть на историю отношений Клауса и ЕС – удивление исчезнет.

Евросоюз был создан в 1992 году, и большинству политиков Восточной Европы он казался раем земным, куда непременно нужно вступить. Однако у Клауса было иное мнение: он назвал образование ЕС «неудачной попыткой ускорить европейскую интеграцию». Во многом из-за его позиции Чехия подала заявку на членство в Евросоюзе позже Польши, стран Прибалтики или Болгарии. Чехия вошла в ЕС 1 мая 2004 года, однако переговоры о приеме в него вел не Клаус, а другие политики.

Клаус на митинге против подписания Лиссабонского договора

Президент Чехии категорически возражал против укрепления Еврокомиссии и других наднациональных органов власти в ущерб национальным. Едва Чехия стала членом ЕС, как Клаус снискал славу главного евроскептика.

Что же не нравилось Клаусу в Евросоюзе? Будучи поборником идеи о свободном перемещении людей и товаров, президент Чехии категорически возражал против укрепления Еврокомиссии и других наднациональных органов власти в ущерб национальным. Он опасался, что в случае передачи властных полномочий в Брюссель Чехия утратит суверенитет. Прямо против вхождения в ЕС он не выступал, но в день долгожданного события президент... уехал в горы.

Едва Чехия стала членом ЕС, как Клаус снискал славу главного евроскептика. Он больше чем кто-либо другой критиковал те документы, которые укрепляли власть Брюсселя в ущерб Праге. После того как в 2005 году на референдумах во Франции и Голландии провалился проект Евроконституции, Клаус не скрывал своей радости. Он всегда последовательно противился замене чешской кроны на евро. Несмотря на то, что Чехия соответствует всем основным критериям еврозоны, страна туда так и не вошла.

Пришлось лидерам Евросоюза заменить Евроконституцию Лиссабонским договором, где полномочия Брюсселя немного урезали. К октябрю 2009 года Клаус оставался последним лидером европейской страны, отказывавшимся подписывать новый договор. В результате вся Европа стала заложником президента Чехии, и из-за Клауса пришлось собирать экстренную встречу глав государств ЕС.

Добившись немалых уступок, Клаус подписал документ. Но одновременно выступил с предупреждением, что «Чехия перестанет быть суверен-

ным государством». С тех пор из Праги то и дело приходили сообщения, что Клаус тайно пытается запустить процедуру выхода Чехии из Евросоюза.

Строптивый атлантист

В отличие от Евросоюза, к принятию Чехии в НАТО Клаус относился положительно. Когда только рушился «железный занавес», ориентированный на Запад Вацлав Гавел в качестве символа мира даже предложил распустить Североатлантический альянс вслед за Варшавским договором. Однако Клаус дал понять, что нечего разгонять НАТО, а Чехии там самое место. В марте 1999 года Чехия пополнила ряды Североатлантического блока. И тут выяснилось, что не такой уж Клаус «евроатлантический ястреб», как казался.

Едва Чехия вошла в НАТО, альянс начал бомбардировки Югославии. Президент Гавел поддержал их, а Клаус резко осудил. По его словам, бомбить Югославию нельзя было, ибо на это не имелось санкции ООН, а раз так – то имело место нарушение международного права. Точно так же в 2003 году Клаус выступил против вторжения США и их союзников в Ирак. Однако тогдашний премьер Владимир Шпидла все-таки отправил туда чешских военных, и Клаусу не хватило полномочий, чтобы ему помешать. Издержки парламентской республики...

Области Чехии, где до 1945 года преобладали этнические немцы, обозначены черным

Вацлав Клаус уверен, что никакие нормы ЕС о правах человека не вправе отменять итоги Второй мировой войны. «История должна оставаться историей», – сказал как-то Клаус во время визита в Вену.

В 2008 году Клаус вновь принципиально пошел вразрез с линией большинства государств-членов НАТО. Когда они одно за другим принялись признавать независимость Косова, президент Чехии назвал их действия грубейшим нарушением международного права. Но ему опять не хватило полномочий, поскольку край от имени Чехии признал премьер Тополанек. И тогда Клаус публично извинился перед сербами, демонстративно приняв уезжавшего из Праги посла Сербии. Президент не назначил в Приштину чешского посла и не принял верительную грамоту у косовско-албанского.

Весьма парадоксальным было поведение Клауса в вопросе возможного размещения в Чехии радара американской системы ПРО. Первоначально чешский президент данную идею поддержал. Ему не хотелось лишний раз ссориться с США, ибо для него было важно, чтобы Чехия опиралась на иной центр силы, нежели Евросоюз. Но когда Клаус столкнулся с неприятием ПРО со стороны собственного народа, а также с острой реакцией России, он вообще перестал говорить о системе. Когда Барак Обама объявил о том, что отказывается от радара, чешский лидер облегченно вздохнул.

С антиамериканскими речами Клаус никогда не выступал. Просто он считал, что внешняя политика Чехии должна определяться в Праге, а не в Вашингтоне. Как выяснилось, с линией Клауса в Белом доме смирились. И не в последнюю очередь именно из уважения к Клаусу договор с Россией об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) в апреле 2010 года был подписан именно в Праге.

Немецкие парадоксы

Особая статья политики Клауса – отношения с Германией и Австрией, с которыми Чехия исторически очень тесно связана. Как и в случае с Россией, переговоры с их руководством чешский президент вел на языке собеседников. Во многом благодаря Клаусу на долю Германии и Австрии приходится почти половина внешней торговли Чехии. Немцы и австрийцы – крупнейшие инвесторы в чешскую экономику. Но как только дело доходит до переписывания непростой истории чешско-германских и чешско-австрийских отношений (особенно периода Второй мировой войны), то тут чешский президент неуступчив. «История должна оставаться историей», – сказал как-то Клаус во время визита в Вену. По его мнению, Чехия не должна отменять «декреты Бенеша» – законодательные акты 1945–1946 гг., создававшие правовую основу для выселения из Чехословакии более 3 миллионов судетских немцев, сотрудничавших с немецкими оккупантами.

Хотя организации выселенных немцев в Германии и Австрии, да и многие политики этих стран постоянно требуют от Чехии вернуть утраченное в те годы имущество, Клаус придерживается иного мнения. Он уверен, что никакая реституция на бывших судетских немцев не должна распространяться и никакие нормы ЕС о правах человека не вправе отменять итоги Второй мировой войны.

Готовность к диалогу Клаус все же показал. В 1997 году он подписал с Гельмутом Колем документ, согласно которому Германия сняла все официальные претензии к Чехии по «декретам Бенеша». Хотя некоторые немецкие политики до сих пор продолжают муссировать тему, но это – пока – исключительно их частное мнение. Своей цели Клаус добился.

Но договориться с Германией, испытывающей чувство вины за зверства нацистов, изначально было куда проще, чем с Австрией, в меньшей мере подверженной аналогичному комплексу. Последняя до сих пор официально требует отмены «декретов Бенеша». Как раз во многом из-за чешско-австрийского спора Клаус и не подписывал Лиссабонский договор. Ему удалось добиться того, чтобы на Чехию не распространялась прилагаемая к документу Хартия прав и свобод ЕС, на основании которой бывшие судетские немцы и Австрия могли завалить Чехию исками.

Не потерять Чехию в глобальном мире

Как видно, длительная политическая деятельность Клауса полна парадоксов. Между тем логику в действиях Клауса найти можно. Вся его политика была направлена на укрепление суверенитета Чехии. Если ей угрожают намерения великих держав или наднациональных организаций – то этим планам нужно противостоять. И если кто-то пытается начать войну без согласия ООН – подобное достойно осуждения.

Клаус – один из последних рыцарей национального государства в Европе, своего рода консервативный антиглобалист. Его курс шел явно вразрез с основными течениями европейской политики. Но благодаря своему «необычному» поведению Клаус – а вместе с ним и Чехия – заняли в ней достойное место.

На выборах победил наиболее яркий из всех претендентов на президентский пост – бывший премьер Милош Земан. Некогда лидер Социал-демократической партии, он несколько лет фактически отсутствовал в большой политике. Ему принадлежит ряд резких высказываний о своих противниках, о мусульманах, о судетских немцах. Клаус себе подобного никогда не позволял. Да и список достижений Земана куда короче, нежели у Клауса. Впрочем, к России

Новый президент Чехии Милош Земан

Земан относится вполне нормально, и в этом смысле преемственность будет.

К сожалению для чехов, политика масштаба Клауса у них сейчас не просматривается.

Однако объективные условия для возникновения умеренных политиков, ориентированных не только на Запад, но и на Россию, в Чехии никуда не денутся. И это уже задача России сделать так, чтобы будущие поколения чешских политиков в той или иной мере учитывали наши интересы. Сделать их друзьями или братьями вряд ли удастся. Но превратить их в удобных и предсказуемых партнеров вполне можно.

Несмотря на небольшие размеры, Чехия часто оказывалась на передовой линии мировой истории. И новые клаусы, не желающие быть пешками в чужой игре, в ней непременно появятся. И для того чтобы их не проворонить, Россия не должна выбрасывать Чехию из фокуса своей внешней политики. В то же время ей следует самой оставаться интересной для славянской страны в сердце Европы. А уж для этого вообще есть все объективные основания.

Елена Георгиевна Пономарева –
доктор политических наук, профессор
МГИМО-Университета

Ежедневно в течение долгих месяцев,
прилагая огромные усилия и теряя массу времени и сил,
я занимался с ней только для того,
чтобы каждое утро получать горячий завтрак –
единственную пищу за весь день...
Возможно ли, что на самом деле я ее ненавидел?..
Мое имя Балканы. Ее имя – Европа.

Милорад Павич «Веджвудский чайный сервиз»

Балканы как зона (дез)интеграции

Балканы в сознании современного человека вызывают сложный ассоциативный ряд, связанный прежде всего с войнами, разрушениями, национальными и государственными конфликтами и международными кризисами. Балканский полуостров на протяжении веков был и остается ареной столкновения цивилизаций, борьбы великих держав. Как в свое время провидчески заметил мудрый и жесткий политик Отто фон Бисмарк, «если в Европе начнется война, то из-за какой-нибудь глупости на Балканах».

Потенциальная конфликтность региона определена чересполосным проживанием народов с разными историческими судьбами, объединенными в сущности одной общей судьбой, имя которой – балканизация. События последнего двадцатилетия и главным образом последствия разрушения социалистической Югославии показывают, что рок балканизации как перманентной войны всех против всех преследует регион и в XXI веке.

В то же время Балканский полуостров как зона продолжающегося конфликта мировых центров силы оказывается реперной точкой интеграционных/дезинтеграционных процессов не только в Европе, но и в Евразии в целом. Балканы являются частью дуги нестабильности, которая через Малую Азию, Ближний Восток, Кавказ и Центральную Азию доходит до современных границ России. Поэтому необходимо заниматься поиском путей стабилизации, замирения региона, способов его включения в устойчивые интеграционные объединения – хотя бы в прагматических целях защиты национальных интересов России.

Историко-культурные факторы (дез)интеграции Балкан

Развитие народов Балкан шло близкими, но все-таки разными путями, что и предопределило их специфические взаимоотношения. Существует жестокая притча о ненависти между родственными народами полуострова. Одному балканцу обещали: все то, что он пожелает для себя, удвоится для других. Он сразу спросил: «Распространяется ли это на моего брата?» Получив утвердительный ответ, балканец без колебаний сделал заказ: «Выколите мне один глаз!» Как писал по этому поводу болгарский историк Георгий Марков, «балканский синдром зла скорее братоубийственен, чем направлен на другие народы. Поговорка: “Лучший друг – это сосед моего соседа”, – отражает отношения, когда родным и соседям есть что делить».

Включение в разные исторические периоды в орбиту империй наложило серьезный отпечаток на культуру и традиции населения региона. Здесь устанавливали свои порядки Византия, Османская Турция и Австро-Венгрия. Российская империя, не имея на полуострове собственных владений, с первой половины XIX века оказывала непосредственное влияние на политическое и культурное развитие православных народов – прежде всего болгар, греков и сербов. Для понимания происходящих в регионе процессов важно помнить, что принятие христианства из разных центров – Рима и Константинополя – не только повлияло на развитие духовной культуры, но и определило цивилизационный выбор народов. Не менее – а возможно, даже более – серьезные последствия оказало принятие ислама в ходе завоевания балканских земель Османской империей. Последствия владычества турок, активно проводивших политику исламизации и отуречивания, особенно ярко проявились в Боснии и Герцеговине, Косове и Метохии. Масштабы массового перехода крестьян в ислам в XVI–XVII веках можно объяснить умелой ненасильственной политикой Стамбула по созданию лояльного большинства на завоеванных территориях из бедных слоев населения. Принятие ислама открывало перед крестьянином воз-

Балканские образы. Конец XIX века

Включение в орбиту империй наложило серьезный отпечаток на культуру и традиции населения Балканского региона. Здесь устанавливали свои порядки Византия, Османская Турция и Австрийская монархия. Российская империя с первой половины XIX века оказывала заметное влияние на православные народы – прежде всего болгар, греков и сербов.

можность восходящей социальной мобильности, которой он был полностью лишен в прежнем сословно-конфессиональном обществе. Параллельно с процессами отуречивания проходила массовая эмиграция славянского населения на запад и север, за реки Дунай и Саву. Эта эмиграция продолжалась вплоть до XIX столетия.

Славяновед Инна Лещиловская четко сформулировала квинтэссенцию цивилизационного различия балканских народов: «После турецкого завоевания Балканского полуострова хорваты стали юго-восточным форпостом католицизма в Европе, сербы составили юго-западный бастион православного мира, мусульмане славянского происхождения оказались на северо-западной границе устойчивого исламского проникновения в Европу. <...> Балканы как мост между Западом и Востоком, один из перекрестков мировых цивилизаций являются регионом геополитического разлома. Происходившие здесь события, явления и действия различных лиц то разъединяли между собой, то сплачивали населявшие его народы».

Многовековое нахождение под властью венгерской и австрийской корон одних (словенцы, хорваты), попытки приспособиться к требованиям турок-османов других (албанцы, боснийские сербы) и постоянная, на протяжении столетий борьба за сохранение своей идентичности третьих (греки, болгары, сербы) не могли не отразиться на отношениях народов, на формировании их мировоззрения, на цивилизационном выборе. В результате на пространстве Балкан сформировались три культурные общности – западная (католическая), православная и исламская.

Несмотря на наличие «общих черт объективного порядка» (Сэмюэль Хантингтон), к которым относятся язык, история, религия, обычаи, институты, самоидентификация и которые определяют формирование самостоятельных наций, идеи собрать все территории южных славян под одной крышей развивались на протяжении всего XIX века. В частности, в недрах литературно-политического движения иллиризма, идейным вдохновителем которого был хорват Людевит Гай, в 30–40-е годы XIX столетия родилась идея общности судеб сербов, хорватов и словенцев, получившая позднее название югославизма. Одна из идей югославизма заключалась в обосновании единой общности «сербско-хорватский народ» и внедрении этнонима «югославяне». На роль лидера в национально-объединительном движении претендовали и Загреб, и Белград, и Подгорица, не забывая при этом о планах создания собственных национальных государств.

С 1830 г. центром антиосманского движения на Балканах становится Сербское княжество. Составленная премьер-министром и министром иностранных дел Илией Гарашаниным внешнеполитическая программа «Начертания» (1844) предполагала, что сербская полития во главе с династией Обреновичей должна возглавить борьбу против турок за создание Балканского союза, в состав которого войдут Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, а также Хорватия в случае распада Австро-Венгрии.

В Хорватии наряду с идеями иллиризма и югославизма также развивалась великохорватская идея, суть которой, как и великосербской, заключалась в собирании всего населения этой национальности в одном государстве. Молодой юрист Анте Старчевич в начале 50-х годов XIX века основал новое направление в национальной хорватской идеологии, согласно которому единственным государством, способным объединить все славянские народы, могла быть только Великая Хорватия. Фактически к началу XX века сформировалось два интеграционных проекта – великосербский и великохорватский. Их главное отличие заключалось в том, чья столица будет центром нового объединения – Загреб или Белград.

Формирование национальной идеологии среди народов Боснии и Герцеговины в XIX столетии проходило под большим влиянием белградских политиков и интеллектуалов. В этой провинции Османской империи проживали представители трех вероисповеданий, говорившие на одном – сербохорватском – языке. В XIX веке славяне-мусульмане, которые составляли около 50 процентов населения Боснии и Герцеговины, осознавали четкую разделительную грань между собой и мусульманами-турками, ощущали себя особой этнической общностью по отношению как к иноверцам, так и к прочим мусульманам. Поэтому они охотно откликались на идеи духовного и территориального объединения всего сербского народа вокруг Белграда. Загреб в свою очередь рассматривал возможность объединения территорий, населенных хорватами. В гораздо меньшей степени объединительные идеи присутствовали в Болгарии и Греции.

Албанцы же наоборот никогда не рассматривали возможность объединения со славянскими народами. Более того, с момента создания националистической организации Призренской лиги в 1878 г. и провозглашения независимости от Турции в 1912 г. они активно развивали идеи албанизма – объединения всех территорий проживания албанцев – Великой Албании.

Пайа Йованович. Великое переселение сербов

Что же касается планов объединения Югославии и Албании после Второй мировой войны, то известный политик и близкий соратник Тито Милован Джилас писал в своих воспоминаниях об этом так: «Правительства наших стран в конце войны в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией. <...> Это покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И – что <...> особенно важно – это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославско-албанской федерации». Как известно, этого объединения не произошло, однако с 2008 г. существует второе албанское государство – Республика Косово.

Но вернемся в начало XX века. Итоги Первой мировой войны (а именно, крушение сразу трех империй – Австро-Венгрии, Османской Турции и России), а также мощное революционное движение, затронувшее периферию капитализма, стали сильнейшими внешними катализаторами центростремительных тенденций. Великие державы (Англия, Франция и США) поддержали идею югославского государства. 1 декабря 1918 г. было провозглашено создание Государства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Впоследствии оно было переименовано в Королевство СХС, а с 1929 г. – в Королевство Югославию.

Принятие христианства из разных центров – Рима и Константинополя – не только повлияло на развитие духовной культуры, но и определило цивилизационный выбор народов. Не менее – а возможно, даже более – серьезные последствия оказало принятие ислама в ходе завоевания балканских земель Османской империей.

Разные народы по-разному видели воплощение идеи югославизма. Сербы выступали за единое и унитарное государство с областным самоуправлением, хорваты и словенцы – за создание федерации. Главными внешними игроками, определявшими вектор развития региона, стали США, Великобритания и Франция. Россия в силу естественных причин (революция, гражданская война) на определенное время выпала из региона. Причем доктрина Вильсона, провозглашавшая «ничем не ограниченную возможность самостоятельного развития» народов полуострова, расходилась с позицией Ллойд Джорджа и Жоржа Клемансо, выступавших за жесткую политику в отношении проигравших в мировой войне.

В результате длительных согласований договорились, как писал историк Юрий Писарев, что «Государство сербов, хорватов и словенцев, то есть страна южных славян, или Югославия, будет свободным, независимым королевством с единой территорией и единым гражданством. Оно будет конституционной, демократической парламентской монархией с династией Карагеоргиевичей во главе».

Вся аргументация в пользу общего государства не могла скрыть его искусственного, сегментарного характера. Кроме некой общности исторических судеб в период раннего Средневековья славянские народы не обладали ни равным уровнем экономического развития, ни едиными политическими и правовыми системами. При этом имевшая место религиозная конфронтация и разные цивилизационные задачи делали невозможным выработку общих целей развития и соответственно формирования устойчивого государства. Как справедливо отметил Эрик Хобсбаум, с «основанием Югославского королевства сразу же обнаружилось, что его жители вовсе не обладают общим "югославским" самосознанием, которое пионеры иллирийской идеи постулировали еще в начале XIX века. И что на них гораздо сильнее действуют иные лозунги, апеллирующие не к "югославам", а к хорватам, сербам или словенцам и достаточно влиятельные для того, чтобы довести дело до бойни. В частности, массовое хорватское самосознание развилось лишь после возникновения Югославии, и направлено оно было как раз против нового королевства – точнее, против (реального или мнимого) господства в нем сербов».

Славянские народы не обладали ни равным уровнем экономического развития, ни едиными политическими и правовыми системами. При этом имевшая место религиозная конфронтация и разные цивилизационные задачи делали невозможным выработку общих целей развития и соответственного формирования устойчивого государства.

Просуществовала «первая Югославия» недолго. 6 апреля 1941 г. она была оккупирована и расчленена странами оси. Часть ее территории вошла в состав Великой Албании под протекторатом итальянского короля Виктора-Эммануила III. Фашистское Независимое государство Хорватия получило часть территорий Боснии и Герцеговины. В историю эти протектораты вошли как пример почти животной ненависти к сербам. По последним данным, в результате геноцида погибли 800 тысяч сербов. Около 200 тысяч сербов были насильно обращены в католичество, 400 тысяч вынуждены были бежать в Сербию. Главным итогом деятельности фашистских режимов в Албании и НГХ стало изменение этнической карты региона и закрепление ненависти между соседними народами. Тем не менее именно в это время в регионе активно распространяются социалистические идеи, в частности, идеи нового интеграционного проекта – построения югославского государства, основанного на принципе права наций на самоопределение. Безусловным прообразом такого «светлого будущего» был Советский Союз, федеративная модель которого легла в основу государственного устройства «второй Югославии».

Социалистическая Югославия как неудавшийся интеграционный проект

«Вторая Югославия» была продуктом Ялтинских соглашений. Как вспоминал Милован Джилас, Сталин в апреле 1944 г. в разговоре с Тито сказал: «В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может». Следует уточнить, что в Югославии «иначе и быть не могло» не только потому, что к концу войны почти всю территорию контролировала Народно-освободительная армия во главе с Иосипом Брозом Тито, но и потому, что эта территория входила в зону интересов СССР.

Созданная изначально в соответствии с базовыми принципами советского федерализма, не учитывавшая естественные границы проживания народов (а возможно, сознательно сужавшая сербское пространство) социалистическая Югославия прожила красивую, но недолгую жизнь. Реализация принципа права наций на самоопределение привела не к возникновению жизнеспособной целостности, а к формированию агрессивной этнократии и попранию принципа историзма. Дело в том, что идеологическим и политическим фундаментом республик ФНРЮ/СФРЮ стала именно этническая идентификация. По конституции 1946 г. Югославия была разделена на шесть национальных республик – Словению, Хорватию, Сербию, Черногорию, Македонию, Боснию и Герцеговину. Причем в Сербии были выделены два автономные края – Косово и Метохия и Воеводина, а в состав Хорватии и Боснии и Герцеговины были включены исконно сербские территории. В результате сербы оказались разделенными не только республиканскими, но и краевыми границами. Кроме того, после Второй мировой войны было запрещено возвращение сербских беженцев в Косово и Метохию и в северные районы Македонии.

Создание республики Босния и Герцеговина заложило еще одну мину под сербов. Ее территория была образована по историко-географическому принципу. Именно поэтому боснийские сербы до сих пор считают Боснию и Герцеговину не государством, а географическим названием. В границах республики были объединены представители трех разных народов – сербов, хорватов и мусульман (сербы, принявшие ислам при турецком господстве), не считая национальных меньшинств. Понятие «мусульманин» в СФРЮ появилось впервые по данным переписи 1961 г. как определение не религиозной, а этнической принадлежности. Например, в анкетах жители Боснии и Герцеговины писали: «Вероисповедание – атеист, национальность – мусульманин». После переписи 1971 г. слово «мусульмане» стало синонимом народности.

Иосип Броз Тито

Созданная изначально в соответствии с базовыми принципами советского федерализма, не учитывавшая естественные границы проживания народов социалистическая Югославия прожила красивую, но недолгую жизнь.

Анализ имеющихся данных дает основание утверждать, что в Боснии и Герцеговине политическим руководством СФРЮ сознательно формировалась новая нация. Так, вся система образования и религиозного воспитания в социалистический период была направлена на формирование у отуреченных сербов устойчивой идентификации себя как несербов, как мусульман. В течение 1980-х годов отмечался настоящий строительный бум мечетей по территории всей республики. Ежегодно высшее исламское образование на Среднем и Ближнем Востоке получали 250 молодых боснийцев, которые возвращались на родину зачастую с радикальными и фундаменталистскими взглядами и в результате в конце 1980-х выступили в роли главных разрушителей общего государства. Параллельно культивировался и поощрялся национализм в Словении и Хорватии – как самых богатых республиках, которые не хотят больше «кормить» отсталые территории. Албанское большинство Косова и Метохии требовало статуса республики. Фактически югославское государство не представляло собой нечто целое уже по конституции 1974 г. То есть Югославия к концу 1980-х представляла хорошо подготовленную горючую смесь. Спичкой, которая разожгла пожар межнациональных войн, оказалось не столько провозглашение независимости республик, сколько признание новых государств в существующих границах международным сообществом.

Глобализация и крушение биполярной мировой системы создали объективные предпосылки для формирования новых механизмов борьбы за влияние в регионе. Одним из них стала дезинтеграция югославского пространства, которая никогда бы не выразилась в кровопролитных межэтнических войнах, если бы не интересы внешних игроков. Признание бывших республик Югославии в границах, не отвечавших историческим реалиям, привело к серии межэтнических войн и внешней интервенции. Последствия этих событий до сих пор не преодолены, да и вряд ли в ближайшее время это произойдет. Исключительная поддержка Западом всех участников конфликтов, где бы они ни проходили, кроме сербов, свидетельствует лишь о стремлении окончательно уничтожить Сербию как главного психоисторического союзника России.

Необходимо подчеркнуть, что развал Югославии вызван не тем, что этот проект был изначально нежизнеспособен, ущербен. Просто он был нужен в биполярной системе как некая буферная зона – зона неприсоединения. Недаром Белград играл важнейшую роль в Движении неприсоединения. А вот в системе глобальной гегемонии, которая сложилась после 1991 г., никакие противовесы не нужны. Однако сербы этого не поняли, сразу не смирились, надеялись на поддержку России. Она же в ре-

Косово. 1999 год

Глобализация и крушение биполярной мировой системы способствовали дезинтеграции югославского пространства, которое никогда бы не выразилось в кровопролитных межэтнических войнах, если бы не интересы внешних игроков.

зультате политики Бориса Ельцина, Андрея Козырева, Виктора Черномырдина фактически без сопротивления сдала все свои интересы в регионе, открыв тем самым дорогу евроатлантической интеграции.

Евро-атлантический вектор интеграции Балкан как угроза национальным интересам России

Продолжающаяся после распада биполярной системы трансформация международных отношений и глобальные геополитические изменения самым непосредственным образом отразились на ситуации в регионе. Узко прагматичные цели (как правило, меркантильного характера) определили бескомпромиссное стремление политического руководства балканских государств, включенных до 1991 г. в орбиту советского влияния, встроиться в такие наднациональные структуры, как НАТО и ЕС. Это не может не вызывать обеспокоенности России, так как на наших границах формируется мощнейшая и агрессивная военно-политическая структура.

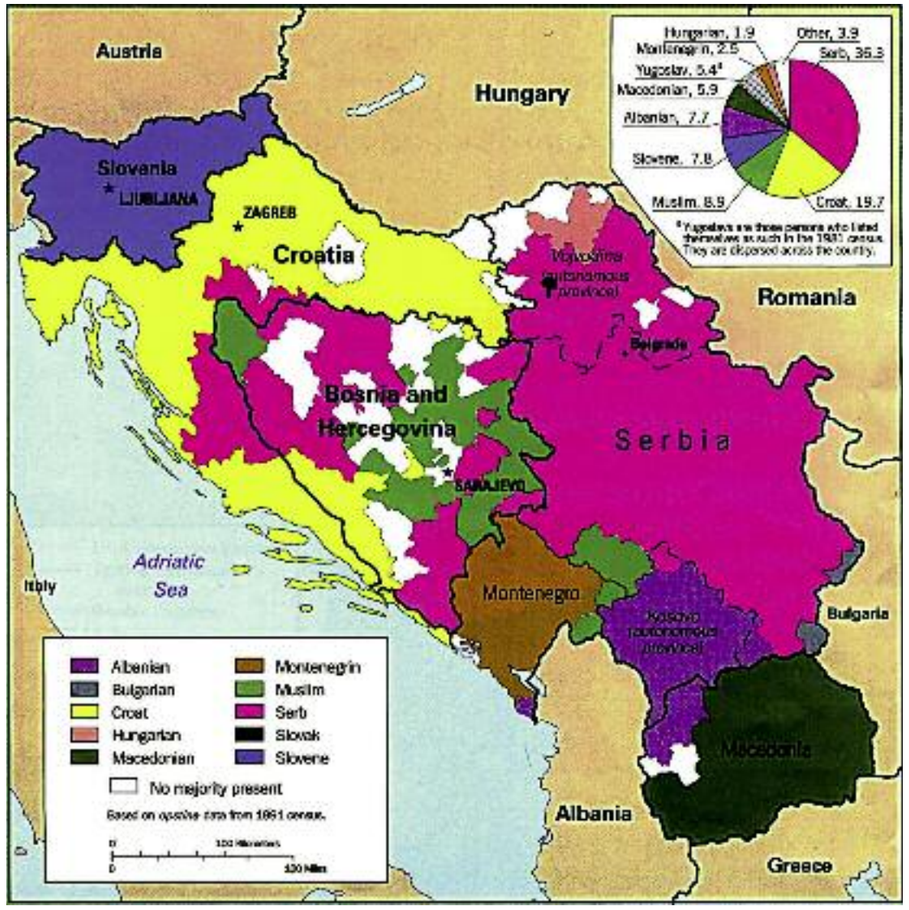
При всех противоречиях, существующих между странами и народами полуострова, к новому веку окончательно обозначился общий для них вектор развития – евро-атлантическая интеграция. Реализация этого интеграционного проекта обычно начинается с вступления страны в НАТО, а лишь затем, после длительного согласования стандартов и процедур, существенных внутриполитических реформ, фактически лишающих государства национального суверенитета, готовится членство в Европейском союзе. Из балканских стран до 1991 г. лишь Греция была членом НАТО и ЕС. Афины вступили в НАТО в 1952 г., причем в период с 1973 по 1981 годы не состояли в организации. Членом ЕС (на тот момент – ЕЭС) Греция является с 1981 г.

Первой из посткоммунистических стран Балканского региона оказалась включенной в евро-атлантические структуры Болгария. Членом НАТО она стала 29 марта 2004 г., а членом ЕС – 1 января 2007 г. В том же году Болгария подписала Шенгенское соглашение об отмене паспортного и таможенного контроля для граждан ЕС. Албания и Хорватия были приняты в альянс 1 апреля 2009 г., составив так называемое шестое расширение блока, и рассчитывают на вступление в ЕС до 2014 г. Остальные страны либо уже являются членами Плана действия по членству (Македония – условно, из-за позиции Греции, а скорее всего из-за возможности развала страны) и ведут ускоренный диалог о вступлении в альянс, либо имеют индивидуальный партнерский план (Сербия – с мая 2008 г.).

Вступление в НАТО требует от балканских стран выполнения целого ряда общих для членов альянса требований. Наиболее принципиальные из них обычно формулируются на стадии подписания рамочных документов Партнерства ради мира. Это – прозрачность в области национального военного планирования и формирования военного бюджета, обеспечение «демократического» – а фактически внешнего – контроля над вооруженными силами и спецслужбами, развитие военного сотрудничества с НАТО в целях совместного планирования боевой подготовки и учений. Все эти требования означают лишь одно – передачу суверенных прерогатив стран наднациональным структурам.

При существующих общих стандартах процедуры вступления в НАТО каждая страна проходит свой особый путь к членству. Например, для Хорватии этот процесс оказался довольно трудным и долгим в силу сложнейшей внутриполитической ситуации, связанной с сербо-хорватским вооруженным конфликтом и его последствиями. Лишь после избрания в 2000 г. президентом республики Стипе Месича руководству страны удалось изменить систему управления вооруженными силами и перейти на натовские стандарты вооружений и системы организации армии. Поэтому, хотя переговоры о вступлении Хорватии в НАТО велись уже давно, осуществлено это было только 1 апреля 2009 г.

По вопросу вступления в НАТО полного национального единства в балканских странах нет. Идея вступления в



Лиловый цвет – сербы

Желтый – хорваты

Светло-зеленый – мусульмане

Синий – словенцы

Сиреневый – албанцы

Темно-зеленый – македонцы

Коричневый – черногорцы

К концу 1980-х Югославия представляла хорошо подготовленную горючую смесь. Спичкой, которая разожгла пожар межнациональных войн, оказалось не столько провозглашение независимости республик, сколько признание новых государств в существующих границах международным сообществом.

Карта дает представление о преобладании тех или иных национальностей на территории Югославии по переписи 1991 года.

альянс всегда пользуется меньшей поддержкой, чем идея вступление в ЕС. Так, согласно опросам общественного мнения в марте 2008 г., вступление Хорватии в ЕС поддерживали около 80 процентов респондентов, а в НАТО – чуть больше 50 процентов. В Черногории более 75 процентов респондентов поддерживают интеграцию в Европейский союз, а вступление в НАТО – около 30 процентов. В Сербии около 45 процентов опрошенных высказываются за вступление в ЕС, и лишь 15 процентов поддерживают вступление в НАТО, в то время как 64 процента ратуют за военный нейтралитет. Тем не менее, вне зависимости от царящих в балканских обществах настроений, политическое руководство ангажировано именно на вступление в альянс, видя в этой структуре гарантию нерушимости границ, общей безопасности и замораживания потенциальных конфликтов с соседями. Об этом, в частности, свидетельствует опыт Македонии.

Узко прагматичные цели (как правило, меркантильного характера) определили стремление политического руководства балканских государств встроиться в такие наднациональные структуры, как НАТО и ЕС. Это не может не вызывать обеспокоенности России, так как на наших границах формируется мощнейшая и агрессивная военно-политическая структура.

Бывшая югославская республика Македония, несмотря на довольно мирное расставание с социалистическим прошлым, превратилась в еще одну проблемную зону региона. В марте 2001 г. албанская Освободительная национальная армия (ОНА) под руководством Али Ахмети начала боевые действия против регулярной армии Македонии на севере и западе страны. Вмешательство НАТО не только не заморозило конфликт, но и привело к серьезным изменениям формата государственности Македонии.

Давление на президента республики Бориса Трайковского со стороны ЕС, НАТО и ООН вынудило македонские власти пойти на уступки албанской оппозиции. 13 августа 2001 г. в Охриде македонским правительством и представителями албанских партий (ОНА в этой процедуре не участвовала) было подписано рамочное соглашение. Составной частью этого соглашения была новая конституция республики, подготовленная Робертом Бадинтером.

Положения этого документа, ратифицированного в ноябре 2001 г. македонским парламентом, серьезным образом трансформировали основы македонского государства, приблизив перспективу федерализации страны. Права албанского меньшинства были существенно расширены. В частности, албанский язык получил статус официального. Значительно увеличилась численность полицейских албанской национальности в областях с албанским населением, вводилось избрание местных руководителей полиции советом общины. Кроме того, в преамбуле конституции вместо упоминания этнических и национальных групп было введено понятие «гражданин Македонии», а поправки в конституцию изъяли из ее текста понятие «национальность» и заменили его на понятие «община». Македонцы согласились даже на беспрецедентный шаг – использование албанских национальных символов. В довершение к этому боевикам ОНА была гарантирована амнистия, которую они получили в марте 2002 г., даже не выполнив требований полного разоружения.

26 февраля 2004 г. президент Македонии Трайковский погиб в авиакатастрофе – по официальной версии трагедия произошла из-за плохой видимости.

Справедливости ради следует отметить, что помимо НАТО значительное влияние на политические процессы в странах региона оказывают такие институты ЕС, как миссия ОБСЕ, Силы Европейского союза (СЕС) и некоторые другие. Например, поддерживать хрупкое перемирие между «общинами» Македонии призваны силы СЕС, развернутые в 2003 г. вместо сил НАТО, которые тем не менее и сегодня остаются в стране.

Что же касается Греции, то эта страна 1 января 2000 г. стала первой и пока единственной из стран Балканского региона участницей Шенгенского соглашения, а с 1 января 2001 г. – двенадцатым полноправным членом Еврозоны. Афины всегда активно поддерживали расширение ЕС (за исключением членства Турции и Македонии). Однако с 2008 г. ситуация в самой Греции находится под пристальным вниманием мирового сообщества. Мировой экономический кризис самым болезненным образом отразился на внутриполитической и социально-экономической ситуации в этой стране. Ее экономика за последние годы уже не раз оказывалась на грани дефолта, а к концу 2012 г. обстановка там настолько обострилась, что речь о возможности выхода Греции из еврозоны фактически перешла в практическое русло.

Евро-атлантическая интеграция Боснии и Герцеговины заслуживает особого внимания в силу специфики формирования и функционирования этого государства. Современная Босния, представляющая так называемую мягкую конфедерацию, состоящую из двух образований, или этнитетов (Федерация Босния и Герцеговина и Республика Сербска), и особого района Брчко, фактически управляется международными институтами – Советом по выполнению мирного соглашения, Силами по выполнению дейтонского соглашения – НАТО и Силами Европейского союза (СЕС или ЕВРОФОР). Исключительную роль в Боснии и Герцеговине играет институт Высокого представителя, который в соответствии с мирным соглашением имеет широкие властные полномочия – вплоть до введения в действие на временной основе законов и снятия с постов любых должностных лиц за обструкцию имплементации мирного соглашения. Высокого представителя назначает СБ ООН. С 14 марта 2009 г. этот пост занимает бывший посол Австрии в Словении Валентин Инцко.

Серьезное влияние на политический процесс в Боснии и Герцеговине оказывают также структуры СЕС и НАТО, являющиеся правопреемниками Сил по стабилизации. С 2003 г. это 13 тысяч военнослужащих, находящихся под общим руководством НАТО. Кроме того, СЕС продолжают обеспечивать присутствие в Боснии и Герцеговине боеспособных вооруженных сил численностью около 2,5 тысяч военнослужащих и сохранять потенциал развертывания резервных сил стратегического назначения. СЕС имеют свой штаб в Сараево, а также группы связи и наблюдения на всей территории страны и способны в сжатые сроки развернуть войска на ее территории. В 2009 г. Босния и Герцеговина подала в Брюссель официальную заявку на предоставление Плана действий по членству в НАТО (ПДЧ) и 23 апреля 2010 г. получила его, став тем самым официальным кандидатом на вступление в альянс. Накануне саммита НАТО в Таллине, где было принято решение о ПДЧ Боснии, посол РФ в Боснии и Герцеговине Александр Боцан-Харченко заявил, что «мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Боснии и Герцеговины, но мы полностью убеждены в том, что расширение НАТО не способствует укреплению стабильности в Европе». Очевидно, что экспансия альянса создает новые разделительные линии в Европе и, вступая в НАТО, страны принимают на себя определенные обязательства, выполнение которых противоречит интересам России.

Граница Косово

Очевидно, что экспансия альянса создает новые разделительные линии в Европе и, вступая в НАТО, страны принимают на себя определенные обязательства, выполнение которых противоречит интересам России.

Вектор евро-атлантической интеграции балканских стран в ряде случаев подтвердил принцип: «Чтобы объединиться – сначала нужно разъединиться». На месте Союзной республики Югославии (СРЮ) возникло три новых государства, которые с раз-

Россия и Европа

Косовский вопрос остается одним из самых сложных в системе международных отношений в целом. Это первый, но возможно не последний в Европе случай провозглашения еще одного национального государства албанцев при наличии у них признанной государственности – Албании.

ной скоростью и желанием двигаются в сторону НАТО и ЕС. Успех первой «цветной» революции в сентябре 2000 г. в Белграде означал не только отстранение Слободана Милошевича от власти, но и кардинальное изменение политической карты региона.

Уже 14 марта 2002 г. под руководством Хавьера Соланы было подписано соглашение об основах переустройства отношений между Сербией и Черногорией. Согласно подготовленной в ЕС конституционной хартии, новое государственное объединение состояло из двух равноправных членов – Черногории и Сербии с двумя автономными краями (Косово и Воеводина). Документ фиксировал трехлетний мораторий на проведение референдума о самостоятельности государственных единиц Союза. В случае выхода Черногории из общего государства до истечения срока моратория Сербия должна была бы стать правопреемницей единого государства, в том числе и в отношении резолюции СБ ООН № 1244, которой определялся статус Косова и Метохии как единицы СРЮ. Черногория сроков хартии не нарушила, поэтому, согласно резолюции № 1244, Косово не рассматривалось международным сообществом как часть территории Сербии. Новообразование Государственный Союз Сербии и Черногории просуществовало с 4 февраля 2003 г. по 5 июня 2006 г.

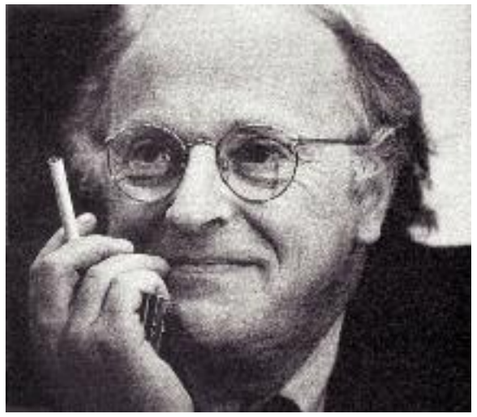
Решение о выходе Черногории из Союза было принято 21 мая 2006 г. на референдуме. Черногорское общество по вопросу об отделении от Сербии раскололось почти пополам: за отделение – 55,4 процента, против – 44,6 процента. Меньше чем через полтора года – в октябре 2007 г. – Черногория подписала договор о стабилизации и ассоциации с ЕС, а 16 декабря 2008 г. представила заявление на членство в ЕС. В настоящий момент Черногория имеет статус кандидата в ЕС (наравне с Македонией и Хорватией), хотя ни Скопье, ни Подгорица еще не начали переговоры по присоединению.

Особые отношения связывают это государство с НАТО. Еще будучи членом Союза, 14 февраля 2006 г., Черногория присоединилась к Партнерству ради мира. Руководство республики настолько активно стремится в альянс, что 9 октября 2008 г. признало независимость Косова. Словно в награду, уже через год НАТО предоставило Подгорице ПДЧ.

Сербия, единственная из всех стран полуострова, не стремилась к той независимости, которую в результате имеет. Следование вектору евро-атлантической интеграции не просто потребовало от Белграда политических уступок и репутационных издержек (выдачи Гаагскому трибуналу экс-президента Сербии и СРЮ Слободана Милошевича, лидеров боснийских сербов Радована Караджича и Ратко Младича, а также одного из лидеров краинских сербов Горана Хаджича). Это также привело к потери части исторической родины – автономного края Косова и Метохии. Показательно, что соглашение с ЕС было подписано спустя два месяца после провозглашения независимости Косова – 29 апреля 2008 г. В декабре 2009 г. Белград подал заявление на членство, и лишь в марте 2012 г. Европейский совет предоставил Сербии статус кандидата в ЕС. Процедура вступления Сербии в ЕС осложняется ситуацией в Косове в связи с положением сербов, проживающих в северной части края, и его признанием.

Косовский вопрос остается одним из самых сложных не только в рамках региональной интеграции, но и в системе международных отношений в целом. Казус Косова уникален прежде всего тем, что это первый, но возможно не последний в Европе случай провозглашения при непосредственной поддержке Брюсселя и Вашингтона еще одного национального государства албанцев при наличии у них признанной мировым сообществом национальной государственности – Албании.

Вопрос признания Косова фактически стал показателем лояльности признающей стороны по отношению к политике США и ЕС. На начало декабря 2012 г. Косово признали 97 государств и 13 готовы сделать это в ближайшее время. Причем весьма показательным выглядит тот факт, что первым признал Косово Афганистан. Из балканских стран, кроме Сербии, независимость Косова не признают Босния и Герцеговина и Греция. Россия также воздерживается от признания, заявляя, что в этом вопросе будет солидаризироваться с Белградом. Однако Сербия уже фактически согласилась на полное вхождение северных сербских территорий (Лепосавич, Звечан и Зубин-Поток), имеющих общую границу с Сербией, в албанскую республику, оставив для отвода глаз некую «финансовую автономию», что свидетельствует о постепенном развороте сербского руководства к США и НАТО. В связи с этим следует помнить, что помимо сил КФОР на территории Косова размещены две крупнейшие военные базы США – Кэмп Бондстил (Урошевац) и Кэмп Филм Сити (Приштина).



Иосиф Бродский:
«Подлинным эквивалентом Третьей мировой войны представляется перспектива войны экономической <…> где все средства хороши и где смысл победы – доминирующее положение».

За всем происходящим в Косове с особым вниманием следят из Албании, которая всегда поддерживала стремление к независимости косовских албанцев. В середине апреля 1999 г. Тирана разорвала дипломатические отношения с Белградом, которые были восстановлены только в январе 2001 г. По мнению албанской стороны, косовская проблема постепенно утрачивает свою остроту, особенно с учетом перспективы европейской интеграции, включая Сербию и Косово. В то же время официальные албанские лица подчеркивают, что идеи Великой Албании не являются элементом современной политической повестки дня. Тем не менее слова албанского гимна звучат так: «Сам Господь сказал, что наций на земле не будет, но Албания будет жить, за нее, за Албанию, ведем мы войну».

В сравнении с государствами пространства бывшей Югославии встраивание Болгарии в новый мировой порядок выглядит очень мирно. Отсутствие серьезных территориальных и этноконфессиональных проблем позволяет Софии довольно успешно реализовывать свою внешнеполитическую ориентацию на евро-атлантические структуры. Однако некоторые проблемы возникают у Болгарии в связи с ее крепкими экономическими и культурно-историческими связями с Россией. Серьезные разногласия в парламенте и нарекания со стороны западных коллег вызывали такие проекты, как строительство АЭС «Белене» за счет российского кредита и на российском ядерном топливе, а также «дорожная карта» по строительству «Южного потока».

Несмотря на противодействие российским инициативам со стороны западных политических структур и ТНК, 15 ноября 2012 г. между «Газпромом» и «Болгарским энергетическим холдингом» был подписан протокол об оконча-

Россия и Европа

Экономические проекты, предлагаемые Россией, являются шансом сохранить самодостаточность и независимость балканских народов, не раствориться в евро-атлантическом космополитизме.

тельном инвестиционном решении по сооружению газопровода «Южный поток» на территории Болгарии. За участие в этом проекте София будет получать по 2,5 миллиарда евро в год за транзит газа в другие страны Европы.

«Южный поток» как фактор интеграции

В условиях военно-политического прессинга НАТО–ЕС на страны региона у России остается только один шанс сохранить свое влияние на Балканах – это энергетическая дипломатия. «Южный поток», будучи серьезным и выгодным экономическим проектом, закономерно вызывает раздражение у западных партнеров. Его успешная реализация не только означает экономическое возвращение России в Европу, но и будет способствовать серьезным геополитическим изменениям в регионе.

Еще в 1990 г. Иосиф Бродский – человек, далекий от большой политики и большой экономики, но тонко чувствовавший грядущие битвы за власть и ресурсы, – провидчески писал: «Подлинным эквивалентом Третьей мировой войны представляется перспектива войны экономической <...> где все средства хороши и где смысл победы – доминирующее положение. Битвы этой войны будут носить сверхнациональный характер, но торжество всегда будет национальным, то есть по месту прописки победителя».

Россия, будучи крупнейшей энергетической державой, не только естественным образом оказывается включенной в это противостояние, но и имеет уникальные возможности предлагать и реализовывать интеграционные проекты, отвечающие ее национальным интересам. Возрастающая конкуренция – как за региональные энергетические рынки, так и за мировой энергетический рынок – в целом требует от нашей страны серьезных усилий, поиска эффективных методов внешнеполитической деятельности, диверсификации транспортных коммуникаций, установления надежных партнерских связей с производителями и потребителями энергоресурсов. Продвижение национальных интересов России сегодня во многом зависит от реализации проекта «Южный поток», который пройдет по дну Черного моря – от компрессорной станции «Русская» на российском побережье до побережья Болгарии. Далее две его ветки пройдут через Балканский полуостров в Европу. Общая протяженность черноморского участка составит около 900 километров, максимальная глубина залегания – более двух километров, а проектная мощность – 63 миллиарда кубометров.

Строительство «Южного потока» без преувеличения можно назвать балканским прорывом энергетической дипломатии России, которая в свою очередь создает стартовые возможности для более широких интеграционных проектов. В течение долгих шести лет с момента заключения предварительных соглашений между «Газпромом» и компанией «Сербиягаз» в декабре 2006 г. российская сторона не раз сталкивалась с множеством трудностей, вызванных давлением со стороны некоторых западных стран и конкурирующих ТНК. И наконец, осенью 2012 г. были подписаны окончательные инвестиционные решения по строительству венгерского, словенского и болгарского участков трубопровода. Определяющими для проекта оказались встречи президента РФ Владимира Путина с главами Сербии и Республики Сербской в сентябре прошлого года. В результате ранее обещанные сроки старта «Южного потока» были выдержаны – 7 декабря в Анапе в присутствии президента России состоялась символическая сварка первой трубы газопровода.

Геополитическое, геостратегическое и геоэкономическое значение Балкан не только для России, но для мировой системы в целом переоценить сложно.

Во-первых, Балканы являются уникальной для Европы природной кладовой ресурсов практически всех видов.

Во-вторых, этот регион – удобный плацдарм для размещения военных баз НАТО в целях контроля Малой Азии и сдерживания непредсказуемого постсоветского пространства. Поэтому экономическое присутствие России в регионе, которое предполагает и политическое влияние (как говорил классик, «политика есть самое концентрированное выражение экономики»), крайне невыгодно нашим евро-атлантическим визави.

В-третьих, Балканы – срединная зона энерготрафика. Поэтому, отталкиваясь от концепции известного геополитика Хэлфорда Джона Маккиндера, можно утверждать, что тот, кто будет контролировать Балканы, станет не только управлять энергетическими потоками, но и определять политику зависимых от энергоресурсов стран. Балканы для современной Европы – своего рода Хартленд. Если контролировать этот Хартленд, то можно не только управлять дугой Западная Европа – Аравия – Индокитай, но и командовать миром.

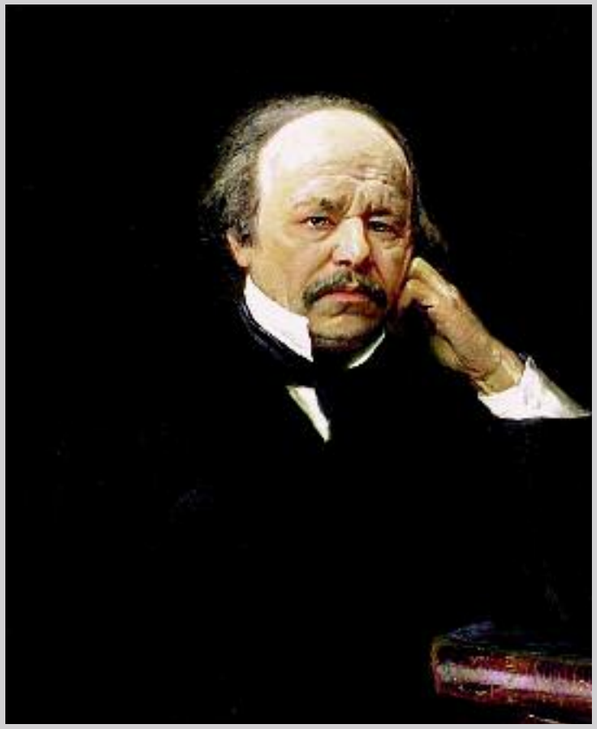
В-четвертых, Балканы – последний европейский рубеж психоисторической войны Запада против России. Утрата Россией позиций и влияния в этом регионе будет означать окончательное выдавливание ее из Европы и лишение потенциальных союзников.

При таком значении Балкан исключительную роль для российской политики в этом регионе играли и играют территории, на которых проживает традиционно русофильский народ – сербы. «Наши чувства, даже когда мы поглядываем в сторону Европы, всегда на стороне России» – одна из любимых поговорок сербов. Однако в современном прагматичном мире защита национальных интересов выстраивается прежде всего в плоскости экономической. В этом смысле «Южный поток» и более широкое экономическое сотрудничество с Россией становятся едва ли не единственными возможностями выхода из кризиса сербских территорий, а для нас – существенно расширяют зону влияния. Российские вложения в экономику Сербии только за 2012 г. превысили один миллиард долларов, что больше суммарного объема российских инвестиций в сербскую экономику за предыдущие девять лет. Кроме того, именно российские компании «Лукойл» и дочка «Газпрома» являются крупнейшими налогоплательщиками в Сербии. При этом чистая прибыль «Нефтяной компании Сербии» («НИС»), контрольный пакет акций которой принадлежит «Газпром нефти», достигла в первом полугодии 2012 г. 230 миллионов долларов, а инвестиции «НИС» в производство за этот период – 179 миллионов долларов.

«Южный поток» позволил также укрепить и расширить российское влияние в Республике Сербской. 21 сентября 2012 г. ее президент Милорад Додик в ходе своего визита в Сочи подписал меморандум о взаимопонимании с «Газпромом», который предусматривает строительство ответвления трубопровода «Южный поток» на территории Республики Сербской. Незадолго до этого, 26 июня 2012 г., правительство Республики Сербской придало программе подключения своей страны к газопроводу «Южный поток» статус «национального проекта».

Энергетическая дипломатия серьезным образом активизирует и гуманитарные аспекты сотрудничества между народами стран региона и Россией. В этом направлении активно работают Российский совет по международным делам, Российское историческое и Российское географическое общества, Россотрудничество, Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, фонд «Русский мир», целый ряд обществ дружбы, созданных как в России, так и в балканских странах, другие неправительственные организации. Все вместе они формируют совершенно новый – интеграционный – климат.

В заключение подчеркну, что экономические проекты, предлагаемые Россией, являются шансом сохранить самодостаточность и независимость балканских народов, не раствориться в евро-атлантическом космополитизме, сберечь свою самобытность, культуру, историю, не превратиться в глубокую периферию глобального капитализма – а значит, обеспечить себе будущее. Сегодня отношения между Россией и странами региона вступили в качественно новую эпоху – эпоху расширения интеграционных горизонтов. Однако успех на этом пути требует не только огромных усилий и политической воли, но и знаний сложнейших перипетий экономических и политических войн, а также понимания особой природы феномена, имя которому – Балканы.



Александр Даргомыжский

200 лет

Александр Сергеевич Даргомыжский (2 февраля 1813 года – 5 января 1869 года) – русский композитор.

Кажется, уже прошла или проходит эпоха того вида домашнего музицирования, когда собирались вокруг рояля, чаще пианино, и пели романсы… Ноты «для среднего голоса с фортепиано» издавались и расходились массовыми тиражами. Наверное, пользуясь современным языком, романсы можно отнести к популярной музыке, к массовому искусству, «масскульту» того времени. Теперь все что с этим связано – явление музейного уровня и встречается практически только в музыкальной академической среде. Теперь это – классика. Классикой стали и романсы Александра Даргомыжского.

Среди русских композиторов Даргомыжский стоит особняком, его музыка не столь легка и для исполнения, и для восприятия, как может показаться на первый взгляд. Он искал – и находил! – ту сложную музыкальную ткань, которая передавала бы интонационную вязь естественного эмоционального русского языка. В его операх редко звучат «шлягерные» арии и ансамбли, в них много речитативов. Да и в романсах Даргомыжского всегда больше внимания уделено драматургии текста, нежели поиску запоминающейся мелодии. Отсюда, наверное, его интерес к стихам, содержащим внутренний сюжет социального звучания («Старый капрал», «Червяк», «Титулярный советник»). Бóльшая часть романсов, однако, написана Даргомыжским на лирические стихи: «Я Вас любил», «Ночной зефир», «В крови горит огонь желанья» и многие другие, до сих пор исполняемые и любимые слушателями. На оперной сцене продолжают свою жизнь две оперы Александра Даргомыжского – «Русалка» и «Каменный гость», – что само по себе свидетельствует об их музыкальных достоинствах. В свое время Петр Чайковский восторженно писал о «Русалке»: «По своей мелодической прелести, по теплоте и безыскусственности вдохновения, по изяществу кантилены и речитатива “Русалка” в ряду русских опер занимает, бесспорно, первое место после недосягаемо гениальных опер Глинки». Надо сказать, что успех «Русалки» скорее исключение, нежели правило в творческой биографии композитора. Многие его сочинения так и не находили своего сценического воплощения, а его музыкальный язык не был принят многими современниками.

Сочинять музыку Даргомыжский начал в раннем детстве. Его отец – Сергей Николаевич – служил чиновником по Министерству финансов. Мать – Мария Борисовна, урожденная княжна Козловская, – сочиняла пьесы для постановки на сцене. Одна из них – «Трубочист, или Доброе дело не останется без награды» – была опубликована в журнале «Благонамеренный». Всего в семье было шестеро детей – Эраст, Александр, Софья, Людмила, Виктор, Эрминия. До трех лет семья Даргомыжских прожила в имении Твердуново в Смоленской губернии, лишь на время вторжения армии Наполеона в 1812 году отъезжала в Тульскую губернию. В 1817 году семья переехала в Петербург, где Даргомыжский начал обучаться музыке, беря частные уроки. Вскоре он написал ряд фортепианных сочинений и романсов, некоторые из которых были изданы. Осенью 1827 года Даргомыжский, следуя по стопам отца, поступил на государственную службу и успешно прослужил в канцелярии Министерства двора до 1843 года.

В 1835 году состоялось знакомство Даргомыжского с Михаилом Глинкой, по тетрадям которого композитор занялся изучением гармонии, контрапункта и инструментовки. Первое крупное сочинение Даргомыжского – опера «Эсмеральда» (по роману Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери») – было представлено публике в 1847 году. Эта опера через некоторое время после премьеры сошла со сцены и в дальнейшем практически никогда не ставилась. В автобиографии Даргомыжский писал: «“Эсмеральда” пролежала у меня в портфеле целых восемь лет. Вот эти-то восемь лет напрасного ожидания и в самые кипучие годы жизни легли тяжелым бременем на всю мою артистическую деятельность».

В 1844–1845 годах Даргомыжский путешествовал по Европе и посетил Берлин, Франкфурт-на-Майне, Брюссель, Париж, Вену, где познакомился со многими известными композиторами и исполнителями – Шарлем Берио, Анри Вьётаном, Гаэтано Доницетти. В 1864–1865 годах состоялось второе путешествие Даргомыжского за границу, он посетил Берлин, Лейпциг, Брюссель, Париж, Лондон, где с успехом исполнялись его оркестровая пьеса «Казачок», а также фрагменты из «Русалки».

Опера «Русалка». П. Филонова в роли Наташи

В 1866 году Даргомыжский приступил к работе над оперой «Каменный гость» (по одноименной трагедии Александра Пушкина), но не успел ее закончить. По завещанию автора первую картину дописал Цезарь Кюи, оркестровал оперу и составил интродукцию к ней Николай Римский-Корсаков.

Даргомыжский скончался в Петербурге. Жены и детей у композитора не было. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры (Некрополь мастеров искусств).

Память о композиторе жива не только в виде его сочинений. На территории муниципального образования Арсеньевский район Тульской области установлен единственный в мире памятник Даргомыжскому работы скульптора Вячеслава Клыкова. Имя композитора носит Тульский колледж искусств.

На портале альманаха «Развитие и экономика» (www.devec.ru) воспроизводятся не только тексты, но и аудиовизуальные иллюстрации. В частности, в разделе «Даты» (14 февраля – день рождения композитора по новому стилю) можно посмотреть и послушать музыку Александра Даргомыжского.

С.Б.

Оксана Вячеславовна Солопова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

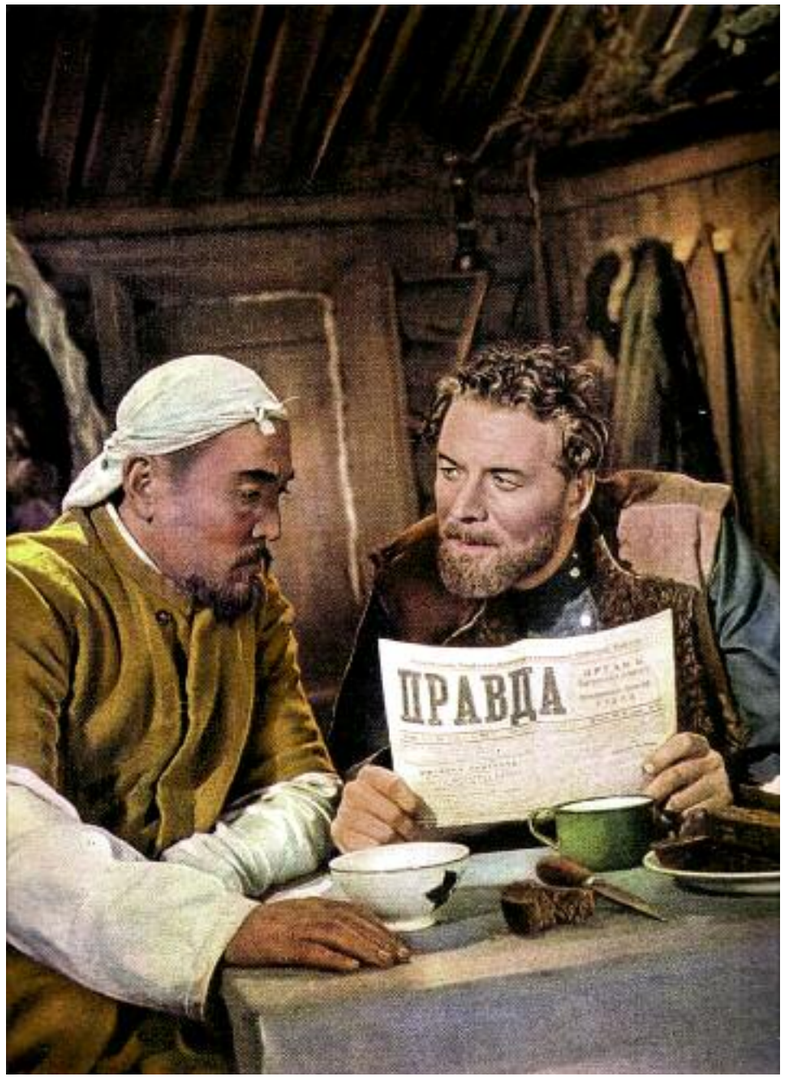
Двойное гражданство по зову сердца

Распад СССР вывел на повестку дня вопросы, которые прежде, до конца 80-х – начала 90-х годов XX века могли показаться просто абсурдными. Например, о национальных диаспорах одних народов, имеющих собственную титульную государственность, но живущих на территориях других стран – и все это в рамках некой единой интегрии, в целом повторяющей очертания бывшей державы. Или о соотношении титульных и нетитульных этносов – уже в формате новой России. Наконец о том, насколько вероятно сохранить этнокультурную идентичность наций, проживающих за пределами своего государства, и не входит ли такая потребность в конфликт с национальными ценностями идентичности той страны, на территории которой эти самые народы проживают. Правомерным оказался и вопрос о том, какой должна быть этноидентичность в многонациональной стране и как из подобного разнообразия сложить общенациональную идентичность.

Все эти и многие другие проблемы пришлось в пожарном порядке разрешать в 90-е. Многое из того, что тогда было придумано, не выдерживает никакой критики и уже забыто. Кое-что осталось и выполняет свое предназначение в режиме времянки – пока руки не дойдут до чего-то более основательного. Ну, а что-то работает, причем очень даже эффективно. К этому последнему можно с полным основанием отнести принятый 17 июня 1996 года Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Закон был призван создать «правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан <...> в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития». В данном случае речь шла не о спускаемой сверху установке, которую, осмыслив и впитав в кровь и плоть, следует соблюдать под страхом неотвратимости прописанных санкций. Напротив, закон подхватывал и кодифицировал те процессы, которые уже несколько лет спонтанно, но в то же время неуклонно протекали в обществе. Девяностые годы минувшего века были отмечены в России не только экономической нестабильностью, политическим хаосом и ренессансом религиозного мироощущения, но и бурным возрождением этнического самосознания ее многочисленных народов. Наиболее социально-активные представители этих народов не удовлетворялись пассивной ролью потенциальных носителей национальной специфики – в стране повсеместно стали появляться самопровозглашаемые объединения, общества, землячества с широчайшим диапазоном декларируемых целей. Таким образом, появившийся закон убивал одним выстрелом полдюжины зайцев.

Во-первых, он проводил жирную черту между теми организациями, которые не несли в себе деструктивного начала, и угрожающими целостности государства объединениями – экстремистскими, сепаратистскими и прочими подобными «-истскими», предоставляя первым возможность легализоваться и маргинализируя других.

Во-вторых, закон очень аккуратно, почти незаметно, но целенаправленно переводил решение вопросов национального развития, этнокультурного самоопределения, языковых потребностей народов в оптимальные рамки – из территориально-административной в национальную плоскость. И сегодня для тех народов Российской Федерации, которые не имеют своих национально-государственных и национально-территориальных образований в границах ее территории, основным инструментом, создающим условия для самоорганизации части этноса и удовлетворения его насущных этнокультурных потребностей, стал отлаженный механизм под названием «национально-культурная автономия».



Федеральный закон «О национально-культурной автономии» продолжает оказывать серьезное и последовательно положительное влияние на внутри- и внешнеполитическую жизнь россиян.

В-третьих, закон определил пространство для маневров тем ярким, инициативным национальным лидерам, которые уже выдвинулись к моменту его принятия или пребывали в состоянии тревожного ожидания. Так, люди с выраженными способностями к социально-политической активности получили возможность реализовывать их, но жестко в соответствии с конкретными правилами и без каких бы то ни было политических амбиций. Дальновидный шаг, хотя, подозреваю, казуистической продуманности здесь не было – случайно получилось.

В-четвертых, закон действительно предоставил разным этносам возможность для самоорганизации и саморазвития. Это стало реально осуществляемой частью тогда еще только формулировавшейся

Россия и Европа

государственной национальной политики. В 90-е годы на фоне гибели, ломки и осмеяния исторической, социальной и интернациональной общности «советский народ» обнаружилось, что эта общность вовсе не помешала сохраниться достаточно высокому национальному потенциалу народов России. Выявилось и то, что народы эти способны в новых исторических условиях быстро и четко сформулировать собственные культурные и языковые потребности, заявить о своих желаниях и стремлениях к сплочению во имя сохранения народной культуры, обычаев, традиций. Честь и хвала государству, которое не стало в таких условиях навязывать этносам какие-либо рекомендации или указания на этом непростом пути, а создало доступные и понятные правовые условия для надтерриториального развития этнокультурной самобытности всем заинтересованным в этом народами России. Подобный посыл не только изначально и очевидно имел все шансы стать оптимальной формой этнического саморазвития, но и способствовал дальнейшему укреплению добрососедского, дружеского взаимодействия народов, живущих в России.

В-пятых, в результате появления закона во второй половине 1990-х годов спонтанные процессы этнокультурной самоидентификации отдельных народов, проживающих в российской столице и других крупных городах страны, привели к формированию крупных национально-культурных структур. Эти структуры лучше или хуже, но все же помогли амортизировать межэтническую напряженность, а в отдельных случаях и вовсе свести ее на нет. Понятно, что сама по себе проблема увязывания интересов отдельных этноидентичностей с идентичностью государственной не может быть решена всего за несколько лет. В тех государствах, у которых имеются позитивные наработки в данной сфере, на подобные процессы уходили десятилетия и даже века. Но в целом благодаря закону удалось хотя бы отвести текущую ситуацию в сторону от возможных новых межэтнических противостояний – страшной российской реалии того периода.

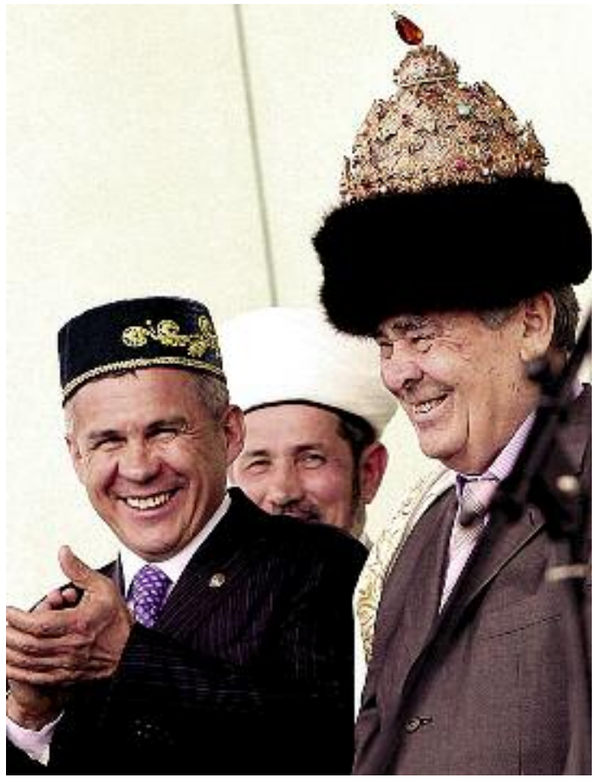
В-шестых, закон укреплял и выстраивал связи между гражданами России и новыми государствами постсоветского пространства. Он создавал предпосылки для сохранения на территории бывшего СССР нормальных и естественных человеческих отношений. Россия заявляла о своей готовности удовлетворять и поддерживать национально-культурные потребности тех россиян, национально-культурная идентичность которых обрела после 1991 года формат государственности. Это был широкий жест в отношении бывших советских республик. Широкий хотя бы уже потому, что внутри самой Российской Федерации аналогичная проблема этносов, проживающих внутри страны и не имеющих своей заграничной государственности, также требовала самого серьезного подхода. Еще свежи в памяти доходившие до конфликтов споры о пределах суверенитета национальных республик в составе РФ, о приведении конституций этих республик в соответствие с Основным законом государства и о прочих, сегодня уже во многом подзабытых вещах – вплоть до дополнительных страниц в федеральном паспорте с местной символикой и записями на национальном языке.

В этом смысле народы, разделенные новыми постсоветскими границами, оказались даже в более выигрышном положении, ибо РФ сама, по своей воле формировала на собственной территории общественные объединения российских граждан, не скрывающих особой заинтересованности в судьбах своей малой родины. Той самой малой родины, которая оказалась отделенной государственными границами и стала независимой и самостоятельной. Предсказать поведение, оценки, реакции этих людей в тех условиях вряд ли кто-либо готов был взяться. И вряд ли в тот момент оценивались риски их вовлечения в особые, специфические интересы новых государств и их спецслужб, риски появления на базе подобных объединений внутри России влиятельных финансовых или политических этнических лобби... В том, что процесс опосредованной поддержки национально-культурных автономий стал важным направлением для внутренней и показательной установкой для внешней политики Российской Федерации, не было ничего, кроме доброй воли и понимания ситуативной правильности таких действий.

Но одно дело – заявить, что закон в полной мере отвечал и отвечает вызовам времени и насущным потребностям народов России, что он стал наиболее действенным способом укрепления межнационального согласия и стимулировал формирование гражданского общества в РФ на федеральном и региональном уровнях. А совсем другое дело – доказать, что это так и есть.

Обратимся к конкретике. Да, разумеется, попытки прописать национальные черты любого народа всегда обречены на выведение неких мало что говорящих упрощений. Но тем не менее вряд ли кто станет оспаривать, что среди многонациональной семьи народов Советского Союза одним из самых бесконфликтных, покладистых, терпеливых, спокойных этносов были белорусы. Это не к тому, чтобы лишний раз белорусов похвалить (хотя почему бы и нет?), а чтобы еще раз подчеркнуть – конец XX века воззвал к этничности, и на этот зов ответили практически все народы бывшего СССР. И пример этнокультурной активности белорусов в тот период становится особенно показательным в свете бесспорно присущей им умеренности.

Общественно-политическая жизнь российской белорусской диаспоры стала заметной с конца 80-х годов, когда в Москве сформировался круг активной белорусской научной и творческой интеллигенции, которая продемонстрировала устойчивую национальную идентичность и общественную организованность, объединяясь и создавая обязательную в таких случаях инфраструктуру. Возникли самые разные объединения и землячества на московском и федеральном уровнях. Декларируемые ими цели в принципе приблизительно одни и те же – удовлетворять интерес и потребности в национальной культуре и языке, укреплять контакты с исторической родиной, обеспечивать коммуникации с другими диаспорами. Правда, надо заметить, что явная тяга белорусов к формированию национально ориентированных белорусских землячеств проявилась еще на рубеже 70–80-х годов. Но этнический подтекст тогда был скорее маркером «свой–чужой», предметным же полем, объединившим вышедших из БССР чиновников и представителей интеллигенции, стало так называемое кухонное постоянно-периодическое обсуждение положения дел в республике, тех ее проблем, которые виделись им из Москвы. В дальнейшем именно на основе одного из таких протокружков было сформировано и стало первым зарегистрированным объединением белорусов России Белорусское землячество Москвы, которое, в свою очередь, явилось соучредителем Региональной национально-культурной автономии (РНКА) «Белорусы Москвы». Еще одним крупным объединением белорусов стала Федеральная национально-культурная автономия (ФНКА) «Белорусы России», зарегистрированная в 1999 году. По воспоминаниям одного из организаторов и первого председателя Совета ФНКА Франтишека Ковриго, появление в РФ в конце минувшего века этой головной федеральной белорусской автономии было простимулировано тогдашним министром национальной политики РФ Рамазаном Абдулатиповым. Руководители департаментов и начальники управлений этого министерства занимались в 90-е подобной практической работой системно. Они не только подталкивали оставшихся в России активных и авторитетных представителей бывших советских национальных республик к созданию национальных общественных объединений, но и участвовали в укреплении их связей с новыми постсоветскими государствами, выстраивании контактов на самом высоком уровне. И встречали в новых государствах полное взаимопонимание в этом вопросе.



Рустам Минниханов и Минтимер Шаймиев

Закон определил пространство для маневров тем ярким, инициативным национальным лидерам, которые уже выдвинулись к моменту его принятия или пребывали в состоянии тревожного ожидания.

Илья Репин. Белорус. 1892 год

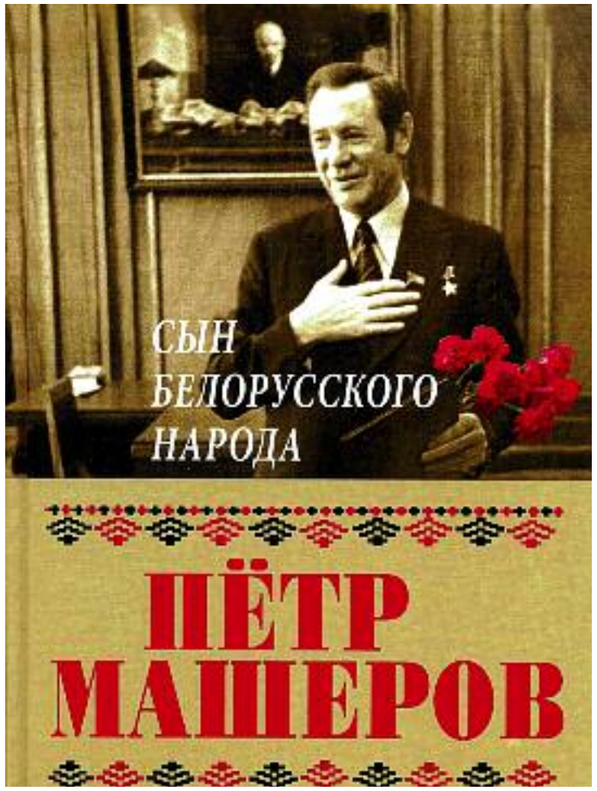
Попытки прописать национальные черты любого народа всегда обречены на выведение мало что говорящих упрощений. Но тем не менее вряд ли кто станет оспаривать, что среди многонациональной семьи народов Советского Союза одним из самых бесконфликтных, покладистых, терпеливых, спокойных этносов были белорусы.

Первые лица новых государств осознавали значимость подобных процессов и откликались на них, стимулировали по мере возможности. Например, именно тогда представители белорусской диаспоры России были приглашены в Республику Беларусь для встречи с ее главой Александром Лукашенко. Шел первый год его президентства, но откладывать налаживание и укрепление связей между белорусами РБ и белорусами РФ было нельзя – казалось, этот ресурс может оказаться эффективным и полезным. И действительно, значение таких контактов трудно переоценить. Представители национальной интеллигенции и номенклатурные работники, выдвинутые в советское время с республиканского уровня на союзный, не растеряли личного авторитета. Они сохранили сложившиеся в советское время связи и в новые времена, в новых геополитических условиях, особенно в своей этнической среде. Именно поэтому потенциальный ресурс активно формировавшихся на волне национального энтузиазма диаспор был очевиден руководителям России и Беларуси. Это была не характерная для того времени закулисная игра, которую тогда еще во многом слабому федеральному центру приходилось вести с территориальными российскими автономиями, чтобы если и не искоренить полностью сепаратистские настроения, открыто пропагандировавшиеся местной административной элитой, то уж хотя бы удерживать их в подконтрольном состоянии. Нет, белорусы России жили рассеянно, дисперсно, автономистских амбиций у них никогда не было, и подобные посулы были бы ими встречены, как минимум, с недоумением.

Главным чаянием белорусов России на долгое время стал проект Союзного государства Беларуси и России. Став гражданами РФ и автоматически утратив при этом гражданство РБ, они подсознательно стремились к этому декларируемому государственному объединению, которое позволило бы им компенсировать геополитические издержки и потери, коснувшиеся их лично. А в ожидании этого события наиболее активная часть белорусской интеллигенции – ученые-гуманитарии, деятели искусства, литераторы, композиторы – объединили свои усилия по популяризации среди диаспоры белорусской истории, белорусских традиций, языка, культуры, по сохранению и стимулированию их белорусской этнокультурной идентичности. Интересно, что их деятельность должна была осуществляться не только и не столько среди других народов РФ вообще, сколько непосредственно среди самих российских белорусов.

Диапазон деятельности институализированных объединений белорусов был широк. Остается он таким и сегодня, концентрируясь преимущественно вокруг культурно-просветительской деятельности. Здесь важно обратить внимание на один нюанс: главной задачей диаспоры стало поддержание и восстановление элементов национальной культуры и языка, а не адаптация к местной среде. Ведь белорусы и так свободно владеют русским языком и обладают навыками стереотипного поведения жителей мегаполиса, комфортно себя чувствуют в России и ее столице.

Можно сказать, что белорусскими организациями разработана независимо друг от друга некая программа сохранения белорусской диаспоры. Каждое общество работает в своей социальной, возрастной, гуманитарной нише. И благодаря их организационному ресурсу за последние 20 лет сформировалась институциональная основа, которая вовлекает белорусов в процесс восстановления и воспроизводства национальных традиций. Деятельность всех современных белорусских объединений РФ – независимо от того, насколько они близки к политике или далеки от нее, соблюдают или не соблюдают принцип невмешательства во внутренние дела Беларуси, – направлена на объединение белорусов.



Деятельность всех современных белорусских объединений РФ – независимо от того, насколько они близки к политике или далеки от нее, соблюдают или не соблюдают принцип невмешательства во внутренние дела Беларуси, – направлена на объединение белорусов.

Во многом специфика деятельности того или иного общества определяется еще и тем, кто входит в число его наиболее активных членов. Профессиональная деятельность и профессиональные связи таких активистов становятся ресурсом диаспоры. Например, наличие в диаспорах квалифицированных специалистов из разных сфер гуманитарной деятельности предопределило активную издательскую деятельность белорусских объединений. С начала 90-х ими были выпущены многие издания, из которых последним по времени выхода стал опубликованный уже в текущем году сборник «Сын белорусского народа Петр Машеров. К 95-летию со дня рождения. Воспоминания и статьи».

Благодаря деятельности белорусской диаспоры формируется реальное гуманитарное пространство, которое действительно влияет на налаживание научных, культурных, предпринимательских связей и традиций между РФ и РБ. Например, после того как Совет РНКА «Белорусы Москвы» возглавил Сергей Кандыбович, установилось ее прочное и эффективное сотрудничество не только с профильным Московским домом национальностей, но и с учебными и научными центрами. Среди таких центров – исто-

Россия и Европа

Мозаичный плафон на станции «Белорусская» (кольцевая) в Москве

Российские белорусы в полной мере чувствуют ответственность не только за себя и не столько за Россию, сколько за Беларусь. Они продолжают ощущать себя частью того народа, который строит отдельное независимое Белорусское государство и стремятся укреплять ее историческую память.

рический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет, Национальная академия наук Беларуси, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Азербайджанский институт учителей. Благодаря такому сотрудничеству были реализованы совместные научные и научно-популярные проекты, расширились и укрепились связи и контакты между российскими и белорусскими учеными. Интересным представляется и новый формат взаимоотношений диаспор России. Так, «Белорусы Москвы» подписали соглашение о сотрудничестве с Общероссийской общественной организацией «Союз армян России», взаимодействуют с представителями казахстанской, азербайджанской и других диаспор. Все это представляется не только объектом исследования будущих историков, но и сегодняшним потенциалом для поступательного, конструктивного развития России. А также для опосредованного, через граждан РФ – представителей белорусского этноса, – формирования позитивных образов обоих государств и, как следствие, укрепления российско-белорусских связей.

В обязанности членов разных белорусских обществ России входит забота о национальном престиже, под которым понимается престиж собственно белорусской культуры. Организации занимаются устройством белорусских культурных центров, подготовкой и проведением разнообразных мероприятий (от фестивалей до научных конференций), сбором информации, связанной с историей и культурой белорусов. Ими отвергается сотрудничество с группами и организациями, практикующими или пропагандирующими социальную, национальную, религиозную нетерпимость, политическую ангажированность. Общероссийской надэтнической национальной идеи в этом социально активном неполитическом поле не прослеживается. Что показательно и, увы, не радует.

Практические наработки белорусской диаспоры были учтены московским правительством и Московским домом национальностей при разработке комплекса мер по предупреждению национальных конфликтов, формированию социально-экономических основ межнационального согласия, оптимизации миграционной политики органов государственной власти РФ.

Сегодня те российские белорусы, для которых этническая принадлежность – значимая составляющая самоидентификации и формально заявленной общественной позиции, в полной мере чувствуют ответственность не только за себя и не столько за Россию, сколько за Беларусь. Оставаясь гражданами другого государства, они продолжают ощущать себя частью того народа, который строит отдельное независимое Белорусское государство, испытывают любовь и уважение к этой своей родине и стремятся поддерживать и укреплять ее историческую память. Причем понимают это практически, реализуя данную мысль через свою национально-культурную общественную работу, воспринимая ее как неотъемлемую часть своей профессиональной деятельности и частной жизни. И любые выступления против РБ в российской прессе или недружественные телодвижения российской власти в адрес РБ воспринимаются ими как личная обида. И воспринимаются не пассивно, а активно – интенсифицируются контакты и переписка между территориально далекими друг от друга обществами, пишутся открытые письма, подаются заявления в прокуратуру. Надо сказать, без лишней ажитации, но последовательно и решительно. Так было, например, летом 2012 года, когда в одном из интернет-изданий появилась статья «неправильно понятого журналиста» Дмитрия Соколова-Митрича «Эти отвратительные белорусы». В ней автор попытался показать, насколько легко отыгрывать этническую карту, если цель – спровоцировать недовольство народа. И показал! Белорусы не захотели понять казуистическую тонкость подачи материала и восприняли его буквально – как оскорбление и разжигание ксенофобских настроений. Вот когда стал очевидным тот факт, что белорусская диаспора – не удел отдельных носителей этноса, а реальная социальная сила.

Таким образом, белорусская национально-культурная автономия сегодня способна реально формулировать и удовлетворять этнокультурные потребности, в ней отражаются те процессы, те положительные и отрицательные реакции на происходящие события, которые характерны для всех белорусов России. А деятельность многочисленных активных представительных и влиятельных белорусских организаций позволяет увидеть процессы, характерные в целом для этнокультурной жизни белорусов России. Тех белорусов, которых сегодня в России немногим более полумиллиона человек. В численном выражении это немного, но статистика в данном случае ничего не значит. В основном это люди, востребованные в своей профессиональной среде, представители интеллигенции, специалисты, авторитет и влияние которых в регионах проживания традиционно высок. Показательно и то, что по данным двух переписей населения, проведенных уже в новом веке, численность белорусского населения России сократилась за несколько лет почти на 300 тысяч человек. Этот факт воспринимается в диаспоре сегодня как реальная проблема и делает для белорусских организаций особо значимой работу по сохранению языковой и национально-культурной самобытности.

Выше уже говорилось о том, что активная часть диаспоры бескорыстно и по собственному почину сделала свой профессиональный ресурс ресурсом национально-культурной автономии. Вместе с тем совершенно естественным образом к отдельным активистам и рядовым членам постепенно пришло понимание, что и диаспора, и членство в структурах автономий, а особенно – ключевые посты в них, – это серьезный ресурс. Оказалось, что можно сделать собственную национальность своей профессий и получать с этого неплохие дивиденды. Если государство отступит от однажды выбранного и последовательно хранимого пути, прописанного в законе 1996 года и его многочисленных, но адекватных поправках, беды не миновать. Такого уже чуть было не случилось в недавнем прошлом, когда отдельные политические силы стали проявлять к институализированным группам белорусов повышенное внимание и интерес. Это заставило членов белорусских организаций сразу и резко вспомнить о собственных политических пристрастиях, которые оказались весьма разнообразными, и открыто заявить о своем неприятии происходящего. В аполитичную и гармоничную атмосферу, царившую до того в белорусской общине России, был внесен неожиданный политический диссонанс. Это заставило опомниться и отступить инициаторов политических прививок, правильно просчитавших соотношение ситуативных побед и репутационных издержек. Последних оказалось бы неизмеримо больше.

Семнадцать лет назад, получив в руки механизм Федерального закона, часть граждан России самопроизвольно, но в рамках правового поля объединилась на основе принципа этнической принадлежности. У разных национально-культурных автономий это получилось по-разному – у российских белорусов, по-видимому, очень удачно. Все это время они находили для себя интересным и существенным безустанно, целенаправленно и безвозмездно воспроизводить выбранный ими формат жизни. И сегодня они – мост между Беларусью и Россией. Хорошо, пусть не мост – мостик, но именно на нем сосредотачиваются, воспроизводятся, инициируются трансграничные межгосударственные связи. Здесь варится и кипит то, что называется российским гражданским обществом, социальная активность членов которого порой очевидна, порой зашкаливает, но не увидеть ее можно, только приложив специальные усилия. Здесь коренится основа межэтнического мира и согласия России, каким бы шаблоном эти слова ни казались.

Александра Павловна Савельева –
аспирантка Болонского университета

«Кто знает край, где небо блещет неизъяснимой синевой…»

В заключительных строках «Записок сумасшедшего» душа измученного Поприщина вопиет: «Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеся, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали, лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли мой то синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку». Мистическая связь соединила Италию и Россию в ирреальном мире Гоголя. И в реальном пространстве причудливая паутина крепко-накрепко стягивает Россию и Италию.

Трудно – но, конечно, можно – вообразить себе крупного русского писателя, художника или мыслителя, который так или иначе не соприкоснулся бы с Италией. Одних эта страна привлекала к себе благотворным климатом и прекрасными альпийскими пейзажами, живописными озерами и курортами Ривьеры, для других она стала источником поэтического вдохновения, третьи – подобно Герцену и Бакунину – стремились в Belpaese, влекомые политическими идеями и общественными идеалами.

Семен Щедрин. Пейзаж в окрестностях Петербурга

Культурные взаимоотношения Италии и России надолго опередили дипломатические, ставшие регулярными лишь в конце XVIII века – в эпоху Екатерины Великой. Начиная с XV века в России хорошо знали итальянских художников, архитекторов, музыкантов. Они создавали здесь самые известные из своих произведений, которые обогатили европейское культурное наследие. С XVII века русские художники, скульпторы, архитекторы стремились в Италию. Многие приезжали туда на «пенсию» от Академии художеств и Общества поощрения художников. И выйдя за врата Академии, именно здесь достигали они своей творческой зрелости. «Итальянские школы» посещали Иван Мартос, Федор Шубин, Семен и Феодосий Щедрины, Федор Матвеев, Орест Кипренский, Сильвестр Щедрин, Карл Брюллов, Михаил Лебедев, Александр Иванов.

Николай Гоголь:
«С одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли мой то синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку».

Итальянские путешествия русских писателей – Жуковского, Гоголя, Достоевского, Чехова, Блока, Пастернака – одарили русскую культуру их восприятиями Италии, важнейшим из которых является образ Вечного города. А как известно, новизна ему несвойственна – здесь все вечное и древнее. Сюда стремятся пилигримы «поговорить с веками».

Но для русских странников это не был разговор антиквара, дрожащими руками оглаживающего предмет своей страсти. Это была скорее беседа футуриста, всматривавшегося в грядущее и грезившего об идеале. Вот типичный образчик «итальянских чувств» русского путешественника в «Письмах из Италии» князя Александра Шаховского: «В Риме ищешь чудесного. <...> Дряхлый Рим, расслабленный, униженный, бедный и чуть дышащий, опираясь на развалины прежней своей славы, все еще дает законы изящных искусств». Рим и Италия – мечта всей европейской – и разумеется, русской – культуры. Кипренский как-то заметил об Италии, что он «лучше ее воображал».

«Ликует буйный Рим…»

Интерес к римской культуре, а вместе с ней и к Италии стал для русского общества

Зураб Церетели. Памятник Гоголю на вилле Боргезе в Риме. 2002 год

По значимости восприятие древнеримских доблестей в русской культуре можно сравнивать с восприятием французского «классического республиканства» эпохи Великой Французской революции. Для французов «античный республиканизм» был языком оппозиции абсолютной забюрократизированной монархии. На представлении об «античных» гражданских добродетелях строился новый порядок и новая политическая система, призванная обуздать человеческие страсти и подчинить частные интересы общему благу. «Человек-гражданин – это лишь дробная единица, зависящая от знаменателя, значение которого заключается в ее отношении к целому – к общественному организму», – провозглашал Руссо.

Николай Гоголь:

«Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет».

привычным. Издавна древнеримская символика придавала русским монархам особое величие и подчеркивала укорененность имперской традиции. После победоносного завершения Северной войны в 1721 году Петр по прошению сенаторов титуловался «отцом отечества», «императором» и «великим», «как обыкновенно от римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статутах для памяти в вечные роды подписаны».

Презираемые современной политической элитой и чуждые нынешней моде античные добродетели – гражданская ответственность и самопожертвование ради общественного блага – стали критериями моделирования собственной жизни для многих юношей конца XVIII – начала XIX века.

Если в западной Европе рассуждения об античном республиканизме заполняли переходящие в революции политические диспуты о значимости античных политических моделей для модернизации европейских государств, то для России, ладно скроенной на имперский манер, античные модели часто принимали форму литературной фантазии и ностальгии по идеальному привольному миру.

В эпоху классицизма, в конце XVIII века, основополагающим элементом поведенческой модели становится античный герой, каким он представал на страницах жизнеописаний Плутарха, трудов Тита Ливия, Тацита или Цицерона. Зарождается настоящий стоический культ мудрых законодателей и доблестных воинов, жертвующих собой ради отечества. «Сравнительные жизнеописания» Плутарха превращаются в настольную книгу для молодежи. Виссарион Белинский в письме к Василию Боткину признавался: «Книга эта свела меня с ума <...> во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фантастическая любовь к свободе и независимости человеческой личности. <...> Я понял через Плутарха многое, чего не понимал. На почве Греции и Рима выросло новое человечество». «Голос добродетелей Древнего Рима, голос цинциннатов и катонов» находил отклик в пылких юных душах, и Сергей Глинка замечал: «Были у нас свои катоны, были подражатели доблестей древних греков, были у нас свои филопомены».

Образ иллюзорной древнеримской республики возникает на страницах произведений Радищева, в «Златой Италии» Пушкина или идеальной республике «Чока» совсем еще юных братьев Муравьевых. Там нет ни господ, ни рабов, ни денег, но повсюду царствуют равенство и свобода. Это родина античных героев. У них учатся жить и умирать доблестно, «по-античному». Им часто подражают буквально: прыгают со стола «в бездну», «как Курций», или жгут руку раскаленной линейкой в подтверждение своих слов, «как Муций Сцевола». Мальчик Никита, будущий декабрист Муравьев, не желая танцевать на детском балу, вопрошает: «Разве Аристид и Катон танцевали?»

Детские впечатления не проходят бесследно. И вот уже взрослый Пушкин восторгается, как прежде восторгался античными героями, вождем греческого освободительного движения Александром Ипсиланти: «Он счастливо начал – и, мертвый или победитель, отныне он принадлежит истории – 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! – завидная участь».

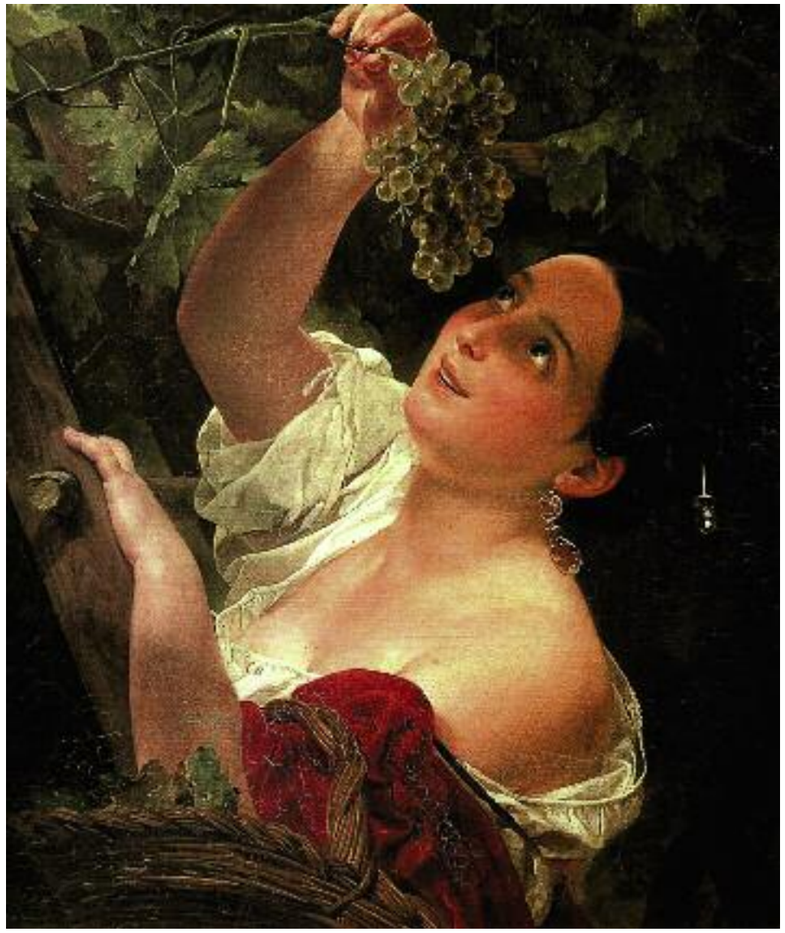
Карамзин утверждал, что лучшими нашими воспоминаниями мы обязаны истории. Русские начала XIX века поминали и предпочитали историю античную. Неудивительно поэтому, что приезжая в Италию, они чувствовали себя здесь как дома, как бы переживая минувшее. «Повсюду воспоминания, – пишет Батюшков Карамзину из Неаполя. – Здесь можно читать Плиния, Тацита и Вергилия и ощупью поверять музу истории и поэзии». «Рим мне кажется теперь похожим на дом, в котором мы провели когда-то лучшее время нашей жизни», – вторит Батюшкову Гоголь. И еще: «Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет».

Именно Гоголь Риму древнему в грозном и блестящем величии предпочел Рим «нынешний» в его теперешних развалинах. «Божественная, райская пустыня» – вот Рим Гоголя. Родина «души-христианки», Рим христианский, Рим средневековый, в нем «одном только молятся, в других местах показывают только вид, что молятся».

«Жизни, жизни! Еще бы жизни!»

Главный герой произведения Гоголя «Рим», молодой итальянский князь, уставший от светской и просвещенной жизни «ярмарки Европы» – Парижа, – возвращается домой в Италию, в Рим. Его маршрут повторяет путь Гоголя, а возвращение в Рим становится возвращением самого Гоголя на свою духовную родину, где «целой верстой <...> человек ближе к Богу». Сойдя с корабля в Генуе, князь идет узкими темными улочками. Отворенные двери церквей, вырывающийся оттуда кадильный дух завораживают его: «Он вспомнил, что уже много лет не был в церкви, потерявшей свое чистое высокое значение в тех умных землях Европы, где он был. Тихо вошел он и стал в молчании на колени у великолепных мраморных колонн, и долго молился, сам не зная за что, молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желание молиться, что празднично было у него на душе, и молитва эта, верно, была лучшая».

Но не только особое молитвенное состояние снизошло на Гоголя в Риме. Павел Анненков, который и сам путешествовал по Италии, отмечал, что Гоголь в Риме более чем кто-либо напоминает нам итальянских художников XVI века. Почему? Потому что у Гоголя вера в Созда-



Карл Брюллов. Итальянский полдень. 1827 год

В Италии кисть сама просится в руки, и краски ложатся сами собою. По словам Гоголя из письма к Жуковскому, «всякая развалина, колонна, куст, ободранный мальчишка, кажется, воют к вам и просят красок».

Вилла Балбьянелло на озере Комо

Инфернальный разворот итальянской темы виртуозно обыгран в повести Алексея Константиновича Толстого «Упырь». Сцены сатанинских мистерий в интерьерах палладианского палаццо на озере Комо эхом отдаются в России.

теля идет наравне с верой в человека – свободную личность, превозносимую итальянскими поэтами и художниками эпохи Возрождения. Подобно Алессандро Мандзони в Италии и Шатобриану во Франции, Гоголь возвращает читателя к христианским ценностям. К их числу, безусловно, относятся свобода и возвышающее человека искусство, которые придают благородство и красоту движениям его души. Для Гоголя, несомненно, естественной была связь между преклонением пред красотой и преклонением пред Богом, который и есть красота.

Образы Италии визуальны. Здесь кисть сама просится в руки, и краски ложатся сами собою. По словам Гоголя из письма к Жуковскому, «всякая развалина, колонна, куст, ободранный мальчишка, кажется, воют к вам и просят красок». Здесь все живительно, и все оживает: «Кажется, как потянешь носом, то по крайней мере 700 ангелов влетают в носовые ноздри», «приходит неистовое желание превратиться в один нос, чтобы не было ничего больше – ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного только большущего носа, у которого бы ноздри были величиною в добрые ведра, чтобы можно было втянуть в себя как можно побольше благовония и весны».

Даже старые развалины кажутся живыми обитателями старинного города. Молодой Сильвестр Щедрин пишет «портрет синьора Колизея». Батюшков «по уши влюбляется» в римский форум. А Гоголь сообщает Марии Балабиной: «Здесь все пребывает в добром здравии – Сан-Пиетро, Монте-Пинчо, Колисей и много других ваших друзей шлют вам привет. Пьяцца Барберини также нижайше вам кланяется. <...> Колисей очень настроен против вашей милости. Из-за этого я к нему не иду, так как он всегда спрашивает: “Скажите-ка мне, дорогой человечище (он всегда зовет меня так), что делает сейчас моя дама синьора Мария? Она поклялась на алтаре любить меня вечно, а между тем молчит и не хочет меня знать, скажите, что же это?” – и я отвечаю: “Не знаю”, а он говорит: “Скажите, почему она больше меня не любит?” – и я отвечаю: “Вы слишком стары, синьор Колисей”. А он, услышав эти слова, хмурит брови, его лоб делается гневным и суровым, а его трещины – эти морщины старости – кажутся мне тогда мрачными и угрожающими, так что я испытываю страх и ухожу испуганный».

Очарованность русской культуры Италией была сродни любви трубадуров, любви издалека, на расстоянии, любви к дальнему и далекому, непостижимому и прекрасному.

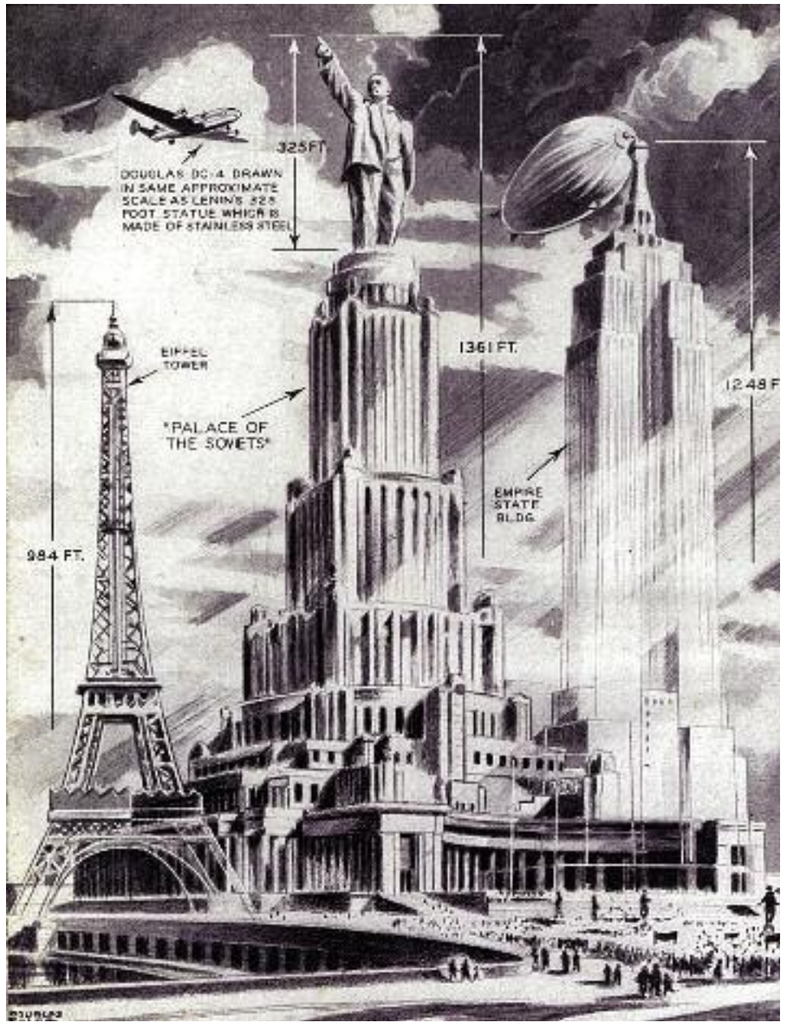
По мысли Бердяева, Италия для русских – понятие не географическое, не национально-государственное, а вечный элемент духа, вечное царство человеческого творчества. Нигде русский не чувствует себя так хорошо, так привольно, как в Италии. Здесь, на этом «кладбище вселенной», как скажет Батюшков, где все отошедшее и мертвое есть источник жизни и возрождения души, русскому свободно дышится тем «вольным творческим воздухом», которого ему недостает и который освобождает его от тягостного бремени долга.

И когда «Русь Святая становилась невтерпеж», русские творцы устремлялись прочь, часто в Италию, на время или навсегда, и там лелеяли в своем творчестве «дальнюю» любовь к далекой родине. Незадолго до своего второго отъезда в Италию Гоголь написал: «О России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде». Здесь (или, быть может, там) составлялись «Выбранные места из переписки с друзьями». Здесь мучительно сочинялся, переделывался и сжигался второй том «Мертвых душ».

Был бы без Рима и сам Гоголь, наказывавший сестре передать своему другу Александру Данилевскому, чтобы писал ему почаще, с такими словами: «А вечный адрес мой он знает: Roma»?

Вячеслав Иванов, проживший в эмиграции в Италии до самой смерти в 1949 г., отправляясь в путь, писал: «Туда, туда, где умереть просторней, где сердца сны – и вздох струны – эфирней». Но не на смерть едет в Рим Иванов: очутившись там, он вдруг после долгого перерыва (правда, «не нáдолго») ощутил пробуждение поэтического дара от того, что «нагулял себе, несмотря ни на что, запас римского счастья». Для Иванова духовный возврат в Рим был одновременно и восхождением на вершину творчества.

Есть, правда, и другой разворот итальянской «средневековой» темы – готический, инфернальный (опять-таки «если Русь Святая становилась невтерпеж»), виртуозно обыгранный в повести Алексея Константиновича Толстого «Упырь». Сцены сатанинских мистерий в интерьерах палладианского палаццо на озере Комо эхом отдаются в России, где заезжий итальянец, впоследствии утянутый



Борис Иофан. Проект Дворца Советов (в центре). 1931 год

Работы итальянских мастеров ознаменовали не только период объединения русских земель вокруг Москвы и появления новой Российской империи, но и рождение Советского государства.

Россия и Европа

В советско-итальянских взаимоотношениях было все – едкие шутки, горькие обиды, богатые дары, серьезные разногласия, драматические моменты и «выгодные приобретения».

ряженым в домино Вельзевулом в преисподнюю на горе Везувий, отстроил себе дом, который привезенные им «живописцы и ваятели украсили с истинно итальянским вкусом». Может ли священный перезвон колоколов, начатый «полнозвучным ударом» на Иване Великом итальянца Бона Фрязина, развеять это дьявольское наваждение?

«Украсили с истинно итальянским вкусом»

При Иване III состоялись объединение значительной части русских земель вокруг Москвы и ее превращение в центр Русского государства. Можно сомневаться в масштабности притязаний русского государя, в восприимчивости государственной власти к идее «Москва – Третий Рим», принадлежавшей монаху псковского Елизарова монастыря Филофею. Можно сомневаться в серьезных политических последствиях мифов о получении царских регалий от византийского императора Константина Мономаха и о происхождении великих князей от римского императора Августа, однако новаторский строительный проект великого князя Ивана III, принявшего титул «государя всея Руси», ясно свидетельствует об его значительных политических амбициях и серьезных намерениях. Как реализовать проект Вечного города, города-грезы, *caput mundi* (глава мира, *лат.*) в своих пределах? Очень просто – пригласить итальянцев.

В разное время над памятниками нового Кремля работали Аристотель Фиораванти (Успенский собор), Антон Фрязин (Антонио Джиларди, Тайницкая и Водовзводная башни), «главный архитектор Москвы» Пьетро Антонио Солари и Марко Руффо (Грановитая палата, 6 башен Кремля, в том числе Боровицкая, Спасская, Никольская), Алевиз Фрязин (Алоизио да Карезано, великокняжеский дворец в Кремле, часть укреплений), Алевиз Новый (Архангельский собор в Кремле), Бон Фрязин (колокольня Ивана Великого). Болонец Аристотель Фиораванти, строитель коронационного кафедрального собора – Успенского собора московского Кремля, инженер, принимавший участие в военных походах Ивана III на Новогород и Тверь, был одним из учеников архитектора и скульптора Антонио ди Пьеро Аверлино по прозвищу Филарете, творца бронзовых врат собора Святого Петра в Риме и автора «Трактата об архитектуре», описывавшего план Сфорцинды, первого идеального города эпохи Ренессанса – восьмиугольной звезды с судоходными каналами и зелеными скверами. Кремль – не Сфорцинда, но несомненно, что при Иване III эта крепость возводилась по правилам итальянского фортификационного искусства и с оглядкой на каноны идеальной цитадели.

Баронесса де Сталь, посещая Кремль в 1812 году, уловила сходство двух градов. Она писала: «Невольно сравниваешь Москву с Римом, но не потому, что она имеет сходство с ним в стиле своих зданий, этого нет; но удивительное сочетание сельской тишины и пышных дворцов, обширность города и бесчисленное множество церквей сближают Рим Азии с Римом Европы».

Петербуржцу Рим представлялся не в таком отдалении, как москвичу. Столица северной империи больше, чем Москва, напоминала своего античного предшественника. В этом заслуга архитекторов времен Екатерины II – Павла и Александра I Винченцо Бренны, Джакомо Кваренги и, пожалуй, прежде всего Чарльза Камерона, уроженца Шотландии, но, безусловно, совершенного итальянца в своих артистических пристрастиях. Он явился в папский Рим еще юношей и, избрав своим идейным руководителем Палладио, занялся римскими термами. Реализовать собственные архитектурные проекты ему было суждено в русских землях. Здесь, в северных болотистых низинах, он разбил римские парки, украсив их в Царском Селе «агатовыми комнатами», «холодной баней», «висячим садом». В Павловске по его замыслам были выстроены императорский дворец, «Храм дружбы», «Вольер», «Колоннада Аполлона».

Работы итальянских мастеров ознаменовали не только период объединения русских земель вокруг Москвы, появления новой – северной – столицы и новой Российской империи, но и рождение Советского государства. В 1931 году был объявлен конкурс на проект Дворца Советов – главное и самое величественное здание Советского Союза.

Победителем конкурса стал Борис Иофан, впоследствии один из официальных архитекторов сталинской эпохи, автор знаменитого «Дома на набережной». До революции Иофан учился в Италии, в Риме, в мастерской Армандо Бразини, реставратора множества римских церквей и монастырей, участника конкурса проектов Дворца Советов в 1931 году и автора книги «L'Urbe Massima» (1917 год), состоящей из графических ви́дений некоего идеального Рима, в котором древнеримская классика эпохи цезарей сочетается с чертами города будущего. Монументальность замыслов Бразини завораживает. И, кажется, покоряет самого Сталина. Проект Иофана с мотивами от его итальянского наставника встает в ряд с исполинскими башнями, задуманными Бразини, – Дантеумом и Башней христианства. Дворец Советов – башня-фантом – еще раз напомнит о непрерывной связи Италии и России, их прошлого и будущего уже в советской культуре.

«Итальянцы нам ближе, чем…»

Между советскими коммунистами и коммунистами-чиполлинами и графами вишенками, как между Путиным и Берлускони, неизменно разыгрывалась комедия дель арте. Стороны попадали в забавные положения и искали из них изящные выходы в круговерти геополитической борьбы XX века. Это гипнотизирующее круговое движение подметил Горбачев, когда после похорон Берлингуэра вел переговоры с итальянскими товарищами: «Разговор был откровенный, но все время он как бы вертелся по кругу». В этих взаимоотношениях было все – едкие шутки, горькие обиды, богатые дары, серьезные разногласия, драматические моменты – подчас с летальным исходом, как, например, смерть Тольятти в «Артеке» после тщетных попыток встретиться с Хрущевым, – и «выгодные приобретения», например, лицензии на производство 124-го «Фиата», которые еще раз обозначили особость итальянско-советских отношений. Ее выразил Брежнев, когда после доклада министра автопрома Александра Тарасова о том, что лучшим автомобилем по результатам испытаний оказался «Рено», генсек сказал: «Итальянцы нам ближе, чем французы». Это правда, особенно советский авиаконструктор Роберт Бартини и советский физик-ядерщик Бруно Понтекорво.

Энрико Берлингуэр

Берлингуэровский еврокоммунизм был не просто альтернативой советскому коммунизму, он являлся вызовом советскому коммунизму, краеугольным камнем которого было высеченное в граните слово из Советского Союза.

Италия, страна южноевропейская, небогатая, чья былая пассионарная активность истрачена (хотя ее протуберанцы еще порой выплескиваются на улицы итальянских городов), находит дополнительные силы для жизнедеятельности на стороне, пусть даже эта сторона и выходит на восток. Разница между тем, что было тогда, и тем, что есть теперь, состоит лишь в том, что во взаимоотношениях ИКП и КПСС (не говоря уже о прочих политических силах в Италии) была идеологическая подоплека. Берлингуэровский еврокоммунизм был не просто альтернативой советскому коммунизму, он являлся вызовом советскому коммунизму, краеугольным камнем которого было высеченное в граните слово из Советского Союза. Ныне же на передний план вышли деловые интересы и бизнес-планы, претворяемые в достижения так называемых геополитических целей.

Александр Васильевич Чаянов (17 января 1888 года – 3 октября 1937 года) – русский советский экономист, писатель-фантаст, автор термина «моральная экономика».

Александр Чаянов

125 лет

Отмечая 125-летие со дня его рождения, альманах «Развитие и экономика» публикует фрагменты очерков, посвященных его жизни и научному творчеству.

■

А.В. Чаянов родился 17 января 1888 года в Москве. Его отец, по происхождению крестьянин, стал московским купцом. В 1906 году Чаянов поступил в Московский сельскохозяйственный институт и после окончания в 1911 году начал работать там преподавателем. Его специализацией стала аграрная экономика. В 1908 году появилась первая печатная работа, посвященная кооперации в Италии. К окончанию института он опубликовал уже около 20 работ. Параллельно с научными трудами занимался и практической работой – главным образом в области льноводческой кооперации. Созданное при его активном участии в 1915 году Центральное товарищество льноводов начало активно и быстро завоевывать рынок.

Чаянов никогда не был членом каких-либо партий, но участвовал в политической деятельности как представитель кооперативного движения. В 1917 году, накануне Октябрьской революции, Чаянов в течение двух недель входил в состав последнего Временного правительства как заместитель министра земледелия. После прихода к власти большевиков он, как и другие российские кооператоры, начинает с ними активно сотрудничать. В 1919 году он возглавил Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики. В феврале 1921 года он утверждается членом коллегии Наркомата земледелия, всерьез обсуждалось даже предложение В.И. Ленина включить его в число руководителей только что образованного Госплана. Весной 1921 года он был членом комиссии, которая разработала и приняла «Основные принципы построения продналога».

На 1920-е приходится расцвет научной деятельности Александра Чаянова. В 1923 году, находясь в научной командировке за рубежом, он издал в Берлине свой главный научный труд – «Учение о крестьянском хозяйстве». В 1925 году эта книга была опубликована и в России под названием «Организация крестьянского хозяйства». В эти же годы Чаянов издал ряд художественных произведений в жанре историко-мистической фантастики.

В конце 1920-х Чаянова подвергли резкой критике как «неонародника». В 1928 году его уволили с поста директора Института сельскохозяйственной экономики. В 1930 году Чаянов, как и его коллега и близкий друг Н.Д. Кондратьев, был арестован по делу «Трудовой крестьянской партии». На закрытом процессе в 1932 году профессора Тимирязевской академии А.В. Чаянова приговорили к 5 годам заключения. После 4 лет тюрьмы Чаянова сослали в Казахстан, где он начал работать консультантом в республиканском комиссариате земледелия. Однако пережить «Большой террор» конца 1930-х он не сумел – его расстреляли в 1937 году.

Юрий Латов. Энциклопедия Кругосвет

■

Александр Чаянов был ярким представителем блестящего поколения русской интеллигенции начала века. Внук крестьянина, чей сын отправился в город и преуспел там, выпускник Петровской сельскохозяйственной академии, он уже в двадцать четыре года стал известен стране своими работами о роли производства льна в крестьянском хозяйстве и о его демографических детерминантах. С этих пор его научные достижения и ученая репутация набирали силу. Но он был более чем специалист-аграрий в стране, где четыре пятых населения зарабатывало на жизнь сельским трудом. Человек незаурядного ума, воспитанный в лучших европейских гуманистических традициях, к сорока годам он совмещал важную аналитическую работу, полевые исследования и методологические изыскания с написанием пяти романов, утопии, пьесы, сборника стихов и неоконченных справочников по западной живописи и истории Москвы. Он говорил на нескольких языках, объездил всю Европу до и после 1917 года. Он был представителем московских интеллектуалов во времена их расцвета, глубоко приверженным делу улучшения жизни простых людей, свободы и просвещения. Интерес Чаянова к селу был укоренен в его нравственных принципах. Что касается его научных интересов, то мысль Чаянова проникала сквозь дисциплинарные границы между экономикой, социологией, историей, сельским хозяйством, теорией познания и искусством. Особенно он отличался невероятной силой дисциплинированного воображения и умением выражать его в словах; он обладал выдающейся и оригинальной способностью создавать модели – соединять в своих работах научные и художественные достижения, оставаясь теоретиком и лидером в своем кругу. С 1919 года, уже при новом советском режиме, Чаянов возглавлял Семинарию общественных наук (позже – институт) в рамках Академии сельскохозяйственных наук. Он никогда не присоединялся к новому политическому истеблишменту и оставался самим собой, что потом называлось «беспартийный эксперт». Его научная работа процветала: в течение какого-то десятка лет были осуществлены его главные исследования и написаны все его романы.

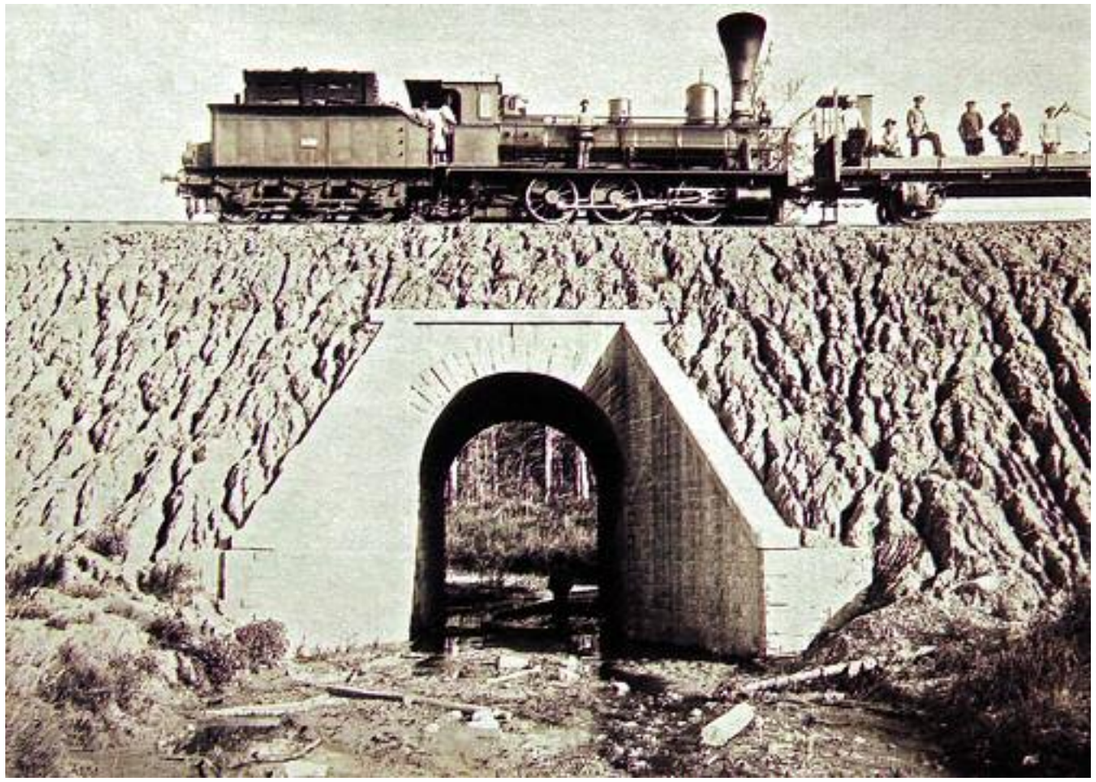
В 1937 году Чаянов был казнен (долгое время семья считала, что его расстреляли в 1939 году). Его жену заставили развестись с ним и взять другую фамилию, но это не спасло ее от ареста и ссылки, откуда она вернулась только после смерти Сталина.

Теодор Шанин. Три смерти Александра Чаянова // Социологический журнал. 1995. № 1

Юрий Вадимович Тавровский –
востоковед, профессор Российского университета дружбы народов

Третье дыхание для Сибири и Дальнего Востока

Новая скоростная железная дорога 1 декабря 2012 года связала Харбин и Далянь, два китайских города, заложенных Россией в 1898 году при строительстве Маньчжурской железной дороги, которая затем вошла в историю под названием КВЖД – Китайско-Восточной железной дороги. Специально построенное для скоростной дороги полотно прошло вдоль трассы южного ответвления КВЖД, названного Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). Первые два месяца поезда пойдут в тестовом режиме со скоростью около 200 километров в час, а затем будет достигнута проектная скорость – 350 километров в час. Новая дорога длиной 921 километр прошла по самым холодным провинциям КНР – Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, где часто случаются снежные бури и холода достигают до 40 градусов мороза. Связанное с немалыми технологическими проблемами строительство осуществлено в рамках провозглашенной в 2007 году стратегической программы «модернизации старой промышленной базы Северо-Востока Китая». Новая линия с 67 парами скоростных экспрессов в день снизит нагрузку на имеющуюся транспортную систему и позволит увеличить грузопоток между центрами химической промышленности Хэйлунцзяна, автомобилестроительного кластера Цзилиня, предприятиями тяжелого машиностроения Ляонина, а также важнейшим морским портом Далянь. Станет комфортабельнее жизнь населения Маньчжурии, как еще называют северо-восточный Китай, расширится поток туристов, повысится инвестиционная привлекательность региона.



Участок КВЖД. Начало XX века

1 декабря 2012 года новая скоростная железная дорога связала Харбин и Далянь, два китайских города, заложенных Россией в 1898 году при строительстве Маньчжурской железной дороги, которая затем вошла в историю под названием КВЖД – Китайско-Восточной железной дороги.

Новость из соседнего Китая вряд ли останется незамеченной на нашем Дальнем Востоке. Жителям Хабаровска и Владивостока, которых связывает 732-километровый участок Транссиба, не приходится даже мечтать о скоростном сообщении. Стратегия развития железных дорог до 2030 года такого проекта не содержит, хотя затраты на развитие инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока растут довольно быстро и до 2020 года превысят 1,1 триллиона рублей. Что делать в такой ситуации? Можно словами известного анекдота ответить: «Завидовать будем!» Можно подискутировать на тему коварства китайцев, мечтающих поглотить наши пустеющие Сибирь и Дальний Восток. Но можно создать и претворить в жизнь собственную стратегию модернизации отставших регионов, а заодно отбросить комплекс неполноценности в форме мифа о «китайской угрозе» и применить опыт соседей, не раз прибегавших к нашему опыту.

Речь при этом идет не только о строительстве железных дорог и прочих объектов инфраструктуры к востоку от Урала. Ведь магистраль Харбин–Далянь – это важный, но не единственный компонент стратегической программы модернизации Маньчжурии за счет целевых дотаций из государственного бюджета и стимулирования деловой активности через снижение налогов, программы поощрения инвестиций. К середине 80-х годов минувшего века приморские районы восточного Китая с их специальными экономическими зонами и иностранными заводами намного опередили приграничные провинции Северо-Востока, где доминировали устаревшие гиганты государственной промышленности. На выравнивание опасного с многих точек зрения дисбаланса разных регионов страны и были нацелены стратегиче-

ские программы «открытости приграничных районов» (с 1992 года), «масштабного освоения западной части страны» (с 1999 года) и «модернизации старой промышленной базы Северо-Востока Китая» (с 2007 года).

Вливание нового вина в старые мехи дало поразительные результаты, особенно наглядные в крупных центрах, возникших благодаря русской КВЖД, а также в новых городах на границе с Россией. Харбин, Чанчунь и особенно Далянь превратились в современные мегаполисы с развитой промышленностью, продвинутой наукой, уютными жилыми районами и удобными транспортными системами. Построенный в Чанчуне по лекалам московского Завода имени Сталина (впоследствии – имени Лихачева) Первый автомобильный завод (FAW) стал системообразующим предприятием, выпускающим надежные грузовики, правительственные лимузины и лицензионные легковые машины европейских и японских фирм, создающим филиалы и в России. Заложенный в 1898 году русскими инженерами одновременно с городом Дальний морской порт был реконструирован в годы советско-китайской дружбы, а сейчас обеспечивает грузопоток в 40 миллионов тонн в год. В 6-миллионном городе действуют военные верфи, машиностроительные и иные «советские» предприятия. Некогда похожий как две капли воды на Хабаровск, город Харбин, также обязанный своим возникновением строительству КВЖД, ныне насчитывает свыше 6 миллионов жителей. Реконструированы и успешно работают 13 крупных предприятий, построенных Советским Союзом, а также десятки новых, современных. Как грибы после благодатного дождя прямо на границе с Россией выросли города Хэйхэ, Суйфэньхэ, Маньчжоули. Еще недавно Богом забытые поселки или перевалочные станции, они теперь насчитывают сотни тысяч горожан, гордятся многоэтажными зданиями, комфортабельным жильем, богатыми торговыми центрами. У них тоже русские корни, их жители не стыдятся употреблять русские слова, есть русский «халеба» и закусывать «водэкэ» солеными огурцами. Мощным стимулом развития пограничных чудо-городов стала торговля с сопредельными российскими территориями, но они вряд ли достигли бы нынешнего процветания без крупных централизованных субсидий и всевозможных льгот.

Наличие или отсутствие работоспособной стратегии развития играет решающую роль в судьбе удаленных от точек роста территорий. Это доказывает и недавнее прошлое китайского Северо-Востока, и нынешнее прискорбное состояние наших Сибири и Дальнего Востока. Вот почему провозглашение президентом Путиным «разворота на Восток», создание небывалого Министерства по развитию Дальнего Востока, серьезные политические и финансовые решения последних месяцев вызывают оптимизм в одних слоях нашего общества и, мягко говоря, озабоченность в других. Будем продолжать топтаться у захлопнутых перед нами дверей в ветшающую Европу или распахнем собственную, хотя и с проржавевшим замком, калитку, которая ведет в поднимающийся Азиатско-Тихоокеанский регион? Как расставим приоритеты в развитии России, куда направим финансовые и людские потоки, с кем и против кого дружить в международных делах? Ответы на эти вопросы пока не даны, и потому полемика становится все более острой. «Китаескептики» не теряют времени. Еще весной группа авторов «Стратегии-2020», предложенной новому-старому президенту России в качестве долгосрочной программы, назвала Китай главной угрозой национальной безопасности. Из недавних же публикаций «китаескептиков» выделяется статья «Континент Сибирь» в «Независимой газете».

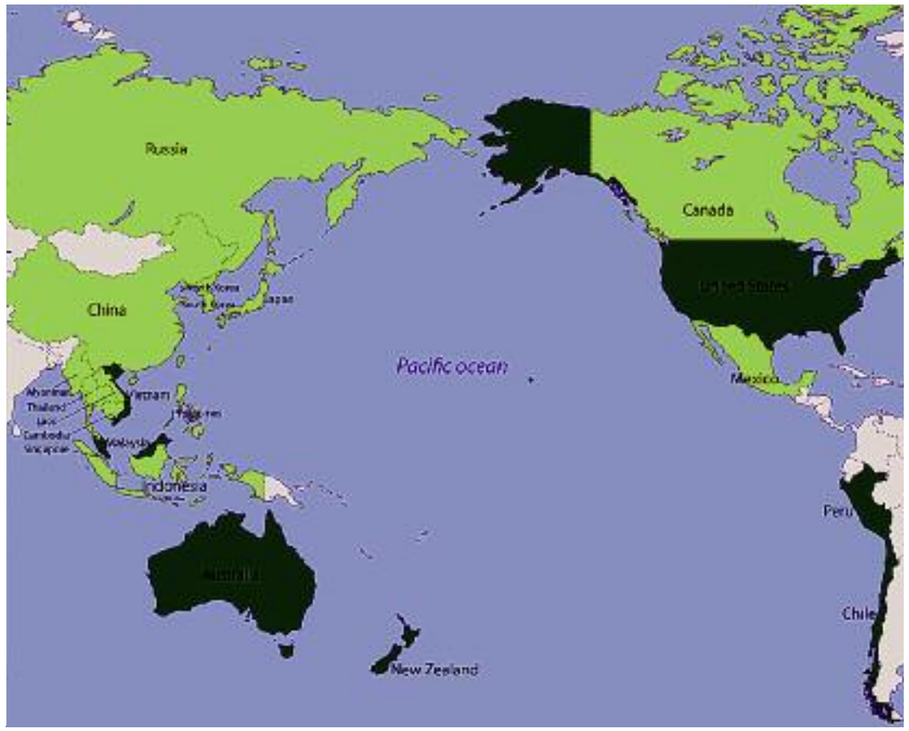
Трудно не согласиться с такими авторами, которые видят причины отставания восточных земель в традиционной «колониальной парадигме». Не стану оспаривать и тезис о возможности их успешного развития только «на пути индустриализации и нового научно-технологического развития». Зато мне видится, их же словами, «экономически неэффективным и политически опасным» утверждение о том, что «на пути индустриализации и нового научно-технологического развития Китай может оказаться нашим конкурентом», а «основными союзниками России по освоению и развитию Сибири должны скорее стать Южная Корея, Япония и США».

При любых темпах развития Сибирь в обозримом будущем вряд ли сможет конкурировать даже с сопредельными – все еще отстающими – провинциями Китая. Что уж говорить о ставших «мастерской мира» приморских областях Поднебесной. А вот помочь нашим восточным землям Китай и может, и хочет. Может, потому что располагает проверенным практикой опытом ускоренного развития отставших регионов через упомянутые выше стратегические программы развития. Может, потому что располагает огромными капиталами и вполне современными промышленными и сельскохозяйственными технологиями (китайские скоростные поезда, например, движутся гораздо быстрее японских, французских или германских). Хочет, потому что, как и любая экономически развитая страна, нуждается в расширении рынков сбыта товаров и капитала, стабильных поставках сырья по оптимальным логистическим схемам. Хочет, потому что Пекин реализует стратегическую установку «богатые соседи – мирная граница» в отношении сопредельных государств. Наконец, хочет, потому что испытывает растущее давление США, «назначивших» год назад Китай своим главным оппонентом в рамках стратегии «поворот к Азии» (Pivot to Asia). Важной частью этой стратегии является ограничение доступа Китая к источникам сырья в Африке, на Ближнем Востоке и Центральной Азии, создание угроз на морских путях, по которым проходит около 80 процентов китайского экспорта. Очевидно, что в таких условиях дополнительную ценность приобретает стратегическое партнерство Китая с Россией. Наша страна, в отличие от упомянутых в статье Южной Кореи и Японии, обладает полным суверенитетом. Она не станет прислушиваться к «советам» из Вашингтона и будет взаимодействовать с Китаем в той мере, в какой это соответствует ее национальным интересам. «Особые отношения» Токио и Сеула с Вашингтоном, кстати, в той же степени ограничивают их возможности по части освоения и развития Сибири. Возможна благосклонность американцев к точечным проектам, которые свяжут природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока с рынками в Японии, Южной Корее и самих Штатах, чтобы предотвратить их подключение к китайскому рынку. Возможно одобрение и таких политически окрашенных проектов, как, например, налаживание железнодорожного сообщения через Северную Корею. Но наращивание экономического – а следовательно, и военного – потенциала России в ее восточной части вряд ли отвечает долгосрочным интересам американского истеблишмента, который вслед за лидером республиканцев на минувших президентских выборах по-прежнему рассматривает Россию как «стратегического противника номер один». Не допустить синергии развития России и Китая, разобщить, а еще лучше – стравить их и подвести к грани вражды – что может быть лучше для надорвавшегося в роли мирового жандарма Вашингтона, начинающего деле-

Харбин. Начало XX века

Похожий как две капли воды на Хабаровск, город Харбин также обязан своим возникновением строительству КВЖД.

Россия и Азия



Темно-зеленым цветом выделены страны Тихоокеанского партнерства

Вашингтон явно ведет дело к созданию антикитайских экономических блоков. Главная надежда на Транстихоокеанский торговый пакт, куда демонстративно не пригласили войти Поднебесную.

гировать своим союзникам войны против неугодных стран, от Ливии до Сирии? Да и войны ведь необязательно принимают формы боевых действий, а участие в них вассалов необязательно предусматривает посылку «ограниченных контингентов» в состав коалиции.

Весьма поучительная история приключилась в Восточной Азии в начале 40-х годов прошлого века. Опасаясь дальнейшего усиления Японии, захватившей к тому времени всю Корею, Северо-Восток и Север Китая, поставившей под свой контроль его главные железные дороги и самые развитые приморские районы, США придумали хитроумный план. Вашингтон убедил Великобританию, Австралию и правительство в изгнании оккупированной немцами Голландии (оно все еще распоряжалось колониями Ост-Индии – нынешней Индонезии) подписать договор об эмбарго на поставки в Японию стратегического сырья, в первую очередь нефти, каучука, железной руды и стали. Это был тяжелый удар по Стране Восходящего солнца, на 80 процентов зависевшей от импорта нефти из Юго-Восточной Азии. Командование Императорского флота проинформировало правительство, что через несколько месяцев действия ВМФ будут парализованы. Кабинет министров расценил эмбарго как акт агрессии, способный привести страну к экономическому краху, и распорядился срочно начать разработку «южного плана» с целью заполучить источники сырья в британской Малайе и голландской Ост-Индии. Одновременно был разработан «восточный план» устрашения США, стоявших за торговым эмбарго. 7 декабря 1941 года последовала атака на Пёрл-Харбор, в течение нескольких недель пали Гонконг и Сингапур, где в плен к 35 тысячам японцев попали 130 тысяч англичан. Около месяца сопротивлялись голландцы на Бали и Тиморе, потом капитулировали гарнизоны на Яве и Суматре. Американская колония Филиппины была полностью покорена к 8 мая 1942 года. Таиланд после длившегося 24 часа сопротивления перешел на сторону Японии. Англичане потеряли свои лучшие линкоры «Принц Уэльский» и «Рипалс», их выбили из Бирмы, Малайи, и только сезон штормов помешал десантной операции в Индии и на Цейлоне. Свою цену заплатила Австралия – в феврале ее города бомбили японские самолеты. Был утрачен контроль над Новой Гвинеей.

Проводить исторические параллели – дело рискованное. Но факт остается фактом. Вашингтон явно ведет дело к созданию антикитайских экономических блоков. Главная надежда на Транстихоокеанский торговый пакт (ТТР), куда демонстративно не пригласили войти Поднебесную. Первый же визит переизбранного на новый срок президента Обамы был нанесен в Камбоджу, где проходил Восточноазиатский саммит, на котором он без большого успеха продвигал идею ТТР. Осенний визит госсекретаря Клинтон в Африку был посвящен попыткам оттеснить Китай от источников сырья в странах Черного континента. Активность США в странах Центральной Азии после обещанного ухода из Афганистана, как ожидается, будет нацелена на ослабление их связей с Китаем, в первую очередь – на сокращение поставок нефти, газа, редких металлов. В таких условиях решение Москвы отодвинуть Китай от участия в развитии Сибири и Дальнего Востока и тем самым лишить его возможности расширять закупки нефти, газа, леса и других товаров было бы воспринято в Пекине как недружественный шаг, противоречащий духу и букве отношений стратегического партнерства. Возможное ужесточение китайско-американской конфронтации создало бы угрозу Сибири и Дальнему Востоку, причем с обеих сторон. Не забудем, что у американцев есть свои виды на эти земли и их недра. В США публикуются статьи о «нерациональности использования русскими Сибири» и о том, что «богатства Сибири должны принадлежать всему человечеству». Не секрет, что и в Китае, несмотря на недавнее окончательное урегулирование пограничного вопроса, распространены представления об «исторической несправедливости захвата Российской империей китайских земель на Дальнем Востоке». Китайские политологи рассказывали мне, например, о неопубликованном высказывании Дэн Сяопина. Он заявил, что из всех империалистических держав, рвавших Китай на куски в XIX–XX веках, самый большой ущерб нанесла Япония, а больше всего захватила Россия. Материализацию призраков прошлого мы недавно видели на примере спора Китая и Японии из-за островов Дяоюйдао (Сенкаку), попавших под контроль Токио в 1894 году. Стоит ли нам провоцировать повышение интереса «китайской общественности» к истории продвижения России на Дальний Восток – истории, в которой было немало горьких для Китая страниц?

Безусловно, любой перекос – будь то в китайскую или любую иную сторону – чреват экономическими и политическими рисками. Поэтому активное участие в развитии нашего Востока Южной Кореи, Японии и США, равно как и Индии, Тайваня, Сингапура, Малайзии, других стран и регионов, крайне желательно. Но надежда компенсировать возможный китайский вклад за счет США и их восточных союзников гарантирует нам те же последствия, что и нынешняя чрезмерная зависимость от союзников западных. Прозападная ориентация и многочисленные уступки Москвы так и не дали ощутимых плодов ни для индустриализации, ни для нового научно-технологического развития. Вместо этого мы видим выдавливание российского бизнеса, захват наших традиционных сфер влияния, поощрение антирусских настроений и нарушение прав поселившихся в Западной Европе граждан России. «Геополитическое позиционирование Сибири», о котором пишут авторы статьи, действительно очень важно сейчас, на старте ее нового освоения. Поэтому России ни в коем случае нельзя позволить использовать себя для замыкания того, что эти авторы называют «Северным кольцом» – «союзом современных демократических рыночных стран: от Европы через Россию и Японию к Соединенным Штатам». По существу предлагается новый политический – а следовательно, и военный – блок, в котором наша страна играла бы второстепенную роль в руководстве и первостепенную – в принятии на себя всех издержек подобной интеграции.

Нынешнее смятение умов по поводу желательности приоритетного развития Сибири и Дальнего Востока – развития, инициированного национальным лидером, автором стратегии «разворота на Восток», рассуждения о «сепаратизме» жителей восточных земель России и споры о главных союзниках России на Тихом океане совпадают с дискуссиями, которые происходили в Российской империи более века назад. Начатое императором Александром III закрепление России на дальневосточных рубежах, планы строительства Транссибирской магистрали, освоения новых земель, мягко говоря, не вызывали энтузиазма ни среди искавшей в Европе эталоны демократии либеральной публики, ни среди придворных кругов, связанных с Западом кровными и коррупционными узами. То, что мы сейчас называем информационной поддержкой новой восточной политики Александра III, стало одной из главных целей знаме-

Владимир Путин и Ху Цзиньтао

Будем продолжать топтаться у захлопнутых перед нами дверей в ветшающую Европу или распахнем собственную, хотя и с проржавевшим замком, калитку, которая ведет в поднимающийся Азиатско-Тихоокеанский регион?

нитого морского путешествия в 1890–1891 годах цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II, в Египет, Индию, Китай и Японию с возвращением по суше из Владивостока в Оренбург. Спутник цесаревича, востоковед князь Эспер Ухтомский в своей книге «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича», очень популярной в России и переведенной на европейские языки, так писал о поставленной Александром III цели «кругоазиатского» вояжа: «Передать сибирякам попечительно-творческие мысли Его о необходимости пробуждения восточных окраин, озарить тамошнюю тусклую и однозвучную жизнь от всего сердца идущими приветом и лаской. Факт августейшего проезда из Приморской области на Оренбург должен оставить и без сомнения оставит неизгладимый след на поверхности местного строя и быта, доказав, во-первых (вопреки нелепым толкам о проникающем их "опасном" сепаратизме), неразрывную духовную связь между туземным населением и Императорским домом, а кроме того вынуждая столичные сферы иными глазами посмотреть на сравнительно обездоленный крайний Восток, откуда мы вправе ожидать и наверное дождемся в непродолжительном времени мощного движения вперед по пути конечного утверждения русского главенства в Азии. Великая Сибирь – наш авангард; ее исполненные неколебимого мужества и упорства закаленные среди изменчивой природы сыны – "младшего цикла богатыри", воочию воплотившие и воплощающие в народную жизнь прямодушно-простые и единственно правильные государственные взгляды Допетровской Руси на инородческие миры, на задачи пламеневших рвением святителей и радевших о национальной чести воевод, на призвание каждого верноподданного стоять на полуведомых рубежах Отчизны во всеоружии гуманного и в то же время твердого патриотического настроения. Оттого-то лица вроде Муравьева-Амурского, которые по европейскую сторону Урала не смогли бы проявить достаточно гражданской доблести и политической предприимчивости <...> светлеют сознанием и волей, с восторгом проникаются творческими замыслами о неизбежно-естественном развитии и расширении наших восточных окраин. <...> Это как бы само собой навеял главному начальству своему молчаливо-вдумчивый сибиряк, это тени ищущей моря и гор легендарной вольницы осенили своими крылами заветные мечты нашей исторической идеи. Это заговорила в сердцах сквозь грубую корку чисто западных предубеждений и предрассудков старая "сибирская" удаль новгородцев и пермяков, издавна считавших смежную нам Азию чем-то "исконно нашим"».

Проехав за время девятимесячного странствия по доброй дюжине стран Востока, ощутив их волнующую экзотику и осознав безграничные возможности взаимодействия России с Азией, ставший вскоре императором Николай увлекся идеей «азийства», которую сформулировал Ухтомский – предшественник евразийцев XX века. Цесаревич заложил во Владивостоке первый камень Транссибирской магистрали, а позже поручил Ухтомскому возглавить Русско-Китайский банк, созданный для финансирования Маньчжурской железной дороги, и правление самой МЖД. Николай II поддерживал сибирские и дальневосточные проекты Сергея Витте и Петра Столыпина, активно вел официальную и тайную дипломатию с Китаем, поощряя его стремление сопротивляться натиску Японии. Коррумпированность придворных и высших чиновников, ошибки дипломатов и военных, интриги Англии, Японии, Германии и других стран-конкурентов в конечном итоге привели к несчастной русско-японской войне 1904–1905 годов, которая приостановила российский «натиск на Восток» и в конечном итоге привела к краху Российской империи.

В советскую эпоху ценой огромных усилий местных жителей, миллионов вольных и невольных переселенцев, за счет энтузиазма комсомольцев, мужества защитников восточных рубежей Дальний Восток получил второе дыхание. Была создана мощная промышленная база, развивалась транспортная сеть, росла численность населения.

В последние два-три десятилетия Сибирь и Дальний Восток утратили инерцию развития, превратились в депрессивную зону. Сейчас появился шанс на третье дыхание наших восточных земель. «Разворот на Восток» инициирован и поддерживается в Кремле, эта стратегия вполне может стать новой национальной идеей. Опросы общественного мнения показывают, что более трети жителей европейской части России готовы переехать на Восток, если там начнется реализация крупномасштабного нацпроекта и будут высокие зарплаты и возможность покупки жилья. Хорошие перспективы открывает перемещение центра мировой экономики и политики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Мы будем становиться все более востребованным партнером и в торгово-экономическом взаимодействии, и во внешнеполитических делах. Еще нам повезло с соседом – сопредельный Китай является не меньшим ресурсом развития Сибири и Дальнего Востока, чем их неисчерпаемые природные богатства. Главное – не утратить оптимизма и не совершать необратимых ошибок.

Триумфальные, или Царские ворота, построенные в Благовещенске к приезду цесаревича на месте, где после подписания Айгунского договора об установлении российско-китайской границы встречали графа Николая Муравьева-Амурского

Эспер Ухтомский:

«Сибирь – наш авангард; ее исполненные неколебимого мужества и упорства закаленные среди изменчивой природы сыны – "младшего цикла богатыри", воочию воплотившие и воплощающие в народную жизнь единственно правильные государственные взгляды на призвание каждого верноподданного стоять на полуведомых рубежах Отчизны во всеоружии гуманного и твердого патриотического настроения».

Осмонакун Ибраимович Ибраимов – профессор, член-корреспондент Национальной Академии наук Кыргызской Республики, почетный профессор Шанхайского университета международных отношений, в 2001–2005 гг. – Государственный секретарь Кыргызской Республики

Россия: технология притягательности

Я – гражданин независимого Кыргызстана, который, хотя и не без проблем, живет и развивается по своему собственному пути. Независимость оказалась для древних горцев вовсе не сладкой пилюлей. Чтобы нормально развиваться, приходилось и сейчас приходится ухватываться за все хорошее и доброе «и зубами, и ногтями», как однажды выразился создатель Турции Мустафа Кемаль Ататюрк.

Но государствам, как и людям, нужны друзья, причем надежные, добрые, желательно бескорыстные. И мой Кыргызстан ищет для себя таких друзей и, слава богу, их находит в разных частях света. И все же получается так, что не только в моей жизни, но и в жизни многих моих соотечественников именно Россия продолжает занимать особое место. Эта великая страна даже после государственного размежевания с ней, взаимного признания суверенитетов и правил общения по нормам международного права остается ключевым государством в жизни суверенного Кыргызстана. Подобное же признание, думаю, сделали бы многие народы бывшего Союза. Ибо таково особое духовное притяжение России, простирающейся от Балтики до Тихого океана, да и за нами общая, совместно пережитая история. Таково ее разностороннее влияние и в духовном, и, разумеется, в экономическом плане. Отсюда неослабевающий интерес к этой стране, ко всему, что там происходит, о чем в России говорят и спорят. Надо ли говорить, что удвоенный и даже утроенный интерес разных народов и стран проявляется к российскому политическому курсу, к той стратегической линии, которая начала все более выкристаллизовываться именно с приходом Владимира Путина. Мне не хотелось бы анализировать те или иные стороны поведения России в современном мире, где все меньше остается всякого рода «оплотов». Если они и были, то после Ирака и Афганистана сильно полиняли, потеряли былой облик и годами наработанный имидж. Неопровержимым фактом современного мирового общественного мнения является сильное усугубление разочарования в прежних «цитаделях» демократии. Это приводит в геополитике к непредвиденным изменениям и глубоким тектоническим сдвигам.

Посмотрите на Латинскую Америку. Посмотрите, на кого молятся и кого боготворят сотни миллионов верующих в мусульманском мире. Посмотрите повнимательнее на Центральную Азию. На их «вечных» президентов и на их внешнюю политику. Ее иногда называют многовекторной, прагматической, ни к кому в долгосрочном плане не привязанной. Этот изменчивый тип политического поведения не в последнюю очередь продиктован динамичными политическими переменами в современном мире. В мире, где нет явных лидеров, заслуживших высокую моральную репутацию. В мире, где есть очень богатые государства, но с бедными и социально неустроенными народами. Лидерам стран, не имеющих надлежащих экономических ресурсов, приходится менять свои приоритеты чуть ли не каждый год, каждый политический сезон – в зависимости от очередных выборов то там, то здесь, расширяя различные союзы, альянсы и так же быстро покидая их. Самый яркий пример тому – наше СНГ, результат самого что ни на есть политического неумения договариваться или выполнять то, о чем уже достигнута договоренность. Однако есть и еще более вопиющий пример – это наша Центральная Азия. Регион порой напоминает дикий Запад времен конкистадоров, где друг друга грабили на каждом шагу, то открывая, то закрывая разного рода кордоны и пропускные пункты. Посмотрите на Таджикистан и Узбекистан, на границах которых простаивают сотни, иногда тысячи нагруженных товарами машин, многочисленные железнодорожные составы. Лживость и лицемерие лидеров, страдающих обычным бонапартизмом или отягощенных самой примитивной манией величия, ниже всякой критики. А страдают народы.

Посмотрите на Таджикистан и Узбекистан, на границах которых простаивают сотни, иногда тысячи нагруженных товарами машин, многочисленные железнодорожные составы. Лживость и лицемерие лидеров, страдающих обычным бонапартизмом или отягощенных самой примитивной манией величия, ниже всякой критики.

Именно в такой ситуации все, что делает и говорит Россия, становится и в соседних странах, и в мире в целом важным предметом для размышлений.

■

Эксперты хорошо понимают, почему русские ведут себя именно так, а не иначе по тому или иному спорному вопросу. У Москвы есть свои геополитические интересы, и она не может и не должна быть простым наблюдателем, когда происходят события, прямо ее затрагивающие. Вполне законно желание России противостоять нежелательным поворотам в ее ближнем зарубежье. Внешнеполитические действия России в подавляющем большинстве случаев представляются объяснимыми, в том числе и такие, когда в ход идут газовая и нефтяная трубы как факторы силового давления.

Но некоторые шаги Кремля иногда напоминает обычный экономический шантаж, чтобы та или иная страна слишком далеко не отошла от России. Фактически нынешний Евразийский и Таможенный союзы – во многом результат именно такой мотивации. Но странно, что политики не помнят совсем недавнее наше общее прошлое, когда Сталин силой и террором загонял народы в общий советский лагерь, тем самым только умножая всеобщее отторжение и взаимную подозрительность. И именно его система, в конце концов, привела к огромному разочарованию и стала причиной того, что страна так легко развалилась.

Совершенно очевидно, что превращать ЕврАзЭС в некий полувоенный блок и смешно, и опасно. Что, будем противостоять НАТО? Или общими усилиями станем спасать шкуры центральноазиатских «вечных» президентов? Если поднимутся народы против своих

Россия всегда располагала к себе мощью – животворной культурной орбитой, огромным духовным пространством, глубинной приверженностью морали, унаследованной от ее великих защитников чести и совестливости. Перед современными российскими политиками стоит стратегическая задача – возвысить Россию морально, закрепить ее нравственный авторитет в мире, задействовав огромный цивилизационный потенциал русской культуры.

диктаторов, никакой ЕврАзЭС их не спасет. Или будем вновь играть в холодную войну, дуя в одну дудку с обиженной и геополитически ангажированной Россией, забывая, что такая война один раз уже погубила нашу общую Родину?

Да, сегодня Россия – бесспорная энергетическая держава (кто-то из политиков употребил даже слово «империя»), существует огромный спрос на ее природные ресурсы. Но у меня всегда возникает вопрос: неужели Россия из всего набора инструментов реального влияния на других выбирает преимущественно ведомства Миллера, Сечина и иных управляющих углеводородными активами? Ведь Россия не Америка. Думаю, русские никогда не будут жить и вести себя подобно американцам. Россия тем более не Китай. У России исторически сложилось лицо с «необщим выраженьем». Она всегда располагала к себе другой мощью – животворной культурной орбитой, огромным духовным пространством, глубинной приверженностью морали, унаследованной от ее великих защитников чести и совестливости. В мире продолжают уважать Россию все-таки за Толстого и Пушкина, за Достоевского и Чайковского, за Пастернака и Сахарова. А газ и нефть – это не трудовое завоевание русских, а везение судьбы, дар их земли. Да, это сырье стратегическое. Оно греет дома миллионов людей, но за него платят хорошие деньги.

Поэтому я радуюсь, когда при проведении в той или иной стране года России, ее представители поражают и побеждают мир мощью высокой культуры. Культуры, в которой веками неизменно доминировала нравственная составляющая, удивлял вечный и неустанный поиск истины, справедливости, этической гармонии, в которой основой основ всегда оставался гуманизм.

Перед современными российскими политиками, по моему мнению, стоит стратегическая задача – возвысить Россию морально, закрепить ее нравственный авторитет в мире, задействовав огромный цивилизационный потенциал русской культуры. И через это – подтвердить статус действительно особой страны, особой мультикультурной цивилизации, притягивающей к себе прежде всего своей справедливостью. Статус государства, располагающего к себе партнеров способностью дружить, бескорыстно помогать и никогда не предавать, имея в виду не показушную «дружбу» лидеров, в которой часто нет границ между политикой и лицемерием. Не будь сказано в обиду, но пока все делается ровным счетом наоборот.

Россия может быстро потерять лицо, уважение к себе, если позаимствует образ заокеанского «строгого дядьки», чуть что прибегающего к санкциям, угрозам, шантажу, открытому и грубому вмешательству в дела других государств. Правильно мыслили те великие русские, которые указывали на зловредность гордыни, на саморазрушительную силу великодержавного шовинизма. Достаточно того, что развалили СССР и мы потеряли общую для всех Родину, которая по-настоящему сдружила народы, связала воедино миллионы людей, сформировала одну из богатейших в мире культур, сделала много хорошего, доброго, и тем важнее понять ошибки, которые привели к ее развалу. Да, хорошо поработали наши геополитические оппоненты, но основная вина лежит все-таки не на них, а на нас, проигравших в общем-то самую обычную конкуренцию и за это обвиняющих кого угодно, но только не самих себя.

■

Да, Россия должна быть богатой, ее народ – благополучным, хотя в это верится все меньше. Мне кажется, причина кроется в том, что русские просто не руководствуются такой мотивацией – быть богатыми. Для большинства россиян богатство – дело почти аморальное, нехристианское и не входит в систему их ценностей. Но политики упорно хотят превратить Россию в купеческую, по-американски ростовщическую страну, разговаривающую со всеми исключительно шуршащим языком банкнот. Россия становится другой страной. Какой-то большой, гигантской Северной Кореей. Ее дипломатией руководят некие мрачные, всегда чем-то недовольные люди, новые господа No, которые не умеют смеяться, не обладают чувством юмора.

Между тем у российской дипломатии именно в отношениях с бывшими советскими республиками ничего не получается, хотя это направление должно быть приоритетом исключительной национальной важности. Как бывший дипломат и государственный деятель могу со всей ответственностью утверждать, что если какие-то связи нас удерживают, то это исключительно заслуга Владимира Путина. Его хорошие человеческие качества, интуиция большого политика продолжают играть свою позитивную роль. Но и здесь должен быть исключен язык ультиматумов для бывших советских республик. Звучит не в унисон с новыми постсоветскими реалиями, но на России лежит определенная ответственность перед этими народами, а это уже не экономическая категория, а категория историческая, даже нравственная.

Народы – это не абстрактное понятие, а обычные люди, индивиды, и поэтому они уважают прежде всего морально и этически мотивированное поведение государств и их лидеров, но не шовинистические устремления, основанные на давлении и грубой силе. Так устроен человек, так устроен его ценностный мир. Моральный фактор оказывает все более сильное влияние на политику многих стран, на геополитические процессы в мире в целом. Прочтите «Американское фиаско» Збигнева Бзежинского и поймете, что все начинается с людей, с их политических, моральных, этических предпочтений.

Для большинства россиян богатство – дело почти аморальное, нехристианское и не входит в систему их ценностей. Обычные люди уважают прежде всего морально и этически мотивированное поведение государств и их лидеров.

Государства, которые кичатся экономическим благополучием и геополитическим положением, почти никогда не заслуживают уважения в мире. Но есть государства, как, скажем, Япония – одна из ведущих держав, но при этом редко прибегающая к так называемым санкциям или другим мерам силового воздействия. И ее неизменно уважают везде. Не думаю, что японцы – какие-то особые люди. Читая Нацумэ Сосэки и Акутагаву Рюноскэ, легко понять, что они такие же, как все, но продуманная стратегия послевоенных лет создала такой имидж стране, что слово «Япония» стало синонимом гарантированного качества и доверия. Людям на всех континентах импонирует, когда такая страна, как Россия, возвышает свой голос против несправедливого мирового порядка, нарушения норм международного права, проявляя при этом заботу о тех, которые нуждаются в помощи, причем помощи бескорыстной.

Грубая сила очень редко обеспечивает истинную победу. Посмотрите на идеологизированные американские экономические санкции в отношении Кубы. И посмотрите на глубоко укоренившийся антиамериканизм в этой прекрасной стране, на Фиделя Кастро, политическое долголетие которого стало во многом результатом политики США в отношении Кубы. Результатом, полностью противоположным ожидавшемуся. «Заслугой» Америки следует считать и то, что, потеряв моральный авторитет, она не смогла остановить рост социал-маоизма в Латинской Америке, где ныне стремительно умножаются лидеры подобного толка. Сегодня Вашингтон бессилен повлиять на сложившуюся ситуацию, неспособен заткнуть рты тем, которые с высоких трибун поносят США и их лидеров самым настоящим площадным матом. Выдающийся политический мыслитель Алексис де Токвиль говорил про Америку, что ее сила будет в ее справедливости. В настоящий момент Америка – морально изможденная страна, потому что не сумела по большому счету быть справедливой. Для России этот пример должен стать поучительным.

Параллельно происходит другой процесс – нарастают сочувствие и даже симпатия к так называемым странам-изгоям, которые таковыми стали прежде всего потому, что оказались непослушными, несклонными жить и думать по схеме, предложенной извне. Сейчас тот же Фидель Кастро – это один из ярких символов

противостояния всесильной Америке. Уго Чавес, Эво Моралес и даже новые лидеры Бразилии воспитаны на нем, и это очевидно. Очевидно и то, что Кастро надолго останется в истории Латинской Америки как великий лидер и борец, как целая эпоха.

Роковое желание унифицировать мир по удобной для кого-то схеме приводит к расколу, хотя в универсальных ценностях демократии сомневаться не приходится. Ясно одно: мировая деревня становится все более похожей на клуб фанатичных болельщиков футбола, которые после поражения в игре любимой команды расходятся по домам с ненавистью в душе и с камнем за пазухой. Нетерпимость как поведенческая модель в мировой политике вновь в моде, и ею козыряют лидеры многих государств по отношению к менее защищенным и более экономически зависимым странам. Из планов создания нормального мирового порядка, о которых много говорили с высокой трибуны ООН, ничего путного так и не вышло. Как писал однажды журнал «Тайм», критика Карлом Марксом глубинной природы капитализма во многом оказывается близкой к истине. Все хотят стать богатыми, но мало кто хочет стать честным, справедливым, бескорыстным. Что бы ни говорили яйцеголовые аналитики из Гарварда или Кембриджа, но именно жадность, бессовестный популизм политиков, которые обещали манну небесную избирателям, только чтобы избраться и переизбраться, и которые хотели силой оружия заткнуть рты тем, которые им возражали или пытались противостоять, привели мировую экономику к нынешнему системному кризису.

Поэтому я убежден, что именно в приверженности России к нормам чести, справедливости и высокой морали – ключ к ее истинному величию. Всякий другой путь – нероссийский путь. Всякий иной выбор – только отдалит другие народы от нее, а всякие звучные, но пустопорожние союзы – химера и пустой звук.

«Особенная стать» России связана изначально с мультикультурализмом российского гуманитарного и политического ландшафта. Забывать это – значит забывать многонациональную природу страны, ту особость, о которой веками говорили ее духовные отцы. Сложившийся многонациональный эквилибриум, если им пренебрегать, породит культурную центробежность народов, что может стать губительным для российского государственного самоутверждения. Мультикультурализм для истинного россиянина должен быть основой национальной философии, нормой и незыблемым законом жизни. Пренебрежение к этому принципу подвело бы страну к опасной черте – неуклонному росту сепаратистских чувств. Хотя русские по известным причинам не очень любят Бжезинского, но к его мнению стоит прислушаться. Американский политолог считает сохранение государственного суверенитета главной проблемой России и убежден, что опасность здесь исходит не извне, а изнутри страны и связана она, в частности, со всплеском русского национализма, причем национализма примитивного. «Я думаю, что Путин до какой-то степени сделал из себя заложника имперской ностальгии, – утверждает Бжезинский. – С моей точки зрения, России с подобными взглядами и приоритетами будет очень сложно решить широкий спектр острых внутренних проблем в стране».

Действительно, непоправимый вред могут причинить выходки русских фашистов и разных скинхедов, не всегда отличающих китайца от своего родного якута или алтайца. Они наносят непоправимый урон имиджу страны, подрывают, если хотите, государственные устои России. Убивая ни в чем не повинных киргизских мигрантов на улицах Москвы, они не хотят даже знать, что отцы этих самых киргизов героически защищали нашу общую тогда столицу во время войны, что знаменитая Панфиловская дивизия, остановившая фашистов под Москвой, формировалась в нынешнем Бишкеке.

В этом смысле политический феномен Жириновского весьма характерен. Он, безусловно, показатель реально существующих у значительной части российского общества настроений. Но если раньше его хотя бы эпизодически, но все-таки критиковали, то сейчас к нему привыкли, его эпатажи многим нравятся, и он сегодня желанный гость на всех телепередачах, ток-шоу, праздниках и других тусовках. Его электорат чуть ли не самый устойчивый и при определенных обстоятельствах может только вырасти.

Но ведь нельзя забывать, что игра политиков на низменных чувствах своих сограждан уже принесла немало бедствий в XX веке. В ходу оказались и национализм, и антисемитизм, и трайбализм, и расовые предрассудки, фобии – их не счесть. Именно в таких странах чаще всего случаются непредвиденные политические сюрпризы, быстрые смены политических курсов, а то и государственные перевороты. Их вожди рвутся к финансовым ресурсам, легким коррупционным деньгам и т.п. Типичный пример – киргизская «тюльпановая» революция 2005 года. Она отбросила страну далеко назад, прежде всего демократически, в то время как коррупция, подстегиваемая самими «революционерами», достигла при Курманбеке Бакиеве невиданных размеров. Не берусь судить об Украине и Грузии, где также произошли «цветные» революции, смены политической элиты. Очевидно только, что их внутринациональный конфликтный потенциал из латентного состояния уже перешел в общенациональный, открытый, уличный. В свою очередь это выдвинуло новых популистов, новых лидеров, новые националистические идеологии.

■

Возвращаясь к мысли о тесном сотрудничестве с Россией, о реальном союзничестве, хотел бы еще раз подчеркнуть, что вопрос о партнерах и друзьях – это вопрос, для решения которого у России должна быть осознанная философия, продуманная программа, если угодно, доктрина. Почему с такой надеждой образованное когда-то СНГ превратилось фактически в пустое место? Члены этой во многом ритуальной и декоративной организации так и не сумели расчистить завалы, образовавшиеся вследствие развала Союза. Не хватило прежде всего твердой политической воли. Прожекты, касавшиеся передвижения людей, товаров и услуг, никогда до конца не выполнялись. В итоге прежде единая страна превратилась в хаотическое пространство, а новообразованные границы – в пункты откровенного вымогательства денег у простых людей. Высокие заявления и декларации так и остались на бумаге. Более пустых и бессмысленных мероприятий, чем наши СНГовские саммиты, я никогда не видел. А они проводились по несколько раз в году. Кичившиеся своим величием лидеры собирались друг к другу на дни рождения, на конские скачки, встречи превращались в обычные уикенды и увеселения... Толк от всего этого, однако, оказался мизерным.

В настоящий момент Америка – морально изможденная страна, потому что не сумела по большому счету быть справедливой. Для России этот пример должен стать поучительным.

■

Российские политики эпохи Ельцина во многом напоминали мне младотурков времен раннего Ататюрка, которые жаждали из огромной Оттоманской империи вычленить Турецкую республику и для этого турецкий национализм возвели в ранг государственной идеологии. Ельцин, правда, никогда не был националистом, но так резко открещиваться от бывших советских союзных республик экономически и интеграционно не стоило. Это наделало много бед в наших странах, а нормальные экономические и торговые связи так и не удалось наладить.

Когда началась первая чеченская война, один умный человек сказал мне, что русские генералы явно не читали Толстого. Человека можно уничтожить, но трудно победить. Так сказал, кажется, Эрнест Хемингуэй, а он хорошо знал, что говорил. Победы бывают разные, в том числе пирровы.

В мире нет примеров, когда какая-то страна силой оружия и бомбежек заставила полюбить себя. Обида, душевные травмы и стрессы, ненависть за боль и унижения остаются в памяти людей надолго. Но есть победы справедливые, морально оправданные.

Как России стать вечной и неколебимой – говорили и писали все великие русские от Пушкина и Толстого до Достоевского и Бердяева. Российские духовные властители размышляли и напряженно думали об исторических судьбах России, предлагали способы сделать ее духовно здоровой и вечной. Не только для русских, но и для всех, кому она дорога. Для таких, как я, – по-доброму заинтересованных в сильной и надежной, духовно и нравственно здоровой России. Нас в мире – миллионы.

Приходят на ум пророческие слова Пушкина: «<...> стой неколебимо, как Россия». Правда, имелась в виду Великая Россия.

Алексей Викторович Власов –
кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, исполнительный директор Политологического центра «Север–Юг»

Евразийская интеграция: взгляд из Казахстана

Евразийская интеграция, безусловно, является одной из самых важных тем для современного Казахстана. Выступления ведущих политиков, газетные публикации, научные доклады, дискуссии в казахстанском сегменте Сети, наглядная агитация, призванная лишний раз напомнить, кто именно является «создателем теории практического евразийства», – все это актуальные приметы сегодняшнего дня. Если сопоставить степень освещенности евразийской тематики в российском и казахстанском информационных пространствах, то сравнение будет явно не в нашу пользу.

Нет сомнений и в том, что идеология и практика евразийской интеграции для Казахстана – это важная часть государственной политики. Причем как с точки зрения формирования внешнеполитического курса страны, так и с позиций решения внутриполитических задач.

В каком-то смысле евразийство является одним из системообразующих элементов государственной идеологии – неслучайно, что один из ведущих университетов страны – Евразийский – носит имя Льва Гумилева. В России еще только задумываются об открытии кафедр евразийской интеграции или евразийских интеллектуальных центров, а в Казахстане они существуют уже более десяти лет, причем не только в столичных городах – Астане и Алматы, – но и в регионах – Уральске, Павлодаре, Костанае.

Почему именно Казахстан стал первым государством на пространстве бывшего СССР, столь активно продвигающим идею восстановления кооперационных связей, экономического сотрудничества на новой основе? Если взять за основу официальную версию, то получается, что в первые годы после распада СССР постсоветская интеграция напоминала броуновское движение – находилась в непонятном подвешенном состоянии. «Откуда мы пришли?» – с этим вроде все ясно. Из общей советской шинели. А вот внятных ответов на другие вечные вопросы – кто мы? куда идем? – не было. У многих лидеров стран СНГ, особенно в ближайшие после распада СССР годы, отсутствовало ви́дение общей цели – куда должно двигаться постсоветское пространство. Первым ответ на этот вопрос постарался дать казахстанский лидер. Публичная дискуссия, инициатором которой выступил Нурсултан Назарбаев, в конечном счете привела к конкретизации достаточно привлекательной для ряда стран СНГ конечной цели.

Это, еще раз подчеркну, официальное прочтение новой «евразийской истории».

Действительно, в 1994 году, выступая в стенах Московского университета, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выдвинул стратегию превращения интеграции в один из важнейших ресурсов развития постсоветских стран. Как отмечают биографы казахстанского лидера: «В сложных экономических и социальных условиях первых лет после распада СССР предложения Елбасы (глава государства, *каз. – А.В.*) означали отправную точку в длительном процессе формирования новых хозяйственных связей – на смену поспешно разорванным производственным цепочкам советского времени». Спустя десятилетие эти идеи обрели плоть и кровь в формате новых интеграционных проектов, таких как Таможенный союз и Единое экономическое пространство. Однако остается открытым вопрос, почему именно евразийская идея была положена Нурсултаном Назарбаевым в основу стратегии «новой сборки» для Евразии? Как воспринималась евразийская интеграция в самом Казахстане в середине 90-х годов и как воспринимается сейчас – двадцать лет спустя?

Нурсултан Назарбаев:
«Мы – республики бывшего Союза, историей и судьбой подготовленные к сообществу. <...> У нас в СНГ народы хотят объединения, а политики отстают».

Обратимся к предложениям Нурсултана Назарбаева, артикулированным на встрече с преподавателями МГУ. Что бросается в глаза? Прежде всего исходная мысль: «Евразийский союз необходим, – заявил тогда президент Казахстана, – потому что страны Европы с многовековой государственностью идут на объединения и там все чаще звучит слово “конфедерация”. Мы – республики бывшего Союза, историей и судьбой подготовленные к сообществу. Вопрос в том, что у некоторых политических лидеров существует боязнь возрождения империи. Но на это уже никто не пойдет. Нам не нужно бояться слова “союз”. У нас в СНГ народы хотят объединения, а политики отстают. Мы могли бы начать объединение в ЕАС с Казахстана и России».

Предложения Нурсултана Назарбаева в тот исторический момент действительно носили прорывной характер. Особенно на фоне системной хаотизации политических и экономических взаимоотношений на постсоветском пространстве. Но они не были востребованы в полной мере. По крайней мере, со стороны российской элиты середины 90-х годов. Вероятнее всего, Борис Ельцин и его окружение исходили из расчета на то, что бывшие республики СССР и без особых стратегических изысков, рано или поздно попросятся под «российский зонтик». Казахстан и Центральная Азия не рассматривались в тот момент в качестве стратегического ресурса для России, а потому преобладало желание избавиться от «сидящих на шее», а не строить новый евразийский дом. Только с начала «нулевых» годов, в эпоху Путина, отношение Кремля к интеграционной идее принципиально изменилось.

В конце 2011 года Нурсултан Назарбаев в новой программной статье (опубликованной, кстати говоря, в российских СМИ) – реакции на путинское предложение о

Россия и Азия

У многих лидеров стран СНГ, особенно в ближайшие после распада СССР годы, отсутствовало видение общей цели – куда должно двигаться постсоветское пространство. Вероятнее всего, Борис Ельцин и его окружение исходили из расчета на то, что бывшие республики СССР и без особых стратегических изысков, рано или поздно попросятся под «российский зонтик».

«перезагрузке» евразийского проекта – уже не рассматривал как актуальную идею политического единства – «евразийской конфедерации» – и практически не касался общественных аспектов интеграции. Вместо этого он образно и метафорично рассуждал о том, что «Казахстан и Россия – это локомотивы интеграционных процессов», и – что не менее важно – четко расставлял акценты: предложения о Евразийском союзе никогда не предполагали передачу политического суверенитета. В современном прочтении (так, по крайней мере, следовало из слов президента Казахстана) это объединение рассматривается прежде всего как экономический союз, который обеспечивает «прагматичную интеграцию» на равноправной и взаимовыгодной основе с целью повышения конкурентоспособности на глобальных рынках.

Заметно, что за прошедшие годы риторика президента Казахстана стала намного сдержаннее. Во всяком случае, по сравнению с его же историческим выступлением 1994 года. Тогда, помимо стратегической идеи «практического евразийства», казахстанский лидер апеллировал к простым и понятным для граждан бывшего Советского Союза темам. Например, к возможности вновь обрести единение на новом уровне, найти новую мотивацию для развития, преодолеть психологический шок, вызванный распадом СССР.

С позиций сегодняшнего дня определенная осторожность высказываний Нурсултана Назарбаева продиктована объективными причинами. Многие российские политики почему-то убеждены, что после известного выступления Владимира Путина идея евразийской интеграции воспринимается нашими партнерами по Таможенному союзу и Единому экономическому пространству как данность. Но это иллюзия. Необходимо признать, что в Казахстане стратегия дальнейшего развития интеграции в сторону заключении договора о создании Евразийского экономического союза встречает все более ожесточенное сопротивление. Именно поэтому многие казахстанские чиновники используют при обосновании необходимости интеграции систему доказательств от противного – это не восстановление СССР, это не назад в империю, это не означает утрату суверенитета. То есть они фактически оправдываются в своих действиях.

К тому же если еще несколько лет назад многие местные политики скептически оценивали стремление России ускорить движение по главным интеграционным трекам, рассматривая эти идеи в качестве предвыборного хода со стороны Кремля, то с весны 2012 года Ак Орда (резиденция президента Казахстана, *каз. – А.В.*), равно как и оппозиция, рассматривает проект Владимира Путина в контексте «реальной политики». Это привело к заметной поляризации общественных настроений и консолидации той части казахстанского политического класса, которая в силу определенных причин выступает против дальнейшего развития евразийской интеграции и в особенности против перехода от интеграции экономической к созданию политических надстроек и наднациональных органов.

На уровне политических элит определенные сложности в форсированном продвижении интеграционного проекта возникли после прошлогоднего мартовского саммита ЕврАзЭС, на котором так и не было принято решение о немедленном создании Евразийского экономического союза. Расхождение позиций между Москвой и Астаной по срокам и последовательности совместных действий привело к тому, что вопрос о формировании ЕЭС был перенесен на 2015 год.

Как отмечают эксперты, одной из ключевых причин, предопределивших торможение со стороны Ак Орды, стало то, что, по мнению части казахстанской элиты, российские государственные чиновники в недостаточной степени учитывают интересы Казахстана в процессе формирования новых наднациональных органов. Например, ни один из существующих ныне интеграционных центров не расположен в Астане. В Алматы были перемещены некоторые офисы ЕврАзЭС, но это только частичная компенсация за фактический отказ от аналогичного шага в отношении структур Евразийской экономической комиссии.

Надо признать, что аргументация наших партнеров заслуживает внимания, перенос месторасположения ряда органов за пределы России – «это разумно, поскольку позволит избежать разговоры о том, что Москва опять возрождает Советский Союз». Однако консенсус по этим вопросам пока не найден.

Кроме того, присутствует и субъективная обида. В Ак Орде считают, что в российских СМИ и выступлениях некоторых отечественных публичных политиков в недостаточной степени отражается роль Нурсултана Назарбаева как «творца и создателя евразийского проекта».

Негативную реакцию в Казахстане вызвало выступление спикера Государственной Думы Сергея Нарышкина, в котором он предложил уже в ближайшее время создать евразийский парламент, ориентируясь, кстати, на прежние высказывания самого Нурсултана Назарбаева о возможности создания Евразийской парламентской ассамблеи.

По крайней мере, летом 2012 года эта идея была воспринята в Казахстане отрицательно и вызвала целый ряд публичных заявлений высокопоставленных чиновников (Маулен Ашимбаев, Ерлан Карин, Ермухамет Ертысбаев), которые утверждали, что главная миссия текущего момента – формирование «прочного фундамента экономической интеграции», а не «поспешное создание» политических надстроек, которые «могут угрожать суверенитету Казахстана».

Примечательно, что советник президента Казахстана Ермухамет Ертысбаев имеет репутацию одного из главных сторонников углубления интеграции – но очевидно не по тому сценарию, который предлагали российские законодатели. Камнем преткновения может стать вопрос о представительстве каждой из стран в едином парламенте. Если российская сторона предлагает взять за основу тот же вариант распределение мест, по которому строится Евразийская экономическая комиссия, то есть с учетом масштабов страны, то Казахстан стремится отстоять принцип паритета, равного представительства.

В то же время кандидатуры министров и переговорщиков, назначенных со стороны Казахстана в новый наднациональный орган – Евразийскую экономическую комиссию – и рабочую группу по обсуждению вопроса касательно будущего евразийского парламента, показывают, что Ак Орда не стремится направлять в евразийские ведомства сильных и самостоятельных в политическом плане фигур. Эту площадку казахстанское руководство намерено использовать для трудоустройства чиновников-ветеранов или же для обкатки молодых управленцев.

В течение 2012 года активно протекала не только внутриэлитная, но и общественная дискуссия относительно перспектив развития отношений между Казахстаном и Россией в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства. Представители национал-патриотического крыла и непримиримая оппозиция в Казахстане выдвинули идею проведения референдума о выходе страны из обеих структур, апеллируя к мнению граждан относительно негативного влияния интеграционных проектов на социальную ситуацию. Главным обоснованием этой позиции было то, что интеграция приводит к постепенной утрате суверенитета и снижению уровня жизни населения. Особую активность в критике евразийского проекта проявляют известные общественные деятели Булат Абилов и Мухтар Тайжан, которые резко оценивают «социальное наполнение» Таможенного союза и Единого экономического пространства.

По словам Мухтара Тайжана, интеграция с Россией – это опасный для независимости Казахстана процесс. Он обращает внимание на новые тенденции, возникшие с момента формирования наднациональных органов: «Раньше мы сами проводили политику по развитию сельского хозяйства, макроэкономическую, антимонопольную политику. А сейчас уже не можем делать это – надо направлять заявление в Евразийскую комиссию и ждать ее решения. В Евразийской комиссии работают

2000 человек, 84 процента из них – граждане Российской Федерации. А ведь мы уже жили под юрисдикцией России. В результате потеряли половину казахского народа в годы голодомора».

Значительная часть казахстанского общества не участвует напрямую в этих дискуссиях, но, как показывают социологические опросы, поддерживает идею развития интеграционных трендов, впрочем, воспринимая их по-разному. Для кого-то интеграция – это фактор развития более тесных и дружеских связей с Россией, для других – дополнительная подушка безопасности и гарантия защиты от экономической экспансии Китая. О значении китайского фактора в рамках формирования новых экономических отношений с Россией публичные лица предпочитают открыто не говорить, но многие бизнесмены и общественные деятели в «беседах не для протокола» признают, что фобии, существующие в отношении соседа, обладающего одной из самых мощных экономик мира, так или иначе влияют и на характер восприятия стратегического партнерства с Россией.

В то же время необходимо признать, что существует определенный слой предпринимателей, бизнесменов, представителей малого и среднего бизнеса, которые объективно несут потери из-за вступления Казахстана в Таможенный союз и Единое экономическое пространство. В их число входят те, которые активно занимаются реэкспортом китайских товаров, например, подержанных машин.

Многие экономисты обращают внимание на то, что с развитием экономической интеграции казахстанский рынок открывается для российских производителей, но обратного процесса пока не происходит. Впрочем, причина не в том, что Россия каким-то образом препятствует проникновению на свой рынок товаров из Казахстана, а скорее в том, что казахстанский производитель, за исключением ряда стратегических секторов экономики, еще не нарастил мускулы, для того чтобы успешно конкурировать с продукцией российских компаний.

Однако известный казахстанский экономист Канат Берентаев утверждает, что это временные трудности и в перспективе возобладает обратная тенденция: «При более дорогом российском импорте наш бизнес получит больше шансов на развитие своего производства. Ниша казахстанских товаропроизводителей может увеличиться. Очевидно, что цены импорта не будут превышать цены местных производителей, тем более что предполагается, что они ниже казахстанских. Таким образом, импорта инфляции не будет».

В любом случае экономический фактор в процессе евразийской интеграции остается доминирующим, и нет оснований полагать, что какие-либо обстоятельства воспрепятствуют реализации «дорожной карты» Единого экономического пространства. Скорее наоборот, возможен вариант, что в 2013 году партнеры по евразийскому проекту пойдут на ускорение динамики взаимодействия.

Какой прогноз можно дать относительно перспектив дальнейшего развития евразийского интеграционного проекта с точки зрения участия в нем казахстанской стороны?

Ответ на этот вопрос следует четко разделить на две составные части. Если мы говорим о политической воле к углублению интеграции, то пока у власти находится первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, нет оснований полагать, что политический курс Астаны в отношении Евразийского союза может существенно поменяться. Какие бы противоречия ни возникали в переговорном процессе между Ак Ордой и Кремлем, генеральная линия будет сохранена.

Итоги декабрьской встречи в Москве на уровне лидеров трех стран ЕЭП свидетельствуют о том, что стратегия казахстанского руководства на ближайшие два года четко определена – до 1 января 2015 года, когда планируется подписать договор о создании Евразийского экономического союза, каких-либо действий, направленных на ускорение экономической и политической интеграции, Астана осуществлять не намерена. Процесс будет идти в штатном режиме.

Но в связи с этим все бóльшую актуальность приобретает другой вопрос – продолжат ли эту стратегическую линию возможные преемники Нурсултана Назарбаева? С позиции текущего момента однозначно утверждать, что преемственность во внутренней и внешней политике Казахстана сохранится и в «эпоху после Назарбаева», достаточно сложно. Нужно признать, что влияние других игроков на казахстанском политическом поле растет с каждым годом. Но не менее важной проблемой является и притягательность образа России как главного партнера Казахстана в рамках евразийской интеграции. Проблемы социально-культурной, гуманитарной, образовательной составляющих в рамках деятельности интеграционных структур находятся явно не на первом плане.

Это, конечно, вполне объяснимо, поскольку процесс развития экономического взаимодействия должен быть

фундаментом сотрудничества, на котором в дальнейшем будет выстраиваться социокультурный компонент. Но интеграция все еще не превратилась в общественный проект. Большинство населения и в Казахстане, и в России относится к идее Экономического союза позитивно-равнодушно, поскольку плоды интеграции, образно говоря, пока еще нельзя пощупать, они все еще просматриваются преимущественно на уровне макроэкономических показателей. И в этих условиях тема общих ценностей, мотивов сближения, конечных целей интеграции для Казахстана и России приобретает особое значение.

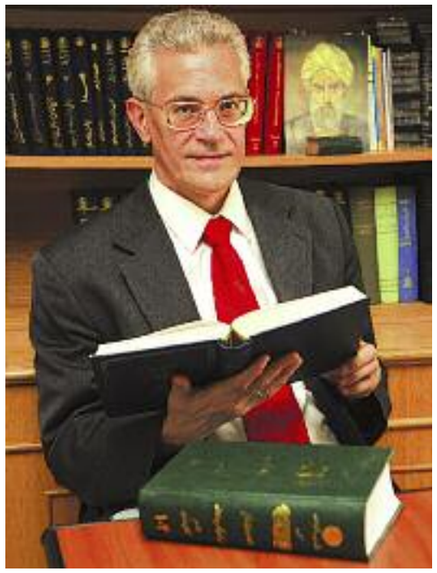
Если наши лидеры говорят о Европейском союзе как о некой идеальной модели для Евразийского союза, то стоит вспомнить, что не только Союз угля и стали или Общий рынок, но и общие европейские ценности, устоявшиеся в общественном сознании после завершения Второй мировой войны, придали этому проекту необходимый уровень прочности.

Процесс развития экономического взаимодействия должен быть фундаментом сотрудничества, на котором в дальнейшем будет выстраиваться социокультурный компонент.В этих условиях тема общих ценностей, мотивов сближения, конечных целей интеграции для Казахстана и России приобретает особое значение.

Пока что ответ на вопрос: «Что такое евразийские ценности?» – дают философы и писатели, но большинство граждан Казахстана и России, особенно поколение, которое родилось уже после распада СССР, едва ли смогут столь однозначно сформулировать, в чем именно состоят идеологические скрепы, создающие запас прочности для евразийского интеграционного проекта.

Это обстоятельство диктует потребность и в проведении согласованной молодежной политики, в более четком артикулировании ценностных ориентиров для нового поколения евразийства.

Именно поэтому перспективы успешного становление Евразийского экономического союза будут зависеть не только от дальнейшего увеличения объемов товарооборота или формирования совместных инновационных производств, но и от того, насколько мы, жители Казахстана, России и Беларуси, будем ощущать себя частью единого целого, не апеллируя к памяти о совместном великом и трагичном прошлом, а обращаясь к будущему, ясно понимая духовную близость и уникальное чувство взаимного притяжения наших народов. Решение этой задачи связано и с формированием новых институций, таких как, например, Ассоциация евразийской интеллигенции, Общество выпускников евразийских вузов. Большую роль в этом важнейшем процессе может играть и Московский университет, выступающий центром притяжения в поддержании общего образовательного пространства.



Владимир Иванович Юртаев –
доктор исторических наук, руководитель Научно-образовательного центра африканских исследований Российского университета дружбы народов, автор работ по истории и внешней политике Ирана, международным аспектам глобализации, евразийской интеграции, член Европейского общества иранистов

Иран в Евразии: вызовы «исламского пробуждения»

В начале XXI века мир ислама и один из его лидеров – Иран – все заметнее втягивались в борьбу за влияние на евразийском пространстве. Исламская Республика Иран (ИРИ), будучи ключевой страной в зоне Персидского залива и одной из крупнейших экономик в Юго-Западной Азии, заявила о своей готовности решать сложные задачи, имеющие масштабное международное измерение. Президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад (с 2005 г.), понимая миссию современного Ирана как создание условий для становления всемирной справедливой власти, заявил о «втором старте» ирано-исламской цивилизации, связав его с победой исламской революции в Иране. В условиях мирового финансово-экономического кризиса руководство ИРИ призвало человечество сформировать новое международное экономическое пространство, альтернативное капиталистическому, создать обстановку сбалансированности, справедливости и отрицания режима господства в международных отношениях, глобального ви́дения перспектив регионального сотрудничества. Однако в условиях действия международных санкций в связи с иранской атомной программой свои инициативы Ирану придется соотносить с ви́дением глобальной перспективы Соединенными Штатами и их союзниками, Китаем, Россией, Индией.

Евразия вошла в эпоху глобализации без проектов евразийской интеграции, предпочитая им участие в глобальных проектах человечества и региональное строительство в условиях трансформирующегося мира. При этом шел процесс евразийской и международной регионализации, который охватывал все новые территории, независимо от суверенитетов государств и типов политических режимов. Последовательно расширялся ЕС (Европейский союз). Менялась конфигурация организации пространства СНГ (Содружества Независимых Государств). Усложнялся формат взаимодействия в рамках ШОС (Шанхайской организации сотрудничества), АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии) и АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества). Появился новый формат межрегиональной интеграции – БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Сохраняющийся и сегодня проектный вакуум можно считать одним из главных вызовов странам Евразии, в том числе и Ирану. Во втором десятилетии XXI века Тегерану предстоит действовать в условиях недостатка доверия к своим внешнеполитическим инициативам, в условиях критически высокого уровня напряженности вокруг ИРИ.

В основу государственной стратегии развития ИРИ положен принцип «опоры на собственные силы». Страна участвует в исламской революции, экспорт которой во имя создания всемирной мусульманской Уммы (общины) призвана обеспечивать разработанная в ИРИ к 2008 г. концепция исламской внешней политики. Иран позиционирует себя в качестве лидера мира ислама, а руководитель (рахбар) ИРИ Али Хаменеи признан «вождем шиитов мира». Возросший потенциал Ирана соотнесен с амбициозной программой национального развития на 10–15 лет до 2025 г. Заявленный генеральный ориентир ИРИ – занять первое место к 2025 г. в экономике, науке и технологиях в регионе в целом, стать «исламской Японией».

Президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад (с 2005 г.), понимая миссию современного Ирана как создание условий для становления всемирной справедливой власти, заявил о «втором старте» ирано-исламской цивилизации, связав его с победой исламской революции в Иране.

Потенциал Ирана

Первой основной характеристикой потенциала Ирана в начале XXI века закономерно считается его ресурсная база, в которую входят прежде всего нефтегазовые месторождения и стратегическое географическое положение между Востоком и Западом. XXI век Иран встретил с функционирующей вертикалью исламской власти, боеспособной армией и развитым нефтегазовым сектором экономики. Экономическая структура в последние годы в целом находилась в процессе трансформации, а международные торговые пути (МТК «Север–Юг» и «Великий шелковый путь») к середине 2000-х фактически оказались замороженными.

К началу 2010 г. доказанные запасы нефти в Иране оценивались BP Statistical Review of World Energy (2011 г.) в 137 миллиардов баррелей (в 1990 г. – 92 миллиарда баррелей), что составляет 9,9 процента от общемировых запасов. По данным ENI, Иран является четвертым в мире производителем нефти (более трех миллионов баррелей в день), уступая лишь Саудовской Аравии, США и России. По разведанным запасам нефти Иран находится на пятом месте после Саудовской Аравии, Ирака, ОАЭ и Кувейта. По иранским данным на 2002 г., доказанные запасы сырой нефти составляют 100 миллиардов баррелей и стоят 2 триллиона долларов (при цене за баррель в 20 долларов). По оценкам экспертов, Иран должен сохранить за собой вторую позицию в системе ОПЕК как минимум до 2015 г. с 7 процентами производства и экспорта нефти на мировых энергетических рынках. В случае остановки нефтяного потока из Ирана кардинально изменится вся система производства и потребления нефти в Азии. Вопрос в том, будет

ли она лучше действующей и не приведет ли к реальным военным действиям в Азии. Эксперты прогнозировали цену 90–120 долларов за баррель нефти в случае начала войны Запада против Ирана. Однако во многом будущее Ирана в XXI веке связано с газом. Доказанные запасы иранского газа на конец 2009 г. оценивались в 29,6 триллионов кубометров (в 1990 г. – 17,0 триллионов кубометров), что составляет 15,8 процента мировых запасов газа. По доказанным запасам эту страну опережает лишь Россия – 48 триллионов кубометров. Однако реализация экспортного потенциала Ирана, связанного с поставками газа, в том числе сжиженного, – дело будущего. Возникший в 2008 г. Форум стран-экспортеров газа пока не стал газовым картелем на принципах функционирования ОПЕК, как на том настаивала иранская сторона. Проводимые иранской стороной переговоры о поставках газа в различные страны Азии (в Индию и др.) показывают заинтересованность Тегерана в участии в азиатских энергетических проектах.

Евразия вошла в эпоху глобализации без проектов евразийской интеграции, предпочитая им участие в глобальных проектах человечества и региональное строительство в условиях трансформирующегося мира. Сохраняющийся проектный вакуум можно считать одним из главных вызовов странам Евразии, в том числе и Ирану.

Относительно маршрутов газопроводов Иран предложил проект МИР (перевод английского названия PEACE – Pipeline Extending from Asia Countries to Europe) с целью создания сети газопроводов, соединяющих Иран, страны Персидского залива и Центральной Азии, Турцию, Европу и Индию на третьей фазе проекта. По экспертной оценке, такая сеть может быть создана за 2 года и объединить 70 процентов мировых запасов газа. Есть также два варианта обойти транзитную зависимость от России. Первый – это вывод трубы на Китай. Второй – подключение казахстанского газа к трубе, которая может быть построена в ближайшие год-два. Это труба на Азербайджан–Турцию–Европу, пересекающая по диагонали Каспийское море. Сложившаяся в прикаспийском регионе ситуация затянувшейся неопределенности побуждает соседей Ирана к выбору стратегических союзников. Ведь риски возможной дестабилизации Ирана сказываются и на процессах развития соседних стран. Можно находиться в режиме ожидания некоторое время, но не десятилетия. Вероятно поэтому Азербайджан, например, все более втягивается в возникающую антииранскую коалицию и готов разместить 7 радаров на побережье Каспийского моря. Баку при этом не может не учитывать угрозу актуализации проблемы «разделенного этноса» (азербайджанцы проживают и в Иране, и в Азербайджане) и риски для национального нефтегазового комплекса (нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, газопровод Баку–Тбилиси–Эрзурум и др.), связанные с ведением боевых действий.

Именно огромные запасы энергетических ресурсов и географическое положение делают современный Иран центральной мишенью геоэкономических войн. В то же время усиление позиций Исламской Республики в мире ислама сделало ее одним из центров большой геополитики. Поэтому Иран одновременно использует и геополитический, и геоэкономический инструментарии, чтобы достойно встретить вызовы конкурентов. В этом смысле опыт иранского руководства уникален. В условиях дестабилизации соседних стран (Афганистан и Ирак) Иран был поставлен в ситуацию, когда он оказался вынужденным решать проблемы безопасности не только на страновом или на региональном уровнях. Мир и безопасность в Иране и в регионе оказались непосредственно связаны друг с другом, являясь важной составляющей глобальной безопасности.

Иран стратегически заинтересован в полнокровном участии в процессе выработки и реализации решений по энергетической безопасности, как и в других процессах, связанных с глобализацией. Уважение к великому историческому прошлому Ирана, восприятие его современных лидеров как лидеров ведущей мировой державы – вот те задачи, которые определяли во второй половине первого десятилетия XXI века позицию Ирана по вопросам энергетической и региональной безопасности.

Второй важнейшей составляющей потенциала современного Ирана являются его вооруженные силы и оборонно-промышленный комплекс. В ходе исламизации Ирана были сформированы новые вооруженные силы, особенностью которых, по оценке эксперта по Ирану Владимира Сажина, стало «наличие в их составе двух независимых компонентов: регулярных вооруженных формирований – Армии и Корпуса стражей исламской революции (КСИР)». К 2010 г. Иран располагал крупнейшими по численности вооруженными силами на Ближнем и Среднем Востоке, обладавшими опытом ведения боевых действий (война с Ираком 1980–1988 годов) и планами перспективного развертывания в «Исламскую армию 20 миллионов». Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны в соответствии со статьей 110 Конституции ИРИ является рахбар ИРИ, который правомочен объявлять войну, мир и всеобщую мобилизацию. Рахбару ИРИ Хаменеи подчиняется Высший совет национальной безопасности (ВСНБ) ИРИ – важнейший консультативный орган по вопросам безопасности государства, обороны, стратегического планирования и координации деятельности правительства в различных областях. Оборонно-промышленный комплекс Ирана способен полностью обеспечить вооруженные силы ИРИ обычным и легким вооружением. Иранские ракетные вооружения уже сегодня стали реальным фактором в геополитических и практических военных сценариях.

Третьим значимым компонентом потенциала современного Ирана является его население, численность которого к 2012 г. составляла около 74 миллионов человек. Иран фактически является молодежной исламской республикой. Феномен современного Ирана в значительной степени обусловлен спецификой демографической ситуации этого региона. За последние полвека Восток резко омолодился. Вследствие размыва социальной структуры общества изнутри молодежная группа превратилась одновременно в доминирующую группу населения, «народные массы» и потенциальный горючий материал политики. Более половины жителей Ирана в начале XXI века составляла молодежь в возрасте до 20 лет, которая выросла в Исламской Республике и не представляет иных форм государственности. Иран сегодня – одно из самых молодых государств мира – как в прямом (ИРИ возникла в 1979 г.), так и в переносном смыслах. Именно взрослая молодежь (18–35 лет) является ведущей силой в иранском обществе и, с одной стороны, представляет собой потенциал исламского развития страны, а с другой – служит фактором нестабильности.

Большинство населения Ирана, то есть 90 процентов его населения, – мусульмане-шииты. Иранское руководство достаточно твердо управляет страной, опираясь на опыт свержения народом шахского режима 9–11 февраля 1979 г. в условиях системного присутствия американцев в Иране. Религиозное руководство ИРИ опирается на патриотично настроенную армию и КСИР, контингенты ополченцев (басидж), воспитанных в духе священной жертвенной традиции борьбы за свободу и независимость – культуры Ашура.

Возросший потенциал Ирана соотнесен с амбициозной программой национального развития на 10–15 лет до 2025 г. Заявленный генеральный ориентир ИРИ – занять первое место к 2025 г. в экономике, науке и технологиях в регионе в целом, стать «исламской Японией».

Очень точную и образную оценку непонимания Западом иранской готовности противостоять военной машине США дал писатель Михаил Веллер: «Время работает на Иран. <...> Сегодня Западу трудно себе представить, как можно испытывать готовность к жертвам и разрушениям в собственной стране во имя победы. Борьба за демилитаризацию сознания, за укоренение антивоенной идеологии, начавшаяся после Второй мировой войны, давно принесла плоды. <...> Сегодняшнему европейцу уже непонятны демонстрации 1914 года, ликующие о начале войны и жаждущие крови врагов». Между тем граждане ИРИ почти 30 лет открыто демонстрировали именно эту готовность умереть, несмотря ни на что. Дни поминовения (Ашура) шиитского имама аль-Хусайна ибн Али (Хусейна), убитого в 680 г., широко отмечаются в современном Иране.

Сегодня в Иране говорят о культуре Ашура как об одной из своих главных национальных ценностей. В дни Ашура в траурных церемониях (таазие) участвуют и гражданские, и военные руководители ИРИ. В таазие, сопровождающихся ритуальным самобичеванием, традиционно принимают участие практически все слои населения страны, включая личный состав армии и флота. Более чем тысячелетняя традиция Ашура и память о шиитских мучениках (шахидах), героях, павших на полях брани за ислам, зажигала в сердцах верующих огонь сопротивления гнету, насилию и тирании, звала их на пусть даже неравный бой за справедливость. Новые поколения граждан ИРИ, подобно героям иранского эпоса, во время таазие демонстрируют свою готовность повторить подвиг Хусейна и следовать путем истинной свободы и независимости до конца. Иранцы помнят о веках былого величия. На исторических картах можно увидеть, что пространство «Большого Ирана» периода расцвета династии Ахеменидов (VI–V века до н.э.) включало регионы Центральной Азии и Кавказа, Среднего и Ближнего Востока. Территория современного Ирана является ядром этого

Россия и Азия

Иранцы помнят о веках былого величия. На исторических картах можно увидеть, что пространство «Большого Ирана» периода расцвета династии Ахеменидов (VI–V века до н.э.) включало регионы Центральной Азии и Кавказа, Среднего и Ближнего Востока. Современные иранцы осознают себя и мусульманами, и наследниками великого опыта своих предшественников.

пространства. Современные иранцы осознают себя и мусульманами, и наследниками великого опыта своих предшественников на протяжении трех последних тысячелетий. Любимыми народными образами до сих пор остаются герои исторического эпоса Фирдоуси «Шах-наме», которых отличает просвещенность и светлость ума, красота внутреннего облика и мужественность поступков, чувство избранности. Руководство ИРИ всегда стремилось соответствовать этим народным представлениям о вождях нации, что, в частности, проявилось в сознательном восхождении на государственную голгофу руководителей революции первой волны. Многие из них в результате террористических актов погибли (в том числе лидер Партии Исламской Республики аятолла Бехешти, президент Раджаи, премьер-министр Бахонар).

Шиитские руководители испытывающей мощное внешнее воздействие Исламской Республики стремятся сохранить ее самость и не потерять верующих – вот главный вызов современной эпохи всем Церквам и религиям, в том числе и исламу в Иране. В целом к началу XXI века синдром зависимого прошлого в ИРИ был в основном снят, в стране выросло третье поколение иранцев, воспитанных уже в условиях сложившейся Исламской Республики, в духе исламской исключительности и превосходства.

Отдельно следует отметить фактор технологического успеха. 2 февраля 2009 г. Исламская Республика Иран стала 10-й космической державой. Запуск был приурочен к 30-й годовщине исламской революции (1979 г.) и осуществлен с иранского ракетного полигона в Семнане. Был произведен пуск второй ракеты «Сафир» («Посланник»), которая успешно вывела связной микроспутник «Омид» («Надежда») на орбиту. Президент Ахмадинежад, лично руководивший запуском, подчеркнул, что «Омид» несет всему миру «послание единобожия, мира и справедливости». По данным Джеймса Клея Мольца из Центра по проблемам нераспространения ядерного оружия Монтерейского института международных исследований (США), к числу космических держав в Евразии относятся Япония, КНР, Индия, Северная Корея, Иран, Великобритания, Франция и Россия. Еще 10–12 азиатских стран близки к обретению космического статуса: Австралия, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Пакистан, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Филиппины. Эксперты подчеркивают значение экономико-военных аспектов мотивации по выходу в космос, особенно в разрезе регионального сотрудничества.

Иран в геополитике

Вся история XX века – живой опыт того, как на пространстве Евразии воплощались геополитические проекты. Почти столетие единство евразийского пространства обеспечивалось геополитическими скрепами. В результате народы двух континентов проживают сегодня в условиях чудовищного нагромождения тлеющих конфликтов всех мыслимых конфигураций и подоплек. В первую очередь это обусловлено сложившейся здесь схемой территориально-политической власти и активным военно-политическим внедрением США в регион Центральной Евразии, особенно заметным в Центральной Азии и на Среднем Востоке.

По мнению занимавшего тогда пост советника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского, победа иранской революции в феврале 1979 г. означала для США коллапс регионального стратегического баланса. Далее произошел ввод советского «ограниченного воинского контингента» в Афганистан 27 декабря 1979 г. В ответ Вашингтон 23 января 1980 г. обнародовал так называемую «доктрину Картера», в которой провозглашалось: «Любая попытка любой внешней силы установить контроль над районом Персидского залива будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое посягательство будет отражено всеми необходимыми средствами, включая военную силу».

В отличие от США, российская геополитика выстраивала схемы по реализации потенциала России как «осевого» государства. По меткому замечанию российского востоковеда Владимира Максименко, «Евразийские Балканы», «Большой Ближний Восток» – «разные наименования основополагающей геостратегической идеи, а именно: географический пятиугольник Каспийского, Черного, Средиземного, Красного морей и Персидского залива является ключевым для осуществления территориально-экономического контроля над Евразией. Здесь пролегают и перекрещиваются коммуникации, которые, во-первых, связывают Европу с Центральной Азией, Южной Азией и Дальним Востоком, во-вторых, соединяют континенты Евразии и Африки». Анализируя стратегическую роль «Пятиморья», исследователь сформулировал тезис о том, что этот регион, «попадая в сферу особых интересов великих держав, неизменно прирастал за счет стратегических “расширений” в двух направлениях – на север и на восток, в сторону России и Центральной (Средней) Азии».

Здесь следует внести одно важное уточнение в определение векторов «расширения» иранской державы (в моменты роста могущества). Расширение Ирана исторически происходит в направлении юго-запада (Юго-Западная Азия) и северо-востока (Центральная Азия). Причем последний вектор совпадает с направленностью процесса спрэдинга (расширения) на поверхности Земли, что позволяет говорить, возможно, о неслучайности выявленной исторической закономерности. А исторически «Большой Иран» включает в себя Средний Восток и часть Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан), арабскую часть Юго-Западной Азии и Египет.

В 1990-х годах был сформулирован еще один международный концепт – «Четырехугольник “Россия–Индия–Иран–Китай”», предложенный президентом Фонда национальной и международной безопасности Леонидом Шершневым. Затем, в декабре 1998 г., в ходе визита тогдашнего премьер-министра России Евгения Примакова в Китай и Индию, им впервые была озвучена идея создания стратегического «Треугольника “Москва–Дели–Пекин”». Решение о продолжении контактов в таком формате было принято на неформальном ланче между главами внешнеполитических ведомств Индии, Китая и России, прошедшем 14 сентября 2002 г. в Нью-Йорке, в кулуарах 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Тема получила дальнейшую разработку в работах Павла Мареева и других экспертов, предполагавших ключевую роль России как связующего и координирующего звена, как позитивного объединяющего центра. Наконец, как арбитра (в частности, в отношениях Индии с Китаем) и торгово-экономического партнера. При этом отмечались совпадения геополитического характера для стран «Четырехугольника», поскольку все страны-участницы являются сухопутными государствами. А значит, в борьбе за выживание они обречены противодействовать наступающей атлантической системе.

В тот же период получили распространение и новые евразийские схемы «трансъевразийских мостов» (Линдон Ларуш, Сергей Рогов и др.). Их рациональное зерно заключалось в том, что они были выстроены в категориях геоэкономической стратегии и хозяйственных реалий, а также деидеологизированы. Однако они оказались слишком глобальными – что привлекательно, но несет в себе дилемму: все или ничего.

Попытку уйти от общеевразийской детерминированности предпринял Вадим Цымбурский, предложивший вариант одновременного развертывания Великого шелкового пути как системы трех маршрутов с меридианными скрепами. Однако Россия здесь оказывается периферией Тихоокеанского мира с заметной неевропейской направленностью.

Вся история XX века – живой опыт того, как на пространстве Евразии воплощались геополитические проекты. В результате народы двух континентов проживают сегодня в условиях чудовищного нагромождения тлеющих конфликтов всех мыслимых конфигураций и подоплек.

Для Ирана проектной исторической реальностью стал Великий шелковый путь как самое масштабное проявление евразийской интеграции в предшествовавший период истории. Его можно рассматривать в качестве определенной геоисторической матрицы. Такая матрица определяла формат взаимодействия между странами Европы, Азии и Северной Африки в географическом (пространственном) и в функциональном (экономическом и временно́м) отношениях. Несмотря на то, что Великий шелковый путь как некая цивилизационная и экономическая реальность исчез, его фундаментальная востребованность (геоэкономическая парадигма) сохранилась.

Это также исторический вызов Ирану, который географически замыкает на себя важнейшие для планирования возможной интеграции в Евразии евроазиатские широтные и меридианные транспортно-коммуникационные маршруты. В них заинтересованы или участвуют все ключевые государства континента, в том числе и России, и это также обусловливает высокую значимость осмысления характеристик исторического взаимодействия России и Ирана. У обеих стран есть исторический шанс совместного участия в формировании новой модели регионального взаимодействия. Отметим, что речь не идет о геополитическом партнерстве с Ираном в рамках союза с миром ислама – хотя бы в силу очевидной утопичности такого объединения.

Даже это краткое изложение основных концепций с возможным участием Ирана и России в обустройстве Евразии показывает, как насыщена идейная палитра, насколько широк круг вовлекаемых в обсуждение проблем и понятий. Каждой из названных выше концепций соответствуют свои проекты, вокруг реализации которых продолжается острая политическая борьба. В идущем процессе глобализации всем им предстоит пройти проверку временем на прочность.

Здесь важно подчеркнуть, что российско-иранские отношения Москва никогда не выстраивала в неприемлемой для России логике разменных карт. Россия и Иран исторически соседствуют друг с другом, и это делает их естественными партнерами. Это партнерство не стратегическое и не идеологическое, а прагматическое в своей основе, обусловленное тем, что мы – страны-соседи. В 1990–2010-е годы взаимное сближение во многом было вызвано стремлением народов Ирана и России найти свой собственный ответ на вызовы глобализации. В начале XXI века спектр российско-иранского сотрудничества начал расширяться, включив сотрудничество в таких областях, как космос и авиастроение, атомная и тепловая энергетика, нефтегазовая промышленность, металлургия, сельское хозяйство, лесное и рыбное хозяйство, транспорт, связь, строительство, экология, туризм. Годовой оборот торговли уже к 2003 г., за пять лет, вырос вдвое и составил около 1 миллиарда долларов, а в 2011 г. – 3,7 миллиарда долларов, при этом около 90 процентов приходилось на российские поставки.

Как представляется, устранение определяющей роли идеологической доминанты в международных отношениях после краха биполярного мира вывело на первый план проектную, геоэкономическую в своей основе деятельность. Традиционная евразийская геополитика постепенно отходит на второй план – пространство Евразии все заметнее сшивается геоэкономическими скрепами. Складывающуюся евразийскую конфигурацию определяют совместно реализуемые и намечаемые стратегические проекты. В начале XXI века эти проекты так или иначе связаны с возникновением новых маршрутов в трансконтинентальных перевозках (Транссиб, ТРАСЕКА, «Север–Юг», «Север–Север» и др.). Именно транспортная активность сегодня более чем когда-либо превращает Европу и Азию в единое мобильное пространство развития, обеспечивая растущую потребность в надежных, эффективных, безопасных и экологичных коммуникациях для развития международной торговли, туризма и экономического сотрудничества.

Для Ирана проектной исторической реальностью стал Великий шелковый путь как самое масштабное проявление евразийской интеграции. Его можно рассматривать в качестве определенной геоисторической матрицы, фундаментальная востребованность которой (геоэкономическая парадигма) сохранилась.

В этом контексте становится понятной заинтересованность Ирана участвовать в международных проектах, имеющих не только геополитическое, но и геоэкономическое содержание, таких как международный транспортный коридор (МТК) «Север–Юг» и др.

Иран и МТК «Север–Юг»

Один из самых масштабных российско-иранских проектов – международный транспортный коридор «Север–Юг». Официально он существует с мая 2002 г., когда вступило в силу соответствующее соглашение между Россией, Ираном и Индией. После того как заработало соглашение о международном транспортном коридоре «Север–Юг», взаимодействие с Ираном по этому проекту осуществляется в рамках Координационного совета МТК. С целью развития МТК Иран и Россия активизировали работу по строительству и модернизации сооружений и транспортных терминалов на российском и иранском побережьях Каспийского моря. В Иране значительно расширились существующие порты Энзели и Ноушахр, завершилось строительство порта «Хазар» в Амир-Абаде. В России предпринимались меры по развитию контейнерных мощностей в портах Оля и Астрахани. В морском торговом порту Махачкалы завершилось строительство второй очереди железнодорожного паромного комплекса мощностью 1,5 миллиона тонн в год. Была построена железнодорожная ветка, соединившая порт Оля с Приволжской железной дорогой. В России в фазе экспертной оценки находилось международное предложение по строительству морского глубоководного судоходного канала «Евразия», призванного соединить Каспийское море с Азово-Черноморским бассейном и дополняющего действующий (ВДСК-1) и проектируемый (ВДСК-2) Волго-Донской судоходный канал. Стоимость этого проекта оценивается в 4 миллиарда евро.

В идеале МТК «Север–Юг» должен стать проходящим через Сингапур, Индию, Иран и Россию сквозным водно-сухопутным путем, соединяющим страны Азии и Европы. Уникальна его потенциальная пространственная характеристика. Маршруты МТК в случае его дальнейшего развития охватят транспортно-коммуникационное пространство Южной и Юго-Восточной Азии, Среднего и Ближнего Востока, России (в полосе коридора находится 14 субъектов федерации), стран СНГ, Балтии, Центральной и Восточной Европы. МТК «Север–Юг» отвечает требованиям системности (обладает интегрирующим воздействием на все процессы в регионах, которые он связывает), мультипликативности (проект в це-

2 февраля 2009 г. ИРИ стала 10-й космической державой. Запуск второй ракеты «Сафир» («Посланник»), которая успешно вывела связной микроспутник «Омид» («Надежда») на орбиту, был осуществлен с иранского ракетного полигона в Семнане.

лом имеет качественно иной характер по отношению к любой своей ветви) и целостности (модульный принцип реализации).

Всего к 2007 г. свою заинтересованность в реализации проекта выразили (с учетом стран-участниц) Россия, Индия, Иран, Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Украина, Бахрейн, Египет, Ирак, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Пакистан, Шри-Ланка, Республика Корея, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Латвия, Литва, Финляндия, Болгария, Польша, Сербия, Германия. Таким образом, международный диалог о создании и эксплуатации транспортно-коммуникационной инфраструктуры МТК «Север–Юг» включает три уровня принятия решений – межгосударственный, региональный и глобальный (или евразийский).

По оценкам специалистов министерств транспорта России, Индии и Ирана, уже в 2010 г. объемы контейнерных перевозок по МТК «Север–Юг» могли возрасти до 5–7 миллионов тонн в год и до 40 миллионов тонн с учетом наливных грузов, перевозимых в бассейне Каспия. Совокупные доходы от реализации возможностей МТК оценивались ориентировочно в 5–6 миллиардов долларов США ежегодно. За контейнерными и контрейлерными перевозками – будущее МТК «Север–Юг». Этот путь позволяет сократить срок доставки товаров из Европы в Азию на 10–12 дней – в сравнении с 35 днями следования грузов маршрутом через Средиземное море и Суэцкий канал. Однако до сих пор в системе международных грузоперевозок Азия–Европа (по оси Токио–Франкфурт-на-Майне) МТК «Север–Юг» не входит в семь основных, чаще других упоминаемых маршрутов (Суэц, Китай–Турция, ТРАСЕКА, Транссиб-1 и Транссиб-2, Северный морской путь и Китай–Россия). Это связано не только с незавершенностью выработки общей стратегии функционирования МТК, но и с проблемой развития линейного судоходства на Каспии в интересах наращивания транзита. Актуальной задачей здесь является создание специализированной российско-иранской судоходной компании. В ближайших планах Ирана – строительство судоходного канала, призванного соединить Каспийское море и Персидский залив. Согласно разработанному технико-экономическому обоснованию проекта, канал должен будет пройти по северо-западу Ирана до озера Урмия и далее – до реки Шатт-эль-Араб (Карун), где расположены крупнейшие иранские порты Хорремшехр и Абадан. Это кратчайший путь из бассейна Каспия в бассейн Индийского океана, что одновременно решает проблему исключительной привязки морских торговых маршрутов к контролируемым Турцией черноморским проливам.

Хотя сейчас «вертикаль» МТК «Север–Юг» фактически заморожена, в глобальной повестке дня для стран Европы и Азии стоят проблемы формирования единого интегрированного евразийского пространства. Участие России в возможных стратегических евразийских проектах во многом определит формат складывающейся евразийской интеграции.

Кризис баланса сил в регионе Персидского залива

Сложившаяся среда евразийской политики весьма инерционна, в том числе и в силу накопленного странами континента военного потенциала. Поэтому в борьбе за евразийское наследство, особенно в Азии, неизбежно потребуется использовать геополитический инструментарий.

В начале 1990-х годов в зоне Персидского залива произошло событие, которое во многом предопределило круг возможных сценариев и дальнейшую логику развития событий вокруг ИРИ, хотя формально оно и не имело к этому никакого отношения. 17 января 1991 г. началась боевая операция по освобождению Кувейта от иракской оккупации «Буря в пустыне». Она успешно завершилась 24 февраля 1991 г. Менее чем через год состоялось рождение монополярного мира с доминирующей державой – США, что стало возможным после подписания 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений и ликвидации СССР. Масштаб этого события многократно усилил эффект американского успеха в Кувейте. В итоге в 1990-х годах в регионе сложилась система международных отношений, основанная на принципе баланса сил. В этой системе США присутствовали со стороны поддерживаемых ими арабских государств Персидского залива.

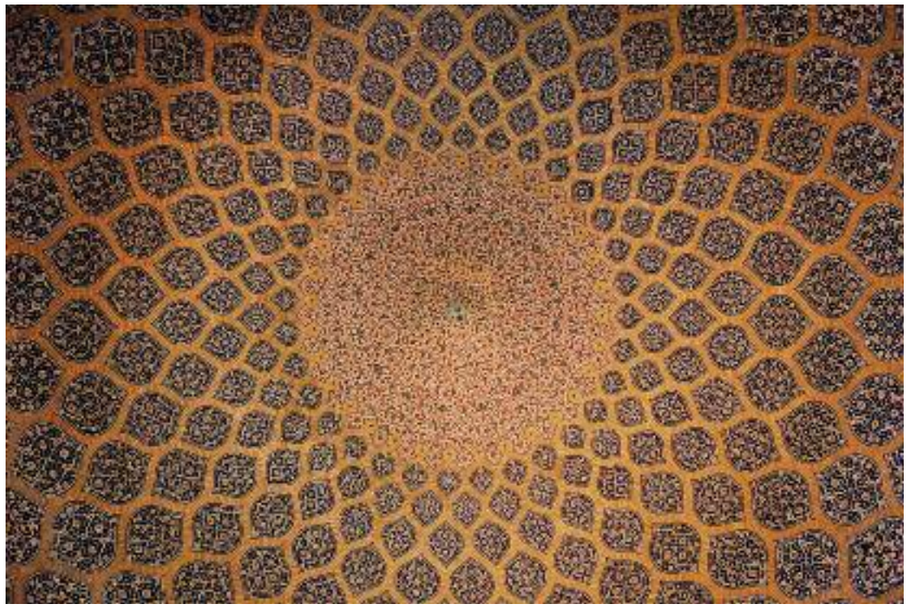
В начале XXI века система международных отношений в регионе Персидского залива оставалась неизменной, пока ситуация не стала меняться после успешно проведенной США даже без санкции ООН военной операции по свержению режима Саддама Хусейна в Ираке (2003 г.). Первоначально эти изменения не были заметны на фоне кардинального слома государственной системы и армии Ирака. Тем более что созданный США и НАТО военный «навес» в Ираке и в Афганистане (с 2001 г.) до какого-то момента нивелировал возникший в регионе дисбаланс сил. Но рано или поздно геополитическое давление от присутствия США должно было сказаться.

Один из самых масштабных российско-иранских проектов – международный транспортный коридор «Север–Юг». Однако сейчас «вертикаль» МТК «Север–Юг» фактически заморожена.

Прежде всего на фоне ослабевшего Ирака стало заметным не просто относительное – как Эмиратов и других стран региона, – а в разы усиление веса Ирана, который превратился в регионального гегемона. По сути, противостоящий глобальному гегемону, Иран получил своего рода геополитическую накачку от вовсе не желавших этого США. Далее на фоне просевшего Ирака и относительно слабых в военном отношении арабских государств Персидского залива Иран начал выступать в роли единственного легитимного регионального лидера. И даже более – регионального лидера глобального масштаба, поскольку Иран в процессе развертывания вокруг него в западных СМИ истерии атомного скандала неожиданно сам приобрел статус глобального игрока.

Широко практикуемый США геополитический подход был воспринят Тегераном, однако полноценного диалога не получилось. Вынужденный говорить с американцами на языке геополитики, исламский Иран остался в своем смысловом поле. К сожалению, в какой-то момент Тегеран попал в плен в общем-то вынужденной геополитической риторики, возникшей иллюзии собственной глобальности. В целом военно-политическое присутствие США (с 1990-х годов) не только изменило лицо региона, но и неожиданно для многих аналитиков стало новой питательной средой для конфликта интересов в зоне Персидского залива, придав ему глобальное измерение. Значимость происходящего для всех вовлеченных сторон была очень высока.

Ведь фактически речь шла о позиции США как лидера на «Большом Ближнем Востоке». Однако после свержения шахского режима в Иране и вхождения исламского фактора в мировую политику эта позиция была поколеблена. Новая ситуация выдвинула на повестку дня задачу создания новой региональной системы безопасности. Как отмечали Вали Наср и Рей Такей, главной целью ближневосточной политики Соединенных Штатов (с 2007 г.) стало сдерживание Ирана, его изоляция – «путем проведения линии от Ливана до Омана». Вашингтон должен был сделать выбор между навязыванием нового баланса сил или региональным соглашением, одобренным всеми заинтересованными странами.



Мозаика купола мечети Шейха Лютфаллы в Исфахане

Исламизация внешней политики Ирана обусловлена идеей всемирной исламской революции как всепроникающего и перманентного процесса обретения мусульманами единства.

Сценарии для Ирана

Неудивительно, что и Тегеран начал рассматривать региональные риски в широком стратегическом контексте. Ирану требовалось найти новую парадигму выстраивания международных отношений не только на Среднем Востоке, но и со странами Евразии, с Россией. И Тегеран, судя по утвержденным ориентирам и планам развития, понимал, что находится между Китаем и Европой, между Америкой и Россией. Кроме лоббируемого Тегераном с начала XXI века проекта Иран–ШОС, сложились еще два мессианских в своей основе проекта, которые можно обозначить как «Иран – лидер мира ислама» и «Иран – лидер мира шиизма». Анализ положенной в основание государственного курса ИРИ концепции исламской власти Рухоллы Хомейни показывает, что имам предложил исламский путь объединения мира, где место глобального государства (*Pax Americana*, *Pax Britannica* и др.) занимает община мусульман – *Pax Umma Islamica*. Шиитский мир первым (от имени ислама) решился на подобный проект мирового уровня, что говорит об его огромном потенциале. 22 августа 2010 г. в обращении к меджлису (парламенту) и правительству Ахмадинежад отметил: «Иран установил особые отношения как минимум с 40 странами мира в банковской и страховой сферах, импорте и экспорте. И второй его шаг состоит в том, чтобы правительство воспользовалось ситуацией для создания нового международного порядка для выхода из-под господства капиталистического строя». Первым шагом на этом пути должна стать экономическая самообеспеченность. Тегеран предложил создать союз стран Юго-Западной Азии, включающий центральноазиатские государства как мир-экономики мира ислама. Действительно, страны региона с населением около 300 миллионов человек позволяют создать современный полнокровный рынок, но как быть с технологиями?

Все заметнее проявляется интерес ИРИ и к региону Индийского океана, о чем свидетельствует активизация внешней политики Тегерана в отношении Индии, стран Африки и Латинской Америки (Венесуэла, Бразилия и др.). При шахе Иран активно продвигался в Индийском океане, вплоть до ЮАР, и рассчитывал на роль регионального силового центра, который подчас именовали в прессе «жандармом Среднего Востока». Шах претендовал на особую миссию Ирана с его 2500-летней традицией шахиншахского строя и планировал создать своего рода клуб коронованных особ мира, для чего начал строительство «Лас-Вегаса Востока» на острове Киш в Персидском заливе. Об особой миссии иранского народа и Ирана как страны древней цивилизации заявил в 2006 г. и президент ИРИ Ахмадинежад.

Эксперты по-разному видят будущее Ирана в перспективе 2010-х годов. Если исключить сценарий войны, наиболее вероятный ход развития событий представлен в коллективном исследовании группы ученых под руководством Майкла Оппенгеймера (Нью-Йоркский университет). В состав группы вошли известные иранисты и ученые-международники, в том числе Эрванд Абрахамиан, Ричард Баллиет, Дэвид Сангер и др. Были предложены следующие три основные сценария.

Сценарий «Иранский Горбачев». Очередная победа Ахмадинежада на президентских выборах в 2009 г. временно поставила точку на сценариях «цветных» революций. В результате произошла актуализация рецептов холодной войны, среди которых второе прочтение, как и на рубеже веков, получила идея «иранского Горбачева» – лидера, с которым Запад сможет найти общий язык. Пока, при рахбаре Хаменеи, появление такого рода лидера в ИРИ маловероятно.

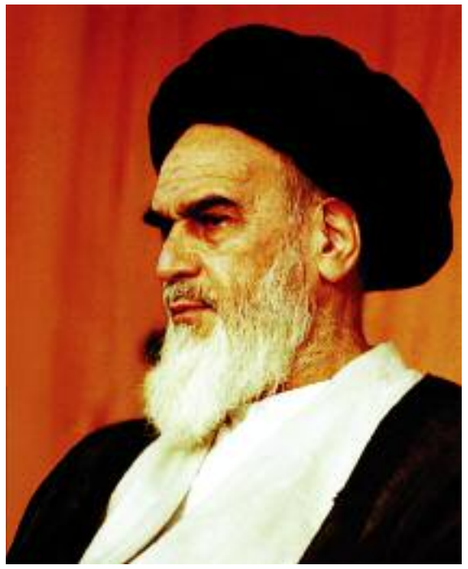
Сценарий «Динамичный баланс сил». После вывода американских войск из Ирака снизится уровень военно-политического присутствия США в регионе. В этих условиях произойдет объединение арабских стран зоны Персидского залива в целях защиты своего суверенитета, и одновременно следует ожидать усиления вовлеченности Ирана в дела региона. При сохраняющемся присутствии США в регионе основанием для возможного взаимодействия могут стать проблемы международного терроризма и взаимных гарантий суверенитета.

Сценарий «Вовлеченность США – включенность Ирана». Для реализации данного сценария, как отметили авторы исследования, требуется преодолеть конфронтацию между США и ИРИ по иранской ядерной программе. Следующим шагом могло бы стать признание интересов Ирана в регионе и выстраивание системы региональной стабильности и международной кооперации.

Вряд ли можно говорить, что против ИРИ сложилась глобальная враждебная коалиция. Между тем сегодня имеющийся потенциал проектного взаимодействия с участием Ирана не может быть эффективно реализован.

Внешняя политика Ирана

Очередная попытка найти формат вхождения Исламской Республики в мировую политику была начата Тегераном, когда президентом ИРИ стал Ахмадинежад. (До этого власти Ирана предприняли две аналогичные попытки: первая была связана с именем имама Хомейни, вторая – с пятым президентом ИРИ Мохаммадом Хатами.) Устремленность иранского руководства на развитие присутствия ИРИ в мире была обусловлена не только нацеленностью на совершение исламской революции в мире. Необходимо было вывести растущую национальную экономику на внешние рынки, снизить давление внутренних социально-экономических и политических проблем, среди которых – высокая инфляция (около 20 процентов), незанятость населения (до 25 процентов), ситуация демографического взрыва и нараставшего молодежного протеста. Путь, который определил в 2005 г. рахбар Хаменеи и который начал реализовывать президент Ахмадинежад, был нацелен прежде всего на всемерную глобализацию процессов региональной интеграции и сотрудничества под эгидой ИРИ. Такой подход, отметим, органично сочетался с теорией исламской революции, положенной в основание государственного курса ИРИ.



Анализ положенной в основание государственного курса ИРИ концепции исламской власти Рухоллы Хомейни (на фото) показывает, что имам предложил исламский путь объединения мира, где место глобального государства занимает община мусульман – *Pax Umma Islamica*.

Формирование внешней политики ИРИ в рассматриваемый период происходило под влиянием трех основных факторов – исламизации, геополитизации и глобализации. Исламизация внешней политики ИРИ была обусловлена идеей всемирной исламской революции как всепроникающего и перманентного процесса обретения мусульманами единства. Данная установка проявлялась во внешней политике ИРИ на протяжении всего периода после революции 1979 г. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о неизменности стратегической ориентации иранской внешней политики, ее цельно-

Россия и Азия

Путь, который определил в 2005 г. рахбар Хаменеи (на фото) и который начал реализовывать президент Ахмадинежад, был нацелен прежде всего на всемерную глобализацию процессов региональной интеграции.

ламской революции оказалось невозможным. Более того, Тегеран попал в международную изоляцию.

Лишь решив к 1983 г. проблемы консолидации политической власти и завершив первый этап исламизации страны, режим Исламской Республики попытался преодолеть ограничения жестко понимавшихся принципа «ни Запад, ни Восток» и политики экспорта исламской революции. При этом Иран с 1979 г. перестал входить в число союзников передовых демократий и утратил прямые дипломатические отношения с их лидером – США. Годы ирано-иракской войны и исламизации «с опорой на собственные силы» только закрепили изоляцию ИРИ на международной арене. Как подчеркнул сотрудник Фонда Карнеги Карим Саджадпур, «Хаменеи полностью отдает себе отчет в сути и завершенности в теоретическом отношении и практическом наполнении. Отмечая имевшиеся в 1980-е годы разногласия и противоречия между Ираном и соседними странами Центральной и Западной Азии, зоны Персидского залива, следует особо отметить проблему выхода исламского государства на международную арену, где страны взаимодействовали в рамках секулярной дипломатии. Сведя к минимуму внешнеполитические контакты с США (путем разрыва дипломатических отношений с «Большим сатаной») и СССР («Малым сатаной»), Иран в известной степени упростил себе задачу. Однако ввести исламский стиль в международные отношения методами экспорта истом, что в чисто военной области Иран не может соперничать с США, поэтому он постоянно повторяет, что самым главным оружием Ирана в борьбе против империализма США является ислам. При этом важно отметить, что второй рахбар ИРИ призывал мусульман для защиты ислама в случае наличия угрозы его существованию вести “джихад на пути Аллаха” “даже если угрожает смерть”».

Геополитизация внешней политики ИРИ, основные характеристики которой основаны на исторической традиции и специфике географического положения, проявилась в условиях давления со стороны США, особенно после создания военно-политического «навеса» над Ираном в 2001–2003 годах. Силовая составляющая во внешнеполитическом курсе, характерная и для шахского Ирана, наполнилась исламским содержанием. Иным во внешней политике ИРИ стал подбор партнеров, из числа которых исчезли страны Запада во главе с США. Сотрудничество с Израилем сменилось агрессивной враждебностью, были легализованы связи с палестинским движением сопротивления, шиитскими военизированными организациями в Ливане и др. Следует также обратить внимание на фактор имитационного наполнения внешней политики ИРИ, особенно в ее геополитической составляющей.

Глобализация внешней политики понималась религиозным руководством ИРИ как всемирность, обусловленная потребностью в создании под эгидой Ирана мировой Уммы. Идея экспорта исламской революции официально закреплена в статье 11 Конституции ИРИ, является обязанностью для всех граждан страны и имеет долговременный характер. При президенте Хатами важнейшей задачей являлось преодоление политической и экономической изоляции страны в глобальном масштабе, а также достижение регионального лидерства. Усилиями Тегерана в международный диалог была внесена сильная гуманистическая составляющая – инициатива перехода цивилизаций к диалогу, которая получила поддержку и признание ООН.

При этом совершенно очевидно, что в своем стремлении к независимости Иран, в конечном счете, решал задачу сохранения цивилизационной идентичности.

При президенте Ахмадинежаде Иран попытался войти в мировую политику через «атомный портал» – использование формата «атомной дипломатии» стало отличительной чертой его внешней политики и определило динамику глобального и регионального измерений во внешней политике ИРИ. Тегеран продолжил реализацию своего планетарного интеграционного проекта путем осуществления перманентной исламской революции во имя установления исламской власти во всем мире. Возникший в период президентства Ахмадинежада (с 2008 г.) феномен исламской внешней политики предложен как образец для не только мусульманских стран.

Концепция «созидательного взаимодействия»

Будучи переизбранным на второй срок в 2009 г., президент Ахмадинежад продолжил деятельность по реализации новой программы вхождения ИРИ в мировую систему международных отношений на основе концепции «созидательного взаимодействия» («та’амол-е сазандэ»). Эта концепция, впервые заявленная в 2008 г., предполагала «проведение действенной, гибкой, влияющей и нацеленной политики при понимании и точном знании политических хитросплетений, свойственных международному сообществу, уход из провальных зон и присутствие в зонах прорыва, вхождение в пространство мировой политики в качестве сильного игрока, переход от этапа разрядки к более высокому уровню [отношений] на международной арене». Деятельность по реализации концепции «созидательного взаимодействия» структурируется по шести уровням:

- международный;
- развивающийся мир;
- мир ислама;
- Средний Восток;
- соседи;
- национальный.

Была предложена и модель присутствия ИРИ в мире, структурированная по пяти уровням:

- ближнее зарубежье (страны-соседи);
- ближневосточный регион;
- мир ислама;
- «третий мир»;
- глобальный уровень.

Исламское обоснование международного позиционирования ИРИ восходит к пяти принципам веры, определяющим мировоззрение мусульман-шиитов джафаритского мазхаба (имамитов). Эти принципы системно соотносятся с принципами реализации иранской внешней политики и в совокупности образуют исламскую внешнеполитическую матрицу, основанную на концепции исламской власти Хомейни. В свою очередь, эта концепция составляет основу официальной идеологии и задает главные параметры внутренней и внешней политики страны.

Принципы концепции «созидательного взаимодействия» Ахмадинежада образуют стройную систему внешнеполитической концептуалистики, в соответствии с которой формируются основные направления внешней политики Ирана. Эти принципы реализуются на глобальном, региональном и локальном уровнях. Основные характеристики исламской внешнеполитической матрицы задаются первичным принципом «отрицания господства и несогласия с угнетением: величие», который определяет два приоритета внешней политики ИРИ – недопущение превосходства неисламских стран в ходе сотрудничества мира ислама с остальным миром и борьбу с режимом гнета и отсутствием справедливости.

Приоритетность при принятии внешнеполитических решений и уровень необходимого проявления жесткости во внешнеполитической деятельности Ирана определяет структура национальных интересов страны. Главной ценностью здесь признано «продолжение жизни нации» или «сохранение существования страны». Ценности «сохранения исламской революции», «обороны» и «безопасности» Исламской Республики отнесены к следующему разряду – «сущностным интересам» государства. Третьими в иерархии ценностей признаны «жизненные интересы» государства. К числу таких интересов были отнесены идеологические интересы ИРИ и обеспечение международной безопасности. В число «жизненных интересов» ИРИ сегодня включен также «мирный ядерный потенциал» Ирана. Далее идут «важные» и «частные» интересы. Их обеспечение не предусматривает использования военной силы и достигается преимущественно дипломатическим путем.

Чтобы выдержать геоэкономическую конкуренцию президент Ахмадинежад вполне логично готовит Иран к роли региональной сверхдержавы, для чего и нужны прежде всего ядерные технологии. Атомная программа Ирана в начале XXI века оказалась квинтэссенцией стратегии развития ИРИ – стратегии, нацеленной на построение глобального общества социальной справедливости на основе «великих традиций исламской цивилизации». Именно в феномене «атомной дипломатии» проявился тоухидный (то есть свойственный социально-экономической модели, основанной на исламских ценностях) характер внешней политики ИРИ.

Следует подчеркнуть, что специфика современной внешней политики ИРИ во многом определяется также сложным многоуровневым процессом принятия решений и установкой на приобретение между-

Россия и Азия

Принципы концепции «созидательного взаимодействия» Ахмадинежада образуют стройную систему внешнеполитической концептуалистики, в соответствии с которой основные характеристики исламской внешнеполитической матрицы задаются первичным принципом «отрицания господства и несогласия с угнетением: величие».

народного доверия и уважения. Для иранской стороны важен престиж страны, укрепление или ослабление которого обеспечивается соответственно «правильными» или «неправильными» действиями. Критерий «правильности» и «неправильности» определяется на основании «самооценки». Подобный подход имеет свои издержки, поскольку в международных отношениях принято соблюдать действующие нормы, а новая дипломатия исламского государства (например, захват посольства иностранного государства) не всегда вписывается в общепринятый формат, что приводит к изоляции ИРИ на международной арене, особенно среди стран «Большой восьмерки».

Тем не менее к 2012 г. Иран заметно расширил географию своего влияния по сравнению с шахским периодом, когда его роль «жандарма Среднего Востока» поощрялась США.

Новая ситуация

В начале XXI века стремительный рост цен на нефть и умелое использование Ираном трудностей, переживаемых США в Ираке и Афганистане, дали Тегерану беспрецедентную возможность противостоять США, что прибавляло уверенности Хаменеи и другим сторонникам жесткого курса. Стоит учитывать и фактор личности Хаменеи, который, как и его учитель Хомейни, видел в США воплощенную «глобальную высокомерность». Однако пропуск ИРИ в клуб ядерных держав при сохранении Тегераном верности заветам имама Хомейни казался Вашингтону и его союзникам самоубийственным.

Правящее религиозное руководство ИРИ не стремилось к военному столкновению с США, поскольку во всех остальных сценариях – с Россией, с США, с Китаем, с Европой или без них – Иран имел бы шанс повысить свой международный ранг. Во второе десятилетие XXI века Иран вошел в качестве доминирующей державы в Центральной Евразии (без учета России и Индии), как безусловный лидер на Среднем Востоке и один из ключевых игроков в Центральной и в Западной Азии. Тегеран пытается выиграть время за счет активной региональной политики, сочетающей элементы традиционного для Ирана стремления к доминированию в регионе и панисламского лидерства. Именно поэтому иранская региональная политика обрела глобальное измерение, а складывающиеся альянсы выходят далеко за рамки Среднего Востока.

Взрывное вторжение Ирана в мировую политику было напрямую связано с его ядерными планами. Даже если предположить, что Тегеран остановится в шаге от создания ядерного оружия, это произойдет только в одном случае – если будет гарантирована немедленная реализации такой возможности. Де-факто Иран все равно войдет в клуб ядерных держав. При реализации данного сценария можно прогнозировать раскрутку гонки ядерных потенциалов в регионе и состояние постоянного ожидания ядерного апокалипсиса. Персами-шиитами, живущими в дискурсе традиции Ашура, такого рода устрашающая перспектива может восприниматься как неизбежность.

Проблема статуса Ирана в международных отношениях

Статусный вопрос – один из первейших, определяющих решения, принимаемые современным иранским руководством. С одной стороны, это стало результатом многовекового стремления иранских мусульман-шиитов вновь обрести былое величие и использовать возникший в начале XXI века шанс для того, чтобы заявить о своих правах в этом мире и по крайне мере претендовать на участие в развитии мировой цивилизации. С другой стороны – следствием напряженности, возникшей по границе мира ислама из-за ядерной программы ИРИ и вследствие глобального терроризма созданной в среде мусульман-суннитов «Аль-Каиды».

Возможность вести прямой диалог с лидирующими государствами мира – хотя бы и в связи с развитием негативного образа «ядерного ислама» и ядерного Ирана – после более чем двадцатилетней изоляции Исламской Республики на международной арене трудно переоценить. Поэтому, как представляется, нацеленную на поиски взаимопонимания концепцию диалога цивилизаций бывшего президента Ирана Хатами в 2005 г. сменила агрессивная «дипломатия справедливости» Ахмадинежада. ИРИ стремится войти в круг лидеров глобализации и энергично использует возникшую дискуссионную площадку для мобилизации союзников.

Однако игра на статусном поле оказывалась во многом виртуальной. На практике наблюдаемая в первом десятилетии XXI века актуализация конфликтности во всех ее проявлениях более всего пока вела к росту негативной значимости исламского фактора в мировой политике, но не меняла сколько-либо заметно соотношение сил на мировой арене. Глобальные игроки взаимодействовали на уровне и в формате «Большой восьмерки». Далее располагались пространства Запада (где строилась «Большая Европа»), и Востока (где страны Азиатско-Тихоокеанского региона могли выбирать между Китаем или США). И все эти пространства связывал между собой набирающий силу процесс глобализации, начальной точкой отчета которого как мейнстрима развития человечества стал крах биполярного мира в 1991 г.

Роль международных санкций

Вторая половина 2012 г. прошла для иранского руководства под знаком проявления картинки реальных последствий для экономики страны международных санкций, принятых в отношении ИРИ в соответствии с резолюцией СБ ООН в 2010 г. В результате введенного ЕС в июне 2012 г. эмбарго на поставки нефти из ИРИ и отказа международных страховых компаний страховать нагруженные иранской нефтью танкеры объем нефтяного экспорта Ирана значительно (на 30–40 процентов) сократился. Теперь ежеквартальные доходы Ирана уменьшились на 9 миллиардов долларов. Другим серьезным ударом по экономическому положению ИРИ стало замораживание участия Ирана в выполнении транзакционных сделок с иранскими банками и в системе SWIFT, что сократило поток иностранной валюты в страну. Все это привело к ограничению импорта товаров первой необходимости. В результате резко подскочили цены на такие товары первой необходимости, как сливочное и растительное масло, мука. Почти вчетверо подорожало куриное мясо (50 процентов которого импортируется), традиционно пользующееся большим спросом в Иране. Уже в конце сентября 2012 г. национальная валюта за один день обесценилась на 70 процентов, что вскрыло весь масштаб макроэкономического спада в стране.

В Иране начали реализовываться следующие ответные меры, которые должны способствовать снижению негативных последствий санкций:

- создается черный рынок нефти путем альтернативного экспорта нефти, для чего в стране организуются кооперативы, получающие право экспортировать нефть независимо от государственной Национальной нефтяной компании;
- учреждается иранский национальный фонд страхования экспорта нефти, что должно решить проблему страхования ее морских перевозок;
- ведется поиск новых союзников и партнеров, в числе которых все чаще называют Индию, которая обеспокоена нарастающей автаркией зоны Персидского залива и озабочена выходом в Афганистан в обход Пакистана через строительство железной дороги от Персидского залива;
- продолжается реализация других масштабных транспортных и коммуникационных проектов в регионе.

Фактически Тегеран предпринимает попытку формирования альтернативной системы торгово-экономических отношений ИРИ с внешним миром.

Президентские выборы в Иране

До предусмотренных Конституцией ИРИ новых президентских выборов осталось менее полугода. Сегодня остановить иранскую ядерную программу может только рахбар Хаменеи, поскольку это вопрос выбора пути развития страны и на любое решение требуется исламское обоснование. Судя по прозвучавшим в конце 2012 г.

Россия и Азия

Взрывное вторжение Ирана в мировую политику было напрямую связано с его ядерными планами. Даже если предположить, что Тегеран остановится в шаге от создания ядерного оружия, это произойдет только в одном случае – если будет гарантирована немедленная реализации такой возможности.

заявлениям Хаменеи, Иран сохранит курс на независимое развитие с опорой на собственные силы. Следовательно, атомная программа ИРИ продолжится. Но сохранить Ахмадинежада как главного исполнителя решений рахбара возможно только в случае, если будет упразднен пост президента ИРИ и восстановлен институт премьер-министра. Кандидатура на пост премьер-министра должна получить одобрение парламента ИРИ.

Сегодня у Ахмадинежада нет уверенного большинства в меджлисе. Противостояние президента и парламента в Иране достаточно традиционно и происходило неоднократно, тем более что спикер меджлиса становился президентом ИРИ или входил в число фаворитов на президентских выборах. Поэтому идея восстановления должности премьер-министра, избираемого большинством голосов депутатов парламента (как это было при Хомейни), и упразднения поста президента как главы исполнительной власти, избираемого прямым голосованием всех граждан страны, активно обсуждается в сегодняшнем Иране. Но как тогда быть с исламской демократией, о которой так много сказано за последние годы? С выгодным для себя сопоставлением с «ограниченной демократией в США», где президента избирают непрямым голосованием?

Впрочем, если в глазах Запада Исламская Республика продолжает быть страной «оси зла», то, может быть, пора сделать выбор в пользу рационального подхода и решить проблему единогласия между парламентом и правительством, что позволит премьеру гарантированно принимать оперативные правительственные решения в формате реального времени? В 2012 г. спикером иранского меджлиса являлся Али Лариджани, который уже баллотировался на пост президента ИРИ и посвящен в тонкости ядерной программы Ирана. Но рахбар пока не сказал своего слова, от которого зависит, состоятся ли вообще в ИРИ новые президентские выборы в 2013 г., когда истечет второй срок полномочий действующего президента Ахмадинежада. Шансы принять участие в намеченных на 2013 г. президентских выборах есть и у Али Акбара Хашеми-Рафсанджани, но даже в случае его маловероятной победы вряд ли следует ожидать кардинального изменения ядерного курса Ирана, поскольку именно при нем в 1991 г. был дан второй старт иранской атомной программе.

Железный занавес

Между тем в декабре 2012 г. в Тегеране случилось знаковое событие – состоялось международное совещание «Преподаватели университетов и исламское пробуждение», перед участниками которого выступил рахбар Хаменеи. В своем выступлении Хаменеи заявил: «В мире произошло великое событие – исламское пробуждение, и это – реальность. Мусульмане и Умма постепенно пробуждались <...> и сегодня высокомерным мира будет трудно достичь господства над мусульманскими народами <...> они боятся ислама действия». Далее он предупредил, что Америка в условиях подъема ислама может легко изменить свой внешний образ и предстать перед миром даже как исламская страна. Следовательно, сделал вывод Хаменеи, все исламские движения должны четко обозначиться, отделяя себя от неисламских. Рахбар вспомнил свою беседу с имамом Хомейни, состоявшуюся в Куме вскоре после победы исламской революции в Иране, и его краткое наставление: «[Имам]: “Боитесь Америки?” Мы ответили: “Нет”. Сказал: “Тогда действуйте”».

Итак, в последние два-три года тема холодной войны в отношениях между Ираном и США стала обычным фоном в публикациях политических комментаторов. Это могло показаться все-таки некой фигурой речи, следствием курса США на «проведение линии от Ливана до Омана» в целях изоляции Ирана и т.п.

Впрочем, о возможности применения к ИРИ политики разрядки, понимаемой как налаживание партнерских отношений, говорили европейские эксперты еще до 2010 г. Однако предписание, данное Хаменеи, вскрыло всю глубину проблемы, по сути, формализовав состояние холодной войны на межцивилизационном уровне. Хотя и было подчеркнуто: «Говорю: не идти войной на Америку, но знать, где расположены противостоящие позиции Америки и западного высокомерия». Новая волна исламского пробуждения, инициированная в Иране, заставляет задуматься не только мир ислама.

■

В своем стремлении к независимости Иран в конечном счете решал задачу сохранения своей цивилизационной идентичности. В той или иной форме решение «иранского вопроса» представляет интерес для широкого спектра глобальных игроков и включено во все глобальные стратегические сценарии правящих кругов США, Китая, Японии, Европы, стран мира ислама, Индии.

Основной узел стратегических вызовов ИРИ завязан вокруг вопроса о сохранении ее как суверенного и целостного исламского государства, одного из естественных лидеров возможной исламской интеграции. Для строя Исламской Республики именно принципы независимости и невмешательства во внутренние дела государства являются базовыми, определяющими в системе исламского обоснования внешней политики.

Неэффективность государственного управления внутри самого Ирана провоцирует социальное недовольство части молодежи, что оказывает глубинное воздействие на внутриполитическую ситуацию – большее, чем это предполагалось иранскими руководителями. А это, в свою очередь, показывает, что найденный имамом Хомейни принцип «правления справедливого правоведа» (знатока фикха в исламе, отсюда название созданной в ИРИ системы правления – «велайат-э факих») либо не подходит для создания конкурентоспособного на мировой арене государства, либо не реализован должным образом. Сравнивая реальные и планируемые достижения Исламской Республики за тридцать лет, можно отметить следующее. Изменилась сама государственность (монархия – исламская республика). Однако заданная в 1970-е годы траектория экономического развития страны сохранилась (хотя достижение намеченных при шахе на 2000-й г. основных индикаторов развития страны теперь ожидается лишь к 2025 г.).

Что даст «исламская справедливость» процессу глобализации в целом – пока сказать трудно. Для остального человечества это «пока» больше звучит как предостережение. В чем-то судьба «открытых писем» президента Ахмадинежада – этой важной формы исламской внешней политики, писем, адресованных американскому народу, а также руководителям США и стран Европы, – повторила судьбу исламского призыва к лидеру СССР Михаилу Горбачеву от руководителя исламской революции в Иране имама Хомейни.

Поиск пути реформирования государственного управления с целью создания эффективной (с точки зрения вхождения в общемировое пространство) и конкурентоспособной модели, обеспечивающей устойчивое развитие иранского шиитского государства, является одной из критических задач, стоящих в повестке дня для Ирана. У Тегерана есть альтернатива, рожденная новыми основаниями международного взаимодействия в условиях глобализации. Суть данного пути в том, чтобы, сохраняя основы правления в самой ИРИ, наладить эффективный диалог с внешним миром в рамках региональной интеграции в сферах, сотрудничество в которых будет определять развитие мира в XXI веке. Это – возникающий формат регионализации, реализуемый на высоком статусно-технологическом основании. И в первую очередь – это сотрудничество в космосе. Вместе с тем необходимо увидеть тонкую грань между курсом ИРИ на всемирную исламскую революцию и участием в регионализации на пространстве Евразии.

В своем стремлении к независимости Иран в конечном счете решал задачу сохранения своей цивилизационной идентичности. У Тегерана есть альтернатива – суть в том, чтобы, сохраняя основы правления в самой ИРИ, наладить эффективный диалог с внешним миром в рамках региональной интеграции в сферах, сотрудничество в которых будет определять развитие мира в XXI веке.

Людмила Федоровна Адилова –
доктор политических наук,
профессор Российского государственного
гуманитарного университета

Дилеммы **политического ребрендинга** на пространстве СНГ

Глобальный проект демократизации, осуществляемый во всех странах постсоветского пространства, имеет свои закономерности и свои четко выраженные национальные черты. Зачастую этот проект осуществляется на недостаточно подготовленной почве: гражданское участие и развитие культуры гражданского согласия, то есть все то, на чем вырастают и укореняются демократические ценности, имеют минимальное значение при создании современных политических институтов. Модели и схемы, столетиями отработанные на Западе, не вписываются в парадигму постсоветского существования. Однако они имеют достаточно хорошо отработанные технологии, в том числе и пусковые механизмы, которые и реализуются в виде «цветных» революций. Выходом для государств, которые не желают срыва политической системы в хаос, является институционализация партийно-политических структур, поиск оснований стабильности новых государственных образований.

Своеобразный проект власти, позволяющий создать вполне консолидированный режим с наличием элементов политической конкуренции, возник практически во всех постсоветских государствах. Особенно отчетливо он прослеживается в Казахстане и России. Характерной особенностью властного проекта является то, что политическая конкуренция в них происходит в определенных заданных властью рамках. Можно говорить, что это своеобразная полуконкурентная система, в которой выборы имеют вполне легитимный характер. Однако если общество своим регулярным участием в подобных выборах придает легитимность такой «управляемой демократии», значит, это его устраивает. Однако не следует полагать, что «управляемая демократия» будет продолжаться бесконечно. Наивно думать, что общество и дальше будет оказывать поддержку субъектам политики, опирающимся исключительно на административные или силовые, а по сути своей манипулятивные ресурсы. Общество может просто пресытиться такой политикой имитационной демократии. Исследования, проведенные нами в Казахстане, показали, что сегодня демократия вышла на такой рубеж, когда на первый план выдвигаются непосредственно артикулированные интересы населения. В этих условиях власть не всегда оказывается в состоянии адекватно ответить на запросы населения, адресованные ей напрямую.

Андрей Рябушкин. Михаил Фёдорович на собрании боярской думы. 1893 год

Не следует полагать, что «управляемая демократия» будет продолжаться бесконечно. Наивно думать, что общество и дальше будет оказывать поддержку субъектам политики, опирающимся исключительно на административные или силовые, а по сути своей манипулятивные ресурсы.

Власть, не привыкшая к диалогу с населением, не имеющая практики публичной дискуссии, оказывается неготовой работать в новой политической ситуации. Те инструменты «управляемой демократии», которые действовали безотказно, когда политика протекала вне улиц, оказались бесполезными для работы с вышедшими на них политизированными массами. Власть же, давно с этих улиц ушедшая, не имеет публичных практик и не всегда адекватно реагирует на требования масс, адресованные ей напрямую. Демократические институты, пересаженные на неподготовленную почву в странах, где отсутствуют демократические традиции «партии власти», оказались слишком неповоротливыми и декоративными. Да и политические реформы там не наполнены смыслом и значением обновления. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры кризиса систем с доминирующими партиями, не говоря уже об однопартийных системах, где первые же действительно конкурентные выборы демонстрировали весьма сложную и разнообразную географию предпочтений избирателей, полностью опровергающую представления об однородности электорального пространства. Политика все более стала носить зрелищный характер. Власть все больше закрывала каналы вертикальной мобильности. В целом характер и динамика политической модернизации в СНГ обусловили в каждом государстве собственный вариант развития общества и системы власти. Поэтому у населения постсоветских стран происходит не институциональное, а персонифицированное восприятие происходящего в политике, где часто режимы имеют ярко выраженные персоналистские черты или же превращаются в «тандемократии». Ситуация в постсоветском обществе обостряется кризисом идентичности и дестабилизацией политической культуры, поскольку модернизация понималась как проект власти по поиску механизмов адаптации нового социального устройства. При этом деформировались механизмы обратной связи, которые заблокировали возможность власти эффективно и своевременно реагировать на запросы общества.

Сегодня вопрос состоит не в том, станет ли та или иная страна из Содружества соответствовать заявленному статусу и иметь собственные цивилизационные отличия, а в том, какую нишу она займет в геополитическом и цивилизационном пространстве. Проанализируем с обозначенных позиций основные процессы политической идентификации на постсоветском пространстве. Бурно протекавший в начале 90-х кризис политической идентичности привел к смене общественно-политического строя, распаду СССР и потребовал конструи-

рования других политических идентичностей в новых независимых государствах (ННГ). Политическая идентификация во всех ННГ, кроме Республики Беларусь, началась с негативной идентификации, как отрицание коммунистического проекта построения будущего, идеологии, служившей ранее основой прежней политической идентификации. Конфликты по поводу оценок прошлого сделали ННГ заложниками политических элит, их экспансионистской политики и не способствовали консолидации нации. Об этом свидетельствуют реальный опыт и реальные события в странах «с непредсказуемым прошлым», которые могут оказаться без будущего и идентификационных координат.

Страны СНГ пытаются найти свой путь, свою модель общественного устройства, отвечающую реалиям времени и опирающуюся на национальные устои и ценности. Однако в России модернизация разрушила горизонтальные общественные связи, национальную идентичность и существенные цивилизационные отличия. На наших глазах происходит цивилизационный разрыв с историческим прошлым – разрыв тем более глубокий, чем бóльшую ценность приобретает исторический «камуфляж» – гимны, гербы, памятники, религиозные обряды, бренды. По сути дела, строительство ННГ ведется генерацией новых элит, сформировавшихся на руинах традиционного общества. Эта генерация мегаполисов, массовой культуры, потребительских ценностей, крайнего индивидуализма, который компенсируется патриотической риторикой. В ННГ фактически не сложилось полноценных наций, объединенных общими целями и ценностями, они только приобретают черты политических наций. Например, в России при Путине сложилась корпорация по имени Россия. В Беларуси при Лукашенко сформировался общественный запрос на стабильность и порядок, на развитие общества в русле общенациональной парадигмы, однако сегодня там уже более артикулирован запрос на обновление, чем на стабильность. Изучение характера и направленности происходящих изменений в странах СНГ имеет ключевое значение для понимания сути переходных процессов не только в России, но и в ННГ, обладающих общностью черт постсоветской трансформации. Особенностью этого перехода в странах ближнего зарубежья является его осуществление в трех аспектах – в области политики, экономики и строительства государства. В противоположность переходным процессам в других государствах постсоциалистическая трансформация осуществлялась здесь в большей степени в области строительства национальной государственности, введения рыночной экономики, а построение гражданского общества и демократизация политической системы были отложены как второстепенные задачи. При этом не следует забывать, что каждое из постсоветских государств выбрало свою модель, определило приоритеты социально-экономического и политического развития. К сожалению, ни одно из государств на постсоветском пространстве не смогло определить ориентиры своего развития, опирающиеся на морально-нравственные ценности народа, выработанные за всю его историю. Формирование и институционализация политических партий в СНГ определялись не только внешними, но и внутренними факторами их развития.

Модели и схемы, столетиями отработанные на Западе, не вписываются в парадигму постсоветского существования. Однако они имеют достаточно хорошо отработанные технологии, в том числе и пусковые механизмы, которые и реализуются в виде «цветных» революций.

Учет исторически сложившихся традиций, политической культуры, менталитета, позволил найти собственные формы и методы политического самоопределения. Однако описать эти режимы, сопоставить их с определенным набором образцов, выстроить их концептуальные схемы, операционализировать понятия, объяснить в рамках политических теорий среднего уровня и транзитологии – весьма проблематично. Попытки это осуществить превращаются в простую констатацию объекта описания. Как можно отразить то, что происходит на самом деле? В чем особенность каждой политической модели? Как организована власть, какие она выполняет функции? Как действуют каналы коммуникации между властью и обществом? В силу объективных и субъективных причин низкий порог гражданского участия не был преодолен, поэтому вопросы о демократической институционализации и мотивации к реальному политическому участию, наполнению новых институтов подлинными ценностями возникнут вновь. Заимствование западных образцов и ценностей, не соответствующих духу и традициям народа, поставило страны СНГ в разряд государств догоняющего развития, вынудило опираться на взгляды и оценки извне.

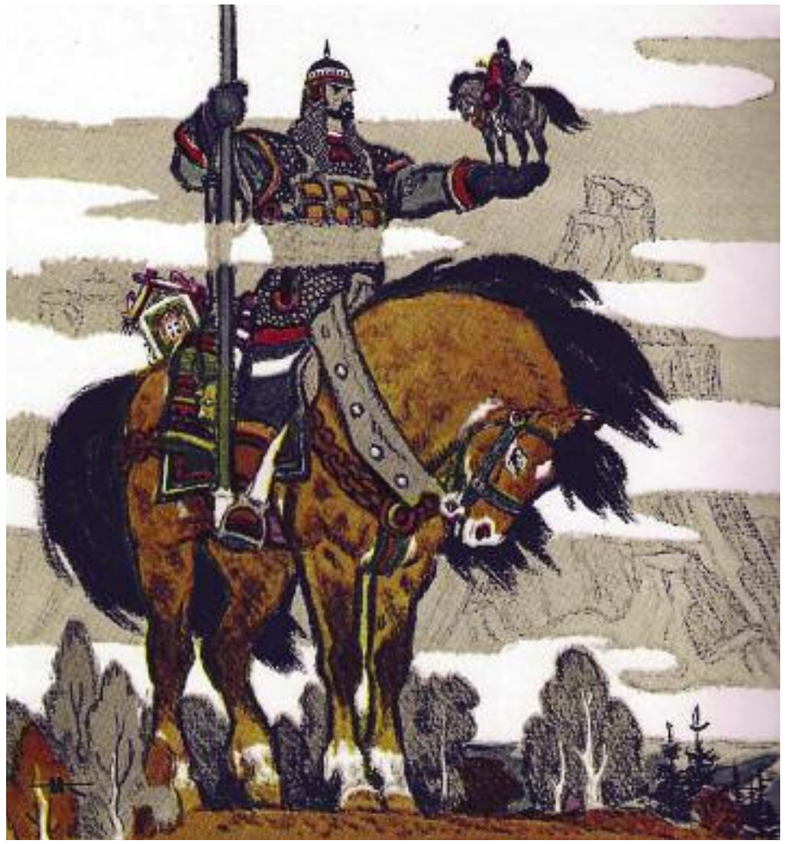
Особенности постсоветской трансформации и наличие аналогичных черт в разных государствах СНГ предполагают приоритетное внимание к исследованию, с одной стороны, национальных интересов и методов их реализации в глобализирующимся мире, с другой стороны, позиционирования страны в международных информационных потоках. Именно профессиональное позиционирование и идентификация страны имеют решающее значение в формировании мировой повестки дня. В динамично развивающейся информационной среде каждое из этих государств выстраивает свои коммуникации, ориентированные на внутреннюю и внешнюю общественность.

Обладая собственным ви́дением исторической перспективы, наша страна практически находилась в чужом проекте построения демократия и рынка, и демократия для нее имела внешний источник легитимности. Перенимаемые западные ценности рассматривались истеблишментом как средство продвижения собственных интересов в сфере управления. Политолог Рифат Шайхутдинов так оценивает данную коллизию: «В этих условиях невозможно конкурировать в современном мире. Трудно выиграть в игре, в которой соперник заведомо сильнее. Тем более невозможно выиграть у соперника, который либо меняет правила по которым ты играешь, либо сам их нарушает, поскольку обладает властью над трансценденцией демократии, рынка. То же самое относится к праву и правам человека». Последствия данных процессов известны: размыты черты, определяющие образ нации, утрачены стандарты и ценности, подменены духовные идеалы, ценностные ориентиры осознания своего места в обществе, которые лежали в основе ранее доминировавшей политической культуры. За постсоветское время система не вросла в новые структуры, которые она создавала. В качестве системной опоры при выстраивании властной вертикали предполагается обновление элит. Но эта нравственно неразвитая часть общества неспособна обеспечивать динамику политической системы, политическое развитие государства и общества. Правящий элитный слой прошел все фазы развития и упадка и, утратив обременяющие его идеалы национального служения, сильно нуждается в замене на новые элитные образования.

Уйдя из социальной сферы и устранившись от своих прямых обязанностей, истеблишмент использует инструменты имитации, заботясь только о личном обогащении, укреплении и сохранении себя во власти. Внутренняя логика его интересов и мотиваций вступает в противоречия с логикой модернизации страны и реализацией стратегии прорыва.

Имманентной чертой режимов является не только внутриэлитное напряжение, но поиск механизма мирной передачи власти – без обрушения декоративных форм и основы их поддержания и жизнеобеспечения. Специфика политического развития в СНГ состоит в том, что в сформированных моноцентрических режимах происходит отчуждение элит от общества и качество государственного управления не соответствует остроте и масштабу возникающих задач. Власть теряет свою прочность и способность управлять и корректировать социально-политические сценарии, своевременно оздоровлять общественно-политическую атмосферу и обновлять элиту, задавать параметры воспроизводства и конкурентоспособности. За 20 с лишним лет независимости элитарии неукоснительно освобождались от всякой ответственности и контроля со стороны общества. Уйдя из социальной сферы и устранившись от своих прямых обязанностей, истеблишмент использует инструменты имитации, заботясь только о личном обогащении, укреплении и сохранении себя во власти. Внутренняя логика их интересов и мотиваций вступает в противоречия с логикой модернизации страны и реализацией стратегии прорыва. Не-

Россия и Азия



Николай Кочергин. Святогор. 1965 год

Особое положение России на пространстве СНГ объективно затрудняет развертывание интеграционных процессов с ее участием. Россия слишком велика для равноправной, многосторонней интеграции.

чуткость власти к вызовам времени, ее слабая отзывчивость на общественные настроения, отсутствие каналов мобильности элит и возможных интеракций приводят к накоплению социальных патологий и коррупции. Думается что, следует мобилизовать способности истеблишмента, объективно работающего на стабильность, отстаивать не только корпоративные и личные интересы, но и интересы государства, нации. Коррупция в качестве системного недуга уже и внутри самой власти воспринимается как угроза национальной безопасности. Проблема власти в моноцентрических режимах состоит в том, что если будет утрачиваться влияние первого лица государства, которое уже не сможет заставить властные институты служить отечеству, а не кланам и теневым фигурам, то будет продолжаться рефеодализация государства и общества.

Очевидно, что в таком патерналистском подходе скрывается и определенная опасность для устойчивости политической системы. Проект власти зиждется в основном на синтетической харизме – рейтинговом авторитете лидера. Думается, что здесь нужен иной подход: опора не на харизматическую фигуру как ключевую основу лидерства, а на политические институты.

Неустойчивые политические институты слабо влияют на динамику политических процессов. В результате пассивно адаптирующийся к модернизации социум, живущий между привычным и чрезвычайным, так и не обрел чувства национальной идентичности, неразрывной эмоциональной связи с прошлым, настоящим и будущим. Данное состояние присуще практически всем странам, находящимся в процессе модернизации. Это вполне объяснимо: режимы не смогли консолидировать элиты и народ, сформировать независимые политические институты, культивировали гедонизм и опирались на конкурировавшие друг с другом сети, организованные на отношениях патроната и клиентелы. Введение рыночной экономики и демократии в постсоветские общества является политическим проектом. Однако не исключено, что демократия и рыночная экономика могут быть не восприняты большинством населения в качестве желанной перспективы. Если эти прогнозы окажутся верными, тогда мы получим ящик Пандоры, переполненный парадоксами, с которыми никакая теория перехода не справится. Очевидно и другое, предварительным условием процесса модернизации является доверие народа государственной власти и политическим партиям, способным обеспечить стабильность. Поэтому персоналистская модель бывает неэффективна не только в период трансформации, но и сулит высокие политические риски в процессе выстраивания консолидированной демократии. Развитие авторитарных черт в политических режимах на постсоветском пространстве при параллельном складывании партийной системы с доминирующей партией неизбежно ведет к выравниванию электорального пространства, упрощению структуры партийной системы и заметным изменениям электоральных предпочтений граждан.

Каждое из независимых государств обеспечивает взаимоприемлемое функционирование этих двух подсистем в рамках собственной политической системы. При этом информирование каждой стороны о ситуации и действиях другой адекватно для принятия решений с учетом национальной специфики. Во многих государствах этот механизм декоративен и малоэффективен. Если анализировать работу механизмов взаимодействия власти и общества, то можно заметить характерные нарастающие настроения недоверия и отстраненности при отсутствии консолидированности той и другой сторон.

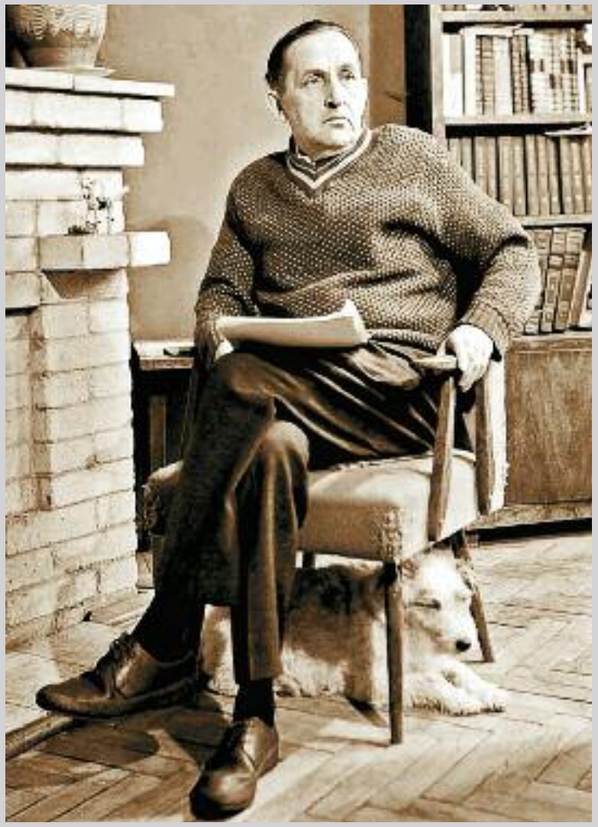
Общество слабо структурировано, его интересы в целом и отдельных крупных групп слабо артикулированы и не представлены, не учитываются при принятии решений. Причина этого заключается в слабости институтов. Без активных публичных кампаний структуризация общества невозможна, а сегодня во всех странах СНГ публичная политика заменена кабинетной. Неудача интеграционного проекта в масштабе Содружества во многом связана с нежеланием правящих элит поступиться обретенным суверенитетом, а без этого невозможна реальная интеграция.

Особое положение России на пространстве СНГ объективно затрудняет развертывание интеграционных процессов с ее участием. Россия, как отмечали эксперты еще в самом начале XXI века в сборнике «10 лет Содружества Независимых Государств: иллюзии, разочарования, надежды», «слишком велика для равноправной, многосторонней интеграции». Аргументация приводилась ими предельно простая: «Если на одну страну приходится больше двух третей экономического потенциала группы из 12 стран, то неминуемо возникает очень серьезная и объективная проблема согласования интересов и принятия интеграционных решений». В результате «доминирование России в СНГ неприемлемо для его остальных членов, а “координация на равных” сплошь и рядом противоречит российским интересам».

В связи с этим профессиональная информационная политика государства способна коренным образом изменить ситуацию, увеличить информационное взаимовлияние в странах СНГ, создать почву для взаимопонимания, поиска общих ценностей, адекватного восприятия друг друга. Содержательное сотрудничество в гуманитарной сфере позволит позиционировать СНГ как пространство общих ценностей, актуализировать проблему самовосприятия и продвижения имиджа стран-участников как заявленной позиции СНГ, исходя из приоритета не только стратегических национальных интересов, но и символических, духовных ценностей, составляющих основу образа Содружества. Задача его формирования состоит в том, чтобы построить в определенной последовательности логическую систему взаимодействующих доминант. А для этого информационное обеспечение процессов формирования, коррекции, адаптации и трансляции имиджа государства должно быть сформировано в качестве приоритетного национального проекта. Создание позитивной известности посредством социально рентабельного образа, репутации новых независимых государств позволит уточнить ценностные ориентации не только политических элит, но и граждан стран Содружества, артикулировать их запросы и интересы.

Пресса имеет крайне ограниченный доступ к представителям власти: в странах СНГ отсутствует формат регулярных публичных брифингов чиновников высшего уровня. Пространство СМИ, независимых от государства, постепенно сужается. Важным объектом информационного воздействия через подконтрольные СМИ становятся виртуальные образы новых независимых государств. Это создает предпосылки для объединения элит и народа в пространстве виртуальной реальности для создания имиджей, далеких от сущности формируемых образов. То есть происходит встраивание нового образа в массовое сознание населения постсоветского пространства.

Думается, что здесь следует усилить конструктивную роль стратегического моделирования образа и бренда России и СНГ. Это позволит понять природу социальных мотиваций групп, определяющих судьбу народов ННГ. Система ценностей, вокруг которых будет строиться бренд СНГ, уже заложена в менталитете новой генерации граждан, задача состоит лишь в том, чтобы прочитать то, что записано в их социально-культурном коде. Коммуникативные процессы создают особую среду, позволяющую укрепить либо разрушить картину мира, мобилизовать общественное мнение на осуществление странового проекта. И тут главным инструментом выступают средства массовой информации, ориентированные на рациональное и эмоциональное воздействие и согласование интересов стран СНГ.



Ярослав Смеляков

Ярослав Васильевич Смеляков (26 декабря 1912 года – 27 ноября 1972 года) – русский советский поэт, критик, переводчик. Лауреат Государственной премии СССР (1967 год).

100 лет

Ярослав Смеляков родился в Луцке в семье железнодорожного рабочего. Детство провел в деревне, где окончил начальную школу. Затем учился в Москве, в школе-семилетке, потом – в полиграфической фабрично-заводской школе, работал в типографии, занимался в литературных кружках при газете «Комсомольская правда» и журнале «Огонек». В 1932 году вышла первая книжка стихов Смелякова «Работа и любовь», через два года он был принят в Союз писателей СССР – казалось, что талантливого поэта ждет счастливая судьба. Однако…

Летом 1934 года в «Правде», «Известиях» и «Литературной газете» вышла статья Максима Горького «Литературные забавы», в которой говорилось в том числе о молодых поэтах Павле Васильеве и Ярославе Смелякове: «Несомненны чуждые влияния на самую талантливую часть литературной молодежи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Ярослава Смелякова все более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг. Но известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархо-индивидуалистической самовлюбленности, и поведение Смелякова все менее и менее становится комсомольским». Нельзя утверждать, что статья послужила единственной причиной или поводом для ареста Смелякова, поводы нашлись другие – «пьяные дебоши», «антисоветские высказывания» и т.п. 4 марта 1935 года Смеляков был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей «за участие в контрреволюционной группе». Надо сказать, что эта участь оказалась счастливой: Ярослав Смеляков выжил. В то время как судьба Васильева оказалась трагической – в феврале 1937 года он был в очередной раз арестован и приговорен к расстрелу по обвинению в принадлежности к «террористической группе, готовившей покушение на Сталина». Приговор был осуществлен в Лефортовской тюрьме.

Ярослав Смеляков, выйдя на свободу в 1937 году, работал ответственным секретарем газеты «Дзержинец» трудовой коммуны имени Ф.Э. Дзержинского (Люберцы). С 1939 года он был ответственным инструктором секции прозы Союза писателей СССР. С началом войны пошел на фронт, служил на Северном и Карельском фронтах. Попав в окружение, до 1944 года находился в финском плену. Возвратившись из плена, Смеляков был направлен в фильтрационный лагерь. В 1946 году был освобожден, но в Москву ему вернуться не разрешили. Смелякова направили в Сталиногорск (ныне Новомосковск) Тульской области. Работая на шахте, он печатался в газетах «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка», где выходили его заметки и стихи. Вскоре стихи Смелякова начали печатать толстые московские журналы «Знамя», «Новый мир». Благодаря поддержке Константина Симонова, ему удалось вновь вернуться к писательской деятельности, в 1947 году разрешили вернуться в Москву, восстановили в Союзе писателей. В 1948 году вышла его книга «Кремлевские ели».

В 1951 году Смеляков по доносу двух поэтов был вновь арестован, осужден на 25 лет и отправлен в заполярную Инту, где отбывал срок до 1955 года и возвратился домой по амнистии. Поэт продолжал верить в советские идеалы до самой смерти, несмотря на все, что выпало на его судьбу и долю его друзей. Он просто познал цену, заплаченную его поколением за стремление к этим идеалам. В последние полтора десятилетия жизни Ярослав Смеляков продолжал писать и публиковаться. Однако наиболее пронзительные строки увидели свет уже после его смерти. Поэт скончался в Москве и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

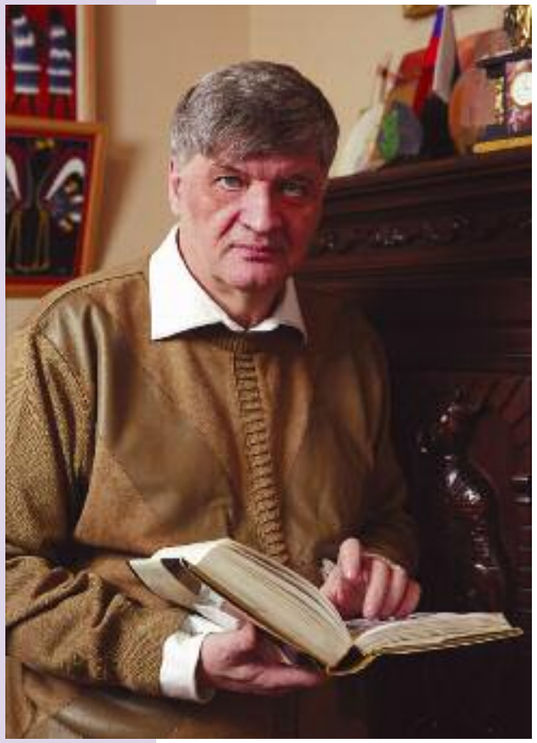
Публикуя два стихотворения поэта – «Кладбище паровозов» и его «брендовое», ставшее песней, – отметим одну особенность. Исходный текст «Если я заболею» заметно отличается от песенного. Причем он, по мнению многих ценителей поэзии, гораздо сложнее и точнее в своей выразительности, нежели приглаженные для пения под гитару строчки.

■

Кладбище паровозов.
Ржавые корпуса.
Трубы полны забвенья.
Свинчены голоса.
Словно распад сознанья –
полосы и круги.
Грозные топки смерти.
Мертвые рычаги.
Градусники разбиты:
циферки да стекло –
мертвым не нужно мерить,
есть ли у них тепло.
Мертвым не нужно зренья –
выкрошены глаза.
Время вам подарило
вечные тормоза.
В ваших вагонах длинных
двери не застучат,
женщина не засмеется,
не запоет солдат.
Вихрем песка ночного
будку не занесет.
Юноша мягкой тряпкой
поршни не оботрет.
Больше не раскалятся
ваши колосники.
Мамонты пятилеток
сбили свои клыки…

■

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.
Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.
Порошков или капель – не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада –
вот чем стоит лечить.
От морей и от гор
так и веет веками,
как посмотришь, почувствуешь:
вечно живем.
Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путем.



Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Преодоление Евразии

Заметки о борьбе за пространство и будущее

Мир сообществ и региональные интегрии

Данная статья – мысли об основах стратегической композиции и ориентации России в XXI веке, подкрепленные извлечениями из опыта русской цивилизации, преодолевавшей в прошлом непростые коллизии. Не претендуя, естественно, на полноту ви́дения проблемы и сохранив право изложить позицию более обстоятельно, все же решусь высказать несколько суждений и отчасти продемонстрировать как успешные, так и оставшиеся в эскизах образцы российского геостратегического планирования на определенном отрезке истории.

Эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей социальные форматы, ныне близка к завершению. Страны – это люди. Количество жителей Земли прирастало за прошлый век миллиардами, эффективные коммуникации, транспорт, изощренный технический инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействия и результативность процедур. На трансграничной земле переселяются народы, творится смешение цивилизаций, ведется чреватый конфликтами диалог. Наряду с прежней политической феноменологией и поверх административной сетки возникает новый мир – динамичный, многомерный, энигматичный космос сообществ, выстраиваемый по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной

гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность...

Сегодня, конвертируя современность в транзит, мы входим в виртуальный (*virtualis*), но именно поэтому – подлинный (*virtus*) мир, где настоящее сожительствует с представляемым, сущее – с должным, возможное – с запретным. А траектория жизни в заметно большей степени зависит от усилий человека и выбранной позиции. Подобное бытие на разломе предполагает иную модель рефлексии, нежели прежнее понимание ситуаций и методов практики.

■

Что ждет человека и покидающую лоно прежнего бытия цивилизацию, как мыслить настающее настоящее? Рефлекторно реагировать на перемены? Воспринимать ли их как смертельную угрозу стабильности? Стремиться удержать прежний смысловой и социальный порядок, апеллируя к прошлому как идеалу? Активно представлять будущее как собственную версию иного?

Ориентация в нелинейных траекториях энергийного социокосмоса предполагает опознание его динамичных начал, создание гибких прописей на языке актуальной реальности, включая готовность к радикальным переменам и нежданным обретениям/потерям.

Мы входим в виртуальный (*virtualis*), но именно поэтому – подлинный (*virtus*) мир, где настоящее сожительствует с представляемым, сущее – с должным, возможное – с запретным. А траектория жизни в заметно большей степени зависит от усилий человека.

Разнообразие мировоззренческих галактик предопределяет комплексность координат практики: различным образом аранжируя лабиринты интеллектуальных пространств, они диктуют свои права и правила – гармоники, в соответствии с которыми создаются политические и экономические оболочки. Социокультурная гравитация, притягивая либо отторгая народы, концентрирует миростроительными идеалами – своеобразными аттракторами – протеообразные туманности, элементы «телесности» которых соприсутствуют в схожих, но порою и в различных мирах. Иначе говоря, культурная среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императив осознанного и значимого присутствия в новом эоне, а проблема идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной.

■

Будущее – особое пространство человеческой практики: оно существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Даже время – субстанция, казалось бы, столь органичная для данной категории, – проявляется и понимается несхожим образом, да и течет для разных субъектов с разной скоростью. XX век – век транзита в новый эон. Этот век был подобен сжатой обстоятельствами пружине, приведенной в некий критический момент в действие. Новый мировой порядок – понятие, толкуемое различным образом, однако борьба разворачивается не столько по поводу констатации самого факта переворота, сколько вокруг формулы его реализации. Национальные государства продолжают существовать, но утрачивают былую актуальность, их суверенность изменяется под влиянием глокализации, субсидиарности, новых прописей политического единения.

Прежний мир развоплощается, диверсифицируется, субъекты его организации теряют привычный статус, их функции пересекаются, подчас совмещаются, смешиваются, но при этом конкретизируются и персонализируются, утрачивая формат обезличенных уч-

Россия и Россия

реждений. В пространстве международных связей утверждаются влиятельные субъекты – мировые регулирующие органы, страны-системы, государства-корпорации, энигматичные облачные структуры. Социальные, политические, финансовые, знаниевые институты облекаются в подвижные синтетические оболочки – суммы взаимодействий, реализуемые все чаще неформальным образом. Короче говоря, складывается полифоничная система, формируется сложное многоликое сообщество.

Одним из проявлений новизны, прагматичным консенсусом былого и будущего, транзитной фазой политической организации являются региональные и квазирегиональные интегрии, имеющие историко-цивилизационные обоснования, обладающие оригинальной социокультурной гравитацией, по-своему перемалывающие состояния и границы знакомых сообществ.

Можно выделить несколько осязаемых субъектов плеяды. Америка, стимулирующая динамику нового века, доминирует в пространстве мировых регулирующих органов и штабной экономики. Европа – воплощает в Старом Свете многомерную конструкцию страны-системы – Европейского союза. Исламский мир – на первый взгляд наиболее аморфная, но и наиболее динамичная общность, трансграничная, транснациональная по самой сути, – пронизывает протуберанцами прочие миры. И заметно отличная по типологии, однако не менее влиятельная китайская галактика. Список можно продолжать, вглядываясь в меняющиеся политические и культурные очертания региональных левиафанов – Индийского субконтинента, Ирана, Японии...

Присутствует в данном ряду также российская, постсоветская интегрия, чья будущность между тем вызывает многочисленные вопросы.

Генезис России

Обеспечение значимого присутствия России в новой среде – это в значительной мере вопрос эффективности стратегического планирования на долгосрочную перспективу.

Российская держава – социальная, культурная, политическая шарада, и лишь определив сущностные черты ее непростой идентичности, можно рассчитывать на сохранение, развитие жизнеспособной целостности в бурных водах постсовременного мира.

Одна из дилемм планирования будущего Российской Федерации отражена в противостоянии концепций Русского мира и Евразийства. У каждой из позиций есть набор доводов в свою пользу, равно как резоны, указующие на недостатки в аргументации оппонента.

Если кратко формулировать точку зрения, думаю, Россия должна отойти от противопоставления преимуществ/недостатков восточного и западного направлений, отказаться от взаимоисключающей постановки вопроса, пересмотрев сам подход к стратегическому планированию, действуя в кодах сложного мышления.

Что это означает на практике? Отказ мыслить в категориях оппозиции, перейдя к иному моделированию геостратегии, где Русский мир и Евразийство – синергийные аспекты единого источника социокультурной гравитации, ассиметрично распределяющего векторы геополитического/геоэкономического действия.

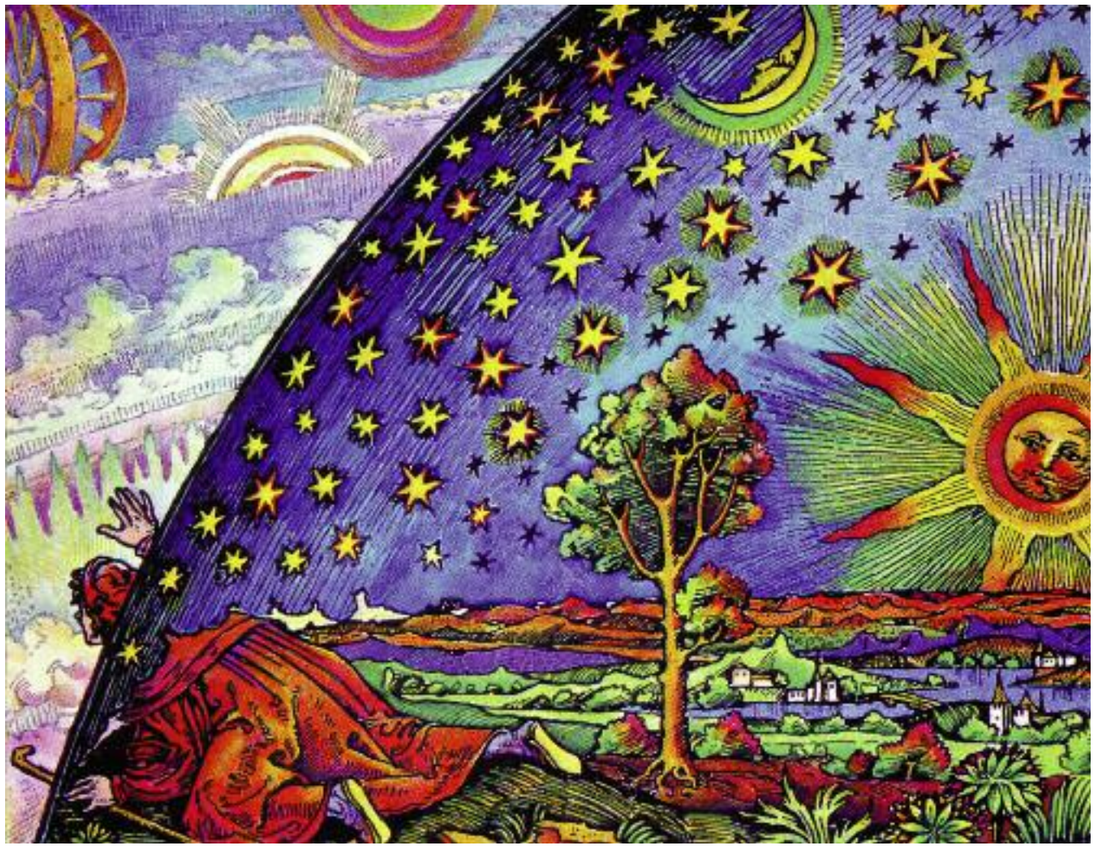
Чтобы понять суть позиции, сошлюсь на опыт формирования Европейского мира как комплексной целостности, включающей основные континентальные державы, англосаксонский, северный, средиземноморский, восточноевропейский, балканский регионы. И, к примеру, такую не слишком характерную для исторической Европы общность, как исламский мир, диффузно рассеянный в традиционном теле континента, присутствующий также в формате суверенных стран с доминирующим мусульманским населением, включенным тем или иным образом в политическую геометрию ареала (Босния и Герцеговина, Албания, Косово, Турция).

История строительства Европейского союза – летопись конкуренции и партнерства версий деятельной интеграции, например, Европейского экономического сообщества, Европейской ассоциации свободной торговли, Западноевропейского союза. Да и в нынешнем виде Европейский мир представляет конгломерат сосуществующих разномерных организованностей: Шенгенский союз, зона евро, ассоциированные с ЕС организации наподобие Восточного партнерства или Средиземноморского союза. А расширив фокус проблемы, взглянув под иным углом, можно увидеть архитектонику Североатлантического альянса, включающего США, Канаду, Турцию. К тому же некоторые территории, входящие в европейский конгломерат, представляют своего рода распределенное множество, будучи рассеянными по миру, присутствуя на иных континентах и островных территориях, не говоря уже о таких формулах политического единения и культурного притяжения, как, скажем, Британское содружество или франкофония.

■

Но все же, какое отношение это имеет к России?

В мире, где значение административных границ ослабевает, существенно возрастает роль социальной и культурной гравитации. Собственно говоря, перечисленные выше интегрии XXI века формируются по данному признаку. Причем эти галактики и туманности пересекаются, вступают в партнерские и конфликтные отношения в расширяющейся человеческой вселенной, порождая эмерджентные ситуации.



XX век – век транзита в новый эон. Новый мировой порядок – понятие, толкуемое различным образом, однако борьба разворачивается не столько по поводу констатации самого факта переворота, сколько вокруг формулы его реализации.

России необходима собственная яркая социокультурная гравитация – столь важная в новых исторических условиях, при наличии рассредоточенного, дисперсного общества как асимметричной суммы деятельных пространств. Если такой гравитации, энергии культуры нет – фрагменты распадающейся, несостоявшейся общности оказываются составными частями иных могучих организмов. России не нужно определять, Европа она или Азия, Евразия или Азиопа. Она ни то ни другое. Россия – это Россия, или как выразился некогда издатель «Отечественных записок» Андрей Краевский (а до него – по апокрифическим пересказам – Петр I): «Россия – это часть света».

Как складывалось данное цивилизационное пространство: Русь, Гиперборея, Великая Тартария – крайняя земля на севере обитаемого мира, фронтирная территория, населенная людьми с особым складом характера, носителями оригинального психотипа, организованными в торгово-милитарные корпорации? Можно выделить три точки интенсивной коагуляции, заложившие очертания будущей субойкумены, – Куявию, Славию, Артанию. Или киевско-хазарское, псковско-новгородское и волжско-поволоцкое пространства. Внешними же, но определяющими для будущей судьбы края силами были Византия и Орда. Византия одухотворила движение, имевшее целью запредельность, придала ему горний смысл. Орда одарила адми-

Гийом Делиль. Карта Тартарии. 1706 год

Византия одухотворила движение, имевшее целью запредельность, придала ему горний смысл. Орда одарила административно-военной мускулатурой, опытом контроля обширнейших пространств «от моря до моря».

нистративно-военной мускулатурой, опытом контроля обширнейших пространств «от моря до моря».

Почему Москва выиграла геополитическую битву? Москва – административный центр, каталогизатор, финансовый оператор окружавших ее земель. И в этом своем качестве она из клиента Орды превратилась в своего рода наследника, последовательно интегрируя сопредельные уделы, а затем лишая независимости все три центра своеобразного сообщества – Новгород, Поволжье, Киев, устремившись далее в иные земли как по уже протоптанным тропам, так и окунувшись в неизведанную запредельность, реализуя архетип «страны пути».

В начале XVIII века в основном сложилась Российская империя – целостное образование с выходом к Белому, Балтийскому Черному и Каспийскому морям, а также к могучим сибирским рекам. Но России еще только предстояло решить задачу по освоению открывшихся пространств и просторов.

К последнему морю…

Тут, наверное, нелишним будет небольшое историческое (хронологическое) отступление.

Освоение Россией Урала и Сибири, продвижение к океаническому «последнему морю», если излагать события максимально кратко, прослеживается, начиная с походов Ермака в XVI веке. И даже ранее, если вспомнить новгородские, поморские фактории на «соболином тракте» и заполярную «златокипящую Мангазею», расположенную недалеко от Карского моря.

Позднее это история пермских владений Строгановых (1558) и Каменного пояса Демидовых (1701), основание Тюмени (1586), Тобольска (1587 – «столицы Сибири»), Томска (1604), Омска (1716 – столицы Степного края), Семипалатинска (1718), Усть-Каменогорска (1720), Барнаула (1730).

Для охраны границ было сформировано Сибирское казачье войско. Протягивались путепроводы по сибирским рекам – Оби/Иртышу, Енисею/Ангаре, Лене. Отстраивались и обустраивались ямской и речной Сибирский тракт с Красноярском (1628), Прибайкалье с Иркутском (1661). Осваивалась Восточная Сибирь – проложен Якутский/Приленский тракт от Иркутска до Якутска (1632–1643).

Обживалось и Забайкалье – Чита (1653), Верхнеудинск (1666), знаменитый Албазин (1651–1665) и Албазинское воеводство (1682), Нерчинск (1653–1657), где в 1689 году был подписан первый российско-китайский договор, обосновавший продвижение вдоль притоков Амура и «Каменных гор». Что в свою очередь привело в середине XIX века к новым разграничениям территорий с Китаем (Айгунский и Пекинский договоры) и колонизации Уссурийского края – Приморья: были заложены Благовещенск (Усть-Зейский военный пост – 1856), Хабаровск (1858) и Владивосток (1860).

■

Евразийский транзит действовал в двух версиях. Южносибирское континентальное продвижение дополнялось движением по Северному морскому пути (совмещенным с плаванием по сибирским рекам) от Мурманска до Енисея и далее с выходом на Камчатку.

Комплексный морской и речной северный путепровод делился на трассы – «морские ходы» поморов – Грумаланский, Мангазейский, Новоземельский и Енисейский. Освоение же Дальнего Востока началось в XVII веке именно с севера, если вести отсчет от путешествия Семена Дежнёва из Якутска к Колыме, затем по Ледовитому океану до мыса Каменный нос (Восточный) – крайней точки Чукотского полуострова, да и всего Евразийского материка.

А после путешествий в XVIII веке Витуса Беринга, основания Петропавловска (1740) открылась удивительная страница российской истории, связанная с Российско-Американской компанией – грезами о «вселенской океанической державе» и новом образе страны – Славороссии, отчасти воплощенном в истории Русской Америки.

В 1799 году император Павел предоставил Российско-Американской компании право на собственный флаг, разрешил выпускать деньги, вести административное управление, обладать определенными военными полномочиями. То есть фактически образовался российский аналог Ост-Индской компании. Открывшиеся на восточной границе империи горизонты предполагали океанический вектор развития, сокрытый в тенетах, казалось бы, сугубо континентальной державности.

В 1867 году, однако, были проданы Аляска и Алеутские острова. Эскиз Славороссии поблек, растворившись в водах истории.

Трансъевразийский трамплин

Вторая половина XIX века – время глобальной модернизации: гражданская война в Соединенных Штатах (1861–1865) и ее значимые следствия, Великие реформы в России 1860–1870-х, революция Мэйдзи в Японии (1867–1868). Процесс сопрягался с универсальной индустриализацией, промышленным освоением мира, столь выразительно представленным в романе Жюля Верна «Вокруг света за восемьдесят дней» (1873).

Индустриальный порыв выталкивал промышленную революцию в колонизировавшийся мир. Первая формула глобализации, в сущности, была реализована в тот период, когда планету расчертили подчас идеально прямые – «линеечные» – границы в соответствии с принципом эффективного управления. Но разграничение влекло за собой необходимость освоения, а также неизбежность столкновения интересов, прочих конфликтов. Началась «Большая игра» между обширной морской империей, «над которой не заходило солнце», и крупнейшей континентальной державой – Российской. И, конечно же, борьба за разграничение сфер влияния проходила не без участия других членов мирового сообщества.

Освоение Туркестана началось сразу по окончании Крымской войны и едва ли не столетней – Кавказской. Сражения в Центральной Азии продолжались все царствование Александра II и завершились в начале 1881 года взятием Геок-тепе. Но уже годом ранее началось строительство Закаспийской железной дороги, протянувшейся к Ашхабаду и Бухаре, Самарканду и Ташкенту.

Железнодорожное строительство интенсивно развивалось в различных уголках планеты. В упомянутом выше романе Жюля Верна герой передвигался при помощи железных дорог из Лондона в Суэц, из Бомбея в Калькутту, из Сан-Франциско в Нью-Йорк. Действительно, первая трансамериканская железная дорога строилась уже в 1860-е. В 1872 году открылось железнодорожное сообщение между Токио и Иокогамой. Франция в 1870–1880-х начала строительство индокитайской железнодорожной магистрали (Митхо–Сайгон–Лаокай), выводя ее затем в Китай (Куньмин), лелея планы продвижения к Кантону и далее на северо-восток.

В процессе железнодорожного обустройства мира прини-

Владимир Латынцев. Дежнёв

Освоение Дальнего Востока началось в XVII веке именно с севера, если вести отсчет от путешествия Семена Дежнёва из Якутска к Колыме, затем по Ледовитому океану до мыса Каменный нос (Восточный).

мала участие и Россия, действуя при этом, пожалуй, наиболее решительно и эффективно, для чего были веские основания.

■

Период интенсивнейшего освоения колоссальной территории России пришелся в значительной мере на особый период в истории страны – царствование Александра III и первое десятилетие царствования его сына – Николая II.

К 1881 году – моменту трагической гибели Александра II и воцарения Александра III – территория империи была собрана, южные границы в ходе первого раунда «Большой игры» в основном определены. Перед государством встала непростая проблема последовательного освоения грандиозных пространств одной шестой обитаемой суши. И Александр III совершил стратегический поворот – он перешел от интенсификации процесса реформ, запущенных его отцом, к обустройству внутренней целостности разросшейся империи. Другими словами был реализован «новый курс», в рамках которого интенсивность либеральных реформ в значительной мере замещалась стратегией пространственного развития.

Два аспекта грандиозного обустройства сливались воедино: создание сети железных дорог и освоение Восточной Сибири, Туркестана, Дальнего Востока – этих недавно обретенных областей империи. Динамичная экспансия отчасти напоминала формирование империи в XVIII веке, разве что от «прорубания окна» на Запад страна развернулась к поступательному движению на восток – к Восточному (так называвшемуся на российских географических картах) океану. Это стремление к морским, океаническим просторам – универсальный знак имперского модуса, в случае же России связанный также с неординарным процессом освоения «сухопутного океана» Евразии во многом за счет комплексных трактов и речных коммуникаций.

Подобная формула интеграции содержала не столько евразийскую, сколько трансъевразийскую логику. И осуществлялась в двух регистрах. Один – проекция грез о «вселенской океанической» Славороссии. Другой – футуристический замысел Желтороссии: объединения пространств Сибири, Дальнего Востока, Маньчжурии и Туркестана с выходом к портам и безбрежности океана.

Железнодорожное строительство самым тесным образом сопрягалось с геополитикой. Характерен стремительный карьерный рост Сергея Витте, соединившего столь необходимые для реализации нового курса компетенции, как железнодорожная и финансовая, ибо реализация формировавшейся программы требовала капиталовложений не менее колоссальных, чем геополитический замысел. Яркой чертой курса был и его своеобразный «пиар»: установление в 1886 году национального праздника – «Дня железнодорожника».

■

Проблема финансирования проекта решалась отчасти революционным образом – отказом от ведения войн и даже выдвижением Россией на втором – наиболее напряженном – этапе строительства программы всеобщего мира и разоружения.

Действительно, уникальность данного периода российской истории в том, что после Крымской, Кавказской, Балканской войн и Туркестанских походов страна почти четверть века не воевала (ограничиваясь отдельными военными экспедициями). Николай II выдвинул план «всеобщего разоружения и вечного мира», цель которого – сосредоточение финансов именно для железнодорожного обустройства державы и прорывного освоения Большого Дальнего Востока. 12 августа 1898 года была разослана циркулярная нота министра иностранных дел России Михаила Муравьева о созыве международной конференции по разоружению. В результате в Гааге в мае–июне 1899 года по инициативе России прошла первая мирная конференция по разоружению, а одним из ее результатов стало учреждение Гаагского международного суда.

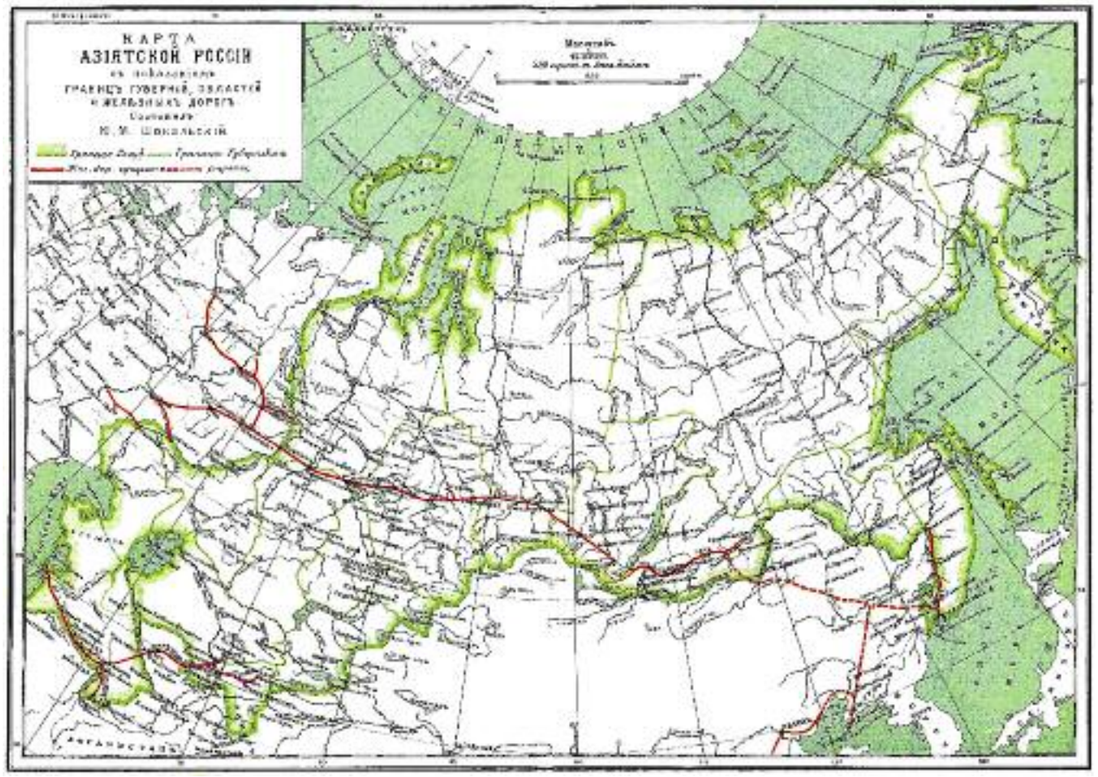
Планирование и реализация транспортного проекта проходили невиданными для того времени темпами. Закаспийская железная дорога начала строиться в 1880 году – еще за год до окончания военных действий (взятия Геок-тепе и капитуляции Ашхабада). В 1885 году она дошла до Ашхабада, в 1886-м достигла Бухары, в 1888-м – Самарканда. В 1899 году Среднеазиатская железная дорога дотянулась до Ташкента, а в 1906 году путешествие из Ферганы в Москву было включено в единый контур российских железных дорог.

Еще более впечатляющими темпами происходила реализация проекта Великого Сибирского пути (Транссибирской магистрали). В 1887 году был сформирован российско-французский финансовый пул проекта, предопределивший дальнейшее политическое сближение стран (заключивших в начале 1890-х союз). Проект начал реализовываться с 1890 года, а отправившийся в путешествие на Дальний Восток наследник престола в мае 1891 года в торжественной обстановке открыл во Владивостоке строительство Транссибирской магистрали. Причем прокладка путей велась одновременно с двух сторон – от Владивостока к Хабаровску (Уссурийская дорога) и от Урала (Челябинск–Миасс) до Иркутска и к Байкалу. За последующие десять лет было проложено 7,5 тысяч километров железнодорожных путей.

Движение по Великому Сибирскому пути было открыто уже в 1901 году: с паромной переправой через Байкал, далее по Забайкальской железной дороге до Читы и станции Мациевская/Маньчжурия, затем по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) через Харбин к Владивостоку или к Порт-Артуру/Дальнему (Южно-Маньчжурская железная дорога – ЮМЖД). С введением же в эксплуатацию Кругобайкальской дороги в 1904 году железнодорожное сообщение стало непрерывным от Москвы до Владивостока.

Таким образом, на рубеже XX века у России вновь, после эскиза Русской Америки, образовался трансъевразийский трамплин, имевший океаническую проекцию: Хабаровск, Владивосток, Харбин, Порт-Артур, Дальний – это логистика и терминалы, ориентированные на морские коммуникации, озаряемые мыслью о второй – восточной – столице империи. Российском Царьграде, воздвигнутом на

> **«Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются при настоящем положении вещей целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Всевозрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути. <...> Если бы такое положение продолжалось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избегнуть и перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека. Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи».**
>
> Из циркулярной ноты от 12 августа 1898 года министра иностранных дел графа Михаила Муравьева



Два аспекта грандиозного обустройства сливались воедино: создание сети железных дорог и освоение Восточной Сибири, Туркестана, Дальнего Востока. От «прорубания окна» на Запад страна развернулась к поступательному движению на восток – к Восточному океану.

противоположном северо-западному граду святого Петра – юго-восточном полюсе страны, на берегу бухты Золотой Рог, возле пролива Восточный Босфор, на перекрестке миров и континентов.

Быть может, возведенном в историософском смятении, но и с некой искрой «ретроспективной прозорливости»: мыслью о возможном удержании здесь российской цивилизации, ее обновлении и переустройстве в случае сокрушения по тем или иным причинам западной части Северной Ромеи.

Но история не пишется циклами в духе вечного возвращения...

Второй раунд «Большой игры»

Далеко не все было просто.

Эпопея трансазиатской магистрали – это еще и геополитическая сценография, связанная с не слишком известным вторым туром «Большой игры», развернувшейся вокруг предполагаемого наследства Китая, считавшегося в то время «больным человеком Азии». Данному сюжету предшествовала интерлюдия между Туркестанским и Китайским раундами. После инцидента на Кушке (1885) и демаркации границы с Афганистаном (1887) Россия направила несколько военных экспедиций на Памир в период с 1891 по 1894 годы. К 1895 году произошло разграничение интересов в этом горном регионе, после чего внимание окончательно переключилось на китайский ареал.

Китай с угасанием маньчжурской династии находился в ситуации близкой к распаду. Две опиумные войны в середине века продемонстрировали его неспособность полноценно контролировать обширные территории. Японско-китайская война 1894–1895 годов также показала слабость империи.

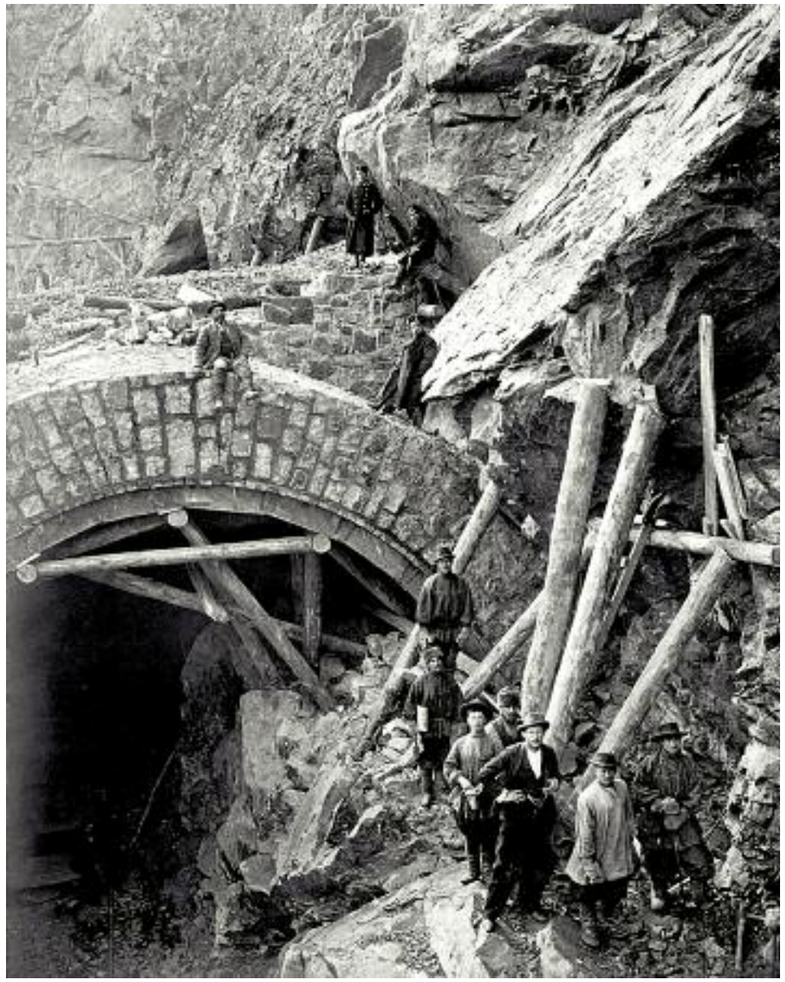
Россия тем временем стала проявлять все больший интерес к дальневосточным землям – с перспективой устойчивой железнодорожной коммуникации и выхода к портам на тихоокеанском побережье. Интерес особенно возрос после разграничения территорий по Амуру и фактического присоединения Уссурийского края (Приморья). По просторам Восточного Туркестана, Монголии, Тибета, Маньчжурии, Уссурийской тайги путешествовали в конце XIX столетия и на рубеже веков русские исследователи Пржевальский, Козлов, Цыбиков, Арсеньев, изучая нравы обитателей, флору и фауну, сложную топографию, составляя карты не слишком известных маршрутов и областей.

Александр III весьма серьезно относился к открывавшимся перспективам, о чем свидетельствует назначение цесаревича Николая в 1892 году, то есть вскоре после его возвращения из поездки на Дальний Восток, председателем Комитета по строительству Сибирской железной дороги.

■

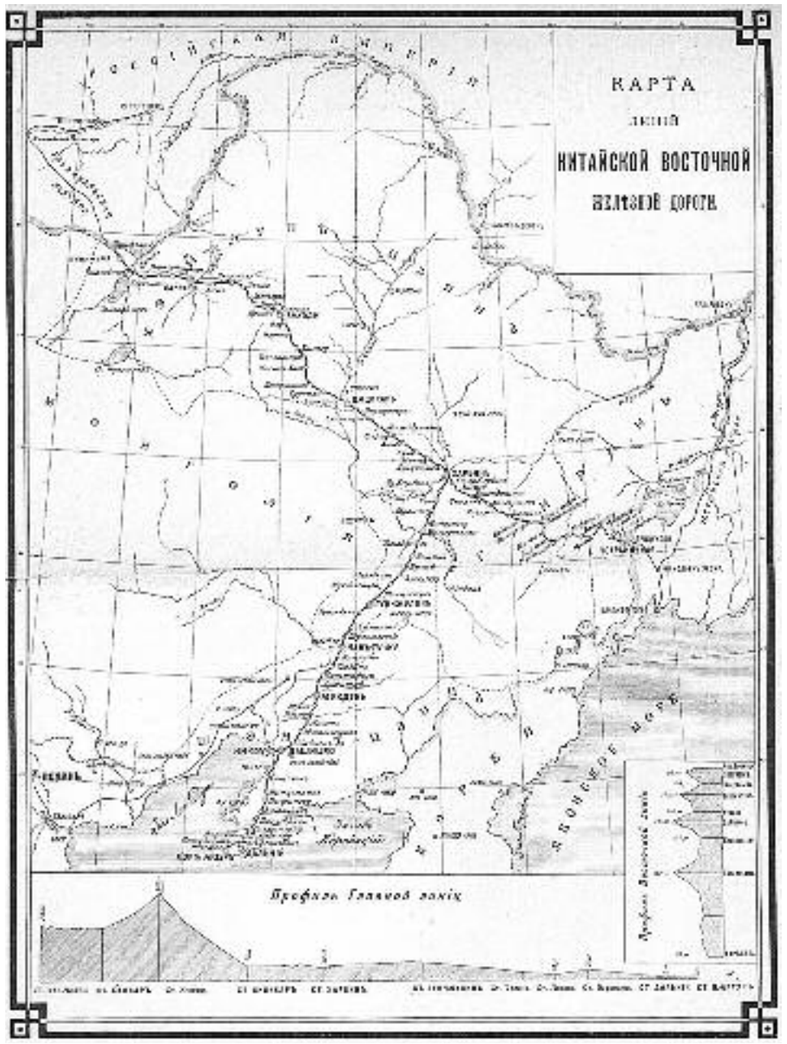
Помимо Сергея Витте определенную роль в азиатском сюжете сыграл и царский крестник – Петр Бадмаев. В феврале 1893 года он направил через Витте царю записку «О задачах русской политики на азиатском Востоке» с изложением проекта форсированного продвижения на Дальний Восток с перспективой присоединения к России Монголии, Тибета, предсказывая закат цинской династии, развал и раздел китайской империи. Главный же вопрос ставился им следующим образом – «или Россия, или англичане». Идею дальневосточной экспансии Бадмаев продвигал в следующих лестных выражениях: «<...> народы Азии искали покровительства, защиты, дружбы и подданства России. <...> Весь Восток симпатизирует России, и русского царя называют на Востоке, как русские подданные-инородцы, так и чужеземцы, Белым Царем-богатырем <...> буддисты считают Белого Царя перерожденцем одной из своих богинь Дара-эхэ – покровительницы буддийской веры. Она перерождается в Белого Царя для того, чтобы смягчить нравы жителей северных стран». Он предлагал Александру рассмотреть железнодорожное обустройство еще одного вектора – юго-восточного, построив железную дорогу на Ланчжоу-фу, являющийся, по мнению Бадмаева, ключом к Тибету. «Ланчжоу-фу – ключ в Тибет, Китай и Монголию. Вся торговля Китая попадет в наши руки. <...> Европейцы не в состоянии с нами конкурировать. <...> С проведением этой линии начнется финансово-экономическое могущество России».

Александр наложил на бумагу осторожную резолюцию: «Все это так ново, необычайно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха», – присвоив, однако, Петру Александровичу чин действительного статского советника. Но реальное планирование дальневосточного



Строительство туннеля на Кругобайкальской железной дороге

Движение по Великому Сибирскому пути было открыто уже в 1901 году. С введением же в эксплуатацию Кругобайкальской дороги в 1904 году железнодорожное сообщение стало непрерывным от Москвы до Владивостока.



Композиция КВЖД включала фактическую полосу отчуждения на десятки километров от полотна, где действовали не китайские и не российские законы, а Устав – свод норм, заменявший национальные законодательства.

маршрута развивалось по иному сценарию.

Стратегический спор о генеральном маршруте Транссибирской магистрали шел вокруг двух версий: проводить ли ее вдоль Амура, имея в виду развитие смежных российских территорий («колонизационное и базоустроительное значение»), либо протянуть сквозь китайские земли (Хэйлунцзян–Гиринь). Сторонником первого пути – Амурской железной дороги – был Приамурский генерал-губернатор, командующий войсками военного округа Сергей Духовский, альтернативную ветку – КВЖД – лоббировали Витте и тогдашний министр иностранных дел Алексей Лобанов-Ростовский. При этом маячил и гораздо более амбициозный проект: соединение в перспективе южнокитайского ответвления дороги с северо-восточным вектором индокитайского железнодорожного проекта Франции в единую трансазиатскую железнодорожную сеть, что, однако же, само по себе предопределяло активное включение Великобритании в новый раунд «Большой игры». Между тем в 1894 году в сюжете произошли серьезные подвижки: летом началась война между Японией и Китаем, а осенью умер Александр III.

Желтороссия

Парадоксальным образом результаты войны оказались на руку российской политике в Китае. В ходе боевых действий японцами был захвачен Люйшунь (Порт-Артур), выкупленный затем Китаем (на французские деньги) в соответствии с коррективами, внесенными в Симоносекский мирный договор (1895) в результате тройственного протеста России, Германии, Франции.

Дальнейшее развитие событий обретало стремительный характер. Вот краткая хронология. В декабре 1895 года был учрежден Русско-Китайский банк с капиталом 6 миллионов рублей, преимущественно французским (пять восьмых поступило от четырех французских банков, а остальные деньги предоставил Петербургский международный банк), с целью финансирования грандиозного транспортного проекта. Модельные наметки новой дальневосточной композиции были прочерчены в секретном антияпонском договоре Ли–Лобанова – союзном договоре между Российской империей и Китаем, подписанном высокопоставленным китайским сановником Ли Хуан Чжаном и российским министром иностранных дел во время коронации Николая II. Договор официально предоставлял России право на постройку железнодорожной магистрали через территорию Маньчжурии.

27 августа 1896 года китайский посланник Сюй Цзэн Чэн подписал с правлением Русско-Китайского банка соглашение о предоставлении на 80 лет права на строительство железной дороги через Маньчжурию. В январе 1897 года император издал указ о назначении Сюй Цзэн Чэна (бывшего до этого посланником в Петербурге и Берлине) председателем Общества КВЖД, выборы правления которого прошли в конце года.

Все это означало начало строительства железной дороги (август 1897 года) и реализацию масштабного российского проекта «Желтороссия».

Желтороссия – не слишком известное определение Русской Маньчжурии, отчасти Монголии и Туркестана, но более – проекта генерала Николая Гродекова и альтернативного по формуле исполнения (ориентированного скорее на типологию Русско-Американской компании), однако аналогичного по содержанию проекта Витте. Целью обоих проектов было геополитически/геоэкономически мотивированное закрепление (фактическое и правовое) идеи Русской Маньчжурии и обустройство основного инструмента данного действа – КВЖД. Кстати, отзвуки замысла сохранились в планах переустройства России Петра Столыпина и были им частично реализованы.

Композиция КВЖД включала фактическую полосу отчуждения на десятки километров от полотна, где действовали не китайские и не российские законы, а Устав – свод норм, заменявший национальные законодательства. Предусматривалось возведение десятков поселений, причем строительство местной столицы – Харбина – привязывалось к реке Сунгари, создавая, таким образом, опору сразу на два путепровода. Управление территорией должно было осуществляться военными комиссарами, для чего создавались особые войска – Сунгаринское казачество и Корпус пограничной стражи (Заамурский округ). Предполагалось массовое переселение кубанского казачества, переброска морским путем иных казачьих частей. И уже в апреле 1897 года на берега Сунгари прибыл авангардный отряд Строительного управления КВЖД под охраной пешей Кубанской полусотни есаула Павиевского. Тут, помимо приходящих на ум воспоминаний об океанических эскизах Русско-Американской компании, возникают параллели с парагосударственной практикой компаний, типологически схожих с Ост-Индской. Либо госкорпораций с их особыми привилегиями, частными армиями и анклавными хозяйствами уже в наши дни.

Обсуждалось также строительство южной ветки КВЖД от Харбина к крепости Люйшунь (Порт-Артур) и городу Далянь (Дальний). Оппонентами в споре о целесообразности этой стратегической авантюры выступали Витте и министр иностранных дел Муравьев.

■

Проект Желтороссии пережил впечатляющий взлет и не менее впечатляющее крушение. В конце 1897 года началась фактическая колонизация Китая. В ноябре Германия арендовала у Китая на 99 лет порт Цзяочжоу/Циндао (Шаньдунский полуостров), что привело к аналогичным действиям других держав. Франция обосновалась в Гуанчжоуване, Великобритания заняла порт Вэйхайвэй (северная часть Шаньдуна). Россия также перешла к активным действиям, решив укрепиться на Ляодунском полуострове, превратив Люйшунь в военно-морскую базу с незамерзающим портом, а Далянь – в международный коммерческий терминал.

В декабре того же года в бухту прибыл отряд кораблей во главе с крейсером «Рюрик». А в марте 1898 года в результате секретных переговоров была подписана русско-китайская конвенция, и Ляодунский полуостров вместе с Люйшунем, Далянем, островами Эллиот, Блонд, Саншантао, Роунд, Кеп, Мурчисон оказались сданными в аренду России на 25 лет. Таким образом, российский флот получил на тихоокеанском побережье (Желтое море) незамерзающую морскую базу. На территории созданной Квантунской области было введено российское гражданское управление во главе с генерал-адъютантом, вице-адмиралом Евгением Алексеевым, ставшим также командующим Тихоокеанским флотом России.

Началось интенсивное обустройство Порт-Артура, Дальнего, строительство столицы Квантунской области – города Харбина. Одновременно России была предоставлена концессия на прокладку ЮМЖД.

Однако уже в 1899 году произошли события, повлиявшие на судьбу проекта, – восстание ихэтуаней, известное также как «боксерское восстание», повлекшее погромы на КВЖД, а также «посольский инцидент» в Пекине (1900). Менее знакомы такие аспекты названных событий, как штурм Благовещенска или массовое истребление христиан в Китае.

После подавления восстания в ходе интервенции восьми государств Россия в 1901 году осуществила фактическую аннексию Ляодуна, ставшего российским протекторатом. Был образован Комитет по делам Дальнего Востока во

В марте 1898 года была подписана русско-китайская конвенция, и Ляодунский полуостров был сдан в аренду России на 25 лет. Таким образом, российский флот получил на тихоокеанском побережье (Желтое море) незамерзающую морскую базу.

главе с Николаем II. Императорским же указом от 30 июля 1903 года из Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области создавалось Дальневосточное наместничество во главе с Алексеевым, получившим право подписи международных договоров. И разработан план освоения Желтороссии, включавший массовое переселение крестьян из европейской части империи, русификацию населения (с той оговоркой, что под русификацией на языке того времени понималась христианизация), создание из отставных военных гражданского корпуса (чиновничества). Данный опыт, кстати, повторили большевики после гражданской войны, когда была предпринята попытка восполнить нехватку административных кадров за счет демобилизованного командного состава Красной армии.

Тем же летом КВЖД была передана из Строительного в Эксплуатационное управление, и началось рабочее движение составов: регулярные рейсы Москва–Дальний занимали 16 суток. Кроме того, Общество КВЖД участвовало в оборудовании морского порта во Владивостоке и при посредничестве Русского Восточно-Азиатского пароходства совершало рейсы в порты Японии, Кореи, Китая. К 1903 году оно владело флотилией из 20 пароходов.

Резко возраставшая активность России не могла не привести к столь же решительному противодействию. Дело кончилось русско-японской войной 1904–1905 годов. По Портсмутскому мирному договору от 23 августа 1905 года Россия передала Японии Южный Сахалин, ушла с Ляодунского полуострова, отказалась от Порт-Артура и аренды Квантунской области. Последняя отошла к Японии вместе с частью Южно-Маньчжурской железной дороги от Чанчуня/Куаньчэнцзы (с 30 июля 1907 года – от станции Сунгари) до Порт-Артура и Дальнего со всеми сооружениями, арсеналами, верфями.

После неудачной для России войны возникла необходимость сооружения Амурской железной дороги (АЖД). В конце 1906 года оно началось от станции Куэнга (на реке Шилке между Нерчинском и Сретенском) до Хабаровска, длина трассы составила приблизительно 2 тысячи километров, а ее строительство было завершено в 1915 году. Трансконтинентальная сеть в полном объеме была введена в эксплуатацию в октябре 1916 года. Железнодорожное сообщение получило сразу два восточных терминала – Хабаровск (АЖД) и Владивосток (КВЖД), – к тому же связанные между собой Уссурийской железной дорогой (766 километров). К этому времени заработала на полную мощность и Среднеазиатская магистраль. Транспортная сеть страны – инфраструктурный аналог кровеносных сосудов организма («транспортные артерии») – была, наконец, отстроена, общая стоимость проекта превысила полтора миллиарда рублей.

Россия, казалось, находилась на пороге промышленного взлета, а после Эрзурумского сражения, Трабзонской операции, Брусиловского прорыва, успехов союзников по Антанте на Сомме, Ютландского сражения (в конце 1916 года Германия предложила заключить мир) – и накануне победы во Второй Отечественной, как ее тогда называли, войне...

Группа «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия» представляет книгу

«Русская идентичность. Дорога жизни»

В сборнике, выход которого приурочен к Году российской истории, собраны статьи современных мыслителей Русского мира, проживающих в Российской Федерации и за рубежом. Статьи объединены общей темой – русская идентичность, ее смыслы, исторические и культурные основания. Особое внимание уделено значению русской идентичности для будущего России, возможному вкладу в развитие цивилизации. Затрагивается вопрос, каким образом фактор национальной идентичности должен учитываться при прогнозировании динамики российского общества в XXI веке.

Книга находится в открытом доступе на сайте Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия»

www.intelros.ru

Сборник продолжает сценарно-футурологический проект Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия» и СИНЛА-АЦМИ, в рамках которого вышли книга Александра Неклессы «Люди воздуха, или Кто строит мир» (2005), «Эсхатологический сборник» (2006) и сборник «De futuro, или История будущего» (2008).

Русская идентичность. Дорога жизни / Под редакцией Дмитрия Андреева и Александра Неклессы. – М.: ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия, 2012. – 288 с.

Содержание:

Исследовательский доклад Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия». Проект «Россия»

Александр Неклесса. Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности

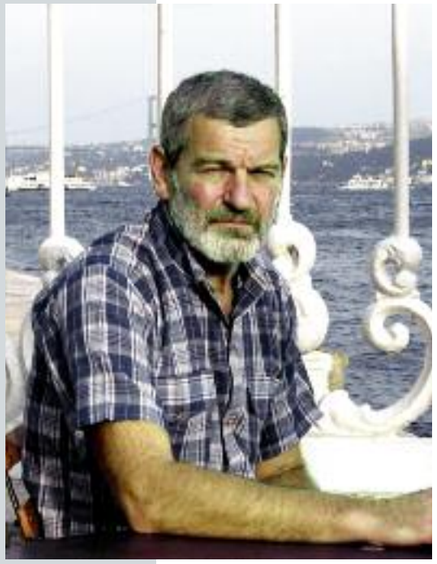
Карен Свасьян. О трех превращениях философии в России. Опыт биографического осмысления

Владимир Малявин. Россия в евразийском пространстве

Дмитрий Замятин. Стрела и шар: к новой метагеографии России

Александр Филиппов. Россия: возрождение политического

Дмитрий Андреев. Экспертная мысль РФ: есть ли выход из кризиса?



Александр Николаевич Белкин – профессор, заведующий кафедрой архитектуры Московского института коммунального хозяйства и строительства

Карманный Виньола

О градостроительной культуре современной Москвы

Эта поначалу удивившая меня книжечка попалась мне в «Книжной находке» – очень популярном букинистическом магазине за памятником первопечатнику Ивану Федорову 30, а может быть и 40 лет тому назад. Крепко сшитая, маленького, то есть карманного, формата, 1912 года издания, она называлась «Правило пяти ордеров архитектуры». Вот этим и удивила: как так – знаменитый труд Виньолы, изданный Академией архитектуры СССР в 1939 году, – большая, ин фолио, книга, стоящая у меня на полке, и вдруг – pocket book? Как туда поместить чертежи, чтобы все было понятно, и вообще кому нужен такой карманный Виньола? Архитекторы в своих мастерских пользуются изданиями большого формата. Разгадка была недалеко – уже на титульном листе стояло: «Для десятников», – иначе говоря, для бригадиров на стройке. До тех пор я, видимо, неверно представлял себе уровень культуры строителей и строительства начала прошлого века. Надо же, бригадир на стройке с Виньолой в кармане. А там – ордера, их детали – все эти капители, абаки, эхины, каннелюры, скоции, триглифы, метопы, гейзоны – да во взаимных пропорциях, модулях и партах! Но это и понятно. Иначе как могли бы выполнить строители без справочника сложные и красивые детали, ну, хотя бы фасада здания ярославского дворца пионеров, на примере которого в 1955 году отец показал мне различия трех ордеров архитектуры – дорического, ионического и коринфского.

Площадь Европы

Вспомнилась эта история, что называется, от противного. Оттого что последние два десятилетия строительной, а особенно еще и более важной – градостроительной – культуры в Москве не то чтобы недостает, а ее вовсе нет, будтобы никогда и не было. А ведь была она весьма высока, в иные времена достигала мирового уровня, вызывала зависть зарубежных коллег уровнем своей проектности, обеспеченной государственным устройством страны.

Нынче же черты непрофессионализма сложились в целостную картину полной градостроительной дикости. Основа этого скорбного результата – отказ от проектирования развития города в целом: замена проектного подхода случайным набором ситуативных решений без учета при этом их взаимного влияния и влияния на город как целостную систему. Отказ от генерального плана как основного инструмента управления развитием города, других необходимых документов градостроительной регламентации привел и к практике точечной застройки, и к ликвидации озелененных территорий, и к необоснованному сносу зданий, и к уничтожению исторических памятников, и к нелепому «расширению территории города в 2,5 раза», и ко многому другому. Утрата градостроительной культуры проявляется не просто в отдельных прискорбных фактах, но и в последовательном осуществлении деградационной деятельности, не соответствующей ни традиционной формуле городской жизни «труд, быт и отдых людей», ни универсальной формуле архитектурного проектирования – триаде Витрувия – «польза, прочность, красота». Три аспекта деградации градостроительства в Москве – эколого-климатический, архитектурно-художественный и духовный – наиболее заметны его жителям и значимы для развития города. Они не исчерпывают темы, важнейшей частью которой является еще и низкий инженерный уровень принимаемых решений. Бескультурье в эколого-климатическом аспекте выразилось в первую очередь в сокращении озелененных территорий. Эти незастроенные территории всегда было трудно выделять – их польза не так очевидна, как польза любой постройки. А места они занимают много, существенно растягивая дорогие городские коммуникации. В то же время формирование единой, пронизывающей весь город и его окружение системы открытых озелененных пространств, включающей парки, сады, скверы, бульвары и другие объекты, разнообразные по функциональному содержанию, размерам и форме, давно считается одним из основных принципов развития города. Лучший из известных проектов этой тематики – генеральная схема озеленения Москвы 1975 года, выполненная под руководством Валентина Иванова. Немногое из этого проекта удалось осуществить, в целом же он не получил реализации и, главное, последующего развития заложенных в нем принципов. Многое из содержания этого документа утрачено – и как уже возведенные объекты, и как зарезервированные возможности их создания, осо-

Черты непрофессионализма сложились в целостную картину полной градостроительной дикости. Основа этого скорбного результата – отказ от проектирования развития города в целом: замена проектного подхода случайным набором ситуативных решений без учета при этом их взаимного влияния и влияния на город как целостную систему.

Старообрядческий храм Святителя Николая Чудотворца у Тверской заставы

Размещение высоких и очень (избыточно) высоких зданий не подчинено идее развития композиции города и его частей, имеет случайный характер, часто разрушающий уже сложившиеся ансамбли.

бенно во внешнем поясе города. Уничтожение озеленения происходит и во дворах, на некогда хорошо озелененных жилых территориях – и за счет уплотнения застройки, и за счет неразумного устройства автостоянок.

Вот и получается, что негде гулять, нечем дышать, не на что любоваться. В триаде Витрувия «прочность» применительно к градостроительству означает экологическую устойчивость города как системы, в которой сбалансировано действие природных и антропогенных факторов. Пренебрежение природным фактором грешит исключительной самонадеянностью. Природа сильнее, и организация благополучной жизни людей зависит от постижения и учета ее законов.

Пренебрежение природно-климатическими характеристиками влечет за собой вредное для здоровья людей снижение нормы времени инсоляции жилых квартир. На тех же «основаниях» широко распространилась «стекломания» в архитектуре и чуждая южная, не сезонная, а круглогодичная «ларечность» в организации торговли северного города, вызывающая не только сочувствие к продавцам и покупателям, но и ненужные энергозатраты.

Архитектурно-художественный, стилистический аспект поражает своей беспомощностью и напоминает ситуацию, в которой при свободе слова сказать нечего, часто получается, кукарекая, только «петуха пустить».

Размещение высоких и очень (избыточно) высоких зданий не подчинено идее развития композиции города и его частей, имеет случайный характер, часто разрушающий уже сложившиеся ансамбли. А ведь есть хрестоматийный пример размещения высотных зданий в Москве почти 70 лет назад, сразу после войны. Сегодня еще сохранился «сторублевый вид» – панорама Кремля и города с Большого каменного моста, а вот не менее важная панорама с Москворецкого моста изуродована строительством комплекса на Пресне, не говоря уже о других

Вид на Кремль с Большого Москворецкого моста

– менее заметных, но тоже случайных – постройках. Высотный жилой дом в Чапаевском переулке на «Соколе» мало того, что уничтожил половину парка с ребрийным полем, он еще к тому же оказался огромным, но, увы, случайным элементом в пространственной композиции района и города. Так же непреднамеренно над главным фасадом Малого театра гордо реет надпись «Ararat hyatt».

Можно продолжать приводить подобные примеры. Они особенно удивляют потому, что ландшафтно-визуальный анализ обязателен, он предшествует проектированию зданий и сооружений в Москве. Разрушительные для композиции города последствия строительства отражают в числе прочего и качество этого ландшафтно-визуального анализа, лишенного продуманных критериев и обоснованной методики.

Эклектика закономерна для архитектуры безвременья, для подлых времен. Однако и в этих исторических условиях удивляет агрессивность стилистической немощи. Это не только агрессия самоутверждения дурновкусия, но и агрессия отрицания предшествующих исторически значимых стилевых направлений. Мало появления золотых (по затратам) уродов и уродцев – таких, как дом у Патриарших, присвоивший их имя, торговые центры у двух вокзалов – Курского и Киевского, новое здание гостиницы «Интурист» на Тверской, здание в начале Арбата напротив «Праги», последняя пристройка к ЦУМу, жилой дом с какими-то рожками-башенками на Кутузовском, стеклянное ущелье – фон, подавляющий красивую церковь напротив Белорусского вокзала. Несть им числа, вплоть до мелочи – ротонды на площади Никитских ворот. Строительство всего подобного сопровождается сносом или доведением до внешней целесообразности сноса построек всех периодов развития советской архитектуры: и блистательных 20-х – начала 30-х, и высокопрофессиональных пред- и послевоенных, и рациональных 60-х, и действительно отразивших уверенный рост благосостояния 70-х – 80-х.

Сегодня еще сохранился «сторублевый вид» – панорама Кремля и города.

В этом отношении характерна замена здания гостиницы «Интурист» на Тверской на худшее. Прежнее сооружение, по крайней мере, внятно отражало свое время, его предпочтения, вкусы – в конечном счете – стиль эпохи. А теперь взгляните на новое здание и попытайтесь ответить на простой вопрос: когда его построили? Вероятно, сразу по завершении строительства гостиницы «Националь» пришел дикарь с калькулятором, воспроизвел рядом ее увеличенный в 2,37 раза фасад, выше него, не утратив аппетита, добавил толстую стеклянную нашлепку, а спереди самостоятельно «сочинил» галерею входа. Отдельные элементы этой «композиции» имеют приличные названия – колонны, сандрики, пилястры, – чего категорически нельзя сказать об архитектуре здания в целом.

Отношение к художественным особенностям городской среды может быть разным, недопустимо лишь пренебрежение стилевым контекстом. Соблюдение этого общего правила градостроительной композиции дает много блестящих образцов. Из лучших – гениальное включение Щусевым

Гостиница «Риц-Карлтон» на Тверской

Эклектика закономерна для архитектуры безвременья, для подлых времен. Однако и в этих исторических условиях удивляет агрессивность стилистической немощи. Это не только агрессия самоутверждения дурновкусия, но и агрессия отрицания предшествующих исторически значимых стилевых направлений.

здания Мавзолея Ленина в исторический полутысячелетний ансамбль Красной площади. Можно ли в городе таких традиций считать допустимым появление иногда весьма крупных объектов точечной застройки, не создающих нового ансамбля, зато разрушающих сложившуюся градостроительную композицию?

Духовный, нематериальный аспект утраты градостроительной культуры многолик в своих проявлениях, иногда вовсе не связан с архитектурной деятельностью, но именно этот аспект может быстро приводить к ощущению резкого и негативного изменения городской среды. С Москвой это уже произошло и в общем виде заключается в изменении образа города в целом. Такое изменение складывается из многих, не всегда материальных элементов.

Москва и прежде была живописной, шумной, живой, даже несколько ярмарочной, но она не была балаганной и безвкусно пестрой. Она не рождала ощущения временности. Напротив, она производила впечатление устойчивости, даже незыблемости столичной жизни. Свойственный городу и его жителям динамизм означал устремленность, достоинство уверенности в будущем, а не нынешнюю мелочную суетливость.

Город покрыт густой россыпью ларьков, палаток, киосков, овощных развалов, открытых столиков-прилавков и торговых тележек. Ларечная торговля, несвойственные довольно холодной Москве уличные формы жизни создают новое представление об ее жителях как о непрерывно что-то жующих, что-то пьющих и что-то покупающих, а чаще к чему-то приценивающихся существах. Прочие – помирающие от скуки лавочные сидельцы и бесчисленные охранники. В соседстве с ними трудно представить, что неподалеку еще есть Большой и Малый театры, Пушкинский музей и Третьяковка, Консерватория и Архитектурный институт, зал Чайковского, Политехнический, наконец, парящий над рекой Университет! И сообразные климату традиции столичной торговли, памятные старшим не

Панорама Москвы с высотки на Котельнической набережной

только ГУМ, ЦУМ и Елисеевский, но и рядовые специализированные магазины, гастрономы и универмаги даже и окраинных районов Москвы.

В многоголосье Москвы не было чужеродных гортанных криков зазывал в торговые центры, оккупировавших остановки общественного транспорта, в первую очередь – маршрутных такси. И если на площади Ильича их пока двое, то на остановке в Митино я насчитал десять (!) одновременно орущих. Языковая среда – вообще весьма чувствительная для формирования образа города характеристика, касающаяся как устной, звучащей, так и письменной речи. Громкая речь и многословие не присущи нашей культуре, а чудовищный в своей безграмотности язык названий – в основном торговых заведений и конторских зданий – оскорбителен для носителей великого русского языка.

Трудно представить себе большее зло, чем реклама в «деле» разрушения образа нашей столицы. Безобразная по форме и

Отношение к художественным особенностям городской среды может быть разным, недопустимо лишь пренебрежение стилевым контекстом.

отвратительная в своей навязчивости и бестактности, она везде парит в небесах, доминирует на уровне глаз, встречает под землей. Она усложняет или уничтожает возможность восприятия необходимой и полезной информации – указателей улиц, знаков дорожного движения и другого, вплоть до уменьшения размеров схем метро в вагонах ради размещения рекламы на полях. Рекламы и вывески разрушают и архитектуру, нагло уродуя некогда композиционно продуманные и выразительные фасады, вот уж где «презренный варвар кистью сонной творенья гения чернит».

Уничтожение высокохудожественных произведений изобразительного искусства в угоду сиюминутной политической конъюнктуре – обычное явление в истории. Однако не пора ли остановиться, не портить городские ансамбли? Ведь как изуродована Лубянская площадь, утратившая центральный элемент композиции, вокруг которого формировалась ее застройка. Сначала это был водоразборный фонтан, затем – замечательный памятник Феликсу Дзержинскому.

Отдельная тема – игнорирование сложившегося духовного содержания городской среды. Представляется ошибочным, например, превращать Красную площадь в Потешную. У нее другой образный строй, здесь был парад Победы! Для катания на коньках, веселых забав, карнавалов и музыкальных шоу нужно другое место, образ которого соответствовал бы происходящему.

Неизбежный вывод из сказанного: нет в кармане современного десятника на стройках столицы никакого Виньолы, неведом он и остальным участникам строительного процесса, не обеспечивающего достижения необходимого Москве уровня градостроительной культуры.

юбилей как аналитика

В.Т. Третьяков:

«Честность в журналистике – очень опасная вещь»

Интервью декана Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова **Виталия Товиевича Третьякова** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Виталий Товиевич, сейчас, после Вашего юбилея, после многочисленных поздравлений Вас с 60-летием и признаний Вашей исключительной роли в становлении нашей постсоветской журналистики и экспертной мысли, не будет лишним еще раз повториться и без всякого преувеличения назвать Вас одним из их творцов. Позвольте и мне присоединиться к этому многоголосью и пожелать Вам новых прорывных успехов – не только на ниве взращивания молодого поколения телевизионщиков, но и в тех самых сферах – актуальной публицистике и аналитике, – которые принесли Вам в 90-е годы буквально мировую известность.

– Спасибо, Дмитрий. Признаться, я совсем не ждал многочисленных поздравлений, тем более с признанием, как Вы сказали, моей исключительной роли в становлении нашей постсоветской журналистики и экспертной мысли. И не только из-за того, что у меня крайне неудачный для публичного отмечания день рождения – 2 января. Газеты не выходят, по телевизору – сплошь новогодняя тема, многие разъезжаются на отдых. Не это главное. Публичная, а тем более медийная сфера – очень конкурентная среда. И на правах человека, который уже немало прожил – хотя я и не ощущаю свой возраст – и поднакопил некоторый опыт и знание общечеловеческих отношений, могу с абсолютной убежденностью утверждать следующее. Твою роль – выдающуюся, полувыдающуюся, а иногда и совсем невыдающуюся, но представляемую как выдающуюся – отмечают только в двух случаях. Во-первых, если ты сам все это организуешь и напоминаешь о себе, чем я никогда не занимался и не стал заниматься и на этот свой день рождения. А во-вторых, если за тобой стоит мощная структура, которая, часто исходя из собственных интересов, тебя выпячивает, выдвигает на всякие премии и награды – в общем, не дает о тебе забыть, особенно накануне юбилея. Понятно, что такая структура чаще всего проявляет заботу вовсе не из альтруистических соображений. Награды раздаются и прочие знаки внимания оказываются сейчас, как и в древние советские времена, только тем, за которыми подобные структуры есть. А за мной мощной структуры нет. Однако, как это ни странно, мой юбилей показал, что я ошибался. Меня поздравили президент Владимир Путин и патриарх Кирилл, а также еще значительное количества влиятельных в разных отношениях лиц. Не прошли мимо моего юбилея и Первый канал, каналы «Россия-1» и «Культура».

– В связи со знаменательной вехой в Вашей жизни, наверное, самое время вспомнить Ваше вхождение в мир прессы – еще в советское время. Многие из признанных нынешних экспертов и аналитиков считают Вас своим учителем – или человеком, существенным образом повлиявшим на их профессиональное становление и рост как специалистов своего дела. На этом фоне самое время вспомнить тех, которых Вы могли бы назвать Вашими учителями. Людей, поддерживавших Вас советами, рекомендациями или непосредственной помощью. Можно даже сформулировать вопрос прямо: кому мы обязаны тем, что феномен Третьякова вот уже более двадцати лет является значимым фактором информационного пространства страны? Благодаря кому Вы стали тем, кем мы Вас знаем – политологическим оракулом, к чьим словам на протяжении всех этих лет прислушивались и продолжают прислушиваться как к наиболее компетентным?

– Да, есть люди, которые – во всяком случае, при встрече со мной, а некоторые, насколько мне известно, и без таких встреч – называют меня своим учителем, и я им благодарен. Прежде всего за то, что они действительно не забывают, что некоторым из них я вольно или невольно дал старт в журналистской профессии. Либо предоставил трибуну соответственно того издания, которое я на тот момент возглавлял. Либо каким-то иным способом помог. Но по большей части люди это забывают. Однако, что касается меня самого, то назвать своими учителями именно журналистики я вряд ли кого-то смогу. Наверное, таких людей и не было. Я всегда просто писал с учетом требований того или иного издания, в котором я на тот момент работал, советов старших товарищей, знаний, полученных в свое время на факультете журналистики МГУ. Вот и все – больше я действительно ни на кого не ориентировался, просто работал так,

как сам считал нужным. Да, можно развить какие-то свои навыки, можно, позаимствовав у кого-то, воспользоваться какими-то интересными журналистскими формами, которые редко применяют другие, и за счет этого так или иначе выделиться. Но нельзя изменить свой рассудок. Если у тебя отсутствуют логика и аналитические способности, то их невозможно получить никакой прививкой. Вот в этом смысле у меня нет учителей, я всего лишь следовал тем своим возможностям и способностям, которые у меня были. И в тех случаях, когда эти способности оказывались несколько выше, чем у остальных, – а я их еще к тому же развивал самостоятельно, – тогда мне и сопутствовала удача.

– Виталий Товиевич, ни за что не поверю. Нет, не в то не поверю, что у Вас есть способности. Здесь Вам не занимать – сам имел возможность в том убедиться, работая почти четыре года под Вашим началом в «Политическом классе». Не поверю в то, что у Вас не было учителей по, так сказать, руководству медийным производством. Здесь требуются способности и навыки не врожденные, а приобретенные, а потому без учителей тут никак не обойтись.

– Так к этому я и веду. Я могу назвать двух людей, которые меня научили не журналистике как навыку оперативно и грамотно описывать действительность, а именно руководству изданиями и их коллективами. Во всяком случае, именно их опыт я более всего в себя впитал и иногда даже в некоторых конкретных деталях этим опытом пользуюсь до сих пор. Оба, кстати, были друзьями, причем довольно близкими, и даже какое-то время работали вместе, в «Московских новостях», куда и я потом пришел работать собственно по предложению одного из них. Это всем известный – хотя, возможно, его имя для сегодняшней молодежи мало что значит, но те, которые постарше, его наверняка помнят – Егор Владимирович Яковлев, возглавивший «Московские новости» в середине 1986-го и руководивший этим изданием на протяжении всех перестроечных лет. С ним я познакомился в 1988-м, когда сам стал работать в «Московских новостях». А пришел я туда по рекомендации его давнего друга, а в тот момент – ответственного секретаря «Московских новостей», Алексея Ивановича Флеровского. Оба уже умерли. Флеровский раньше, Яковлев – позже. И если Яковлева сейчас еще знают и помнят – во всяком случае те, которые в перестройку следили за тем, что происходило в обществе и прессе, – то Флеровский уж точно мало кому известен.

Виталий Третьяков с премьер-министром Франции Эдит Крессон. 30 сентября 1991 года

– Да, мне, например, это имя ни о чем не говорит. Он был не из пишущих?

– Алексей Иванович Флеровский был моим начальником, непосредственным и главным, в АПН, Агентстве печати «Новости». Он был главным редактором – сейчас воспроизведу это «многоэтажное» название – Объединенной редакции изданий для стран Западной Европы Главной редакции периодических изданий АПН. Эта Главная редакция периодических изданий выпускала практически полный пакет журналов и газет, за малым исключением, на весь мир. А внутри она делилась по региональному принципу. В Объединенной редакции изданий для стран Западной Европы я стажировался, будучи еще студентом журфака МГУ. А сразу после университета я туда попал по распределению. Еще через год эту редакцию возглавил Алексей Иванович. Потом, когда Егор Яковлев пришел главредом в «Московские новости», Флеровский перешел к нему ответственным секретарем. И меня туда перетащил. Он был сыном известного революционера с Балтфлота Флеровского – в энциклопедиях можно найти эту фамилию. Весь жизненный путь Алексея Ивановича я не знаю, только наиболее значимые вехи. Он закончил МГИМО и в какой-то момент возглавил газету «Московский комсомолец». Кстати, в теперешнем «МК» есть такие «старожилы», которые его еще застали. Например, Наталья Дардыкина. Она еще при Флеровском работала и прекрасно его знает и помнит. И первую послевоенную славу «Московскому комсомольцу» в годы хрущевской «оттепели» принес как раз Алексей Иванович, будучи главным редактором этой газеты. Кстати, любопытно, что снят с этой должности он был по решению ЦК КПСС. За этим, как мне рассказывали, стоял Суслов.

– «Московский комсомолец» допустил какой-то серьезный ляп?

– В общем, да. Мне рассказывали эту историю. Может быть, что-то там было и не так, но сама по себе она интересная. В то время на советские экраны вышел испанский фильм «Королева шантеклера». Все его смотрели, были колоссальные сборы, объяснимые хотя бы уже тем, что советского зрителя тогда еще не очень баловали зарубежными фильмами, особенно такими, где в красках показывалась, ну, совсем непохожая жизнь. И «Московский комсомолец» опубликовал на этот фильм разгромную рецензию, в которой фильм назывался образцом пошлости, мещанства, потребительства и прочих зараз западного образа жизни. Но ни тот, кто писал эту рецензию, ни главный редактор Флеровский даже не подозревали, что, оказывается, в этот фильм были вложены деньги Коммунистической партии Испании. И успешный прокат этого фильма по всему миру и в Советском Союзе – это же колоссальная аудитория! – приносил деньги испанским коммунистам, находившимся тогда еще, при Франко, в подполье. Я полагаю, что о связи «Королевы шантеклера» и испанских коммунистов вообще мало кто догадывался тогда в СССР – ну, разве что, может быть, кроме главных редакторов «Правды» и «Известий». Короче говоря, то ли испанские коммунисты нажаловались на «Московский комсомолец», то ли сами сообразили, что разгромной рецензией подрывают экономику дружественной компартии, но в итоге Флеровского сняли. После этого он и попал в АПН и там до высоких должностей больше не поднимался. Хотя, как мне теперь кажется, Флеровский не очень-то переживал этот скандал и свою отставку. Он вообще был человеком неприхотливым, совершенно не снобом. Его материальные блага, похоже, совсем не интересовали. Но он был очень профессиональным редактором.

…с экс-президентом СССР Михаилом Горбачевым в Горбачев-фонде. 1992 год

– Так, вот мы уже и подходим к разговору о нем как о Вашем первом наставнике в деле организации журналистского процесса. Чему Вы у него научились?

– Прежде всего восприятию того, что такое журналистская компетентность и какой она должна быть. Флеровский очень много знал. Он был тем, кого можно назвать странным, на первый взгляд, словосочетанием «просвещенный дилетант». Я сейчас своих студентов учу, что журналисту невозможно знать всего. Но ему следует четко представлять себе три вещи. Во-первых, в чем собственно и заключается просвещенный дилетантизм, необходимо знать границу своего незнания и никогда не забывать, где эта граница проходит. До какого предела можно писать, опираясь на факты, которые ты на самом деле знаешь и в которых разбираешься. Во-вторых, надо знать, к кому, к какому специалисту следует обратиться за помощью, чтобы написать о том, чего просвещенный дилетант не знает. Наконец, в-третьих, просвещенный и ответственный дилетантизм обязывает журналиста всегда предупреждать читателей, что начиная с такого-то места им излагается версия такого-то эксперта, такого-то специалиста. И при этом такую версию тоже не выдавать

за какое-то абсолютное знание, истину в последней инстанции. Это не Флеровский сформулировал названные принципы просвещенного дилетантизма, как, впрочем, и само понятие. Это я сам уже впоследствии для себя так их систематизировал. Но Флеровский поступал именно так. Ему нравилось со мной работать, потому что я очень много писал, причем неплохие тексты. Первое, что он всегда говорил, когда я отдавал ему очередной материал, это: «Что за дохлую крысу ты мне опять принес?» Это у него была та-

…с Раисой и Михаилом Горбачевыми в театре Марка Розовского «У Никитских ворот». 1992 год

кая стандартная присказка, которая, впрочем, ничего не значила. Но зато потом, если он уже видел, что текст интересный, он давал наводки, указывал на тропки, по которым нужно идти, чтобы материал стал гораздо лучше. Его указания были всегда очень правильными. Причем шел по этим тропкам ты сам – он тебе не диктовал, что писать.

– Про компетентность – понятно. Но это все-таки ближе к собственно писательскому ремеслу, к тому, что Вы, по Вашим словам, осваивали самостоятельно. Чем еще помог Вам Флеровский?

– Он знал очень многих людей, со многими был знаком. И часто посылал меня взять у кого-то интервью. Причем у фигур, недоступных для других журналистов. Например, Алексей Иванович свел меня через свои знакомства с Аркадием Стругацким, хотя Стругацкие и не любили давать интервью. Флеровский направил меня и на такого очень известного в свое время, да и сейчас еще известного, господина, как Александр Сергеевич Ципко. Дело было при Андропове. У Ципко вышла интересная книга о проблемах социализма. А Флеровский внимательно следил за всеми новинками. Я купил себе экземпляр этой книжки, буквально изрезал ее и слепил «рыбу» интервью – я ради дела никогда не чурался черновой работы. И потом, уже по ходу беседы, просто что-то уточнял у Ципко по этой «рыбе». Я, признаться, и не знал тогда, кто такой Ципко, чем его взгляды на марксизм отличаются от официальных, но очень интересовался теоретическими вопросами. Флеровскому это было известно, поэтому он меня к Ципко и направил. Так появились три гигантских интервью. Ципко был очень польщен вниманием к своей книге. Понятное дело – советская печать не баловала его рецензиями, тем более благожелательными. А тут – интервью, да еще каких размеров! Невозможно представить, чтобы в советское время у Ципко – кандидата наук – кто-то взял интервью. И я опять-таки обращаю внимание на то, что инициатива этого интервью исходила от Флеровского. Он был мыслящим человеком, который на своем рабочем месте делал не только то, что от него требовалось должностными инструкциями, а нечто большее. Потому что ему это было просто интересно. Потому что у него голова так была устроена. Потому что он не мог жить в тех узких рамках, в каких предписывалось. Такой вот незаметный работник будущих перемен, всех этих перестроек, с мало кому известным именем.

– Ну, и вышло это интервью в трех частях?

– Из трех частей вышла одна часть. Да это уже была колоссальная удача. Интервью же надо было провести через все инстанции АПН – интервью какого-то кандидата наук в трех частях, то есть в трех номерах всех журналов и газет! А кто это такой? Не член ЦК КПСС, не Иван Тимофеевич Фролов. А тут интервью в трех частях – с ума сойти! Члена Политбюро не печатали в изданиях АПН в таком объеме. Помню, как мы с цензором сидели и по пунктам разбирали каждую фразу. Я ее отстаивал, а цензор постоянно сомневался то в одном, то в другом.

– А что, книга стоящая была? Я, конечно, имею в виду на фоне тогдашнего официоза.

– Меня лично заинтересовало уже одно то, что о марксизме в ней говорилось иначе. И в то же время это не был Самиздат. А когда меня что-то захватывало, я был способен заражать своим интересом – несколько рискованным, я бы даже сказал, интересом – вышестоящих начальников. В данном случае цензора. В общем, одну часть я пробил, и в конечном итоге она вышла.

– В «Московские новости» Вы и Флеровский одновременно перешли?

– Нет, сначала Флеровский. А уже потом он как-то раз сказал мне: «Что ты все в АПН сидишь, там уже все протухло, тут интереснее, давай переходи сюда». Собственно он меня в «Московские новости» и перетащил, за что я ему, естественно, благодарен. Флеровский и там меня со многими познакомил. Шли первые годы перестройки, в редакции «Московских новостей» постоянно крутились разные шестидесятники. Они к Егору Яковлеву приходили, потом заходили к Флеровскому, поскольку он их всех знал. Юрий Любимов, Николай Шмелев, Юрий Рыжов, Роальд Сагдеев заходили. Заглядывали покойные Алесь Адамович, Юрий Карякин, Евгений Амбарцумов. Меня с ними либо Флеровский, либо Егор Яковлев познакомили.

– Чему Вас научил Егор Яковлев?

– Егор Яковлев был птицей уже другого, более высокого, полета. Хотя Флеровский с ним держался на равных и был ничуть не глупее его. Просто у одного жизнь сложилась так, а у другого – этак. Егор Яковлев сам не очень хорошо писал, но он был очень чутким редактором. Он видел сильные и слабые места текста, делал массу заметок на полях красным карандашом, по которым ты потом работал. Причем я отвергал многие из его замечаний, но он на это не обращал внимания. В конце концов, идя по расставленным главным редактором «маячкам», ты все равно улучшал материал. Когда Яковлев сам исправлял твою фразу, получалось плохо. Но когда он просто делал тебе по-

…с премьер-министром Великобритании Джоном Мейджором

метку, что это нужно подредактировать, и ты сам что-то делал по его наводке, выходило хорошо. Во всяком случае, я с ним так работал.

– Яковлев сам работал с текстами? И как у него хватало на все сил и времени – править авторские материалы и одновременно руководить газетой, пускай еженедельной, которая в ту пору считалась главной трибуной гласности?

– Коротич с ним оспаривает эти лавры – главного главного редактора перестройки и гласности. Да, он одно время был очень близок к Горбачеву и ориентировался на него. Дружил с Яковлевым и Андреем Серафимовичем Грачевым. И, кстати, притормаживал всех этих прорабов перестройки. Я это хорошо знаю. Но в данном случае я это говорю не для того, чтобы подчеркнуть, каким он был осторожным главредом. Он был самым смелым главредом второй половины 80-х – начала 90-х. И вместе с тем своим друзьям, этим глашатаям гласности и прорабам перестройки, он педантично расчеркивал их статьи, потому что они рвались вперед, они были гораздо бóльшими революционерами, чем он. Они уже давно отвергли Ленина, а Егор Яковлев, как известно, держался за Ленина очень долго. И эти авторы потом с его пометками на своих рукописях приходили ко мне, зная, что я хороший редактор

и смогу так все подчистить в их текстах, что у Егора – его так все звали – сложится впечатление, что все его замечания учтены. И вместе с тем останется произнесенным все то, что сами авторы хотели сказать. И поскольку я действительно весьма недурной редактор – и даже очень хороший, осмелюсь так сказать, – то я это делал. И все в итоге оказывались довольными после выхода этих материалов – и их авторы, и главный редактор.

– То есть умение работать с авторами, чему Вы научились в АПН у Флеровского, стало помогать Вам и на новом месте, в «Московских новостях»?

– Именно так. Яковлев очень быстро заметил во мне эти способности – работать с авторами, исправлять в интересах газеты их тексты, не ущемляя при этом интересов самих авторов. Ну, и выстраивать композицию номера, организовывать соответствующие материалы, руководить всем этим процессом. Поэтому через четыре месяца после начала моей работы в «Московских новостях» Яковлев сделал меня политобозревателем, а потом и одним из заместителей главного редактора. Если АПН – это специфическая организация: гигантский коллектив, разбитый на маленькие ячейки, то «Московские новости» – пускай небольшая, но зато полноценная газетная редакция. И вот тут-то Яковлев и научил меня организационному руководству творческим процессом создания газеты, тонкостям выстраивания взаимоотношений с авторами. Например, он всегда провожал автора из кабинета и подавал ему пальто – даже мужчинам, я уж не говорю о женщинах. Вот с каким вниманием он относился к авторам – по крайней мере, к тем, которые ему были дороги. У Яковлева же я научился и тому, что потом мне очень пригодилось как руководителю разных журналистских коллективов, а именно – подписывать заявление об уходе сразу, не раздумывая, как только человек тебе его принес. У Егора Яковлева был такой принцип. Он мог сожалеть о том, что этот человек уходит, но он никогда не уговаривал его остаться, а моментально подписывал.

...с президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым

– А почему именно так?

– Когда человек приносит тебе заявление об уходе, неважно, обоснованным является его недовольство или необоснованным, ясно, что в большинстве случаев он хочет остаться, но просто намерен выторговать таким вот образом для себя более выгодные условия – как правило, зарплату побольше. А ты не можешь повысить ему зарплату, у тебя просто нет таких возможностей, или же по каким-то причинам не хочешь, что тоже бывает. И он фактически переносит свою проблему на твою голову: «Я недоволен, но я знаю, что я тебе нужен, вот ты и реши эту проблему». А у тебя как у главного редактора и так проблем достаточно. И на тебя взваливают еще одну. А когда ты сразу подписываешь заявление об уходе, ты эту проблему, которую он принес и положил на твою голову, моментально перекладываешь обратно – на его голову. И теперь уже он сам должен решать: уходит он все-таки или не уходит. Да, как правило, уходят, но, кстати, некоторые остаются.

– В любом издании, которое Вы в разное время возглавляли, Вы были, что называется, пишущим главредом. Причем не просто пишущим, а много пишущим. Таких были считанные единицы. А сейчас и того меньше. Обычно главреды ограничиваются своими колонками. Вы же писали не только колонки, но и большие статьи, выступали на круглых столах, Вами же и в Ваших же изданиях организованных. Я бы даже сказал, что именно Ваш пример стал заразительным для некоторых других главредов, оказавшихся впоследствии медийно раскрученными публичными мыслителями. Именно Вы задали новую моду, когда главред перестал быть кабинетным аппаратчиком и превратился в эксперта. Помню, как на одном из банкетов в Вашу честь были сказаны такие слова: если после слова «поэт» хочется сказать «Пушкин», то после словосочетания «главный редактор» так и тянет произнести «Третьяков». А вот такому новому, несвойственному советской эпохе пониманию имиджа главреда Вы тоже научились у Яковлева?

– Если говорить о некоторых моих экспертных способностях и склонностях к анализу, то тут у меня не было ни одного учителя. Просто с детства мне присуща тяга к логическим знаниям. Я уже неоднократно говорил, что очень благодарен советской системе образования и, в частности, своей математической школе № 632 – одной из специализированных математических школ города Москвы того периода. Я учился в ней в 9-м и 10-м классах, перейдя туда из обычной школы. Там меня и научили логическому мышлению, умению анализировать. Да я и к научной работе всегда был склонен. Пошел работать – и в заочную аспирантуру поступил. Минимумы сдавал. Просто бросил все это потом – не сложилось по разным причинам. Потом, конечно, чрезвычайно важно, с кем ты общаешься. Если с идиотами – значит, ты со временем опустишься до их уровня. Если с мещанами и пошляками – станешь таким же, как они. Если ты свою журналистскую стезю видишь в описании тусовки, то сам превратишься в тусовщика. Я же всегда был склонен к тому, чтобы брать интервью у умных людей. Не у знаменитых, а у умных. Иногда это совпадает, но не очень часто. И вот через общение с этим политологическим сообществом я поднабрался дополнительных знаний, умений и в результате оказался в их кругу. И не белой вороной, а одним из немногих журналистов – собственно журналистов по образованию и по работе, – которых они принимают за своих. Но повторю еще раз: нужно понимать пределы своей компетентности и знать, где за этими пределами найти то, что тебе нужно, осознавая всякий раз, что ты пишешь статью, а не диссертацию. Нельзя злоупотреблять непонятными широкой публике понятиями, но недопустимо и обратное – описывать сложные вещи простыми словами. Для этого, как минимум, следует быть гениальным, а гении, как я уже много раз писал, в журналистике не работают.

...с руководителем фракции «Яблоко» в Государственной Думе Григорием Явлинским и депутатом Государственной Думы Константином Боровым на приеме в шведском посольстве. Середина 1990-х

Журналистика – это конвейер, поточное производство. А гений и конвейер – это вещи несовместимые. Поэтому нет ничего страшнее человека, который ощущает себя гением внутри редакции – ни себе, ни коллективу он не в состоянии принести никакой пользы.

– Прошло более десяти лет, как Вы перестали возглавлять «Независимую газету». С такой исторической дистанции можно смело говорить, что «Независимая газета» Третьякова – это факт уже даже не столько медийный, сколько политический. В новейшей – да в общем-то и не только новейшей – истории России трудно найти другой пример того, чтобы периодическое издание было настолько востребованным, настолько авторитетным и настолько читаемым. Ну, разве что «Колокол» Герцена можно поставить рядом – да и то подобное сравнение хромает: «Колокол» звучал в жестко подцензурной Российской империи, а не в РФ 90-х, где – при всех изъянах ельцинского режима – свобода слова все-таки состоялась. Что Вам дала «Независимая газета» и что, на Ваш взгляд, «Независимая газета» дала нашей стране, нашему обществу в ту запутанную и противоречивую эпоху?

– Ну, сравнение с «Колоколом» Герцена меня несколько смутило. И не из скромности, не потому, что такое сравнение может выглядеть завышенным. Совсем по другой причине. Революционаризм, который и мне был некогда присущ в «Независимой газете», я сейчас совершенно в себе из-

юбилей как аналитика

жил – в силу жизненного опыта и по разным другим причинам. Особенно революционаризм, идущий из-за границы.

– Простите, если задел Вас. Просто искал адекватное сравнение и не нашел лучшего – по силе воздействия, по той роли, которую – про знак, положительный или отрицательный, я не говорю – оба издания, Герцена и Ваше, сыграли в истории России. Но давайте перейдем к «Независимой», мысленно вернемся в 90-е и в самое начало «нулевых».

– История «Независимой газеты» в многочисленных публикациях, прямо или косвенно ей посвященных, очень сильно искажена. Причем особенно устами тех, которые из нее ушли в разное время. И я просто чувствую свою историческую обязанность написать настоящую историю «Независимой газеты», и я это сделаю. Последним событием, утвердившим меня в этом намерении, стала история, произошедшая пару лет назад, в 2010 году. Я ее еще никому не рассказывал. Мне позвонила некая девушка, представившаяся редактором журнала «Афиша». Она сказала, что готовится специальный номер «Афиши», посвященный двадцатилетию российской прессы, и поэтому она хочет взять у меня как у создателя и долгое время главреда «Независимой газеты» интервью. Я согласился, попросил выслать мне вопросы и пообещал дать на них ответы указанного объема при условии, что редакция «Афиши» ничего в них менять по собственному усмотрению не станет. Ну, разве что кроме грамматических ошибок. Она мне пообещала, что это мое условие будет неукоснительно выполнено. Я ответил на все ее вопросы. Меня, кстати, сразу насторожил вопрос, кого я ощущал конкурентом «Независимой газеты». И в связи с этим там еще упоминался «Коммерсантъ». Я тогда как-то упустил из вида, что «Афиша» входит в систему «Коммерсанта». Выполнив все в срок, аккуратно и в нужном объеме, я отослал интервью и забыл об этом. Через некоторое время мои сотрудники принесли мне толстенный спецвыпуск «Афиши», посвященный как раз этой теме. Я его пролистал, желая, как всякий автор, увидеть свою публикацию, и не нашел ее.

Главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков и его заместитель Евгений Шпаков вручают президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву регалии рыцаря Евразийского ордена. 27 марта 1997 года

– Вообще?

– Вообще не нашел Ее там не было. Там было много чего сказано о «Коммерсанте», о газете «Сегодня», об НТВ, а о «Независимой газете» – ничего, ни слова. Я позвонил этой девушке и услышал от нее какие-то сбивчивые оправдания, что она не знает, как это так получилось, и что она вообще фрилансер. Как фрилансер? Мне же было сказано, что редактор? Я с фрилансерами вообще не разговариваю. Довольно жестко, помню, ответил ей, что она молодая, но лгунья. Понятно, что решение принимала не она, а редакция. И редакция меня обманула.

– Зачем? Какой им был смысл поступать подобным образом?

– «Афиша» входит в «коммерсантскую» группу. А в своем интервью я напомнил, что «Независимая газета» возникла как ежедневное издание раньше «Коммерсанта». Правда, потом «Афиша» выпустила отдельную книгу на ту же тему, и в этой книге о «Независимой газете» говорилось. Видимо, они все-таки решили, что просто невозможно сделать вид, будто ее не было совсем. Там были статьи Пархоменко и Малкиной. Малкина сказала обо мне пару-тройку уважительных – и даже весьма уважительных – фраз. К чему я это все рассказываю? Просто после этой истории я уже окончательно понял, что если до конца жизни не напишу историю «Независимой газеты», то это с моей стороны будет просто позор, я тогда своим бездействием окажусь пособником фальсификации истории отечественной журналистики. И примерно тогда же я сел за воспоминания. Весной 2013 года выйдет первый том, где рассказываю о своих детских годах. Воспоминания получаются многотомными не потому, что я слишком высоко оцениваю достоинства и достижения собственной жизни. Тут можно было бы и в один том все уложить. А потому, что я хочу на фоне своей человеческой истории в деталях, которые мне запомнились, описать жизнь страны. А когда начинаешь копаться в таких мелочах, то вспоминается то, что вообще забыл. «Независимой газете» в моих воспоминаниях будет посвящен специальный том.

– У Вас наверняка имеется представление, что должно быть в этом томе. Не могли бы Вы хотя бы конспективно перечислить то, что необходимо назвать, говоря о том, что собой представляла «Независимая газета» под Вашим руководством?

– Из изданий, которые возникли на рубеже 80-х и 90-х, до нынешнего времени сохранились только «Коммерсантъ» и «Независимая газета». «Коммерсантъ» появился даже чуть раньше, чем «Независимая газета», но в виде еженедельника, посвященного в основном экономическим делам. А «Независимая газета» была создана сразу как ежедневное, хотя первоначально выходила только три раза в неделю, политическое издание. И притом большого формата. Кстати, и тогда, когда я возглавлял «Независимую газету», и потом, когда я два годы был главным редактором «Московских новостей», до меня постоянно доносились разговоры, что я – плохой бизнесмен от газетного дела. Ну, и где все эти хорошие бизнесмены от газетного дела? Где собственность этих газет и где сами эти газеты? А вот «Коммерсантъ» и «Независимая газета» сохранились. Причем «Независимая», отобранная у меня фактически Березовским, затем перепроданная, ныне существует по формуле, которая выработана мной. С той же системой приложений. Изменения минимальны – вот, разве что, «Мизантропию» на «Филантропию» поменяли. И обрезали для экономии бумаги, как на Западе, полоску справа. А так все то же самое.

– Можно ли сказать, что в 90-е «Независимая» была самой популярной газетой?

– Нет, больше читали все-таки другие издания. В частности, «МК». Помню, как в середине 90-х мне кто-то сказал, что «МК» читают и водители черных «волг», и их пассажиры, сидящие на задних сиденьях, а вот твою газету, в смысле «Независимую», только те, которые сидят сзади. Как бизнес-проект «Независимая» не состоялась. Да и все остальные газеты тогда были в долгах. Другое дело, что некоторые этими долгами торговали, а я ничем подобным никогда не занимался.

Виталий Третьяков с главным редактором газеты «Культура» Юрием Белявским и режиссером Марком Захаровым

– В чем заключалось Ваше ноу-хау? Чем «Независимая газета» отличалась от всей остальной прессы 90-х?

– Когда я работал в АПН, то фактически занимался внешнеполитической пропагандой, подготавливая выпуски наших газет и журналов для читателей на Западе. И там нас, естественно, учили, как для этих читателей подавать нашу продукцию. А подавать надо было так, чтобы это соответствовало принятой на Западе манере. Вот отсюда и пошли в «Независимой газете» «шапки», крупные фотографии на первой полосе. И прямо на первой полосе газеты – главный материал номера. Это сейчас так поступают все, а тогда именно «Независимая» стала первой применять подобные приемы. И они тут же подействовали. Чуть позже появились тематические приложения – это тоже я придумал. Ну, а чем «Независимая» отличалась от всех остальных изданий 90-х, так это своей действительной, а не мнимой, не декларированной независимостью. В самом первом ее номере я заявил этот принцип как основополагающий для издательской политики газеты. Мы всегда подавали любой факт, освещали каждое значимое событие с разных точек зрения. Что такое настоящая независимость периодического издания? Оно ведь, если

стремится быть по-настоящему независимым, должно быть независимым не только от власти. Тогда, кстати, именно такую независимость норовили все продемонстрировать – да и то осторожно. Надо быть независимым вообще от любой силы, в том числе и от оппозиции власти. Подлинная независимость заключается в том, что ты поддерживаешь то, что тебе кажется правильным, верным – неважно, у власти или у оппозиции. Это во-первых. Во-вторых, на всякое событие, на всякое действие власти или оппозиции не может быть ста разных взглядов. Жизнь, конечно, сложна, но не настолько. Две, три, максимум четыре точки зрения. А чаще всего – две или две с половиной. Поэтому задача журналистов точно, адекватно представить эти точки зрения, чтобы читатель сам определился, какая из них в большей мере соответствует действительности. А если даже и не определится, прочтя изложенные в газете позиции, то в голове у него все равно некое приближение к истине произойдет автоматически. Вот все, что нужно. Это, конечно, не мешает изданию иметь собственную позицию. Такой установки я придерживался жестко и последовательно, преодолевая, между прочим, сопротивление работавших в «Независимой» журналистов. Да-да, именно молодых, свободных, независимых журналистов, которые, например, с какого-то момента стали меня на летучках спрашивать: «Виталий Товиевич, а зачем Вы печатаете Мигранянa с его реакционными взглядами?» Мигранян, как известно, выступал за «железную руку». За демократию, но, скажем так, в дэнсяопинском исполнении. «И вообще, – пытались они мне втолковать, – газета делается журналистами, а не приглашенными экспертами». Кстати, в «Коммерсанте» до определенного времени вообще не было экспертных статей – только журналисты писали. Они даже интервью редко брали. Настолько сильна была фанаберия – мол, только журналисты знают, как делать газету, и только они должны излагать мысли – свои главным образом, ну, и иногда других. Потом, много лет спустя, в «Коммерсанте» стали появляться интервью, а потом и экспертные тексты. А моя газета сразу делалась как экспертная. Я всегда знал, что у большинства журналистов просто мозгов не хватит, чтобы изложить нечто концептуальное. Да, никто лучше журналиста интервью не возьмет, но в интервью для меня всегда был важен не журналист, а интервьюируемый. Поэтому мы так много интервью и печатали.

…с ответственным редактором приложения к «Независимой газете» «НГ Ex libris» Игорем Зотовым и певцом и композитором Александром Градским

– И удалось Вам сломить эту идеологизированную фронду Ваших коллег?

– Принцип подачи любого материала с разных точек зрения утвердился в работе редакции. Но такой принцип сразу же стал активно не нравиться ангажированным журналистам. Меня, например, регулярно спрашивали: «А зачем Вы печатаете реакционера Кургиняна?» На это я отвечал: «Поскольку я напечатал революционера такого-то, постольку я должен напечатать реакционера, в данном случае Кургиняна». «Нет, – пытались меня уговорить, – не печатайте!» Исход журналистов в газету «Сегодня» из «Независимой» определялся, конечно, главным образом материальными соображениями – их просто Гусинский перекупил. А Миша Леонтьев практически осуществлял эту операцию, обзванивая отдел за отделом «Независимой». Но не только деньги тогда сыграли свою роль. Журналистам говорилось: «Третьяков бог знает кого печатает. А мы будем печатать только людей нашего – либерального – направления». И где сейчас газета «Сегодня»? А говорили, что такая выдающаяся газета и что уж точно будет лучше «Независимой» – во всяком случае, как бизнес-проект.

– А как возник целый комплекс тематических приложений к «Независимой газете»?

– Я задумал приложения давно. Другое дело, что постоянно случались какие-то финансовые проблемы. А приложения требовали немалых дополнительных денег. Повторюсь, эта мысль несколько лет не давала мне покоя опять-таки в силу того, что я знал: у всех респектабельных западных газет имеются тематические приложения. Вплоть до спортивного – для меня наименее всего интересного, может, именно поэтому у меня до него руки так и не дошли. А в конце 94-го я даже был вынужден сократить объем газеты из-за финансовых трудностей. Она стала выходить не на 16 полосах, а одной тетрадкой.

– Это еще до перерыва лета–осени 95-го?

– Да, до перерыва. На тот момент только я один в редакции и, может, еще только главбух знали реальное финансовое положение газеты. Было понятно, что мы идем к концу. А к весне уже и в редакции наступила ощутимая апатия. И тогда я решил, чтобы поднять настроение в редакции, выпустить, наконец, первое приложение, хотя я и отдавал себе отчет в том, что ничего не изменится и издание газеты придется приостановить. На таком фоне в апреле 95-го вышел первый выпуск «Независимого военного обозрения» – аж на 16 полосах! А через полтора месяца, как я и предполагал, пришлось замораживать все предприятие. Осенью того же года, когда за финансирование газеты взялся Березовский, «Независимая» снова стала выходить, и одно за другим начали появляться другие приложения.

– Для «Независимого военного обозрения» тогда была благоприятная конъюнктура – первая война в Чечне, обнажившая проблемы управления войсками, их комплектации, да и вообще широкий круг вопросов, касавшихся военного строительства.

– Да, точно. «Независимым военным обозрением» тогда непосредственно занимался Андрей Полищук под моим руководством. Он и кадры для этого приложения сам подбирал.

– Я помню, что еще одной – уникальной на тот момент – особенностью «Независимой» было то, что она уделяла очень много внимания тому, что происходило на постсоветском пространстве. И это на фоне практически полного замалчивания ситуации в странах СНГ и в Прибалтике в остальных печатных СМИ.

– Отдел республик был создан мной сразу же, с самого первого номера газеты, который вышел 21 декабря 1990 года. Много чего тогда уже не могла делать советская пресса – по разным причинам. Но главное, что ничего уже не могло делать и советское руководство. Оно вообще не понимало, что происходило, судя по словам Горбачева. Может, он у себя в кабинете что-то и осознавал, но по тому, что он говорил, какие шаги предпринимал, выходило, что он вообще не ориентировался в том, что делалось в союзных республиках. И я тогда оценил, что это – абсолютно эксклюзивная тема. Сейчас все вспоминают, как они боролись с режимом. Но полистайте газеты 90-го года и 91-го года до путча, посмотрите, что они писали, в том числе о жизни союзных республик. А «Независимая» печатала о том, что там реально было. Мне потом рассказывали, что Иван Силаев, который при Ельцине возглавлял еще догайдаровское правительство, каждый день получал сводки о происходившем в союзных республиках, составленные только на основании публикаций из «Независимой газеты». Тогда подобной информацией располагало лишь союзное руководство. Другое дело, что оно уже неспособно было ее воспринимать – у него атрофировались соответствующие навыки. А у российского руководства таких источников информации просто не было. И ему приходилось ориентироваться в том, что происходило в союзных республиках, исключительно по публикациям в «Независимой газете».

Министр иностранных дел Евгений Примаков поздравляет Виталия Третьякова с 45-летием. Январь 1998 года

– Удивляет, почему другие издания – Ваши конкуренты – про-

моргали такую перспективную – а на тот момент просто горячую – тему. Наверное, отчасти и по этой причине они Вам не прощали Ваших успехов…

– Да каких успехов? Хватало даже малейшего повода, чтобы раздуть его в скандал. Например, одно время мне регулярно приносили заметки о том, какой гениальный художник Кулик. Я – свободный человек, плюралист и демократ больше других, что не раз доказывал делами, а не словами. Но когда взрослые люди всерьез убеждали меня, что мужик, голым бегавший по улицам и кусавший людей, – это великий художник, тогда я мог сказать только одно: «Вы что, обалдели?» И тут же слышал за спиной: «Третьяков зажимает свободное искусство». Я сейчас жалею, что тогда был таким плюралистом и давал слово людям, которых и близко не стоило подпускать к публичной трибуне. На мне этот грех. Просто, вероятно, политической мудрости не хватало. Или вот сейчас читаю: все были, ну, прямо такими смельчаками, боролись с режимом. Взять хотя бы тех же рок-музыкантов. По их словам, чекисты чуть ли не ходили вслед за ними с ядами и шприцами. Однако эти же самые музыканты прекрасно разъезжали по всей стране и даже по загранице с гастролями, имя себе делали. Хотя и реальные смельчаки были. Например, Щекочихин, к которому, конечно, можно по-разному относиться. Миша Леонтьев ушел из «Независимой» из-за того, что я остановил его публикацию о Щекочихине, какой тот алкоголик и что он там сочиняет. А в публикации, в частности, превозносились некоторые дела Гусинского и Лужкова. Миша Леонтьев хотел за моей спиной ее поставить. Я узнал об этом – это же довольно легко делается, – прочитал материал о Щекочихине, вызвал Леонтьева и сказал: «Что ты пишешь о Щекочихине? Пьет он или не пьет – какая разница? Ты вообще тоже тут не ангел в этом смысле. Щекочихин столько сделал для нашей журналистики. Вообще в пользу кого эта публикация?» Леонтьев ответил: «Я буду защищать своих друзей». А я ему в ответ: «Ну, только тогда не в “Независимой газете”». После этих моих слов он достал и кинул мне через стол удостоверение «Независимой газеты», а я кинул его ему обратно. Вот он и ушел к другу Гусинскому.

Виталий Третьяков берет в Ново-Огарево интервью у президента России Владимира Путина по случаю 10-летия «Независимой газеты». Декабрь 2000 года

– Ваша неангажированность, наверное, и в постсоветское время была для многих бельмом на глазу?

– Еще бы. Например, до августа 91-го все новые издания были против Горбачева. В редакциях старых изданий даже если уже тоже не любили Горбачева, то все равно были вынуждены его хвалить. И только после августовского путча они осмелели. А вот «Независимая газета» хвалила и ругала Горбачева и Ельцина. И при одном, и при другом нам за подобную объективность доставалось сполна. Так, до августа 91-го «Союзпечати» было указание ограничивать наш тираж. После путча все тут же поменялось в противоположную сторону. От той же «Союзпечати» пришел запрос, как сейчас помню, на сорок тысяч дополнительного тиража на подписку и на сорок тысяч в розницу. А я тогда как раз написал статью, что переворот совершил не ГКЧП, а Ельцин, который по факту отобрал у вернувшегося с Фороса Горбачева реальную власть в стране. Ну, и заодно покритиковал Ельцина за многие его шаги. На эту мою статью пришла масса возмущенных откликов читателей: мол, Вы были таким хорошим до путча, а вот теперь критикуете нашего друга, вождя, демократа и национального лидера Бориса Николаевича. Я тогда написал другую статью, где прямо заявил, что как раньше критиковал, так и теперь критикую реального лидера, зачем мне ругать Горбачева, у которого уже нет власти. Но самое любопытное, что выделенная нам дополнительная сорокатысячная подписка осталась тогда нереализованной – от «Независимой газеты» тут же отшатнулись ярые сторонники Ельцина. То есть если ты занимаешь принципиальную, профессиональную позицию, этого не ценят даже читатели, чего уж тут говорить о конкурентах, руководствующихся иными соображениями. Бориса Николаевича нужно было восхвалять и превозносить. И тогда все становилось хорошо.

– Можно себе представить, в какой переплет Вы и «Независимая газета» попали во время конфликта Ельцина с Верховным Советом, особенно в октябре 93-го. Я хорошо помню номера «Независимой», которые в те октябрьские дни выходили просто с белыми пятнами на месте статей, снятых цензурой.

– Белые пятна – это на виду у всех. А сколько осталось за кадром. Например, совершенно отдельный сюжет, который я обязательно затрону в своих мемуарах, – это финансовая поддержка властью печатных изданий. Буквально сразу после начала гайдаровских реформ все газеты фактически обанкротились. Особенно те, у которых были колоссальная инфраструктура и гигантский штат – и при этом сохранялись прежние тиражи. Это традиционные газеты – «Известия», «Комсомолка», «Труд». Все поддерживали Ельцина – как до того, до августа 91-го, поддерживали Горбачева. Министром печати был тогда Полторанин. И как сейчас, так и тогда, это с Ельцина началось, время от времени главные редакторы периодических изданий собирались у президента. Ельцин, кстати, искренне верил, что если он что-то подписал, то дальше все делается автоматически. До сих пор отчетливо помню его фразу, когда он, глядя на Полторанина, говорит: «Но я же подписал указ». Он не понимал, как такое вообще может быть, что если он, Борис Николаевич Ельцин, подписал указ, а ничего из того, что в этом указе было прописано, не сделано или же сделано прямо наоборот. Путин-то, когда с этим столкнулся, быстро смекнул, что если он подписал указ, то это еще ровным счетом ничего не значит...

– Так что по поводу финансирования разорявшихся газет?

– Все были буквально на грани разорения и в первую очередь – старые традиционные газеты. И они стали жаловаться Ельцину. А тут, к концу 92-го – началу 93-го, противостояние с Верховным Советом уже зашло слишком далеко. И Ельцину нужны были сторонники, прежде всего в СМИ. Он очень хорошо понимал, какой это мощный институт поддержки и влияния на общество. Вот и решили тогда выделить госдотацию группе изданий. Я, естественно, тоже подал заявку. Причем, в отличие от других, попросил весьма скромную сумму. И Полторанин, который находился на работе, как правило, в состоянии легкого или нелегкого алкогольного опьянения, мне совершенно откровенно сказал: «Послушай, ты же Ельцина критикуешь, какая тебе господдержка?» Короче говоря, тогда «Труду», «Комсомольской правде» и «Известиям» были выделены полтора миллиарда рублей, миллиард и пятьсот миллионов. Кому какая из этих сумм – сейчас уже не помню. То есть власть спасла эти три издания. Ельцин с Полтораниным спасли. А если бы не спасли, то они разорились бы автоматически. И в таком случае сейчас был бы совсем другой газетный пейзаж. И эти издания безоговорочно поддержали Ельцина в октябре 93-го. Одни по чисто идейным соображениям поддержали, а другие – по вполне понятным меркантильным соображениям. А сказки, которые рассказывают их тогдашние главные редакторы, я неоднократно слышал и комментировать не хочу. Скелетов в шкафах редакций разных газет очень много. Я, естественно, знаю об этом массу подробностей и когда-нибудь напишу о них. И тогда некоторые факты поведения отдельных редакций, изданий и главных редакторов получат совсем иное объяснение, чем

Виталий Третьяков с министром обороны маршалом Российской Федерации Игорем Сергеевым

юбилей как аналитика

это представляется сейчас внешнему наблюдателю. Особенно если такой наблюдатель исходит из рассчитанных на публику деклараций.

– Помню, в 90-е годы «Независимая газета» обращала на себя внимание и совершенно нехарактерной для других изданий мощной обратной связью с читателями. Хотя бы такой несвойственной для больных, как Вы уже заметили, фанаберией журналистов манерой, как приносить публичные извинения за те или иные неточности.

– Спасибо, Дмитрий, что обратили на это внимание. Да, бывали всякие статьи, в том числе слабые. И за моей спиной что-то ставили, о чем я уже говорил. Много чего бывало. Случались и наши редакционные просчеты, которые тут же спекулятивно использовались нашими недоброжелателями. Но я всегда учил журналистов: по-человечески ошибиться может каждый, а упорствовать в своей ошибке будут только идиоты. Публично упорствовать – это непристойно, неправильно. Если мы ошибались, то печатали исправления и извинения. И не потому, что нас к этому обязывал суд, а потому, что я сам за этим следил. Одна газета – сейчас не буду говорить, какая именно, но уже известная к тому времени, – увидела в нас своего конкурента. А она принципиально вообще не печатала никаких извинений. И даже никак не реагировала на собственные – неизбежные в работе абсолютно любой редакции – ляпы. И с авторами вела себя по-хамски. И она уцепилась за наши регулярные извинения перед авторами в связи с разными неточностями. Стала распускать слухи: дескать, смотрите, как «Независимая газета» много ошибается. Но это никакие не ошибки, я просто поступал честно. Честность в журналистике – очень опасная вещь.

– Виталий Товиевич, повторю вопрос, который за всеми нюансами нашего разговора, видимо, как-то выпал из Вашего внимания: что «Независимая газета» сумела дать российскому обществу в 90-е – начале «нулевых»?

– Да что может дать газета? По большому счету ничего. Газета не телевидение, сейчас это совершенно очевидно. Основная пропагандистская сила – телевидение. Издания, которые претендуют на то, чтобы считаться качественными, работают, естественно, на просвещенный слой. И если они обслуживают в силу тех или иных причин ту или иную политическую силу, то этим самым просто помогают такому слою понимать, что происходит в стране. Правда, с разными целями. Одни издания как будто твердят: «Понимайте, что происходит, и делайте что-то, чтобы изменить ситуацию к лучшему – для вас только». Другие точно нашептывают: «Понимайте, что происходит, чтобы сохранить вашу власть. Иначе, если вы заблуждаетесь относительно чего-то, то вы эту власть потеряете. А наш интерес в том, чтобы вы эту власть не потеряли». Мы пытались работать на страну, а не на какую-то там правящую группировку. Хвалить Ельцина тогда значило самому выжить и сохранить редакцию. Но я не мог так действовать. У меня сложился другой путь в журналистике. Ну, и какие-то, в конце концов, человеческие принципы давали о себе знать.

– Надо было жить тогда, чтобы сейчас со всей однозначностью заявить: Вы неправы. «Независимая газета» в эпоху от позднего Горбачева до раннего Путина – это мощный фактор интеллектуально-политической жизни общества, который просто так не обойдешь.

– Да нет, конечно, «Независимая» давала некую трибуну для более или менее объективного, насколько он вообще может быть объективным, анализа и честного описания ситуации. В такой период не средства массовой информации что-то определяют. Они помогают, являются кому-то подпорками – как правило, тому, кто в конечном итоге выигрывает. Но вряд ли чем-то бóльшим. Потому что люди, участвуя в политической борьбе, утрачивают вообще всё, кроме инстинкта выживания. И тем более способность к честному анализу. Вот Ельцин руководствовался не анализом, а инстинктами: «Так, моя власть заколебалась», – и дальше он начинал действовать. Многие пытались что-то анализировать, но их сознание было замутнено этим инстинктом. Они и себя обманывали, и заодно других. Но в любом случае они были неспособными на объективный анализ – публичный и даже непубличный. А кто-то все-таки должен был давать его стране. Кто-то все-таки это всегда делает. Вспоминаю такой эпизод. В конце августа или в начале сентября – не помню точно – 93-го года у меня в «Независимой» вышла статья. На первой полосе под шапкой: «Агония власти очевидна». В ней я доказывал, что все идет к конфликтному, кровавому, судя по всему, разрешению противоречия во власти. Всё, эта власть так уже больше не может существовать, наступила ее агония. Мне позвонил Андрей Козырев, министр иностранных дел, с которым у меня были очень хорошие отношения. И он сказал мне буквально: «Виталий Товиевич, о чем Вы, какая агония власти?» И это говорил министр, который по определению должен был владеть таким информационным эксклюзивом, который мне и не снился. Другое дело, что он боялся Ельцина. И Козырев стал всерьез убеждать меня по телефону, что то, что я написал, – абсолютно неправильно, никакой агонии нет. И минут пятнадцать доказывал мне, что написанное мной не соответствует реальности и ничего такого не будет. Я ему ответил: «Андрей Владимирович, побойтесь Бога, Вы вообще представляете, что за пределами Вашего здания на Смоленке происходит? Ну, выгляните в окно, посмотрите». Что потом случилось – известно. Вот вопрос: он непроизвольно обманывал себя, уговаривал себя, закрывал специально глаза? Или вообще потерял способность к объективному анализу? Или, может, не хотел ничего этого видеть? Или пытался, видя, что происходит, обмануть меня, чтобы использовать влияние «Независимой газеты» и мое лично – побудить меня написать опровержение самого себя, что все не так? Не знаю. Понять невозможно. Чтобы определить, нужно быть психиатром, заглянуть в тот момент ему в мозг. Скорее всего, присутствовало всё вместе. Но в первую очередь – самообман. Вот в такой момент – и даже в более спокойные периоды – нужны издания, способные более или менее трезво, более или менее объективно для более или менее широкой публики, в том числе и для участников этой игры, этих дрязг, этих интриг, описывать ситуацию. Оппозиционная пресса, безусловно, нужна, сомнений нет. Другое дело, что она тоже часто бывает спекулятивной. Но главное, чтобы она не была спекулятивной по отношению к стране в целом и к ситуации в целом. А этого-то у нее и не получается, потому что люди оказываются внутренне ангажированными. Они становятся такими яростными противниками власти, что из объективных журналистов превращаются в классовых борцов. Вот такого перерождения «Независимой газете» в ту пору, когда я был ее главредом, удалось избежать. Я в этом уверен.

– Если сравнивать первый и второй путинские сроки, то в глаза бросается их главное отличие: в первый срок президент совершенствовал режим, условно говоря, молча, а на протяжении второго срока так или иначе пытался давать своим усовершенствованиям объяснения и интерпретации. Вообще складывается впечатление, что на переломе обоих сроков, где-то в середине «нулевых», произошла своего рода дискурсивная революция: политическая мысль – как провластная, так и оппозиционная – принялась осмыслять то новое качество, в котором оказалась наша страна, да и весь мир. Как раз в этой ситуации и появился Ваш «Политический класс». Об этом Вашем проекте в экспертных кругах говорили как о неожиданной попытке соединить, казалось бы, несоединимое – высоколобую аналитику и глянцевый гламур. Так ли это на самом деле? Выполнил ли «Политический класс» ту миссию, которую Вы возлагали на этот Ваш проект?

– Вообще «Политический класс» не из тех изданий, которые существуют долго, и не из тех, которые нужны государству. Можно спорить, хорошо, что в России два государственных телеканала – холдинг ВГТРК и Первый канал, – или плохо, так как нужен всего один. А может, их должно быть десять? Но, по крайней мере, ясно, что в такой стране, как Россия, в силу ее специфики хотя бы один общегосударственный национальный телеканал нужен. Кто там за ним будет стоять – Березовский, тем или иным образом трактующий интересы государства, или напрямую Кремль через назначенного чиновника – неважно. Каждый губернатор у нас имеет, по крайней мере, одну подконтрольную ему газету. Это константы, которые в ближайшее время не изменятся. А появление разного рода других изданий и каналов зависит от суммы обстоятельств. В том числе от политической ситуации и от источников финансирования, потому что все стоит денег, как мы поняли – мы, рожденные в Советской стране. И тогда-то мы об этом догадывались, а сейчас только идиот может думать иначе. Денег требуют революции. Денег требуют контрреволюции. Денег требует управление страной. Денег требует разрушение управления страной. Все нуждается в финансировании. Ну, и в некоем общественном запросе. А в нашем

Виталий Третьяков вручает экс-премьеру России Виктору Черномырдину премию «Независимой газеты» «Серебряная устрица». Январь 2001 года

обществе каждый трактует запросы по-своему.

– Все-таки, Виталий Товиевич, давайте сконцентрируемся на более конкретной для понимания смыслового контекста появления «Политического класса» проблеме, а именно – на идейной ситуации в стране на момент прихода Путина и в первые годы его правления. Понимание этой проблемы чрезвычайно актуально и сейчас, когда многие упрекают Путина за то, что при нем произошла стерилизация общественной мысли как таковой. Я Вас не спрашиваю, так ли это. Я подвожу

Виталий Третьяков с патриархом итальянской политики Джулио Андреотти

Вас к ответу на другой вопрос: что стало концептуальным обоснованием сложившегося в России на рубеже веков нового режима? А потом мы уже перекинем мост от такого концептуального обоснования к «Политическому классу».

– Я могу долго говорить о Путине и о пути, по которому движется России под его властью. Поэтому сосредоточусь на самом принципиальном. Путин получил власть из рук Ельцина, для того чтобы зафиксировать государство таким, каким оно было создано при Ельцине и в интересах ельцинской семьи. Неслучайно указ номер один Путина как исполняющего обязанности президента страны был именно о гарантиях Ельцину и членам его семьи. Еще одним условием досрочного ухода Ельцина с поста президента стало сохранение во власти тех лиц, на которых Ельцин к тому времени опирался. На народ он тогда уже не опирался. Собственно и Путин был найден, помимо решения чеченской проблемы, для того, чтобы Ельцина не вынесли из Кремля вперед ногами, а всех его соратников не перевешали бы на фонарных столбах. Ну, и чтобы Россия не распалась окончательно – хотя подобная перспектива, кстати, меньше всего волновала этих людей. Им нужен был человек, который продлил бы их власть – власть этой олигархической группы – и обеспечил бы безопасность Ельцина и его семьи. Вот так и появился Путин. При этом ему были даны определенные возможности. Иначе и не могло быть, поскольку нельзя, не имея в руках каких-то реальных властных рычагов, управлять страной. Но вместе с такими возможностями на него были наложены и определенные ограничения. Главное из них – это сохранение объективно сложившегося к тому времени механизма политической жизни России. Я назвал такой механизм в статье в «Независимой газете» управляемой демократией.

– Да, помню, это было в первом номере газеты за 2000 год. Сразу после новогодних каникул.

– Совершенно верно, в первом номере. Упрощенно говоря, демократические декорации – ну, понятно, все-таки конец XX – начало XXI века. Но система полностью управляемая и контролируемая. Декорации остаются декорациями. Соответственно эффективное решение можно принять путем отдачи прямого указания. Но в нынешних условиях желательно, чтобы такое решение обрело легитимацию через демократический механизм и народное волеизъявление – будь то в виде парламентского решения, будь то путем организованной поддержки средств массовой информации или опросов общественного мнения, которые фиксируют ту или иную степень поддержки данного решения в различных социальных сегментах.

– И такой механизм работает. У власти получается рулить, а общество довольствуется собственной имитационной причастностью к принятию решений. И все это ради...

– ...ради оптимального способа легитимации собственности, поскольку в глазах народа вся эта собственность добыта незаконным путем. Если бы власть была слабой и не управляла страной, то всю бы собственность у нее отобрали. Опять-таки, хорошо это было бы для страны или плохо – отдельный вопрос. Но, конечно, не интересами страны руководствовались люди, которые придумали управляемую демократию. От этого понятия все отбрехивались – мол, демократия не может быть управляемой, она может быть только просто демократией – в противном случае нет никакой демократии вообще. Но это сущий бред, так как существуют сотни определений демократии. Рассчитывали со временем с помощью управляемой демократии выйти на настоящую демократию? А ведь надо еще понять, что же такое настоящая демократия. Отчасти сейчас такой процесс идет – возвращаются к выборам губернаторов, к одномандатным округам и прочим вещам из 90-х. Короче говоря, система была создана при Ельцине, и Путин получил ее уже готовой. Он не мог из нее вырваться – да, в общем-то, не может и до сих пор. Он получил карт-бланш на назначение некоторых министров и поменял силовиков. Он также получил карт-бланш – и то еще неизвестно, сразу или вырвал его потом – на ликвидацию власти некоторых олигархов. И в первую очередь тех, которые управляли общественным мнением. Система сама – в данном случае в лице Путина – поняла, как многого можно добиться с помощью телевидения. Можно даже за несколько месяцев сделать президента – другое дело, что Путин оказался к тому же еще и удачной фигурой и за вторую чеченскую кампанию доказал свою правомочность считаться лидером нации. Он решил эту проблему – на тот момент вчерне, потом более основательно. Хотя это тоже все-таки отложенное решение, но неважно. Однако сразу стало ясно, что если национальные телеканалы не контролируются самим Путиным и его окружением, то уже завтра президентом может быть любой другой. Я не знаю, получил ли Путин у Ельцина карт-бланш на разгром империи Гусинского – НТВ – и на отобрание ОРТ у Березовского сразу, когда тот уходил с поста президента, или потом. Но, во всяком случае, Путин это сделал. А вот премьера Касьянова он четыре года не мог поменять. И отправил его в отставку только за две недели до президентских выборов 2004 года – за две недели! То есть совершенно очевидно, что изначально Путин не получил права поменять значительную часть министров – и в первую очередь премьер-министра – и был вынужден жить в этих условиях весь свой первый срок. Понятно, что относительно подобных затяжек имелись соответствующие договоренности. Практически весь первый срок главой администрации был Волошин, а его первым замом – Медведев. И было очевидно, что в какой-то момент человек Путина возглавит кремлевскую администрацию, но не сразу после выборов 2000-го. Названные неформальные ограничения, непубличные договоренности – еще одно доказательство управляемости российской демократии. И Путин начал действовать в рамках управляемой демократии и названных субъективных ограничений. А фактически – в условиях продолжавшейся, хотя и заметно ослабевшей, власти семьи. Он довольно успешно действовал как лидер нации, однако максимально оберегая при этом интересы ельцинского клана.

– Помимо ельцинского клана еще ведь был – да и очевидно есть, никуда он не делся – «вашингтонский обком».

– Должность президента такой страны, как Россия, – большой, сложной, с ядерным потенциалом – все-таки не полностью подчинена «вашингтонскому обкому». Российский лидер неизбежно имеет, должен иметь некую свободу действий. А что значит эта некая свобода для России? Прежде всего и главным образом неизбежную независимость внешней политики, что тут же входит в противоречие с интересами внешней политики США. Когда Путин «пахал, как раб на галерах», он увидел, что туда утыкается, сюда утыкается. Многое внутри страны налажено, государство сохранено, основные экономические проблемы решены, нефтяная конъюнкту-

…с канцлером ФРГ Герхардом Шредером

ра сложилась хорошая. А дальше-то действовать не получается – все время упираешься в то, что американцам то одно не нравится, то другое. Причем они ведь не только тайными депешами информируют, что им что-то там не нравится. Была странная история с подводной лодкой «Курск», так до конца и не ясная. И судя по тому, как Путин комментировал то, что случилось с этой лодкой, неясности остаются. Точнее, возникают некоторые ясности, которые тоже говорят об ограниченных возможностях Путина, как и любого

…с депутатом Государственной Думы Константином Затулиным, политологом Андраником Мигранян, главным редактором «Российской газеты» Владиславом Фрониным на презентации книги «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» в редакции «Российской газеты». 17 ноября 2005 года

другого президента России. К тому же американцы ругают и критикуют Россию. В результате такой критики любой президент, даже самый слабый, все равно вынужден огрызаться, по крайней мере. В этой ситуации нужно было как-то концептуально обосновать, почему Россия делает то, что она делает, а не то, что ей приказывают из Вашингтона. Хорошо приказывают или плохо – неважно, просто Россия такая страна, что она не может действовать по указке из Вашингтона. Потому что она не Соединенные Штаты, а Россия. И никогда не сумеет так действовать, пока она не разгромлена полностью. И тогда Владислав Сурков придумал концепцию, от которой Кремль совершенно напрасно отказался. Вынудили Суркова отречься от этой концепции начальники, более влиятельные, чем он сам. Они почти сразу стали прибегать к хилому аргументу, что к слову «демократия» не может быть никакого определения, никакого прилагательного – либо есть демократия, либо ее нет. Видимо, они просто путают демократию с беременностью. Наверное, потому что в беременности они разбираются лучше, чем в политических процессах. Или, во всяком случае, имеют возможность рассуждать о беременности гораздо свободнее, чем о политике. Между тем понятие суверенной демократии очень простое и ясное, особенно когда Сурков стал его объяснять. Тут все предельно логично. Россия встала на путь демократии – тому была масса причин, и все они достаточно очевидные. Но это суверенная демократия, поскольку мы сами решаем, какими темпами развиваться, какие институты учреждать, какие выборы проводить. Я об этом понятии узнал в конце зимы 2005-го, и мне оно очень понравилось. Действительно, очень удачно и по сути, и по выражению. И я ждал, что власть официально этой формулой воспользуется, и пока сам ее не употреблял. Ведь суверенную демократию, в отличие от управляемой демократии, придумал не я. Мне казалось, что Путин первым публично употребит это понятие в послании Федеральному Собранию, которое в том году ожидалось в конце апреля. Ну, а я вместе с другими экспертами стану его комментировать и интерпретировать. Послание по сути своей было как раз об этом, но словосочетание «суверенная демократия» в нем произнесено не было. И тогда я решил, что с меня собственно никто подписки о неразглашении не брал. Я себе эту концепцию не приписывал. Через несколько дней я опубликовал в «Российской газете» свою колонку под заглавием «Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина». Я написал, что он сказал именно об этом, просто не употребил названное понятие, не мной придуманное.

– Вы сказали, что понятию «суверенная демократия» не дали ход чиновники, занимавшие более влиятельные должности, нежели Сурков. Хватит пальцев на одной руке – в крайнем случае, на обеих, – чтобы перечислить тех, которые стояли в иерархии выше Суркова, причем последним был сам Путин. Ну, ладно, не буду сейчас допытываться, кто же именно так постарался. Меня в данном случае интересует более обезличенный вопрос: почему у нас часто вещи правильные и при этом совершенно недвусмысленные, на все сто процентов адекватные проводимому политическому курсу так и не произносятся с высокой трибуны?

– К сожалению, наши начальники чрезвычайно пугливы. Цитируют из русских мыслителей только умерших. Лишь Солженицыну повезло – его цитировали еще при жизни, в том числе и Путин. Но я вот не слышал, чтобы Путин или тем более Медведев ссылались, например, на патриарха Кирилла – безусловно, крупнейшего мыслителя современности, как бы к нему ни относились. Или хотя бы на Примакова – светского мыслителя. А ссылаются из живых не на русских, а на западных. Как правило, на Киссинджера да на Бжезинского. А из наших – все на Пушкина да на Горчакова. Ну, Ильина еще иногда вспоминают – эту сомнительную во многих отношениях фигуру. Никита Сергеевич (Михалков. – *Ред.*) здесь особенно старается. А сколько в адрес Путина было высказано упреков, когда он назвал распад Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века»! И оттуда в первую очередь, и изнутри – от всяких там либерационистов, или либероидов, как угодно. Идейно они точно коллаборационисты. А некоторая их часть даже вовсе и не идейно, а совсем по-настоящему. В общем, отказались от понятия суверенной демократии. Но можно отказаться от этих слов, можно не употреблять их, но в реальности-то феномен, характеризуемый этим словосочетанием, существует. А я еще тогда в статье в «Политическом классе», который к тому времени уже появился, перевел это словосочетание на русский язык. Суверенная – самодержавная. Не в смысле монархическая, а просто потому, что страна сама себя держит. Демократия – народовластие. Вот и все встает на свои места. Хотя самодержавность пугает еще больше, чем суверенность. Непонятно, откуда такая интеллектуальная робость перед Западом? Но еще раз: от слов можно отказаться, не произносить их. Но от сути-то отказаться невозможно. Существует Россия, и она такова, какова она есть. И если ты возглавляешь Россию, то ты должен хотя бы в какой-то степени действовать в ее интересах. Прямым результатом суверенной демократии стала потом мюнхенская речь, когда уже

…с председателем Счетной палаты Сергеем Степашиным

просто накипело в отношении «товарища волка», который «знает, кого кушать». То есть время от времени у Путина прорывается то, что он в остальное время тщательно скрывает. Но это и понятно. Лишь политический гений может говорить исключительно то, что считает нужным. Ну, и помимо того еще и постоянно действовать сообразно своим словам. Путин при всех его слабостях и минусах – великая фигура в истории России, но не политический гений. Может быть, отчасти и потому, что у нас в XX веке уже были два политических гения – Ленин и Сталин, – неважно, с каким знаком. И рассчитывать на то, что в течение одного фактически века появится еще и третий гений, просто несерьезно.

– В упомянутой Вами статье «Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина» Вы, в частности, отметили, что именно после шестого президентского послания Путина можно считать, что он наконец-таки «на шестом году президентства» сформулировал «свою политическую философию». Если же учитывать, что у нас первое лицо всегда – и даже сейчас – это нечто большее, нежели просто первое лицо с определенными должностными обязанностями, то Ваше утверждение можно развить и сказать, что именно тогда, в конце апреля 2005-го, новая Россия обрела собственную оригинальную политическую философию. И я возвращаюсь к вопросу, который уже задал Вам, правда, в несколько иной формулировке. В том же 2005-м стал выходить Ваш «Политический класс», причем с самого начала года, то есть еще до апрельского послания. У «Политического класса» был подзаголовок: «Журнал полити-

юбилей как аналитика

ческой мысли России». Вы предвидели, что совсем скоро, через несколько месяцев, политика в нашей стране обретет некое философское обоснование, и поэтому стали издавать этот журнал? Я пришел в «Политический класс» Вашим заместителем почти через год после путинских и Ваших «апрельских тезисов». Да и потом, вплоть до того, как я перестал работать в журнале, когда он прекратил свое существование в 2010-м, нам с Вами как-то не довелось поговорить об этом загадочном совпадении – запуске «Журнала политической мысли России» накануне обретения страной собственной политической философии.

…с литовскими актерами Регимантасом Адомайтисом, Юозасом Будрайтисом и режиссером Йонасом Вайткусом

– Да нет тут никакого «загадочного совпадения». Все очень просто. Наш правящий класс – это властно-владетельный класс, сколько бы ни говорили об отделении власти от собственности. Но легитимация его состояний еще не произошла. Это случится позже, когда придут его наследники. Но пока они не пришли, эти состояния надо оберегать. В этом, безусловно, и заключается одна из главных задач Путина. Может, он и любит народ больше, чем олигархов. Но от олигархов он зависит уж никак не меньше, чем от народа. И если он полностью перейдет на сторону народа, то олигархи его тут же разорвут, это совершенно очевидно. Будет ли это путем государственного переворота, очередной «цветной» революции, восстания на Болотной. Или просто нефтяные скважины вдруг перестанут давать нефть, а газовые – газ. В данном случае это не имеет никакого значения – речь идет всего лишь о возможных способах устранения «взбунтовавшегося» президента. В силу своего такого неуверенного положения властно-владетельный класс всегда интересовался политикой текущей, а не стратегической. Поэтому национальной идеологии так и не возникло, от нее всегда испуганно открещивались. Однако всегда внутри власти происходило и какое-то мозговое шевеление – и не только по нефтегазовым делам. Власть в России всегда состояла, состоит и будет состоять из людей недумающих и людей думающих, или интеллектуалов. В данном случае не имеет значения, в какую сторону эти интеллектуалы смотрят и как они политически ангажированы. На протяжении всего послесоветского периода такие интеллектуалы создавали, как сейчас выражаются, площадки, для того чтобы удерживать под неким контролем думающую часть общества, включающую в себя приверженцев самых разных политических направлений. Выгода для интеллектуалов от подобных площадок была очевидной: они получали возможность обкатывать какие-то идеи, просчитывать вероятные сценарии развития ситуации, запускать всякие там пробные шары. Собиравшиеся на этих площадках оказывались на подхвате у правящего класса. Здесь же сходилась и творческая интеллигенция, которая, вроде бы, свободно творит, но на практике это у нее получается далеко не всегда так свободно, как представляется публике. Вот так, собственно, и родился «Политический класс». Тогда существовало еще несколько аналогичных изданий. Правда, в то время уже нельзя было создать с нуля общенациональную газету или общенациональный телеканал. Или сделать общенациональными уже захиревшие к тому времени издания, в частности, «Московские новости», в чем я безуспешно – но не по своей вине безуспешно – участвовал. Была попытка сделать меня и главным редактором «Парламентской газеты». С такой инициативой выступил Сергей Миронов, возглавлявший в то время Совет Федерации. Но этого не допустил аппарат Государственной Думы во главе с ее тогдашним председателем Грызловым. Правда, как до того момента никто не слышал о «Парламентской газете», так и сейчас о ней никому ничего не известно. А говорили – мол, вот мы-то ее раскрутим. Ну, и что – раскрутили?.. Конечно, указанные задачи общенационального масштаба были гораздо более сложными, чем запуск издания сугубо интеллектуального типа, не влиявшего на массы и поэтому не являвшегося политическим оружием в серьезной борьбе.

– Вместо загадочного совпадения получается трезвый расчет и тонкое ощущение конъюнктуры?

– Абсолютно верно. Я начал этот проект, исходя из ситуационного состояния правящего класса и брожения в умах интеллектуалов, примыкавших к этому правящему классу. Я издавал «Политический класс» таким, каким, по моим представлениям, должен был быть журнал подобного типа. Здесь, конечно, мне серьезно помогли те издательские установки, которые у меня выработались еще в «Независимой газете». Я исходил из того, что ни я, ни Путин, ни Сурков, ни кто-то другой не знают истины по определению. Вместе с тем путей к этой истине не сотни и даже не десятки, а всего лишь несколько. Как Вы сказали, хватит пальцев на одной руке, чтобы их пересчитать. Предоставляя в «Политическом классе» возможность высказаться сторонникам этих путей, я помогал читателям, да и самим авторам лучше ориентироваться в ситуации, а всем нам вместе, благодаря публикациям журнала, нащупывать некую интегральную дорогу к истине. В свою очередь правящий класс, читая умные материалы в моем журнале – через референтов или через дайджесты, – я надеюсь, приближался к пониманию того, что нельзя бесконечно жечь свечу на бочке с порохом и фейерверки устраивать на крейсере «Аврора». Рано или поздно «Аврора» выстрелит, в моряках этого крейсера сегодня всё население страны.

– Все-таки «Политический класс» был в своем роде уникальным изданием, совмещавшим под одной обложкой глянец и интеллектуализм.

– А что Вы хотите? Мы уже давно вступили в эпоху массовой культуры на телевидении и в печатных СМИ тоже. Существенной – если не основной – стороной нынешнего масскульта является гламур. Раньше автора интересовало только то, чтобы его текст напечатали. Сейчас другие времена. Возможностей опубликоваться стало гораздо больше. Поэтому авторы стали разборчивее и привередливее. Их волнует уже не только содержание, но и дизайнерское оформление собственных публикаций. И у меня появился шанс за счет гламурной стилистики журнала компенсировать невозможность выплачивать авторам высокие гонорары. Тем более что я еще толком и не знал поначалу, кого печатать в «Политическом классе». Глупостей к тому времени уже все наговорили предостаточно, в том числе и умные люди. Я даже стал помещать портреты отдельных авторов – прежде никому не известных или мало известных – на обложку. Кто до того мог появиться на обложках журналов – скажем, серьезных еженедельников? Пушкин, если у него был какой-нибудь очередной юбилей. А вот Лермонтов уже не мог появиться. Какие-нибудь Тютчев или Горчаков не могли появиться. Путин мог появиться как президент – а вот Примаков уже нет. Патриарх мог – в силу специфики положения Русской православной церкви в наше стране. А Иоанн Кронштадтский – никогда. Между тем, скажем, Земфира, Валерия и Алла Пугачева имеют возможность оказаться что на обложке серьезного журнала, что на обложке «Пентхауса». Но все эти мои благие начинания требовали немалых денег. Бесплатно сейчас, как я уже говорил, ничего не делается ни в политике, ни в гламуре, ни в журналистике, ни в интеллектуальной среде. И нужны были не просто деньги, но деньги регулярные и стабильные. А в нынешней России имеется даже специальный термин – короткие деньги, предполагающие получение дохода как можно скорее. О других деньгах политический класс не хочет даже и разговаривать. У интеллектуального же класса денег и подавно нет никаких – ни коротких, ни длинных. Относительно свободные деньги есть у конкретных людей и у конкретных институтов. Но опять-таки сейчас эпоха коротких денег: сегодня вложил, а завтра нужен уже результат, желательно максимальный и желательно в эту предвыборную кампанию. Такого результата «Политический класс» дать не мог. Поэтому, естественно, скоро я стал испытывать трудности с финансированием. Теория и практика коротких денег довольно быстро побеждает благие порывы, намерение работать на будущее, на перспективу. Вот так «Политический класс» пять лет и просуществовал.

Это примерно третья часть многочасового интервью Виталия Третьякова. За пределами приведенного фрагмента беседы остался разговор о проектах, связанных с телевидением, – передаче «Что делать?» и Высшей школе телевидения Московского университета. Шла речь и о современной политической ситуации в России. Полностью текст интервью будет размещен на портале «Развитие и экономика» (www.devec.ru). Редакция альманаха надеется, что материал интервью поможет Виталию Третьякову в работе над мемуарами и желает ему успехов в реализации этого важного для всех интересующихся новейшей историей России проекта.

annotated table of contents

EDITORIAL COLUMN

Dmitry Andreev

Semantic Geostrategy – 4

Deputy Editor-in-Chief Dmitry Andreev observes the content of the literary miscellany *Razvitie i Ekonomika* (Development and Economy) and explains the reasons for discussing the subject of the Eurasian integration again, although the second issue of the literary miscellany has been already devoted to it.

INTERVIEW

Interview with Mikhail Baydakov – 8

"Rightly perceived commonality – of both the positive and the negative – can provide a firmer basis for inter-state alliances than economic interest alone"

Chairman of the Board of Millennium Bank Mikhail Baydakov deliberates on the Eurasian space and the prospects for the Eurasian Union's development in his interview given to Sergey Belkin, the Editor-in-Chief of the literary miscellany *Razvitie i Ekonomika* (Development and Economy). He proposes launching new infrastructural projects in the undeveloped expanses of Eurasia as a way for the world economy to recovery from the recession. In this context, Mikhail Baydakov describes working out the concept of the Transeurasian Belt of Razvitie (Transeurasian Development Belt), which contains a whole set of principally new, breakthrough ideas.

DOCUMENT

Milan Memorandum – 17

The literary miscellany publishes the text of the Memorandum titled *Transeurasian Belt of Razvitie* (Transeurasian Development Belt).

FORUM

Milan Conference – 18

The Literary Miscellany publishes the fragments of four papers at the conference *Transeurasian zone Razvitie. Milan stage* held on 7–8 November 2012 in Milan (Italy) and organized by the University Luigi Bocconi and Millennium Bank. These are Franco Bassanini's "It's necessary to return to planning growth in the long-run period", Lanfranco Senn's "Infrastructure, Development and Policy of Joint Participation", Edoardo Reviglio's "Long-term projects require for different financial instruments", and Vladimir Yakunin's "It's necessary to develop new growing points".

DEVELOPMENT THEORY

Vasiliy Simchera

Eurasian Statistics for the Eurasian Union – 30

Vasiliy Simchera begins this article by stating that one of the most important and at the same time difficult components of the formation of modern institutions for the Eurasian Economic Union is statistics. The author deliberates and demonstrates how, with what resources and when Eurasian statistics can expect to achieve the high standards, which have now been achieved by European statistics. The article also indicates what can be and what should be taken from the brief experience, accumulated by Eurasian statistics and what infrastructural steps must be taken to transform statistics into an efficient instrument of Eurasian integration.

Vladimir Lepskiy

It Is Necessary to Learn to Manage Complexity in Order for Democracy to Start Working in Russia – 42

Vladimir Lepskiy proceeds from the thesis that hierarchic models of administration systems, to which the powers of authority are delegated by the people for considerable periods of time, are unable to cope with the constantly increasing complexity of social and economic processes. In this context he assesses the condition of democratic institutions and procedures in contemporary Russia and outlines the ways they could be modified. The author offers the idea of civilized "dictatorship of development" controlled and supported by society as a strategic path towards perfecting the mechanisms of democracy.

Sergey Belkin

"The goal is lost – there is no strength left" A Philosophical Discussion of the Goals, Values and Basics of Uniting Countries and Peoples – 52

Sergey Belkin, Editor-in-Chief of the literary miscellany and portal *Razvitie i Ekonomika* (Development and Economy), shares his thoughts about the Eurasian space, reasons and possibilities for alliances and unions within its boundaries. He analyzes the tasks, which Russia has to solve as a sovereign state and as the organizer of this space. He is sure that the aim and the desired image of Eurasian development must become a fundamentally new paradigm of how life is arranged, offered to the whole world as a possible alternative, which should be realized forming one of the poles of a multi-polar world.

RUSSIA AND EUROPE

Aleksey Gromyko

European Spaces: Fragments or Parts of One Whole? – 70

Aleksey Gromyko examines the flaws of the contemporary European model and deliberates on Europe's gradual loss of its traditional position as the world power center in the 21st century against the background of the emergence and rise of the new "growth markets", the formation of not only nation states but international conglomerates as well. In this context the author pays attention to the fact that Russia as a nucleus of the post-Soviet space (the area of the former Soviet Union) did not turn into a powerful magnet for attracting brains, money and highly qualified personnel from other parts of Europe and the world as a whole.

Vadim Trukhachev

Václav Klaus: The Geopolitical Games of the Stubborn Czech Euro-Atlantist – 74

Vadim Trukhachev presents a short political biography of former President of the Czech Republic Václav Klaus and through that biography a sample of successful integration of an East European state into Greats Europe. From his point of view, the success of the Czech Republic is to a great extent connected with the President's careful and moderate policy; he tried to stick (to the extent that it was within his power) to a middle way in relations with the East and the West. In the author's opinion, Klaus could be firm in cases when the President thought that the interests of Greats Europe were in conflict with the expectations of the Czechs.

Elena Ponomareva

The Balkans as a (Dis)integration Zone – 82

Elena Ponomareva states and tries to demonstrate that the Balkan Peninsula as a zone of continuing conflict between world power centers is a reference point for integration/disintegration processes not only in Europe but in Eurasia as a whole as well. The author comes to the conclusion that the economic projects, offered by Russia to the Balkan states, are a chance to preserve the self-sufficiency and independence of the Balkan peoples, to enable them to preserve their originality, culture and history rather than dissolving into Euro-Atlantic cosmopolitism.

Oksana Solopova

Double Citizenship Following the Dictates of One's Heart – 98

Oksana Solopova analyzes the processes, taking place during post-Soviet times in the Russian Byelorussian Diaspora. Both the federal and Moscow structures of the Diaspora are enumerated in this article. The activities of these structures are examined in detail, and the author describes their role in the preserva-

annotated table of contents

tion and development of Byelorussian national and cultural identity and supporting dialogue with other similar formations of contemporary Russia. The problems of present day Byelorussian national and cultural autonomy are revealed in the article, its prospects for establishing contacts in the post-Soviet space (the area of the former Soviet Union) are evaluated.

Alexandra Savelyeva

"Who knows the land where the sky shines with ineffable blueness..." – 106

Alexandra Savelyeva offers an essay on Russian-Italian cultural ties, dwelling on the subjects which seem most noteworthy to her. The author reminds us of the times when Russian society valued antique virtues like civil responsibility and self-sacrifice very highly; the same values held in contempt by the contemporary political elite. She turns to Gogol's image of Rome and Italy, she writes about the creations of Italian architects in Medieval Russia and in Russia after Peter the Great, passing over to Soviet times, which could not do without images of Italy either, including political ones.

RUSSIA AND ASIA

Yuri Tavrovskiy

Third Wind for Siberia and the Far East – 116

Yuri Tavrovskiy proposes creating a Russian strategy for the modernization of the backward regions, Siberia and the Far East. The author notes that China is successfully applying Russian mechanisms for integration of regions (including those which Russia developed in the past) via the creation of an up-to-date multi-route transport system and efficient infrastructure. He describes the unfavourable geopolitical situation in the Far East in detail, drawing historical parallels, but believes in abilities of the Russian authorities to "make a turn to the East" successfully.

Osmonakun Ibraimov

Russia: Technology of Attractiveness – 124

Osmonakun Ibraimov understands that the foreign policy of Russia can be explained in the overwhelming majority of cases, including employing gas and oil pipelines as factors power politics. However he warns the Kremlin against economic blackmail, since the present Eurasian Union and Customs Union are, in many ways, the results of such blackmail. From the author's point of view, Russia has not solved these matters of its partners and friends because it has not worked out its perceived philosophy, a clearly thought-out doctrine, and effective technology of attractiveness.

Aleksey Vlasov

Eurasian Integration: A View from Kazakhstan – 130

Aleksey Vlasov states that the ideology and practice of Eurasian integration for Kazakhstan is an important part of government policy. In the contemporary reading this linkage is viewed first of all as an economic union, which provides "pragmatic integration" the basis of equal rights and mutual benefit. The author deliberates on the misunderstandings, difficulties, and real and possible costs involved in the Eurasian integration process and comes to the conclusion that its success depends in many respects on whether or not it will become a real public project based on a perception of spiritual affinity among the peoples involved.

Vladimir Yurtaev

Iran in Eurasia: the Challenges of the Islamic Awakening – 136

Vladimir Yurtaev analyzes the contemporary ideology of the leaders of Iran, one of the biggest economies in South-West Asia. The author describes Iran's potential, embedded in its socioeconomic and cultural originality, points to weaknesses in the domestic policy of the ruling elite and deliberates on potential scenarios for the development of the geopolitical situation around the country. From his point of view one of the most important tasks on the agenda for Iran is searching for a way of reforming government administration in order to create an efficient and competitive model that can provide stable development.

Lyudmila Adilova

Dilemmas of Political Rebranding in the CIS Area – 154

Lyudmila Adilova states that Western models and patterns cannot be inserted in the paradigm of post-Soviet existence, and thinks that the post-Soviet societies may soon be satiated with the policy of imitational democracy. The author characterizes weaknesses of contemporary political regimes in new independent states that appeared on the wrecks of the USSR. Passing over to the matter of integration in the CIS, she comes to the conclusion that the system of values, around which this political brand will be built, is already formed in the mentality of the new generation of people, and the problem is only to calculate what is written in their socio-cultural code.

RUSSIA AND RUSSIA

Alexander Neklessa

Overcoming of Eurasia Notes on Struggle for Space and Future – 162

Alexander Neklessa shares his thoughts about the basics of the strategic composition and orientation of Russia in the 21st century, supported by examples from the experience of Russian civilization. The author proceeds from the fact that ensuring an effective Russian presence in the new world is a matter of effective strategic long-term planning. He gives several assessments of this subject and characterizes examples of railway construction in the Russian Empire and left as concept sketches of Russian geostrategic planning, such as the Zheltorossiya (Yellow Russia) megaproject, as successful.

PROJECT APPROACH

Aleksandr Belkin

Pocket Vignola. On town-planning culture of present-day Moscow – 176

Aleksandr Belkin reflects on town-planning principles in present-day Moscow and draws the conclusion that they are lacking. He deplores the incidental, unprofessional and incomprehensive methodology of contemporary architectural solutions and criticizes Moscow approach in its ecologic, compositional, stylistic, esthetic and cultural aspects.

JUBILEE AS ANALYTICS

Interview with Vitaliy Tretyakov – 182

"Honesty in journalism is a very dangerous thing"

The Dean of the Higher School of Television at Lomonosov Moscow State University, a famous journalist Vitaliy Tretyakov describes his first steps in journalism in the opening of his interview given to Deputy Editor-in-Chief of the literary miscellany *Razvitie i Ekonomika* (Development and Economy) Dmitry Andreev. Vitaliy Tretyakov recalls the landmarks on the way, his teachers Egor Yakovlev and Aleksey Flerovskiy, his employment at the Agency of Political News, *The Moscow News* and the *Nezavisimaya Gazeta* (Independent Newspaper).

ANNOTATED TABLE OF CONTENTS

Annotated Table of Contents in English – 204

ANNOUNCEMENT

Results and Perspectives – 208

Editor-in-Chief of the literary miscellany *Razvitie i Ekonomika* (Development and Economy) Sergey Belkin sums up the issue's materials and announces the main themes of the following issue.

Итоги и перспективы

Попытка обсудить на страницах пятого номера альманаха проблему социокультурного единства евразийского пространства не оказалась ни легкой по исполнению, ни хоть в малейшей степени завершенной по содержанию. Серьезный разговор о социокультурном базисе страны и народа уходит в концептуальную глубину, затрагивая множество нерешенных вопросов, распадается на отдельные темы, каждая из которых очень важна и далеко не ясна. И если в анализе совпадений и расхождений ценностей разных государств говорится «всего лишь» о возможных альянсах, о глубине взаимодействия, то при взгляде на социокультурную мозаику народа, живущего в одной стране – России, – речь идет о жизни смерти страны и народа. Мы не вправе уйти от этой темы, мы обязаны преодолеть раскол нашего общества, обрести надежный социокультурный базис, позволяющий ставить цели и достигать их путем гармонизации противоречий во имя общего будущего.

В следующем номере альманаха мы планируем продолжить поиск смыслов и движущих сил дальнейшего развития страны, формирование аналитико-публицистического корпуса подходов. С этой целью мы обратимся к рассмотрению следующих вопросов.

Идеология. С нелегкой руки поверхностных – а порой и злонамеренных – политических агитаторов вопрос об идеологии подменен вопросом о конституировании «единственно верной» идеологии с поминанием соответствующей статьи Конституции РФ. Ссылаясь на это, агитаторы, выдающие себя за экспертов и аналитиков, пытаются прекратить разговоры об идеологии, не начиная их. Мало того, что в здоровом обществе сомнению и критике может и должна подвергаться любая статья любого закона, в том числе и конституционного, так и действующая Конституция никак не запрещает обществу в целом и любым его частям анализировать и вырабатывать идеологии, выяснять их роль в жизни социума. Кроме того, отсутствие идеологии, особенно как принцип, – это тоже идеология, и следует осознать, «как она работает».

Ценностный кризис. Мы продолжим анализировать природу и роль общественных ценностей, их истоки и динамику. Представляется важным выявлять связь между явлениями политики, выбором и утверждением тех или иных доктрин, государственных систем с осознанным или подсознательным ценностным базисом. Взгляд только такой глубины и обоснованности позволяет обрести понимание и выявить критерии происходящего, в том числе и кажущиеся обычными или необычными смены лидеров – стран, политических партий, конфессий. Например, отречение римского папы является значимым событием не только для католического или христианского мира, но и вообще для всех. Понять возможные причины и соответственно увидеть неочевидные течения в политике и ценностном мире Ватикана – актуальная проблема, от понимания которой зависит очень многое в современном прогнозировании.

Индикаторы развития. Развитие – основная тема альманаха, в каждом номере которого будет рассматриваться тот или иной аспект этого сложного явления. В очередном номере мы планируем провести «смотр» и сравнительный анализ различных показателей и характеристик, с помощью которых измеряется и описывается общественное развитие. Среди них такие показатели как «ВВП на душу населения», «уровень жизни», «индекс человеческого развития», «индекс счастья», также измеряются и возводятся в ранг важнейших показателей характеристики типа «уровень политических свобод», «права человека» и многие другие. Само по себе многообразие характеристик – благо, однако политики умело пользуются этим разнообразием, вытаскивая из рукава ту или иную линейку, тот или иной шаблон, стремясь оправдать результаты или планы своей деятельности. Есть необходимость в умении сравнивать эти показатели и знать их природу.

Приватизация: итоги и перспективы. Вполне рутинный по своей экономической сути процесс перемены собственника в России всегда принимал характер и масштабы национальной трагедии. Нами еще не до конца осознаны последствия и нравственная суть произошедших в последние двадцать лет кардинальных перемен, изменивших политическое устройство страны и смысл жизни людей, как на пороге встает очередной приватизационный шок. Полагаем уделить внимание этой проблеме в следующем номере альманаха.

Названные темы не исчерпывают и не ограничивают содержание шестого номера, выход которого планируется в мае.

Главный редактор
альманаха «Развитие и экономика»
Сергей Белкин

миллениум банк зао

Приближаем к цели.

www.kbmil.ru

www.devec.ru

интернет-портал

«Развитие и экономика»

Сайт является электронным СМИ (Рег. № ФС77-45891 от 15 июля 2011 г.).